

DUNGEONS & DRAGONS

ПОЛ С. КЕМП

БОГОРОЖДЕННЫЙ

Теневое наследие Эревиса Кейла продолжает жить, даже когда старый враг Мефистофель пытается избавиться от него любой ценой. Сын Кейла Васен - замороженный во времени богом Маском - таким образом был защищён от тёмных интриг архидьявола: Васен находился среди слугителей Повелителя Света, вырастившего парня.

Живущему в отдалённом аббатстве среди Грозовых вершин Сембии Васену часто снились кошмары о собственном отце, заточённом в ледяной темнице в Кании. Парень знает, что грядёт тот день, когда он должен быть сыграть свою роль в разворачивающейся на Фазруне божественной драме. Но Васену неизвестно, в чём будет заключаться его роль... или готов ли он к этому. Молодой Кейл знает лишь то, о чём в снах рассказывает ему отец - о том, что Васен не должен облажаться.

Драйзек Ривен, некогда земляк Эревиса Кейла, тоже страдает от собственных кошмаров - он знает, что скоро настанет пора действовать. Шар, великая богиня тьмы, жаждет накрыть своей тенью мир навсегда. Ривен увидел в видении весь тот ночной цикл, который Шар стремится претворить в жизнь, и Драйзек знает, что богиню нужно остановить.

На перекрёстках божественных интриг и судеб смертных так непохожие друг на друга герои объединяются, чтобы отбросить назад нависшие над миром угрозы со стороны теней и Ада, тогда как грядёт Раскол миров.

Пол Кемп

Богорождённый

Посвящение

Джен, Риордану, Роарку, Дилэйни и “4”.

Благодарности

Как всегда, спасибо Эду, Бобу, Флитвуду и Джеймсу.

И лишь открылся новый путь,
Отчаянием в сердце хлопнет дверь,
Один охотник снова будет.
Ну а затем сплетёт судьба
Товарищества, братства круг,
И там вдали одна их цель.
Когда падёт на землю тень,
И огласит зловещий суд свой приговор,
Дика охота, ей открылся новый день,
И в тот момент объявится нам он,
Благуя искру потерять рискуя,
Богорождённый храмом будет вознесён.
Настанет время жать, плоды поспели,
Тьмы жнец начнёт свой тяжкий труд,
Неблагодарный, чёрный в самом деле.
И планы Ада, может, в пепел перетрут,
Герои, не в словах, на самом деле,
Ища, разя исчадий тут.

Родится буря и её начало,
Под наводнения стирающего гнёт,
Лучи надежды, их ничто не предвещало.
Сидит разбойник, молча застаёт,
Избранника, что сталью крепким взором,
Свет тьмою в кузне душ куёт.
Конец войне, закончились терзанья,
Чрез раненные битвами поля,
Шагают легионы. Наказанье.
И страж остатки верности храня,
Уже в пути. Куда? Туда, в изгнанье.
С тем, что осталось от величья короля.
Закат времён богами предначертан,
Холодной ночью звезд стоит картина,
Угроза растревожит страхом сердце,
И средь войны, разрухи,
Придёт ко всем глашатай и объявит,
Конец былой, стареющей эпохи.

Записано Эллиандретом из Оришаара, 17600 год (по Л. Д.)

Боль рвала Варру на части, агония ножом пронзала девушку в такт схваткам. Согнув колени, она лежала на спине на устланном соломой ложе в аббатстве — аббатстве Розы, как его называл Деррег. Простыни под ней были мокрыми от пота и крови. Её крови.

Крови было слишком много, и Варра об этом знала.

Она видела отражение своей судьбы во взволнованных глазах повитухи, простой женщины средних лет, которая держала её за руку и шёпотом подбадривала роженицу, видела в нахмуренных бровях и туманном, но пристальном взгляде лысеющего пожилого жреца с мокрыми от крови ладонями, который лез в Варру снова и снова — и до сих пор безрезультатно.

Варра порылась в памяти, но не смогла вспомнить их имён. Последние часы — неужели прошло всего несколько часов? — промелькнули единой вспышкой. Она помнила, как ехала по Сембии с караваном, спасающимся от шторма теней, разраставшейся бури, угрожавшей поглотить всю страну. На караван напала нежить, ожившие тени, их пронзительные вопли говорили о желании поживиться чужими душами, и в угаре бездумной отваги она увела их за собой в лес, чтобы спасти остальных.

И там, испуганная, продирающаяся через кусты, она наткнулась на человека, тёмного человека, который напомнил ей Эревиса, отца её ребёнка. Вопли нежити заполняли лес у Варры за спиной, вокруг неё, их вой обещал холод, смерть и забвение.

— Кто ты? — задыхаясь, спросила она тёмного человека. Её голос срывался из-за нарастающей паники.

— Я просто скольжу между гранями, — сказал человек, и его узкое, острое лицо искривилось в улыбке, в которой не было ни капли веселья. Он коснулся её круглого живота — тогда ещё не такого раздувшегося — и в том месте её ножом пронзила боль.

Воспоминание о его прикосновении заставило Варру вздрогнуть на своём ложе. Она застонала от боли. Пропитанная кровью солома впивалась в спину. В свете фонарей на сводчатом потолке танцевали клочья тени, и она могла поклясться, что слышала смехок тёмного человека.

— Не двигайся, женщина, — резко сказал священник. Его макушка блестела от пота. Кровь заляпала его жёлтую рясу.

— Он что-то сделал с ребёнком!

— Кто? — спросила повитуха, и её двойной подбородок заколыхался. — О чём ты говоришь?

— Тёмный человек, — сказала Варра и вскрикнула, когда новая судорга скрутила её внутренности. — Мужчина в лесу!

Повитуха понимающе покосилась на жреца и погладила Варру по руке.

— Всё будет хорошо, — сказала она, хотя обе они знали, что эти слова — ложь. — Всё в порядке. Ты больше не в лесу и здесь нет тёмного человека.

Священник вытер лоб, размазав кровь по своей лысине, и снова полез внутрь Варры. Боль пронзила её, волна агонии пробежала от таза до груди. Она задохнулась, жрец вытащил

свои руки, поднял голову и переглянулся с повитухой. В их лицах Варра прочла то, что они не стали говорить вслух.

— Что с моим ребёнком? — спросила она, пытаясь сесть. Окровавленная простыня прилипла к спине. От усилия её окатило новой пульсацией боли. Комната закружилась. Варра боялась, что её вырвет.

— Пожалуйста, не двигайся, — сказал священник, и повитуха осторожно заставила её снова лечь.

От боли и усталости в глазах у Варры затуманилось. Её разум снова погрузился в воспоминания о случившемся в лесу.

— Беги, — сказал ей тёмный человек, и она побежала через кусты, падая, спотыкаясь, проклиная всё на свете. Тени нежити преследовали её, настигали, их крики всё громче звучали в ушах девушки. Она выбежала на луг и упала. Она вспомнила сладкий запах фиолетовых цветов, сиявшую в ночном воздухе под светом Селун плёнку серебристой пыльцы. Она вспомнила, как свернулась клубком среди цветов, как будто сама была ребёнком в чреве луга, пока тени приближались. Она обхватила живот руками, обхватила своё нерождённое дитя, зная, что оба они погибнут, и молилась, страстно желая оказаться где-нибудь ещё, где-то в безопасности, где угодно.

И тогда, будто в ответ на её желание, пыльца вспыхнула ярко-серебристым, и Варра ощутила внезапный, дезориентирующий рывок.

— Он спас меня, — прошептала Варра повитухе, зная, что окружающим её бормотание кажется бессмыслицей. — Тёмный человек. Он спас меня.

— Конечно спас, дорогая, — ответила повитуха, сжимая её руку. Было заметно, что она толком не слушала.

А ещё он спас ребёнка Варры, по крайней мере от нежити, хоть и не от опасностей при родах.

Она полностью вернулась в текущий момент, к своей боли.

— Деррег? — спросила она, заморгав, чтобы смахнуть с глаз слёзы и пот.

— Я тут, — сказал он позади неё, и Варра снова отключилась.

* * *

Магия луговых цветов... переместила её, и Варра оказалась в другом месте. Она не понимала, что происходит, её тошнило. С чёрного неба сыпался лёгкий дождь, едва заметно пахнувший пеплом. Она чувствовала сонливость, как будто ходила во сне и только сейчас проснулась.

Низко над горизонтом заходящее солнце пыталось пробиться сквозь крышу густых чёрных туч, но лишь несколько лучей сумели пронзить этот покров. Был ранний вечер.

Её окружали бугристые, испещрённые трещинами склоны гор. Она оказалась на каком-то перевале.

Разум Варры попытался разобраться в случившемся. Как она сюда попала? Какая-то магия, какое-то чудо на лугу...

Ребёнок внутри зашевелился. Она задохнулась, колени ослабели, и Варра едва не упала, когда увидела, как вырос её живот.

— Как? — прошептала она, проведя ладонью по выпирающему холму её живота. Это

казалось чудом большим, чем её необъяснимая телепортация. Всего несколько мгновений назад она была только на первом месяце.

Тогда она вспомнила. Тёмный человек коснулся её живота. Должно быть, он что-то сделал с ребёнком; другого объяснения не было.

Когда она пришла к такому выводу, начались схватки, как будто её лоно сжала чья-то рука. Изумление в мгновение ока стало страхом, а страх — ужасом.

Она была одна неизвестно где, и каким-то образом вскоре должна была родить. Сердце стучало так быстро, что у девушки закружилась голова. Она попыталась успокоиться, делая долгие, глубокие вздохи. От дождя и ветра Варра дрожала. Надо было найти убежище, какую-то помощь. Боги, ей была необходима помощь!

Она стала карабкаться по камням, отыскивая путь среди булыжников и деревьев. Похоже, хищные живые тени пропали. Может быть, караван был где-то рядом? А может быть, неподалёку находилась деревня, усадьба, что угодно? Она решилась закричать.

— Помогите! Кто-нибудь! Пожалуйста, помогите!

Она осознала, что не знает даже, где находится. Она была в лесу. А сейчас оказалась на горном перевале.

— Боги, — сказала она, и слёзы потекли по щекам. — Боги.

С ужасом наблюдая, как исчезает солнце, она блуждала в сумерках и кричала до тех пор, пока её голос не охрип. Наконец, ноги отказались нести её дальше, и она осела на землю под соснами, вымотанная, окутанная ароматом дождя и сосновых иголок.

Она будет рожать в одиночестве, под открытым небом, во тьме. Осознание этого сдавило ей грудь, и Варре стало тяжело дышать.

— Помогите! — позвала она. Крик облегчил боль очередных схваток. — Помогите! Пожалуйста, помогите, кто-нибудь!

В шуме дождя послышались голоса.

Девушка застыла, боясь даже зародившейся в груди надежды. Она наклонила голову, прислушиваясь, пытаясь расслышать что-то за стуком собственного сердца.

Да, это были голоса!

— Сюда! — позвала она. Варра попыталась встать, но новая судорга скрутила её и бросила обратно на укрытую иголками землю. — Сюда! Пожалуйста, помогите мне!

Земля под ней задрожала, и скоро Варра увидела причину этой дрожи. Патруль вооружённых людей в доспехах и на боевых лошадях ехал через перевал торопливой рысью. Пылающее солнце и роза — кажущиеся неуместными среди блеклой, тёмной земли — сияли на их нагрудниках. Они оглядывались вокруг, как будто искали её, их лошади ржали и фыркали.

— Крик раздался где-то неподалёку, — сказал один из них, поворачивая кругом свою лошадь.

— Я тоже слышал, — подтвердил второй.

— Где вы? — закричал третий.

— Здесь! — отозвалась она и подняла руку. От облегчения в глазах выступили новые слёзы, но её голос окреп и набрал силу. — Я здесь.

В её сторону повернулись головы в шлемах. Мужчины натянули поводья.

— Здесь, под соснами!

— Это женщина! — воскликнул один из них.

Несколько человек соскочили с коней, протиснулись через сосновые ветви и поспешили

к ней. Они пахли потом, кожей, лошадьми и надеждой.

— Она на сносях! — сказал юноша, шлем которого казался ему слишком велик. Их тела, казались, даже под деревьями притягивали к себе последние слабые лучи заходящего солнца, и угасающий свет озарял их щиты и доспехи. Она не могла оторвать взгляд от розы.

Последующие события были подёрнуты дымкой, и следующий час сжался в её памяти до нескольких мгновений. Старший из мужчин, чьи длинные, седые волосы торчали из-под шлема, опустился рядом с ней на колени. Его лицо было изрезано морщинами и шрамами, которых не могла скрыть подстриженная борода.

— Не волнуйтесь, — сказал он. Он закрыл глаза и коснулся кончиками пальцев её руки.

Варра почувствовала, как его разум касается её, будто оценивая душу девушки. Ей было неприятно это вторжение, но Варра слишком устала, чтобы сопротивляться. Через миг мужчина открыл глаза и кивнул, казалось, удовлетворённый.

— Как тебя зовут, добрая женщина? — спросил он.

Глубокий голос мужчины напомнил ей журчащий ручей. Это её успокоило.

— Варра, — сказала она, и моргнула, когда начались новые схватки.

— О тебе позаботятся, Варра.

Он взял в руку маленький святой символ, стилизованную розу, и положил обе ладони — сморщенные, в шрамах, оставленных на коже годами битв — на её живот. Он прочёл молитву Амонатору. Мягкий свет растёкся с его ладоней по животу Варры, согрев её, облегчив боль и погасив страх.

— Тебе нужна повитуха, — сказал он. — И жрец, знающий, как принимать роды. Я найду тебе обоих. Встать можешь?

Варра кивнула, и он помог ей подняться на ноги. Он был почти так же высок, как Эревис, и пах дождём.

— Где я? — спросила она.

— Ты со мной. В безопасности.

Эти простые слова захватили врасплох Варру, напомнив её желание на лугу. Её глаза увлажнились. Мужчина снял свой тяжёлый плащ и накинул девушке на плечи.

— Как ты сюда попала? — спросил он, подводя её к лошади.

Она почувствовала на себе вопросительные взгляды других всадников. Они уже снова сидели в сёдлах.

— Как ты нашла перевал? С тобой ещё кто-то есть?

Она сглотнула, покачала головой.

— Я была с караваном, но... сейчас, кажется, я одна. И... я не знаю, как сюда попала. Что это... за перевал?

— Она может служить шадовар, Деррег, — сказал коренастый всадник, помоложе.

— Не будь дураком, — фыркнул ему старший, Деррег. — Посмотри на неё. Она не слуга шейдов.

— Шейдов из пустыни Анороха? — спросила Варра, моргнув от предчувствия новых схваток.

— Пустыни? — удивлённо переспросил молодой наездник. Он посмотрел на Деррега. — Она бредит.

— Эрвил, скачи в предгорья, — сказал Деррег. — Проверь, нет ли поблизости кого-то из её каравана.

Варре он сказал:

— Как думаешь, сможешь ехать верхом?

Она оценила своё состояние, кивнула, застонала от очередной судорги.

— Она поскачет со мной верхом на Рассвете, — сказал своим людям Деррег. — Нав, Грир, скачите в аббатство. Скажите Оракулу, что мы нашли её. И скажите аббату, что мы возвращаемся с рожаящей паломницей. Затем отыщите Эрда. У него есть опыт в таких делах.

Два всадника развернули своих коней и поскакали прочь.

— Аббатство? — спросила Варра, тяжело опираясь на Деррега. — Паломница? Оракул?

— Аббатство Розы, — ответил Деррег, помогая ей подойти к боевому коню, которого назвал Рассветом. — Ты же паломница, да? Пришла, чтобы увидеть Оракула?

Она никогда не слышала об аббатстве Розы.

— Я... не знаю.

Он взгляделся в её лицо, морщины на лбу углубились, когда он нахмурился.

— Откуда ты?

— Из Сембии. С северо-запада от Ордулина.

Деррег сощурился. Он сказал, изучая выражение её лица:

— Ордулин — мёртвая земля. Его уничтожила Буря Теней. А Сембия — вассал шейдог и Нетерила.

Варра непонимающе посмотрела на него.

— С тобой всё в порядке? — спросил он.

У неё кружилась голова. Девушка помотала ею. Должно быть, она ослышалась.

— Не понимаю. Я только что уехала...

От новых схваток она согнулась пополам. Когда они прошли, её подхватили сильные руки и посадили на Рассвета. Она уселась в седле покрепче, насколько смогла. Деррег сел позади неё и обхватил руками, прицокнув коню.

Девушка зашипела от боли, когда жеребец побежал. Одну руку она прижала к животу, чувствуя, как шевелится внутри ребёнок.

— Аббатство здесь рядом, — сказал Деррег. — Скажи мне, если не сможешь больше терпеть.

— Пока терпимо, — ответила она. — Но, пожалуйста, поспешим.

Остальной патруль сомкнулся вокруг них, и они поехали по перевалу. По мере того, как они двигались по вьющемуся, петляющему пути со множеством тупиков и развилок, дорога сужалась. Вокруг сгустился туман, густой и бледный, ухудшая видимость. В ушах у Варры зазвучал шёпот, свистящие слова, значение которых ускользало прочь за мгновение до того, как она успевала их осознать. Ей показалось, что она услышала имя Эревиса в этих шепотках, а ещё — его другое, настоящее имя: Васен.

— Постарайся не обращать внимания на шёпот и на всё, что увидишь, — мягко сказал ей Деррег.

Она кивнула, наедине со своей болью.

— Пожалуйста, быстрее.

В тумане возникали лица, мужчины и женщины с похожими на дыры глазами. Через несколько секунд они рассыпались, увядали, как забытые воспоминания. Она плотно закрыла веки, но туман всё равно цеплялся к её одежде, лип к её животу. Голоса по-прежнему шипели ей на уши, шептали про её ребёнка.

Это дитя, говорили они.

Он будет видеть сны об отце.

А отец — о нём.

— Они меня знают! — испугавшись, воскликнула Варра.

— Нет, — ответил Деррег. — Это голоса духов, что служат Оракулу и стерегут дорогу, но для нас они безвредны. Они просто сбивают тебя с толку. Не слушай их.

Варра сглотнула, кивнула, и перестала обращать на голоса внимание. Скоро она утратила всякое чувство направления. Проход был лабиринтом, а голоса духов притупляли её чувства, затуманивали разум. Мгновения тянулись с болезненной медлительностью. Она попыталась силой воли оттянуть рождение своего ребёнка.

Рождение ребёнка Эревиса.

Ребёнок, твердили голоса. *Ребёнок*.

Она зажмурила глаза, задумавшись, где сейчас Эревис, в безопасности ли он. Он покинул её, чтобы спасти друга, и она смирилась с этим, но всё равно скучала по нему, и всегда будет скучать. Она надеялась, что у него всё хорошо, но в голове эхом звучали слова Деррега. Ордулин — мёртвая земля. Сембии нет.

Как это могло случиться так быстро?

— О боги, — прошептала она, догадавшись. Это казалось невозможным, и всё же...

— Что случилось? — спросил Деррег.

— Какой сейчас год? — задала она вопрос срывающимся голосом. Она собралась с силами, ожидая ответа. Стук сердца отдавался в ушах.

— Год? — отозвался Деррег. — 1450 по Летосчислению Долин.

Ребёнок задёргался внутри и она вскрикнула.

Ребёнок идёт, сказали голоса.

— Ты в порядке? — спросил Деррег.

Она кивнула, когда одна боль прошла, уступая место другой.

1450.

Как могло такое случиться?

Семьдесят лет для неё пролетели за несколько мгновений. Она боролась с этим осознанием, но потерпела поражение. Это казалось невозможным. Её ребёнку исполнилось семьдесят лет ещё до его рождения.

Она начала плакать, не от боли, но от скорби по всему тому, что она утратила, по тому, что оставила позади.

— Как такое может быть? — прошептала она, и ответа не было.

Если Деррег и услышал, он тоже не стал ничего отвечать.

Они вырвались из тумана, оставляя голоса духов позади. Полными слёз глазами она следила, как последнее сверкающее серебро солнца скрывается за горами на западе, смотрела, как длинные тени от горных вершин протягиваются по равнине. И без того скудный свет сменился полной тьмой. Они достигли лесистой долины. Среди деревьев стояло простое каменное аббатство.

* * *

Голова жреца появилась у неё между колен. Его редкие волосы прилипли к бледному, в старческих пятнах черепу. В блеклом свете фонарей на его щеках залегли тени.

— Чтобы спасти ребёнка, ты должна начать тужиться, когда я скажу.

— Медленно вдыхай и выдыхай, — сказала повитуха.

Варра сглотнула, кивнула. Удары сердца звучали в ушах. Схватки окутали её таз болью. Она закричала, и тучная повитуха, заморгав, вытерла новую лужу крови и выбросила несколько простыней в окровавленную кучу на полу.

— Я хочу пить, — сказала Варра.

— Почти, — произнёс жрец, который даже не слышал её, вглядываясь внутрь её тела и пытаясь спасти её дитя.

— Сделай что-нибудь! — сказал Деррег откуда-то позади Варры. — Ей слишком больно.

Он не покидал её с тех пор, как привёл в аббатство.

— Мы делаем всё, что можем, Деррег, — сказал жрец резким от напряжения голосом.

— Делайте больше! — сказал Деррег.

Варра сосредоточилась на дыхании, глядя в сводчатый потолок. Весь её мир сжался до её таза, родового канала, и ребёнка, которого она должна была вскоре родить на свет. Но от боли спасения не было. Её зрение затуманилось. Она боялась, что будет слишком слабой, чтобы тужиться, когда скажет жрец. Она боялась, что никогда не увидит своё дитя.

Она закричала снова, когда жрец проделал что-то с ребёнком внутри неё, и живот пронзило кинжалом.

— Доставай младенца! — сказал Деррег, и от напряжения его голос был надломлён.

Жрец поднял голову между ногами Варры, посмотрел сначала на неё, потом на Деррега.

— Я не могу. Он умирает. Пуговина...

Он умолк, но от этих слов Варра почувствовала пустоту внутри.

— Нет, — сказала она, и по щекам потекли слёзы. — Нет.

Жрец посмотрел на неё с мягким, сочувственным выражением.

— Мне так жаль.

— Ты плохо стараешься, Эрдан! — сказал Деррег, и она слышала, как он зашагал к жрецу, хотя по-прежнему оставался позади Варры, вне поля видимости.

Тихий голос жреца оставался спокойным.

— Я сделал всё, что мог, Деррег. Мы должны... предпринять некоторые шаги, чтобы у женщины был шанс.

Варра почувствовала на голове, на волосах руку Деррега, защитный жест, который её успокоил и согрел.

Как странно, подумала она. С мгновенной ясностью она осознала, что в другом времени, в другом месте он мог бы стать мужчиной, которого она могла полюбить, несмотря на их разницу в возрасте.

— Её зовут Варра, — отрезал Деррег. — И должно быть что-нибудь...

— Вырезайте ребёнка, — сказала Варра тихим, как дождь, голосом, и её молчаливая решимость пронзила комнату.

Деррег убрал руку с её головы, как будто отпрянув.

Священник выглядел так, будто она заговорила на незнакомом ему языке.

— Что говоришь?

Повитуха сжала руку Варры.

— У тебя в голове помутилось...

— Вырезайте моего ребёнка, — громче сказала Варра, приняв решение. Её телс

напряглось, схватки охватили её, внутри задвигался младенец, и она закричала. — Вырезайте! Я уже мертва! Я вижу по вашим лицам!

Жрец и повитуха смотрели на неё, широко распахнув глаза. Никто не стал ей возражать.

— Я уже мертва, — тише повторила Варра, пытаюсь удержать голос ровным. Комната закружилась. Она закрыла глаза, пока вращение не прекратилось.

— Ножом?

— Времени мало, — сказала Варра.

— Да, конечно, — сказал жрец, глядя мимо неё на Деррега, будто спрашивая у него разрешения.

Ладонь Деррега вернулась на голову Варры, баюкая её, как младенца, как он мог бы баюкать дочь. Его пальцы нежно провели по мокрым от пота волосам девушки. Она потянулась и накрыла его руку своей, и потекли слёзы. Его кожа казалась грубой, как кора. Рядом с ней возникло его бородатое лицо, его тёплое дыхание коснулось её щеки.

— Ты не должна этого делать, — сказал он.

— Это мой ребёнок, — ответила Варра, три слова, которые сказали всё, что можно было сказать. Её взгляд упал на сваленную у стены кучу багровых простыней.

— Я уже мертва. Мы оба это знаем.

Жрец достал маленький нож и высоко поднял его дрожащей рукой. Свет фонарей замерцал на лезвии. От напряжения по его измазанному кровью лбу струился пот.

Липкие пальцы повитухи вцепились в руку Варры. Казалось, одна лишь Варра сохраняет спокойствие.

— Деррег, послушай меня, — сказала она. — Кто-то... сделал что-то с ребёнком, изменил его. Я не знаю, что именно, но это мой ребёнок. Мой. Ты понимаешь?

Его рука сжала её руку. Деррег прижался лбом к её волосам.

Варра вдохнула его запах — он по-прежнему пах дождём — и удивилась тому, насколько привязалась к этому мужчине всего за несколько часов, за несколько мгновений. Как жестоко, что они провели вместе только часы, а не всю жизнь.

— Я понимаю, — ответил он.

Она сглотнула пересохшим горлом, кивнула. Сказала жрецу:

— Сделай это.

Священник моргнул, и собрался с духом, чтобы приступить к своей работе.

— Тебе будет больно, — сказал он, но не пошевелился.

— Сделай это, — ответила Варра. — Прямо сейчас.

Но он не сделал. Не мог. Его руки тряслись.

Повитуха взяла нож из его ладони, на мгновение взглянула в глаза Варры, и начала резать.

Варра сжала зубы, сдерживая крик, когда лезвие рассекло её живот и открыло матку, расплескав по бокам женщины тёплую жидкость. Решимость повитухи передалась жрецу, и он придвинулся, чтобы помочь.

В глазах у Варры заплясали пятна. В мозгу вспыхнули искры. Возможно, она кричала — Варра сама не могла сказать. Она почувствовала, как жрец и повитуха роются в проделанной ими ране, почувствовала, как они лезут внутрь.

Варра поняла, что действительно кричит, плавая в крови и боли.

Она сосредоточилась на руке Деррега, на её твердости, на том, как нежно он касался её кожи. Его тело излучало тепло, притупляя края её агонии.

Он никогда её не бросит, подумала Варра. Никогда.

Что-то тёплое и влажное закапало на их сцеплённые руки. Её блекнувшее сознание сначала решило, что это кровь, но потом она поняла, что это слёзы. Слёзы Деррега. Она почувствовала его губы у своего уха, и он прошептал ей слова веры.

— Из концов рождаются начала, из мрака — свет, из трагедии — триумф. Ночь сменяется рассветом, а рассвет — полуднем. Встань в тёплом и очищающем свете Амонатора, что был Латандером, и ничего не бойся. Ничего не бойся, Варра.

Она почувствовала, что ускользает, отключается. Комната потемнела.

— Позаботься о нём, — прошептала она Деррегу.

— О нём? — спросил тот.

Варра кивнула. Она знала, что это будет мальчик, сын для отца, как сказали ей духи на перевале.

— Его зовут Васен. Как его отца.

— Позабочусь, Варра, — сказал Деррег. — Обещаю.

Варра слышала звук, похожий на шум прибоя. Комната потемнела. Она ничего не видела. Она почувствовала, как уплывает, плывёт в тёплой воде, тонет...

Она слышала слабый кашель, затем крик новорожденного, дерзкий клич её сына, вошедшего в мир света и тьмы.

Она улыбнулась, поплыла, думая об Эревисе, о Дерреге, и ничего не боясь.

* * *

Деррег убил в бою много людей, видел заваленные трупами тела сражений, но ему приходилось заставлять себя смотреть на тело Варры, на залитое кровью ложе, на разрез у неё на животе, из которого Эрдан, жрец, извлёк ребёнка. Её лицо, наконец свободное от боли, казалось бледным, как новорождённая луна.

Деррег не мог выпустить её всё ещё тёплую руку. Он держал её, как будто мог вытащить Варру из лап смерти.

— Её нет, — сказала повитуха. — Она ушла в свет.

Деррег кивнул. Он был знаком с Варрой всего около двух часов, но чувствовал с ней связь, смутный намёк на то, что могло случиться, встретиться они при других обстоятельствах. Хотя за шестьдесят лет он ни разу не был женат, и теперь знал, почему. Он должен был встретить свою любовь в сумерках жизни и провести с ней меньше дня.

Он поблагодарил Амонатора и за это.

— Что с ним такое? — спросила повитуха, её восклицание отвлекло внимание Деррега от Варры.

Повитуха, прижав ладонь ко рту, попятилась на шаг от ложа роженицы, прочь от ребёнка. Эрдан, с круглыми, как монеты, глазами, держал младенца на вытянутых руках, будто нечто омерзительное.

Ребёнок, тёмный и окровавленный, дрыгал ножками и вопил. Пуповина по-прежнему соединяла его с Варрой, и тонкая жилка тени вилась вдоль неё и медленно втекала в младенца, как будто тот — Васен, как назвала его Варра — получал питание с темнотой, а не только с кровью. С каждым воплем глаза Васена вспыхивали жёлтым.

— Он рождён от шадовар! — воскликнул Эрдан, и, казалось, он готов бросить младенца

на пол. — Посмотри на него! Вокруг него шевелится тьма!

Из-за внешности Васена и струйки тени вокруг пуповины отрицать это заявление было затруднительно, но Деррег всё же попробовал.

— Он рождён от этой женщины, Эрдан. И его зовут Васен.

Ребёнок взбрыкнул ножками и закричал.

— Его нужно убить, Деррег, — сказал Эрдан, хотя его голос окрасила неуверенность, и жрец побледнел от собственных слов. — Если шадовар узнают об аббатстве...

— Убить? — переспросила повитуха, прижав ладонь ко рту. — Младенца? Ты не можешь!

— Нет, — сказал Деррег, и его ладонь, всё ещё сжимавшая ладонь Варры, почувствовала, как та остывает. — Мы не можем. Ты слышал, как я дал этой женщине своё слово. Я сдержу его.

Он отпустил Варру и протянул руки, чтобы взять мальчика.

— Дай его мне.

Эрдан выглядел оглушённым, его рот был приоткрыт. Два его гнилых передних зуба казались такими же тёмными, как кожа Васена.

— Дай его мне, Эрдан. Это не просьба.

Жрец моргнул, протянул мокрого от крови мальчика Деррега, затем вытер свои окровавленные руки о жёлтую рясу.

Васен замер в руках у Деррега. Его маленькое тельце казалось нескладным, хрупким. Руки Деррега привыкли сжимать сталь и старую кожу, а не младенцев. Тени клубились вокруг мальчика, вокруг запястий Деррега.

— Ты готов погубить нас всех ради ребёнка незнакомки? — спросил Эрдан голосом столь же озадаченным, сколь и гневным.

Деррег не стал объяснять, что он не считал Варру незнакомкой.

— Я дал слово.

— Я должен сообщить об этом аббату. Я не возьму на себя ответственность...

— Да, — оборвал его Деррег, не сдержав грубость. — Ответственность ты на себя не возмёшь. Это я прекрасно понимаю.

Эрдан попытался выдержать его взгляд, не сумел.

— Дай мне нож, — сказал Деррег.

— Что?

— Дай нож. Не мечом же мне пуповину резать.

Что-то бормоча, Эрдан передал Деррегу маленький нож, который он использовал, чтобы вскрыть матку Варры. Деррег перерезал овитую тьмой пуповину, отделив мальчика от матери, а затем завернул его в одну из пропитанных кровью простыней.

— Ты должен отыскать... — начал жрец.

— Заткнись, Эрдан, — сказал Деррег. — Я знаю, что ему потребуется кормилица. То, что у меня нет детей, не значит, что я идиот.

— Конечно, — согласился Эрдан. Он озадаченно посмотрел на мальчика. — Тени, Деррег. Что он такое, если не шейд?

— Он мой сын, — сказал Деррег.

Прижимая мальчика к груди, Деррег подошёл к Варре и наклонился, чтобы ребёнок мог увидеть лицо своей матери. Её рот застыл в полуулыбке, тёмные глаза были открыты и смотрели в никуда.

— Это твоя мать, Васен. Её звали Варра.

— Ты же знаешь, что аббат посоветуется с Оракулом, — сказал Эрдан. — Ты сильно рискуешь.

— Возможно, — ответил Деррег. Он посмотрел на маленького, испачканного в крови младенца у себя на руках — маленький носик, странные жёлтые глаза, смуглая кожа, тонкие чёрные волосы, прилипшие к маленькой голове. Он решил, что не отдаст ребёнка аббату, что бы ни сказал Оракул.

— Если Оракул увидит в младенце опасность, я заберу его отсюда. Но не брошу.

Эрдан поглядел на него, затем сказал:

— Я займусь похоронами женщины. Посмотрим, что скажут аббат и Оракул. Возможно, я ошибаюсь. Я бы... удивлён внешностью мальчика и сказал, не подумав. Возможно, это было грубо.

— Забыли, Эрдан, — мягко сказал Деррег. Он знал, что жрец — хороший человек.

— Я приготовлю её... тело к погребению, — сказала повитуха. — Я тоже была...

Свет фонарей поблек, тени в помещении почернели. Младенец издал единственный крик и зарылся лицом в грудь Деррега.

Деррег почувствовал давление на уши, почувствовал, как тяжелеет воздух, и обнаружил, что ему стало тяжело дышать. Тени в дальнем углу комнаты взметнулись грозовой тучей, от их гипнотического танца у Деррега моментально заболела голова. Он учуял резкий, пряный запах дыма, запах, напоминавший каким-то образом о старых, давно минувших временах.

— Во имя света, — воскликнула повитуха, от страха её голос поднялся на октаву.

Тени сгустились. Во тьме возникло присутствие.

— Шадовар, — прошипел Эрдан. — Я говорил тебе, Деррег!

Затем он крикнул повитухе:

— Приведи помощь! Беги!

Она выбежала из комнаты, не оглядываясь, в спешке едва не споткнувшись о кровавые простыни.

Вся комната погрузилась во тьму, свет фонаря уменьшился до мерцания далёкой звезды.

Прижимая Васена к груди, Деррег достал меч и сделал шаг назад, к двери.

— Уходи, Эрдан. Сейчас же.

— Ребёнок у тебя, — сказал Эрдан, взяв в руку священный символ. — Уходи ты.

В темноте вспыхнул оранжевый свет — мерцающие угли в курительной трубке. Они осветили лицо мужчины в тених, мужчины, который сам был тенями.

Длинные чёрные волосы обрамляли смуглое, рябое лицо. Козлиная борода охватывала усмехавшиеся губы, сжимавшие мундштук трубки. Ему не хватало глаза, и изуродованная, пустая глазница была похожа на бездонную дырку. Угли в трубке погасли и мужчина снова растворился в тенях.

— Может быть, вам обоим стоит остаться, — сказал незнакомец, и засов на двери скользнул на место.

Эрдан посмотрел на дверь, на мужчину, снова на дверь. Было слышно его частое дыхание.

— Твой клинок тебе не потребуется, рыцарь Латандера, — сказал мужчина Деррегу. — Или его сейчас зовут Амонатором? Я не следил.

Эрдан прочитал слова молитвы, и трубка вспыхнула снова, озарив нахмурившееся лицо мужчины.

— Закрой рот, — сказал он Эрдану, его голос был остр, как клинок. — Твои слова пусты.

Рот Эрдаана закрылся с громким звуком. Глаза священника расширились, он согнулся пополам и вцепился в собственное лицо, застонал, не размыкая губ, как будто их запечатали.

— Жрецы, — с отвращением сказал мужчина, качая головой. Свет его трубки снова угас, и его окутала тьма.

— Освободи его, — сказал Деррег, кивнув на Эрдаана, и сделал шаг к неизвестному мужчине. Младенец у него на руке застыл неподвижно.

Мужчина сделал длинную затяжку, и свет углей показал его улыбку.

— Ладно. Он свободен.

Эрдан открыл рот, задохнулся.

— Во имя света!

— Это вряд ли, — сказал мужчина. — Но бояться вам не следует. Я здесь не ради вас двоих.

Он кивнул на Васена.

— Я здесь ради него.

Деррег крепче прижал мальчика к груди. Неподвижность младенца была почти зловещей, его жёлтые глаза мерцали углями. Деррег вспомнил слова Варры о тёмном человеке, который изменил мальчика. Он сильнее сжал меч.

— Ты отец ребёнка?

Мужчина выдохнул дым и шагнул ближе к ним, сбросив частицу цеплявшейся к нему тьмы. Он двигался с точностью умелого бойца. На поясе у него висели парные сабли, и рукоять меча покрупнее, висевшего за спиной, торчала у него над плечом. Его здоровый глаз посмотрел не на Деррега, а на Васена, потом на Варру. Деррег ничего не мог прочесть по его лицу.

— Ты отец? — повторил Деррег. — Тёмный человек?

— О, я действительно тёмный человек, — мужчина мягко улыбнулся. — Но отец не я. И я не тот тёмный человек, о котором ты говоришь — не совсем, по крайней мере.

Внезапно он оказался прямо перед Деррегом. Разве он пересекал комнату?

Мужчина протянул палец к Васену — мальчик по-прежнему не шевелился — но остановил руку, не коснувшись младенца. Струйка тени потянулась из кончика его пальца и коснулась Васена, на миг связав мужчину и ребёнка, возможно, пуповиной несколько иного сорта.

— Как необычно, — сказал мужчина и убрал палец.

— Что такое? — спросил Деррег, поворачиваясь так, чтобы закрыть младенца от прикосновения незнакомца.

— Его отцом был Эревис Кейл, — сказал тот, не отрывая взгляда от мальчика. — И я искал этого ребёнка... вот уже некоторое время.

Деррег услышал эхо далёкой боли в том, как мужчина произнёс имя Кейла. Он знал это имя, конечно же. Его отец, Регг, который видел, как Кейл уничтожил бога в битве у Саккорса, часто говорил о нём.

— Эревис Кейл? Спутник Абеяра?

Тени взметнулись вокруг чужака. Его губы презрительно скривились.

— Спутник? Так его запомнили? — он покачал головой. — Вы потеряли больше половины мира из-за Волшебной Чумы. И потеряете ещё больше, если цикл пойдёт своим

чередом.

— Цикл? — спросил Деррег.

— Ты Дразек Ривен! — взволнованно воскликнул Эрдан. — Во имя света, ты и вправду он!

Мужчина наклонил голову.

— Отчасти.

Деррег не понял этого загадочного комментария. Имя Ривена он тоже слышал в историях.

— Ты не можешь забрать ребёнка, Дразек Ривен. Я дал слово.

— Думаешь, ты сможешь мне помешать? — спросил Ривен.

Деррег моргнул, облизал губы, но не отступил.

— Нет. Но я попытаюсь.

Ривен придвинулся ближе, взгляделся в лицо Деррега. Его дыхание пахло табачным дымом.

— Я тебе верю. Это хорошо.

— Ты не постарел, — выпалил Эрдан, придвинувшись ближе к Ривену. От любопытства его морщинистое лицо приобрело вопрошительное выражение.

— Ты не шадовар?

Ривен повернулся лицом к Эрдану и жрец побледнел, отступил.

— Моё родство с темнотой куда глубже, чем у Шадовар, жрец. И я не стану повторять совет держать рот на замке. Ты всего лишь свидетель, ничего больше.

Глаза Эрдана распахнулись ещё шире, но рот всё-таки закрылся.

— Ты знал моего отца, — сказал Деррег. — Иногда он о тебе упоминал.

— Только иногда, да? — Ривен со слабой улыбкой затянулся, в его единственном глазу мелькнул призрак воспоминаний. — Признаю, меня это не удивляет.

— Когда мы говорили о тех днях, больше всего он рассказывал о Властелине рассвета Абеяре.

— Властелине рассвета? — Ривен поднял взгляд, глядя куда-то мимо Деррега. Его брови нахмурились, пока он боролся с воспоминаниями. — Это ещё что? Священный титул какой-то?

— Конечно священный, — сказал Эрдан настолько резко, насколько осмелился. — Его гробница находится в этом аббатстве. Посмотреть на неё стекаются паломники со всего Фаэруна.

— Ты... подвергаешь сомнению его святость? — произнёс Деррег.

Ривен хмыкнул.

— Для меня он был простым смертным, а смертные святыми не бывают.

— Ты богохульствуешь!

Ривен ухмыльнулся.

— Жрец, я видел, как Властелин рассвета Абеяр вонзает свой меч в безоружного человека, который пытался сдаться. Как это сочетается с твоим мнением о нём?

— Ты лжёшь! — воскликнул Эрдан, а потом, поняв, что он сказал, отступил на шаг.

— Часто, — признал Ривен, — но не сейчас. Может быть, ты думаешь, что убийство Малькура Форрина сделало его менее святым? Ты можешь быть прав. Но оно сделало его более человеческим. И это убийство — причина, по которой у вас есть Оракул.

Деррег покачал головой.

— Не понимаю. Оракул — сын Абеяра.

— Я о другом, — сказал Ривен, покачивая головой. — Неважно. Иногда легенда опережает человека.

Ривен затаился, выдохнул облачко ароматного дыма. Он посмотрел на Деррега, сощурив глаз от воспоминаний.

— Однажды я пообещал твоему отцу, что мы разделим трубку, но... помешали другие дела. Как умер Регг? Хорошо, надеюсь?

В горле у Деррега встал комок, старая скорбь расцвела новой болью. Он сильнее прижал Васена к груди. Какое-то мгновение он не хотел отвечать, но изменил своё мнение.

— Он умер стариком, во сне. Свет был в нём.

Выражение лица Ривена не менялось, хотя, казалось, его глаз видит что-то, чего не мог увидеть Деррег.

— Рад это слышать.

Голоса и крики раздались в зале снаружи. Ривен безмятежно курил свою трубку.

— Чего ты хочешь? — спросил Деррег. — Зачем ты здесь?

Ривен вытащил массивный клинок из ножен за спиной. Деррег отступил, поднял собственный меч перед собой. Васен заплакал. Эрдан застыл, как будто прирос к полу.

— Увидеть мальчика. И отдать ему оружие отца, — Ривен перехватил меч за лезвие и протянул рукоятью к Деррегу. — Это Клинок Пряжи.

Оружие было чёрным, как беззвёздная ночь. Тени вились вдоль всей длины меча, тянулись с него вперёд, к Васену. Мальчик протянул руку к мечу, заворковал.

— Это оружие мрака, — сказал Эрдан и сделал знак восходящего солнца, три средних пальца подняты и разведены, как солнечные лучи.

— Это оно, — подтвердил Ривен.

Деррег смотрел на меч.

— Мальчику оно не понадобится.

— Не понадобится?

— Нет. У него есть я.

Ривен нахмурился, тени вокруг него затанцевали. Он опустил меч и придвинулся. Хотя и не слишком высокий, Ривен всё равно, казалось, достигает потолка.

Деррег знал, что перегнул палку. У него во рту пересохло, сердце заколотилось.

— Ты возьмешь этот меч и будешь хранить его до тех пор, пока парень не подрастёт, и тогда ты расскажешь ему, кто его отец, и отдашь оружие. Я в долгу перед Кейлом. Как и вы. Все вы. Этот долг нужно вернуть.

— Я...

— Кивни своей растреклятой упрямой башкой, сын Регга, или клянусь, я срублю её с твоей шеи.

Деррег не стал проверять, насколько искренней была угроза. Он поборол благородный импульс и кивнул. Ривен снова протянул ему меч, и Деррег взял его. Тени опутали его запястье. Ему показалось, что меч был покрыт слоем масла. Казалось, оружие скользит в его руке.

— Хорошо, — сказал Ривен, и тени вокруг него замедлили свою пляску. Он отошёл на шаг. — Пока мы здесь закончили.

Ривен развернулся, и к нему стали стекаться тени. Деррег едва видел его.

— Почему ты его не заберёшь? — выпалил Эрдан.

— Заткнись, Эрдан, — сказал Деррег.

Ривен не обернулся. Тени вились вокруг него, медленно и лениво.

— Потому что за мной идёт охота, и моё единственное укрытие — не место для ребёнка. Какое-то время здесь он будет в безопасности, и мы должны принимать те немногие мгновения мира, которые дарит нам эта жизнь.

Он смолк на миг, глядя на мальчика.

— Боюсь, их будет не так много. Я вернусь, если смогу, но сомневаюсь, что получится. Пока позаботься о нём. И готовь его.

— Готовить к чему?

— К тому, что грядёт.

— О чём ты? Что грядёт?

Ривен покачал головой.

— Я не знаю наверняка. Другие будут искать его.

— Почему?

— Из-за того, кем был его отец, и потому, что обиды умирают хуже, чем боги. И потому что Цикл Ночи пытается достичь своего завершения. Он — это ключ.

— Я... не понимаю.

— Я тоже, не до конца. Пока не понимаю. Кто-то вписывает новые слова в книгу мира, а я никогда не был хорошим читателем.

Он улыбнулся и на этот раз улыбка затронула его здоровый глаз.

— Похоже, что два и два до сих пор равно четырём, даже в этом разрушенном мире. По крайней мере, это он понял правильно.

— Что? — у Деррега голова шла кругом. — Он?

— Человек, которого я однажды знал, — Ривен покачал головой, как будто чтобы избавиться от старых воспоминаний. — Я не могу больше здесь оставаться. Моё присутствие подвергает ребёнка опасности.

Он огляделся вокруг.

— Ваш Оракул проделал здесь неплохую работу. Эта долина... мирная. Особенно мне понравились озёра. Скажите Оракулу, что я был здесь. Скажите ему, пусть исполнит свою часть. И спросите, по-прежнему ли ему нравятся жонглёры.

— Что?

— Он поймёт.

Тьма сгустилась, но прежде чем она полностью поглотила Ривена, он обернулся и посмотрел на Деррега, на Васена.

— Как его зовут? Мальчика.

— Васен, — сказал Деррег и почувствовал, как на него посмотрели жёлтые глаза младенца, когда он произнёс это имя.

— Васен, — повторил Ривен, пробуя слово на вкус. — Хорошее имя. Здравствуй, Васен. Добро пожаловать в этот мир. Когда мы увидимся снова, думаю, ты будешь не слишком рад меня видеть.

Деррег моргнул, и Ривен исчез. В комнате посветлело. Васен заплакал.

Эрдан выпустил из себя воздух.

— Что это только что было?

— Я не уверен.

— Это был не человек.

— Нет, — сказал Деррег. — Не человек.

Глава первая

Элейнт, год Пробудившихся Спящих (1484 ЛД)

Древние, как сама вселенная, ледники сталкивались и крушились — треск древнего льда был похож на звук сухих ломающихся костей. Из рассекающих ландшафт огненных рек поднималась вонь серы и пылающих душ. Порывы ледяного ветра Кании разносили бесчисленные крики проклятых, пропитывая воздух их болью. Побережья рек патрулировали высокие насекомоподобные гелугоны, чьи белые панцири терялись на фоне льда. Их жажда чужой боли была неутолима, и своими крюкастыми трезубцами они резали и рвали бьющиеся и стонущие в огне горящие души проклятых.

Мефистофель восседал на покрытом льдом утёсе в четверть лиги высотой и смотрел на своё королевство льда, огня и боли. Во всех направлениях тянулись покрытые зазубренным льдом равнины. Укрытые дымкой чёрные горы царапали мерцающее красное небо, озарённое далёким, бледным солнцем.

И всем этим правил он. Или почти всем.

Мефистофель прищурился, когда его взгляд упал на холм из пронизанного тенью льда, целый век сопротивляющийся воле архидьявола. Гнев раздул тлеющие угли его силы, и окружающий воздух затрещал от губительных эманаций божественной энергии, украденной им у Маска.

Рассматривая теневой курган, он чувствовал, как набирают скорость события, решаются судьбы — но всего этого не видел. Происходящее было скрыто от архидьявола, и он подозревал, что насыпь как-то в этом замешана.

— Перестановки, — произнёс он голосом глубоким и тёмным, как ущелье. — Бесконечные перестановки.

Десятилетиями он плёл интриги, чтобы заполучить частицу божественной силы, которой нынче владел, намереваясь воспользоваться ею, чтобы поднять переворот против Асмодея, владыки Нессуса, переворот, в результате которого сам Мефистофель должен был занять место место правителя всех Девяти Адов. Но события в мирах на первичном плане превратили все его замыслы в шутку.

Волшебная Чума разорвала мир Торила, соединив его с братским миром, Абейром, и устроив хаос среди богов и полубогов. Полумёртвый бог буквально рухнул сквозь Астральное море в Девятый Ад. Асмодей добил его и поглотил его силу.

Мефистофель, который десятками лет строил планы, чтобы самому приобрести божественность, смог заполучить лишь долю от частицы божественной силы младшего бога, а владыка Девятого Ада стал богом благодаря простой удаче. Везению. И Мефистофель снова стал в Аду вторым.

Хуже всего, он опасался, что Асмодей недавно узнал о его замыслах. Шпионы Мефистофеля при дворе Нессуса докладывали о собирающихся легионах, о возрастающем гневе Асмодея. Призыв достиг Мефистара, железной твердыни Мефистофеля. Слова Асмодея произнёс раздвоенный язык суккубы Малкантет, иногда служившей владыке Нессуса посыльной.

— Его величество всевышний господин Девяти Адов, Асмодей Ужасный, требует

присутствия вашего высочества перед его престолом в Нессусе.

— Всевышний, говоришь?

— Мне сообщить Его величеству, что вам не понравился его титул?

Мефистофель проигнорировал эту реплику.

— Он послал адскую шлюху, чтобы вызвать меня? Зачем потребовалось моё присутствие?

Малкантет проигнорировала вопрос и сказала лишь:

— Его величество пожелал, чтобы я сообщила вам о необходимости исполнить это требование в кратчайшие сроки. Время дорого.

— Как и моё время. Я прибуду, когда смогу.

— Вы прибудете в течении двух недель, иначе Его величество будет вынужден считать, что вы подняли восстание. Таковы слова Его величества.

Мефистофель наградил её злобным взглядом, пока весь его двор шептался и хихикал.

— Убирайся! Немедленно!

Малкантет поклонилась с ехидной усмешкой и покинула двор, оставляя Мефистофеля томиться от сомнений, а его двор — сплетничать об открывающихся возможностях.

Десятками лет Мефистофель оттягивал противостояние с Асмодеем. Он находил оправдание за оправданием, но терпение владыки Девятого Ада наконец истощилось. У Мефистофеля было мало времени и ограниченные возможности. Он был не готов. Далеко внизу ледяной курган насмехался над ним. Из кургана сочились тени, текли ленивыми лентами сквозь трещины во льду. Много раз архидьявол пытался прожечь себе путь к основанию холма, но лёд не поддавался. Мефистофель ударами кнута заставлял тысячи дьяволов вгрызаться в лёд оружием и инструментами, и всё было напрасно. Он пытался телепортировать себя туда с помощью магии и потерпел неудачу. Даже с помощью магии прорицания он не смог узнать, что лежит под этим курганом.

Но у него были предположения на этот счёт.

— Эревис Кейл.

Сказанное вслух, это имя раздуло огни его гнева.

Мефистофель вырвал горло Эревису Кейлу на льду Кании и забрал у него божественную искру Маска. А потом, когда Мефистофель праздновал свой триумф, появился союзник Кейла, Дразек Ривен, тоже обладавший такой искрой, и едва не обезглавил Мефистофеля.

В сознании архидьявола так и не угасли воспоминания о той боли. Регенерация заняла часы, и к тому времени тело Кейла уже накрыл столь раздражающий дьявола холм.

Не сумев уничтожить ледяную могилу, Мефистофель в конце концов запретил всем приближаться к ней. Сложные и могущественные печати не позволяли этого никому, кроме самого Мефистофеля.

От взгляда на холм гнев затопил дьявола и вывел его из себя. Мефистофель соскользнул со своего насеста и расправил крылья, окутанный силой и яростью. Миллионы проклятых душ и младших дьяволов подняли и сразу же опустили свои взгляды, закрываясь руками, погружаясь обратно в свою боль, чтобы не смотреть на охваченного яростью повелителя Кании.

Он сложил крылья и спикировал к могиле Эревиса Кейла. Он ударил в неё с достаточной скоростью и силой, чтобы во всех направлениях прокатилась ударная волна. В воздух полетел снег и осколки льда. Проклятые души Кании исторгли общий стон.

Дьявол посмотрел вниз, его грудь вздымалась кузнечными мехами, его ярость пылала

всё так же сильно. Холм не пострадал — нарост непрозрачного льда, пронизанного полосами тени. Мефистофель протянул ладони к поверхности холма и ударил в лёд адским огнём. Пламя и дым потекли с его рук, окутав курган, отдача захлестнула дьявола пламенем и жаром. Он стоял посреди этой огненной бури, не получив урона, исторгая силу на объект своей ненависти. Вокруг шипел и плавился лёд, наполняя воздух туманом. В ответ из холма потекли тени, окружив его ночью.

Новый лёд нарастал с такой же скоростью, с какой плавился старый. Тени кружились среди шторма силы, снега и льда — насмехаясь над ним, бросая вызов. Дьявол извергал огонь и силу на лёд, прервавшись лишь для того, чтобы позволить теням рассеяться, а вихрю снега и льда улечься. И когда это произошло, Мефистофель увидел то же, что и всегда: нетронутый курган.

Холм был каким-то образом защищён, и дьявол не понимал, каким. Здесь что-то происходило, что-то, чего он не видел. В сердце этого был Маск, в сердце этого был холм, и Мефистофель даже не мог расплавить его лёд.

И теперь — *теперь* — Асмодей шёл по его душе.

Щупальца тени высунулись из тонких трещин в поверхности ледяного холма и обвили вокруг тела Мефистофеля. Дьявол запрокинул голову, расправил крылья, выпустил когти, и от ярости зарычал в затянутое тучами красное небо. Звук разнёсся по его владениям громом дьявольской ярости. В ответ затрещали далёкие ледники. Вулканы выплюнули в небо облака пепла.

Когда архидьявол наконец устал, он уселся на вершину холма, подпёр ладонью подбородок и принялся обдумывать свои варианты.

Он видел лишь два возможных образа действий: молить Асмодея о прощении, унижаться перед владыкой Нессуса, отказавшись от восстания, либо найти ещё больше силы, достаточно, чтобы сравниться с Асмодеем и приступить к осуществлению запланированного переворота.

Второе нравилось дьяволу намного больше. Но чтобы добыть ещё больше божественной силы, ему придётся ступать вслепую. Маск был занят осуществлением какого-то замысла — разве курган не был тому доказательством? — и Мефистофель не хотел против своей воли стать участником этого замысла и послужить выгоде Маска. Архидьявол боялся потерять ту божественную искру, которой он уже обладал, в попытке заполучить новую силу, поскольку не сомневался, что у Маска был план, с помощью которого бог теней рано или поздно собирался возродиться.

Но выбора у Мефистофеля не было. Не хватало времени. За последнюю сотню лет он обыскал всю Мультивселенную в поисках информации об Эревисе Кейле и Маске, пытаясь разгадать игру последнего, чтобы помешать ей. Он пытал смертных и бессмертных, подслушивал приглушённые разговоры экзархов и полубожеств, прислушивался к носимым планарными ветрами секретам, добывал информацию с помощью прорицаний.

И узнал лишь одно, единственную мучительную улику: у Эревиса Кейла был сын.

За прошедшие годы Мефистофель уверился, что сын имеет какое-то отношение к погребённой подо льдом, под его льдом, тайне, что сын — ключевая часть плана Маска, и что если он отыщет сына, он сможет одним ударом покончить с замыслами Маска, какими бы они не были. После этого он сможет выступить против двух человек, которые, как и сам Мефистофель, обладали частицей божественной силы Маска.

Десятками лет он заключал договора со смертными, обещая им награду за сведения о

сыне Эревиса Кейла. Этих смертных было так много, что он потерял им счёт. Но никто так и не смог найти сына Кейла. Казалось, тот просто растворился.

А сейчас, похоже, способность Мефистофеля планировать на несколько ходов вперёд исчерпала себя. Он больше не мог ждать, чтобы составить полную картину замыслов Маска. Он не мог больше тратить время на поиски сына Кейла. Асмодей собирался выступить против него, как и против любого, осмелившегося задумать восстание. Мефистофелю нужно больше силы, чтобы сразиться с владыкой Нессуса. И он знал, где может её заполучить.

Дразек Ривен и Ривален Тантул обладали искрой украденной божественности Маска. Если Мефистофель убьёт их, он сможет забрать божественную силу и встретиться с Асмодеем на равных.

Он посмотрел на курган, представляя себе застывшее тело Эревиса Кейла, погребённое где-то подо льдом. Он тронул лёд когтистым пальцем.

— Я не забыл о твоём сыне. И не забуду. И твой мёртвый бог не сможет возвратиться, что бы он там на этот счёт не замышлял.

В ответ — лишь новые тени.

Архидьявол стряхнул их, встал, сложил руки чашей перед губами и подул в сторону Мефистара, своей столицы, отправляя послание герцогу Адонидасу, своему мажордому. Порыв воздуха пронёсся над ледяными просторами Кании.

— Готовь легионы к маршу на Царство тени. Дразек Ривен должен умереть.

* * *

Ривен стоял в верхней комнате центральной башни своей цитадели — крепости из тени и тёмного камня, вырезанной из горного склона.

В его голове звучали горькие молитвы немногочисленных оставшихся на Ториле последователей Маска, фоновый шум его бытия, звон, от которого ему хотелось выдавить свой единственный глаз большим пальцем.

Владыка теней, услышь мои слова...

Во тьме я называю имя твоё, повелитель тени...

Вернись к нам, господин скрытности...

— Я не ваш проклятый бог, — сказал он и сделал затяжку. Насколько мог, Ривен попытался не обращать на эти голоса внимания.

Сто лет назад таких голосов было много, но в итоге их число уменьшилось и их осталось совсем мало. Не впервые Ривен задумался о том, слышат ли их Ривален или Мефистофель, также обладавшие частицами силы Маска, или гаснущие надежды паствы Маска были лишь его ношей. Он подозревал последнее, и ему было интересно, что это может означать.

Разражённый, он выдохнул облачко дыма и принялся следить взглядом за тем, как оно вылетает в высокое узкое окно и опускается к укутанной тенью земле за стенами его цитадели.

Беззвёздный чёрный купол неба этого плана бытия висел над серо-чёрной местностью, населённой тёмными симулякрами настоящих вещей. Тени и призраки, духи и другая нежить парили в воздухе вокруг цитадели или рыскали в предгорьях и равнинах неподалёку, столь многочисленные, что их мерцающие глаза напоминали стайки светлячков. Он чувствовал тьму во всём, что видел, ощущал её продолжением себя, и из-за этого казался себе больше,

чем был на самом деле.

Царство тени служило ему домом последние сто лет. Дразек решил, что в итоге оно стало ему даже роднее Фаэруна, и это осознание разозлило его ещё больше. Он никогда не хотел быть богом, никогда не хотел проводить свои дни в сумраке, слушая нытье поклонников, пойманный в махинации существ, о существовании которых даже не подозревал, когда был смертным. В те времена он хотел только пить, есть, играть в азартные игры и наслаждаться женщинами, но сейчас...

Сейчас Дразек по-прежнему хотел и пить, и есть, и играть в азартные игры, и наслаждаться женщинами, но внутри него кипела божественность, зубастая штучка, жующая уголки его человечности, пожирающая человека, чтобы освободить место для бога. И если он не предпримет что-то в ближайшее время, эта штучка поглотит его человечность целиком. Он ненавидел её, ненавидел за то, что она сделала с ним, и за то, что он слышал и знал из-за этой силы.

Потому что по мере того, как божественность проделывала дыры в человеке, эти дыры заполнялись знаниями, которые ему не принадлежали. Божественная частица в нём раскрывала свои секреты не сразу, а постепенно, медленным потоком откровений, разворачивающихся перед ним десятилетиями, постепенно обучая его тому, как быть богом. Ривен не знал, принадлежит ли только ему и эта ноша. Потому что если Мефистофель и Ривален не испытывают того же... что это может означать?

По меньшей мере, это значило, что новые воспоминания время от времени всплывали пузырями и лопались в его сознании, испуская своё зловонное содержимое в его рассудок. Ривен пользовался ими не как человек, оглядывающийся на собственный опыт, а как исследователь, сверяющийся со свитком на едва знакомом ему языке. Маск хранил свои секреты даже от Ривена, лишь понемногу посвящая его в игру.

А игра, похоже, была затеяна долгая. Маск играл всеми ними, включая свою мать, Шар.

На Торице Маск был вестником Шар, пророком, начавшим её Цикл Ночи, божественный процесс, бесчисленное количество раз повторявшийся в Мультивселенной, уничтожая миры. Каждый раз, на каждом мире, цикл заканчивался одинаково, должен был закончиться одинаково — Шар поглощала божественную эссенцию своего вестника. Божественный каннибализм собственных потомков позволял госпоже потерь воплотиться полностью, и тогда она превращала весь мир в ничто.

Циклы Ночи оставили множество дыр в Мультивселенной. Проходя сквозь реальность, Шар оставляла за собой отпечатки в виде бездн пустоты. Ривен знал, сколько жизней она уничтожила в процессе, и даже ему от этого становилось дурно. И, судя по всему, для Маска тоже это было уж слишком, потому что, когда дело дошло до Торицы, он не выполнил свою часть.

— Цикл должен быть прерван, — сказал Ривен, слова сорвались с его губ, но всё равно казались чужими.

На Торице Шар поглотила лишь частицу божественности Маска, потому что остальное он спрятал, и полученного ей оказалось недостаточно, чтобы завершить цикл, недостаточно даже для того, чтобы она могла воплотиться. Маск поймал мать в ловушку на полпути к её воплощению. Теперь она существовала в дыре в сердце ордулинского вихря, беснуясь, разглядывая сквозь окно пустоты мир, который не покорился ей — по крайней мере, пока. Маск заморозил Цикл Ночи Торицы.

Но Шар по-прежнему была голодна, и она хотела завершить свою трапезу.

Частицей божественной силы Маска обладал Ривен, другой частицей — Мефистофель, третьей — Ривален Тантул, ночной провидец Шар на Фаэруне. Эта сила могла покинуть их лишь одним способом — с их гибелью. И как бы Ривен не ненавидел божественность, быть мёртвым он ненавидел сильнее. В ближайшее время он не собирался позволять Шар сожрать себя.

Ривен узнавал больше по мере того, как Маск раскрывал ему свою игру. Он наконец вспомнил, что он сделал — что Маск сделал — с сыном Кейла, Васеном. И он узнал о том, как планирует вернуться Маск.

— Чтобы закончить цикл, воскресить вестника, — произнёс он, и слова снова казались чужими на его губах.

Маск изменил Васена в чреве матери, наделил его необычайными способностями и переместил во времени, чтобы спрятать. Васен был ключём. Васен мог выпустить из Ривалена, Ривена и Мефистофеля божественную искру, не убивая их. Но он должен был сделать это в присутствии всех троих и Шар. Это значило, что всё необходимо было проделать в ордулинском вихре.

Если всё пройдёт как надо, Маск получит новую реинкарнацию. Если что-то не сработает, Цикл Ночи начнётся заново и пойдёт своим чередом.

— Это должен быть Кейл, — прошептал Ривен.

Кейл всегда разбирался в хитрых планах лучше Ривена, и убийца с трудом удерживал всё это в своей голове.

— Это я должен был умереть, а не он.

Но, на самом деле, Кейл не был мёртв.

Маск только недавно решил раскрыть Ривену эту часть информации. Ривен целыми днями обдумывал, что из этого следует. Он толком не понимал, как это сочетается со всем остальным.

Все, что он сейчас знал — Кейл жив. Жив и целых сто лет заперт под адскими льдами.

— Проклятье, проклятье, проклятье.

Маск, похоже, каким-то образом сохранил Кейлу жизнь, когда тот должен был умереть, или вернул его к жизни сразу после гибели. Ривен не знал, что именно произошло, и не понимал, почему так случилось. Он предполагал, что Кейл, должно быть, тоже сохранил частицу божественной эссенции Маска, последнюю каплю, которую не забрал у него Мефистофель. Это было единственным объяснением.

У Ривена кружилась голова, когда он пытался разом охватить всех игроков и их интриги. Всё было так запутанно, колёса внутри колёс, планы внутри планов, а те — внутри других планов, и каким-то образом Ривен должен был разобраться в этом и встать на правильную сторону.

Кроме того, он подозревал, что у Маска ещё остались от него секреты. Ривен мог провести десятки лет, планируя, а на следующий день узнать важную информацию, которая всё переменит и выставит в новом свете.

На мгновение он выкинул всё это из головы, глядя на свои владения и пытаясь наслаждаться табаком.

Плотую завесу облаков время от времени пронзали зеленоватые молнии, окрашивая ландшафт болезненным цветом. Порывы ветра поднимали с предгорий пыль и золу, несли их по равнинам, заставляя скрюченную траву и растущие под странными углами ветви деревьев Царства тени шуршать и шептаться. Миазматический, сумрачный воздух, густой от тени,

кишел нежитью и давил на Ривена.

Он давно уже устал от Царства тени, но покидал план только тогда, когда это было абсолютно необходимо. Его тесная связь с этим местом означала, что здесь он становился сильнее, а в других мирах — слабел. Он знал, что Мефистофель и Ривален оба с радостью убьют его, если смогут, и не осмеливался дарить им даже кратчайшее мгновение уязвимости. Время от времени они оба пытались следить за ним с помощью магии. Он чувствовал, как их прорицания ищут его, как электризуется и гудит от этой магии окружающий воздух, но заклинания никогда толком не могли поймать Ривена. Его божественность позволяла ему ускользать почти от любой прорицательной магии.

Но владыка Кании и ночной провидец знали, где он находится. А он знал, где находятся они.

— Нас трое, — произнёс он. — Патовая ситуация.

Голос Ривена привлёк одну из его собак, сучек, которых он держал вот уже несколько десятков лет. Она протиснулась через дверь позади него, подошла и с усталым вздохом улеглась у его ног.

Настроение Ривена немедленно улучшилось. Короткий хвост сучки стучал по гладкому каменному полу. Когда Ривен посмотрел вниз, улыбка исказила его сжимающие трубку губы. Собака перевернулась, подставляя свой плоский от старости живот.

Тени стекали с её тела. Когда-то её шерсть была коричнево-белой, но годы в тени, годы с Ривеном, сделали её тёмной. Царство теней просочилось в неё, как и в Ривена, превратив их обоих в тени самих себя.

Собака заскулила, требуя внимания, по-прежнему размахивая хвостом, и Ривен понял намёк. Он стал чесать ей грудь и живот, и сука отозвалась счастливым повизгиванием. Он попытался не обращать внимание на её седеющую шерсть и тяжёлое дыхание. В отличие от Ривена, собака не обладала божественной силой и не была бессмертной. Эссенция тени продлила ей годы, но не могла сохранять жизнь вечно.

— Я не должен был забирать тебя сюда, — сказал он, а сука просто счастливо махала хвостом. Он должен был позволить своим девочкам мирно умереть на Фаэруне, оставаясь прежними, нормальными.

Её сестра, такая же тёмная, как чернила, подбежала к Ривену, тоже требуя ласки. Она опустилась, подставила живот, и Ривен сдался. Он положил трубку на пол и принялся активно чесать и гладить каждую из своих питомиц. Собаки перевернулись и положили головы к нему на ноги, принялись облизывать руки. Тени кружились вокург всех троих. Ривен улыбнулся, представив, как они выглядят со стороны, тёмный бог и его жирные, виляющие хвостами теньевые гончие.

— Хорошие девочки, — сказал он, похлопывая их по головам и гладя шерсть.

Без них он был бы мёртв внутри, знал Ривен. Иногда он чувствовал, что собаки — единственная нить, связывающая его с человечностью. А он скучал по человечности. Он скучал по нужде, по удовлетворению, которое получаешь, когда жаждешь обычных вещей и получаешь их. Божественность расширила его разум, но лишила тело удовольствий. Он мог есть, пить, быть с женщинами, но всё казалось отдалённым, будто он оставался наблюдателем, а не участником. Проклятье божественного разума, полагал Ривен. По какой-то причине удовольствие, которое он получал, когда курил трубку, оставалось по-прежнему ярким, так что курил он часто. Джак Флит, его старый товарищ, улыбнулся бы, увидь он это.

— Ладно, девочки, — сказал он, погладив их последний раз, прежде чем взять свою

трубку и встать. Сучки смотрели, как он встаёт, с огорчённым видом, какой бывает у собак.

Ривен сделал затяжку, задумавшись, планируя. Он сделает всё наилучшим образом, насколько сумеет. Сейчас ему нужно было подождать, пока Васен — парню сейчас должно быть уже за тридцать — придёт к нему сам, поскольку Ривен не осмеливался лично посетить сына Кейла. После этого он должен будет спасти Кейла. Затем ему придётся воскресить бога или уничтожить мир — третьего не дано.

— Проклятье, — сказал он.

Он подумал о прежней жизни, подумал о Кейле, Джаке и Магзе. Магз.

Он принял решение. Ему понадобится Магз, человек, на которого он мог положиться, которому мог доверять. Он рискнёт покинуть Царство тени ещё раз, прежде чем все кусочки придут в движение.

* * *

Магадон стоял за барной стойкой своей таверны, протирая грязной тряпкой жестяные кружки. Он закрылся на час раньше и его теперь безлюдное заведение — ветхая пивная, котрую он назвал «Десятым Адом» в качестве понятной лишь себе шутки — казалась заброшенной. В ней по-прежнему стояли остатки дневной вони; дым, пиво, пот, скверное жаркое.

Дэрлун, да и на самом деле весь Фаэрун, сильно изменился за те восемьдесят лет, которые он владел этим заведением, но таверна оставалась более-менее такой же, как и тогда, когда он её приобрёл. Магадон делал только минимальный ремонт.

Таверна застыла во времени. Как он сам.

Магадон тоже слабо изменился за прошедшее время. Он позволил отрасти своим рогам и волосам, стал сильнее в Незримом Искусстве, но помимо этого — оставался прежним. Убивал время, не больше и не меньше. Он подавал свой эль и своё жаркое, хранил своё оружие и снаряжение под стойкой, и ждал.

Будь он проклят, если знал, чего именно. Чего-то.

Таверна представляла собой потрёпанное деревянное здание с двумя очагами, которое привлекало такую же потрёпанную клиентуру, не возражавшую против тавернщика-полуизверга. Покосившееся и одинокое здание приютилось у восточной стены Дэрлуна. Если Шадовар и их сембийские союзники когда-нибудь выступят на Дэрлун — провозгласивший о своей независимости десятки лет назад — они придут с востока, и таверна Магадона окажется среди первых сожжённых зданий. Может быть, в этом был какой-то скрытый смысл.

Угроза войны с Шадовар десятилетиями висела над Дэрлуном такой же тенью над городом, как и миазматический воздух соседней Сембии. Со временем народ так привык к угрозе нападения, что она превратилась в шутку: «Скорее Саккорс прилетит к нашим стенам», говорили они, намекая, что случится это вряд ли.

Но в последнее время шутки прекратились. Караванщики, грузчики и солдаты приглушёнными голосами рассказывали о стычках в постоянном мраке сембийских равнин, о войсках Шадовар, блокирующих земли к югу от Мантикорского тракта, о битвах, которые ведутся в Долинах. Сембия разослала весть о найме воинов, и Магадон представлял себе целые корабли, полные продажных клинков, которые плывут в порты Селгонта и Сэрлуна.

Рано или поздно война доберётся и до Дэрлуна с его высокими обсидиановыми стенами. Если Долины падут перед войсками Сембии, следующим падёт Дэрлун. Магадон не думал, что этого придётся долго ждать. На горизонте пару раз замечали Саккорс, висевший обещанием злого рока в тёмном сембийском небе.

Саккорс. Сам Магадон уже много лет не видел его, но ему это было и не нужно. Город часто появлялся в его снах. Разумный кристаллический мифалар, который питал Саккорс энергией и держал его в небесах — он называл себя Источником — занимал постоянное место в голове Магадона.

Давным-давно Магадон едва не потерял себя в бескрайнем сознании Источника. Он воспользовался его силой, как топливом для своей магии разума и стал полубогом, по крайней мере на миг. В процессе Магадон стал также и чудовищем, но его друзья спасли его, и вместе с Эревисом Кейлом и Дразеком Ривеном они победили бога.

Воспоминания о тех временах заставили его улыбнуться. Он считал те дни лучшими в своей жизни, но всё же чувствовал какую-то незавершённость. Это была причина, по которой он не мог двигаться дальше. Это была причина, по которой он занимался баром и тратил своё время впустую.

Конечно, Источник по-прежнему звал Магадона, но благодаря тому, что с годами тифлинг стал сильнее, Источник уже не притягивал его так сильно, как раньше. Вместо этого прикосновение Источника казалось скорее осторожной просьбой, приглашением. Он мог это заблокировать — простого щита было бы достаточно — но за годы касание Источника стало привычным, утешающим напоминанием о связи с прошлым, которое Магадон пока не готов был отпустить.

На нескольких старых, поцарапанных столах таверны горели глиняные лампы, отбрасывая неровные тени на деревянные стены. Он всмотрелся в тёмные уголки помещения, играя с собой в небольшую игру, и позволил в голове вспыхнуть обречённой искре надежды. Он озвучил эту надежду прежде чем она умерла окончательно:

— Кейл? Ривен? Ничего. Плясали тени, но никто ему не ответил. Кейл был мёртв, Ривен был человеком-который-стал-богом, и Магадон не видел его почти целый век.

Он вздохнул и повесил на гвоздь за стойкой все кружки, кроме одной. Он наполнил её из полупустого бочонка и поднял в молчаливом тосте. Осушив кружку, он стал запирать таверну на ночь — привычная рутина. Его жизнь вся стала рутиной.

Магадон подошёл к столам, каждый из которых неровно стоял на своих косых ножках, и задул лампы. Слабый огонь в очаге остался единственным источником света в комнате. Магадон проверил котёл с жарким на крюке у очага, увидел, что тот почти пуст, и решил оставить чистку на утро. Он взял со стены железную кочергу, собираясь разворошить угли, а затем пойти в пристройку, где он будет лежать без сна и думать о прошлом, потом наконец заснёт и будет видеть сны об Источнике.

Внезапно воздух в помещении потяжелел, надавил на его уши, и за спиной у Магадона кто-то кашлянул. Магадон резко развернулся, замахиваясь кочергой. Инстинкт заставил его обратиться к своей ментальной энергии, и голову тифлинга нимбом охватил мягкий красный свет.

Тьма в таверне почернела настолько, что он не мог разглядеть дальних углов комнаты. Он стоял в пузыре света, источником которого служило слабое мерцание его мысленной силы и угли в очаге. Он скользнул влево, поднимая кочергу в защитном жесте, и прижался спиной к камину. Проклятое оружие осталось за стойкой.

— Покажись, — сказал он.

Он зарядил железную кочергу ментальной энергией, которой хватило бы, чтобы пробить драконью чешую. Кончик кочерги засиял ярко-красным. Свет бросил тени на стены.

— Покажись, говорю.

— Так вот что ты теперь носишь вместо меча? — спросил его голос справа.

Магадон повернулся в ту сторону и чуть не выронил кочергу от потрясения.

— Ривен. Тьма в комнате отступила. Воздух оставался всё таким же тяжёлым.

— Приятно, что кто-то ещё помнит это имя, — сказал Ривен. Он выступил из мрака, появился из него, как будто вышел из-за тёмного занавеса, весь — скупые движения и размытые грани. На поясе у него висели сабли. На губах играла усмешка. Он не постарел, но и не должен был. Магадон напомнил себе, что разговаривает с богом, а не с человеком.

Ривен скользнул по комнате, его шаги были беззвучны, и Магадон не нашёл ни единого слова. Ривен улыбнулся сквозь свою козлиную бородку и протянул руку. Магадон помешкал, потом пожал её. Тени потекли с Ривена и обхватили запястье Магадона.

— Рад снова тебя видеть, Магз. У меня мало времени. Моё появление здесь подвергает тебя риску.

— Риску? Какому? Я не...

Ривен уже кивал.

— Я знаю. Знаю. Так всё и должно быть. Магз, либо Цикл Ночи завершится, либо нет. И это зависит от нас. Возможно.

У Магадона голова пошла кругом. Мысли путались.

— Цикл Ночи?

Ривен кивнул, зашагал по комнате, проводя кончиками пальцев по столешницам, к его фигуре цеплялись тени.

— Ну и дыра у тебя, Магз.

— Что?

Ривен хмыкнул.

— Застал тебя врасплох. Прости. Мне нужно, чтобы ты был наготове, когда я позову. Мне просто... нужен человек, на которого я могу положиться. Можешь мне это пообещать?

Магадон не мог собрать разбегавшиеся мысли. Он воспротивился импульсу задать ещё один глупый вопрос.

— Я не понимаю, о чём ты говоришь.

Голос Ривена казался почти сочувственным.

— Знаю. Но сейчас это хорошо. Половину времени я и сам не знаю, о чём говорю, потому что это не мои слова и лишь наполовину мои мысли.

Магадон смущённо заморгал.

Ривен посмотрел прямо на него, его взгляд был тяжёлым, как удар.

— Можешь это пообещать, Магз?

— Я... не знаю.

Ривен кивнул, как будто он ожидал неуверенности.

— Где твой ранец? Лук и клинок?

Магадон наконец нащупал землю под ногами в этом разговоре.

— За стойкой бара.

— Бармен, — сказал Ривен, хмыкнув. — Не ожидал я, что для тебя всё так обернётся.

— Я и сам не ожидал, — признал Магадон, пожимая плечами. — Ривен, прошло сто лет. И тут появляешься ты, разговариваешь так, как будто я должен знать, что происходит, но я не знаю, и...

— Я нашёл сына Кейла. Тридцать лет назад. Я его нашёл.

От этих слов Магадон окоченел.

— Где? Тридцать лет назад он был жив? Ему должно было быть семьдесят.

Ривен покачал головой. В руке он сжимал трубку, хотя Магз не заметил, как он её доставал.

— Спичек не будет?

Магадон отрицательно покачал головой.

— Боги, Магз. Ты ведь раньше был готов ко всему.

Ривен помотал головой.

— Неважно.

Он взял трубку в рот, и та просто зажглась. Он вдохнул, свет от тлеющего табака выхватил оспины на его лице, пустоту на месте левого глаза. Дым окутал Ривена вместе с тенями.

— Ему не семьдесят, — сказал Ривен. — Тридцать лет назад он только родился. Это длинная история.

— Как он мог родиться тридцать лет назад? Кейл к тому времени семьдесят лет был мёртв.

Ривен улыбнулся уголками рта.

— Я же сказал, это длинная история.

— У меня полно времени.

Ривен кивнул, выдул облачко дыма.

— Жаль, что у меня — нет.

— Ты говоришь, что он ещё жив? Сын?

— Он жив, и он — это ключ, Магз.

Магадон покачал головой, ничего не понимая.

— Ключ к чему?

— Ключ к тому, чтобы всё исправить, отменить, сделать всё как должно было быть, остановить Цикл Ночи Шар. Но всё это должно случиться в Ордулине.

Магадон по-прежнему не понимал, хотя при упоминании Ордулина его мысли обратились к шадовар, к Ривалену Тантулу, ночному провидцу Шар. Ривален и его брат, Бреннус, когда-то давным-давно схватили и пытали Магадона.

— В этом замешаны Ривален и Шадовар?

Ривен кивнул.

— Не просто замешаны. Ривален пытается завершить Цикл, и он умён, Магз, очень умён. Но, может быть, чересчур умён в этот раз. Твой отец тоже замешан, хотя роль у него эпизодическая. И ты тоже. По крайней мере, теперь замешан.

— Отец? — в последний раз, когда Магадон видел своего отца, Мефистофеля, тот разорвал его душу надвое. Он прогнал от себя эти воспоминания.

— Ты в порядке? — спросил Ривен.

Магадон кивнул.

— Где сейчас сын Кейла?

Ривен посмотрел мимо Магадона на восток.

— Там, в темноте. Свет в тьме, как говорят. Но он в безопасности.

— Если скажешь мне, где он, я смогу отправиться к нему. Охранять его.

Ривен покачал головой.

— Нет, не сможешь. Он там, где должен быть. Теперь он должен прийти ко мне. Кроме того, ты нужен мне здесь.

— Зачем?

— Я же говорил. Чтобы ты был готов, когда я позову.

— Что это вообще значит? Ты повторяешься.

Сжимавшие трубку губы Ривена изогнулись в улыбке.

— Я сам пока не знаю, что это значит. Выясню в процессе. Знаю только, что хочу, чтобы ты был готов. Мне потребуется твоя помощь. Как всегда, как в былые деньки, до того как... всё случилось.

— Как в былые деньки, — эхом отозвался Магадон. Он кивнул на котёл с жарким, всё ещё висящий над углями.

— Ты ешь? Теперь, когда ты стал... тем, кем стал. Немного жаркого осталось. Или, может быть, кружку эля?

— Я ем, — сказал Ривен, потеряв улыбку. — Но теперь это совсем иначе. Как будто я не могу перестать оценивать пищу вместо того, чтобы просто ею наслаждаться.

Он покачал головой.

— Это сложно.

Магадон сочувственно положил руку ему на плечо, но Ривен смахнул её в сторону и наклонил голову, как будто что-то услышал. Полмига спустя наверху раздался грохот, сильный удар по крыше, от которого треснула поперечная балка и содрогнулась вся таверна. Вниз посыпалась пыль и обломки.

Магадон задрал голову.

— Что...

Ещё один удар, балка треснула громче, вся крыша покосилась.

— Дерьмо, — выругался Ривен, извергая дым. Трубка уже исчезла, и в руках у него оказались сабли. Магадон даже не видел, как он их достаёт.

Тяжёлый стук по крыше, треск дерева, скрежет по черепице, как будто когтями или клинком.

— Похоже, они следили за мной, — сказал Ривен, становясь рядом с Магадоном. Его тело напряглось, тени забурили.

— Каким-то образом они следили за мной в Царстве тени и ждали. А может быть, всё это время они были здесь? Не замечал ничего необычного в последнее время?

— Что? Нет.

Новый толчок, новый треск, пыль, напряжение.

Магадон зачерпнул ментальной энергии из своих запасов, придав ей форму, создавая кокон прозрачной силы, охвативший его тело и защищающий не хуже латных доспехов. Он покрепче сжал кочергу, посмотрел на просевший потолок.

— Кто именно за тобой следил? — прошептал он.

— Агенты твоего отца, — сказал Ривен тихим и напряжённым голосом.

— Значит, дьяволы.

Раздался грохот и долгий пронзительный треск — крыша окончательно рухнула. Главная балка с грохотом ударилась о пол, сломала стол и два стула. В дыру посыпалась

черепица, деревянные щепки и две крылатых демонических фигуры. Дьволы приземлились на корточки, их узкие глаза уставились на Ривена с Магадоном, в когтистых руках были трезубцы, а за спинами виднелись перепончатые крылья.

Изверги — Магадон узнал в них загребал — были выше самых высоких мужчин. Под их серой, грубой кожей бугрились толстые мускулы. На каждом были надеты наручи, у каждого на одном плече висел наплечник. Со лбов торчали изогнутые рога, нависая над рептильными лицами. Верхняя челюсть значительно выступала над нижней. Из огромной пасти торчала вверх пара клыков.

— Сумрак здесь не такой, как в Царстве теней, — сказал один из них могильным голосом. Второй схватил стул и швырнул его в Ривена. Тот легко уклонился. Стул ударился о камин и разбился, обломки попали в котёл.

— Почти такой же, — с ухмылкой сказал Ривен.

Дьяволы распахнули пасти и зарычали. Языки пламени вспыхнули на их трезубцах.

— Живыми они отсюда не выйдут, — сказал Ривен. — Даже одного нельзя упускать.

— Понял, — ответил Магадон. Он обратился к глубокому источнику ментальной энергии, наполнявшему его естество, преобразовал энергию в поле постоянной силы и снова направил её в кочергу. Кончик его импровизированного оружия засветился красным.

Дьяволы бросились на них, толстые ноги швырнули их вперёд, как камни из пращи. Магадон бросил в одного кочергу, пока Ривен прыгнул вперёд со сверхестественной скоростью, встретив натиск того из загребал, что был крупнее, собственным натиском.

Кочерга попала в цель, поймала меньшего загребалу на полушаге. Энергия, которой Магадон наплатил её, позволила оружию с огромной силой ударить дьявола. Столкновение подбросило его в воздух, и загребала упал на стол. Он завыл от боли и ярости, кочерга на ладонь вонзилась в его шкуру.

Ривен тем временем сражался с другим дьяволом, его клинки были стальным вихрем, его движения оставляли теневой след. Он шагнул в сторону, пропуская трезубец дьявола, перескочил через следующий удар, рубанул, развернулся, ещё раз ударил. Дьявол стал отступать под натиском Ривена, натыкаясь на столы, спотыкаясь о стулья. Его трезубец был слишком медленным, чтобы отразить молниеносный натиск Ривена. Две глиняные лампы рухнули на пол и разбились, расплескав масло.

Ривен со скоростью и умением бога кровавыми лентами срезал с дьявола мясо. Истекая ихором, тварь заревела, снова и снова ударяя Ривена трезубцем и попадая в воздух. Трезубец заскрежетал по полу, и его огонь воспламенил масло.

Дьявол, которого сбил с ног Магадон, вырвал из себя кочергу и специально опрокинул в огонь другой стол. Разбилась лампа, масло растеклось. Загорелись столы, стул, второй стул, пол. Дым заполнил помещение.

Магадон выругался и бросился через всю комнату. Изверг вскочил на ноги и побежал за ним. Магадон прыгнул через стойку, сбросив на пол две кружки и тарелку, и грудой упал на пол. Он торопливо поднялся на ноги и оглянулся, чтобы увидеть присевшего перед прыжком изверга.

Воспользовавшись своим резервом метальной энергии, Магадон сформировал её в силовой шип, который приковал ногу дьявола к полу. Изверг всё равно прыгнул, и пришипленные ментальной силой к его ноге половицы оторвались, заскрипели, как проклятые, вырванные гвозди и дерево. Лишившись равновесия, изверг рухнул на стол, расколовшийся под его весом.

За его спиной дым и пламя набирали силу. В огне сражались Ривен и второй дьявол. Таверна превращалась в ад.

К тому времени, как дьявол снова поднялся на ноги, Магадон уже схватил свой лук и колчан. Он натянул тетиву, зарядил стрелу ментальной энергией и выстрелил ею прямо врагу в лицо. Стрела вонзилась в горло дьявола и тот закричал, пошатнулся, хватаясь за шею. Он сделал отчаянный бросок, и трезубец ударил Магадона в грудь.

Хотя зубцы не пробили его силовое поле, сама сила броска отбросила Магадона к стене. Затрещали рёбра, из лёгких выбило воздух. От столкновения с гвоздей посыпались кружки. Бочонок рухнул на пол, раскололся, и по полу растеклось пиво.

Задышавшись, кашляя от дыма, Магадон проковылял обратно к стойке и потянулся за новой стрелой из колчана. Дьявол, в которого он выстрелил, бешено метался по пылающей комнате, переворачивая столы и стулья, вопил, кричал, из-за дыры, которую Магадон проделал в его горле, вырывалось громким свистом его дыхание.

Позади раненого изверга Ривен продолжал расчленять более крупного дьявола. Сабли Ривена сливались в единое размазанное пятно, рубили, кололи, резали. Дьявол ревел и крутился, бил когтями, трезубцем, даже ногой, но всё было напрасно. Ривен был слишком быстр и слишком точен. Десятки ран изверга кровоточили чёрным ихором. Мясо клочьями свисало с тела. Завершающий удар сабли отрубил его голову.

Магадон натянул тетиву заново как раз в тот момент, когда выживший дьявол наконец вырвал засевшую в горле стрелу и закричал от боли. Он сфокусировал взгляд на Магадоне, широкая грудь поднималась и опадала. Дьявол сплюнул ихор и бросился на него.

Магадон вздохнул и зарядил стрелу достаточным количеством энергии, чтобы завалить лошадь. Острие засияло злым, горячим красным светом. Он выбрал точку между глаз дьявола и приготовился спустить тетиву.

Прежде чем он смог выстрелить, Ривен шагнул сквозь тени, пересёк комнату единственным шагом. Он появился перед дьяволом, сабли висели в ножнах. В руках у него была тонкая петля из живой тени.

Он увернулся от удара когтей удивлённого изверга, развернулся и захлестнул теневой струной горло противника. Прежде чем дьявол смог отреагировать, Ривен заскочил ему на спину, обхватил ногами и натянул свою удавку.

Дьявол попятился, широко раскрыв глаза, хрипя, пытаясь втянуть в себя воздух. Из раны в горле летели капли крови. Он закружился, потянулся за спину, пытаясь достать когтями Ривена, зашатался по комнате, натыкаясь на столы, стулья, шагая сквозь огонь. Ривен сидел у него на спине в спокойной, смертоносной тишине, теневая гаррота продолжала душить изверга.

Магадон расслабился, положил лук на стойку, и его тело с внезапностью молнии вдруг пронзила боль. Из живота наружу показался кончик чёрного меча и залил барную стойку кровью. Он задохнулся, закричал, непонимающе глядя на тёмную полосу стали, торчащую из его кишков. Рот заполнялся кровью. Он закашлялся. В глазах помутнело.

— Дерьмо! — услышал он крик Ривена. — Магз!

— Я в порядке, — попытался сказать он, но это было не так, и вместо слов он издал только кровавый клёкот. Он опёрся ладонью о залитую кровью стойку, чтобы устоять, когда колени начали подгибаться. Одежда уже пропиталась кровью, а все мысли прогнала боль.

Сзади раздался смешок.

Он повернул голову — казалось, это заняло целую веность — и увидел мужчину—

дьявола, стоящего позади него и сжимающего тёмный клинок, на котором повисло умирающее тело Магадона. Это был не очередной загребала. Он казался почти человеком, не считая фиолетовой кожи и торчавшей из головы пары тонких рожек. Его стройное тело облегали тени и кожаные доспехи. Магадон узнал род дьяволов, которых другие дьяволы использовали как тайных убийц и ассасинов. Должно быть, он проник в таверну вместе с загребалами, невидимый или окутанный тьмой. Магадон его не заметил. И дьявол убил его.

— Ривен, — попытался произнести Магадон, но прозвучало только кровавое бульканье. Он попытался сфокусировать взгляд, но его глаза не могли оторваться от лица изверга, его красных глаз и клыкастого рта.

Изверг улыбнулся и повернул меч в животе Магадона, затем вырвал клинок, задев им рёбра, расширив рану. Из разреза хлынул тёплый ручей. Магадон закричал, и онемение сменилось болью.

Он отчаянно уцепился за боль, сфокусировался на ней, мгновение жил в её сердце, мгновение, в которое он не обращал внимание на кровь и экскременты, текущие из дырки в его теле. Он схватил дьявола ослабевшими руками. Магадон покачнулся, зашатался и упал бы, не схвати он дьявола за запястье.

Тот попытался стряхнуть его, но Магадон держал крепко. Дьявол замахнулся мечом для нового удара, но прежде чем он успел его нанести, Магадон превратил свою волю в копье и вонзил его в разум противника.

Дьявол немедленно почувствовал опасность. Он стал сопротивляться мысленному вторжению, попытался стряхнуть руку Магадона, но отчаяние противника только укрепило Магадона физически и ментально. Его ногти вонзились в кожу дьявола, а разум вонзил психический крюк в сознание врага.

Дьявол снова ударил его, но Магадон не чувствовал боли. Удара он тоже не почувствовал, только слышал, как клинок разрезает его плоть и органы, скрежещет по костям. В глазах вспыхнули огни, искры, потом наступила тьма. Он терял сознание, падал, но всё равно сильнее уцепился за разум изверга и установил с ним эмпатическую связь. Почувствовав, как возникла прочная связь, как между ними появился психический мост, он ухмыльнулся, чувствуя во рту кровь, и перенёс через эту связь раны и всю до последней искорки боль в его разрушенном теле.

Глаза изверга стали широкими, как монеты. Он уронил меч, и клыкастый рот распахнулся в вопле боли. Тени бурей сумрака завертелись вокруг него. В животе у дьявола открылась неровная дыра, хлынула кровь, а дыра в Магадоне закрылась и болезненно зажила.

— Это тебе, ублюдок, — прохрипел Магадон, вливая свою агонию в гибнущего дьявола. Он отпихнул тварь назад, и изверг ударился о стену, опрокидывая кружки, пытаясь запихнуть внутренности обратно в свой живот.

Магадон потянулся к стойке и сжал в кулаке стрелу, уклонился от слабого взмаха меча дьявола и вонзил стрелу ему в глаз, глубоко в рогатую голову.

Дьявол упал на пол, Магадон бросился на него, оседлал, они оба были скользкими от смешавшейся крови. Он вырвал стрелу и погрузил её во второй глаз противника.

Магадон встал, тяжело дыша, его ноги всё ещё подгибались, и обнаружил позади себя сидящего на стойке Ривена, подсвеченного светом разрастающегося пожара. Вокруг него медленно вились тени. Чем-то он напомнил Магадону ворона.

— Прямо как в старые времена, — сказал Ривен.

Магадон выпрямился, пошатнулся, кивнул.

— Ты в порядке? — спросил Ривен. Его дыхание даже не участилось. Магадон задумался, а дышит ли Ривен вообще?

Магадон посмотрел на окровавленную стрелу в своей руке, на свою залитую кровью одежду, на труп дьявола позади себя, на пылающую таверну.

— Со мной всё хорошо, — сказал он. Он поднял с пола бочонок и обнаружил, что сквозь трещину вылилось не всё содержимое. Он наполнил две кружки и протянул одну Ривену.

— Дерьмовое пойло, — сказал он, осушая свою кружку.

Ривен тоже осушил свою.

— Лучшее, что я пил за долгое время, Магз.

В руке Ривена возникла его трубка, уже зажжённая, и он сделал длинную затяжку.

— Пожарная бригада, должно быть, уже в пути, — сказал Магадон, глядя, как горит его таверна. Сквозь дыру в потолке наружу струился густой поток дыма. Кровь изверга защищала Магадона от жара и огня. Для Ривена пламя тоже не представляло опасности.

— Для этого места слишком поздно, — сказал Ривен. — Прости, Магз.

Магадон пожал плечами.

— Мне оно всё равно надоело.

Ривен кивнул.

— Пускай трупы горят. Если бы эти трое работали на твоего отца, у нас бы тут уже были десять дюжин дьяволов, и, может, сам архизверг во плоти.

Даже намёка на сказанное полубогом имя Мефистофеля было достаточно, чтобы в помещении пронёсся порыв холодного ветра. Пламя зашипело и затрещало, этот звук был похож на тёмные слова.

— Эти работали на себя, может быть, пытаясь заслужить расположение твоего отца. Это была ошибка.

— Да.

Ривен сделал новую затяжку, втянул в себя дым.

— Ну?

Магадон окинул взглядом старого друга, скорее бога, чем человека, а вокруг тем временем горела его жизнь.

— Я буду готов, — сказал он.

— Отлично, — отозвался Ривен, и Магадону показалось, что у бога упал груз с плеч. — Тогда соедини нас.

— Мысленной связью?

— Чтобы я мог позвать тебя, когда будет нужно. Просто оставь связь, чтобы я мог оживить её, если потребуется. И не заглядывай глубже, Магз. Тебе не понравится то, что ты увидишь.

Мысль о том, чтобы соединить разум с богом, встревожила Магадона, но это было необходимо. Он открыл сознание, зачерпнул ментальной энергии, потянулся к разуму Ривена.

Шок от контакта заставил его задохнуться. Помня о предостережении Ривена, он оставил связь поверхностной и узкой, но всё равно смутно почувствовал широту сознания Ривена, его расширенное восприятие времени и пространства, голоса верующих, что звучали у него в голове.

— Боги, — тихо сказал Магадон.

— В самом деле, боги, — отозвался Ривен. — Превращает человека в чудовище, Мазг. Этого не избежать.

— Мне... жаль.

Ривен пожал плечами.

— Каждый несёт свою ношу. И не стоит пока меня не жалеть. Вскоре твои дела пойдут скверно. Можешь на это рассчитывать.

Магадон сочувственно улыбнулся.

— А когда было иначе?

Ривен ухмыльнулся.

— Не теряй бдительности, Магз. Скоро увидимся. Да, и, Магз... Он жив.

— Кто?

— Кейл. И мы собираемся его освободить.

— Что? Подожди!

Собравшаяся тьма окутала Ривена, и он исчез.

Он жив. Он жив. Эти слова и их значение выбросили все прочие мысли из головы Магадона.

Кейл был жив. И его сын был жив.

Скалясь, как безумец, Магадон собрал своё оружие и припасы. Он надел свою широкополую шляпу, натянул её на рога, и вышел на ночные улицы Дэрлуна сквозь пламя, не пострадав. Вокруг таверны уже собралось несколько человек. Но огонь не перекинулся. Пожар сожжёт его таверну и пристройку, но больше ничего.

Один из собравшихся, высокий, худой, лысый человек, державший в руках открытую книгу, показался Магадону странным. Он не смотрел на пожар, как остальные. Вместо этого он что-то записывал пером в свою книгу.

Должно быть, мужчина почувствовал взгляд Магадона. Он оторвал взгляд от книги.

В его глазах не было зрачков. Они казались вставленными в череп опалами. Он ухмыльнулся.

По коже Магадона пробежали мурашки. Он не знал, почему. Что-то в этом мужчине...

— Эй, ты в порядке? — крикнул один из собравшихся, моряк, язык которого заплетался от выпивки. — Ты в порядке, друг? Взгляни на свою одежду! Боги!

Лысый мужчина снова начал писать в книге, его рот изогнулся в загадочной улыбке.

— Ты в порядке, говорю? — снова крикнул моряк.

Магадон посмотрел на него, поднял руку, улыбнулся.

— Всё хорошо.

Всё было не просто хорошо. Ему не было так хорошо вот уже сотню лет.

Глава вторая

Какое-то время Магадон просто прогуливался и размышлял. Даже в поздний час на улицах былолюдно: запряжённые мулами фургоны с припасами двигались к казармам, на углах стояли солдаты с мрачными лицами, наблюдая за повозками и пешеходами. Город готовился к войне. Каждый день сотни солдат покидали город, направляясь на строевой плац за пределами окружавших Дэрлун высоких базальтовых стен, и тренировались там часами. Разведчики верхом на везерабах — огромных крылатых созданиях, похожих на миног — пролетали над городом, развозя послания от кормирского дворянства к старшему бергуну Гаскарну Хайбаннеру. Ходили слухи, что между Дэрлуном и Кормиром будет заключён союз. Магадон сомневался, что этого хватит, чтобы предотвратить наступление Сембии.

Ноги сами собой принесли его к восточным воротам. За тёмной базальтовой стеной небо затянуло саваном сембийской ночи. Мерцали полосы зелёных молний, вены сембийского неба. Он почувствовал, как его сознания осторожно касается разум Источника.

Саккорс был там, парил во мраке. Как и сын Кейла. И Магадон знал, что он должен делать.

Ворота были закрыты, и стражники при его приближении напряглись. Но их сознание было простым и легко поддавалось магии его разума.

— У меня приказ старшего бергуна, — сказал он, принуждая их поверить в это заявление. — Мне нужно немедленно покинуть город. Приношу извинения за поздний час.

— Конечно, конечно, — отозвался массивный и бородатый сержант стражи, дыхание которого пахло луком и табачным дымом.

Через несколько секунд Магадон уже стоял за воротами, и базальтовая стена оказалась у него за спиной. Он взглянул через равнину на закрывшую Сембию далёкую стену сумрачного воздуха. Он уже путешествовал по погружённой во мрак Сембии вместе с Эревисом Кейлом. Они вошли в Бурю Теней, направляясь в Ордулин. Воспоминания заставили Магадона улыбнуться.

— Иду по нашим следам, старый друг, — сказал он и отправился в путь. Используя ментальные эманации Источника, он оценил направление и расстояние до Саккорса. Тот парил в вечной сембийской ночи к югу от Грозových вершин, примерно на полдороги между Дэрлуном и Ордулином. И Ривен сказал, что всё должно произойти в Ордулине.

Ривен сказал, что ему требуется помощь Магадона. Но как Магадон мог помочь богу? Так же, как он помог убийству бога сто лет тому назад. Он воспользуется Источником, чтобы увеличить собственную силу. Он чувствовал ментальное излучение Источника и ответил ему собственным. *Скоро увидимся*, передал он.

Он избегал трактов — опасаясь встретить сембийских солдат — и вместо этого быстро двигался по равнине. Лук и мастерство следопыта помогали ему добыть пропитание, а магия разума и навыки скрытности берегли от посторонних глаз. Даже путешествуя в стороне от дорог, время от времени он встречал патрули Шадовар, однажды — вместе конвоем, который, похоже, перевозил пленников. Магадон держался южнее Грозových вершин и Мантикорова тракта, но всё равно замечал там признаки собирающегося сембийского войска. Даже вечный мрак не мог скрыть свет тысяч лагерных костров вдалеке, похожий на слабое мерцание звёзд.

Сембийцы перекрыли дорогу между Дэрлуном и Кормиром с одной стороны и Долинами — с другой. Какую бы армию не пришлось встретить жителям Долин, им придётся сражаться с ней в одиночку.

Магадон не тратил время на то, чтобы собрать больше информации. Ривен просил его быть наготове, так что он продолжал двигаться на восток, напрямик к Саккорсу, к Источнику.

Его огорчали скрюченные, изуродованные деревья и кнут-трава сембийской глубинки. Он шагал по этим равнинам, когда здесь полно было старых деревьев и засеяных ячменем полей. Теперь под порывами ветра трещали ветвями голые скелеты старых дубов и вязов. Он прикладывал ладонь к стволу каждого встреченного вяза, момент родства двух живых существ, которые однажды видели Сембию под светом солнца.

Он держался вдалеке от дорог и обходил деревни по крутой дуге, хотя многие казались покинутыми, их поля засохли и поросли сорняками. Возможно, жители сбежали от марширующих на юг сембийских солдат, а может быть, с ними случилось что похуже.

По равнинам рыскали монстры. Время от времени Магадон слышал вой и рычание вдалеке, иногда замечал краем глаза движение. Часто он накладывал заряженную стрелу на тетиву лука, но стрелять ни разу не пришлось. Существа, что бродили во тьме, не трогали его. По мере того, как он преодолевал лиги, зов Источника становился сильнее. Приближаясь, Магадон чувствовал скрытую нотку в его притяжении, потаённую грусть. Разум Источника казался сонным и подавленным. Магадон не понимал этого. Приближаясь к Источнику, ощущая его силу во всей её полноте, Магадон начинал нервничать. Он боялся, что снова потеряет себя в этой силе. Но к тому времени, как он на самом деле заметил вдалеке Саккорс, тёмную звезду в освещённом молниями небе Сембии, он уже знал наверняка, что сможет сопротивляться притяжению. Он сможет использовать Источник, по-прежнему оставаясь собой. Однажды использование Источника сломало его, разбило на части, но заново собранная личность была сильнее оригинала.

Вокруг летающей горы, на которой стоял Саккорс, сновали мелкие тёмные фигуры. Издалека они казались крошечными, но Магадон знал, что это — шадоварская кавалерия на чешуйчатокрылых везерабах. Похоже, Источник наконец полностью почувствовал его, и зов стал почти жалобным. Источник хотел, чтобы Магадон приблизился, хотел усилить их связь.

Магадон осмотрел сосновую рощицу прямо под летающей горой и обратился к резервам своей силы. Блеклый оранжевый свет охватил его голову, и в избранной точке прямо под Саккорсом заблестело мерцающее зеркало. Он активировал магию разума, и она мгновенно переместила его в рощу под Саккорсом. Гора парила над ним, большая и зловещая. Где-то в её центре находился Источник.

Магадон открыл разум и позволил притяжению Источника омыть себя, позволил частице его силы, его древнего сознания, стать частью своего собственного разума. Он сразу же ощутил, что мощь Источника не уменьшилась, но потеряла остроту, и мгновенно всё понял.

Источник звал его всё это время, сотню лет посылал ментальную энергию в мир в отчаянной попытке дотянуться до него. Он скучал по Магадону. Он хотел, чтобы Магадон был рядом.

Почему? спросил маг разума, но уже знал ответ. Источник погибал, его сознание медленно угасало. Что хуже, оно знало о своей неотвратимой гибели, о медленном распаде разума. Оно боялось. И оно было одиноко, его окружали существа, не понимавшие и не

способные соединиться с ним.

Мне так жаль, сказал Магадон.

Страх и печаль Источника кулаком сжали его грудь, завертели в своём вихре, окатили его волной. Он сел на ложе из сосновых иголок, обхватил руками колени и зарыдал.

Сотню лет Источник хотел, чтобы он пришёл к нему, а Магадон не отвечал.

Магадон подвёл его.

Прости меня, сказал он.

Источник простил. Всё, что Источник чувствовал — это привязанность к нему, соединявшую их связь, и сочувствие Магадона смягчило его печаль и приглушило страх. Угасая, Источник радовался другому разуму, который мог составить ему компанию, как страдающий от жажды радуется глотку воды. Источник просто не хотел умирать в одиночестве.

Я всё время буду с тобой, пообещал Магадон. Когда город начнёт двигаться, я отправлюсь следом. Я не брошу тебя.

Он почувствовал благодарность. Он обустроил себе место на земле под летающим городом, скрытый своей магией и соснами, и составил общество древнейшему разуму, который когда-либо встречал.

Патрули Шадовар появлялись и исчезали, иногда — кавалерия на везерабах, иногда — пешие солдаты, но никто его не замечал. На протяжении дней и ночей Источник многое показывал ему — события из прошлого, возможные версии будущего, потоки несвязных бессмысленных видений, которых Магадон не понимал.

Пока он блуждал по предсмертным мыслям Источника, время текло для него странно. Сознание Источника приобретало странные формы, устанавливало странные связи, переходило от экстраординарного к обыденному. Магадон начал понимать, что в первый раз потерял себя в Источнике не из-за злобы самого Источника, а из-за его одиночества. Это был голый разум без тела, и он так сильно хотел ментальной и эмоциональной близости, что его обширное сознание просто подавило сознание Магадона. Тогда он был не готов. Но с тех пор прошёл целый век, и сейчас он был способен с этим справиться. За мгновения Магадон проживал целые месяцы и годы, за часы — целые жизни, смеялся, плакал и гневался. Но всегда сохранял свой рассудок, свою личность, и не забывал о своей цели.

Настанет время, когда мне потребуется твоя помощь, сказал он. Ты мне поможешь? Источник ответил, что поможет, если будет ещё на это способен. Магадон оборвал связь с Источником лишь однажды, чтобы послать сообщение Ривену по их ментальной связи. Он не знал, получит ли его Ривен, но хотел попытаться.

Я готов, единственное, что сообщил он.

Потом он стал ждать, ждать у смертного ложа Источника, и его мысли часто возвращались к словам Ривена.

Кейл жив. У него есть сын. И его сын — ключ ко всему.

* * *

Васен никогда не знал отца, кровь которого текла у него в жилах, но Эревис Кейл каким-то образом всё равно жил в нём, преследовал его в снах. Васен всегда видел отца как тёмного человека с тёмным мечом, тёмной душой. В снах он никогда не видел лица Эревиса

и редко слышал его голос. Каким-то образом они общались, не видя друг друга, вслепую, в молчании, и за годы через лишённую чувств сновидческую связь Васен решил, что понимает, что Эревис хочет ему передать — глубину потери, боль сожаления. Всё, что он узнал об отце, казалось, вращается вокруг сожаления.

Сейчас Васен видел сон и знал об этом. Перед собой он видел лишь тьму, глубокую и непроницаемую. Холодный ветер ерошил его волосы, будто ножом, колол кожу.

Эревис заговорил с ним, каждое слово — сокровище, его глубокий голос нарушил тишину сновидения.

— Мне холодно, Васен. Здесь темно. Я один.

Васен хорошо знал одиночество. Он провёл жизнь среди других, но всегда в стороне. Васен пытался пошевелиться, но не смог. Что-то удерживало его на месте. Холод становился сильнее. Он дрожал, немел, не мог двигаться.

— Где ты? — позвал он.

— Васен, ты не должен потерпеть поражение.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые, пророческие, заполняя мрак.

— Не должен потерпеть поражение в чём?

— Найди меня. Напиши историю.

— Как? Как мне найти тебя? Ты мёртв!

Васен замерзал. Он хотел задать больше вопросов, хотел наконец увидеть лицо отца, но тьма отступила.

— Подожди! Подожди!

Краем глаза Васен заметил мерцающее красное небо, реки огня. Он услышал крики миллионов мучеников.

Он проснулся на своей койке, содрогаясь, с колотящимся сердцем. Он смотрел в потрескавшийся сводчатый потолок своей кельи в аббатстве. Сквозь единственное окно сочилась прозрачная блеклая серость новорождённого утра. Хватило бы пальцев одной руки, чтобы сосчитать число дней, в которые он видел больше пары часов солнечного света за последний год. Он давно уже привык к постоянному савану мрака Сембии — точно так же, как привык ко всему остальному.

Позволив сну ускользнуть из мыслей, он сел — тело всё ещё было покрыто гусиной кожей — и прочитал Приветствие Рассвета, слова которого в вечных сумерках казались немного вызывающими.

— Рассвет — это дар Амонатора. Его свет разгоняет тьму и обновляет мир.

Какое-то время он сидел на краю своего соломенного тюфяка, опустив голову и обхватив её руками, думая об Эревисе, от наследия которого не мог сбежать даже во сне. В последние месяцы отец снился ему всё чаще и чаще. Он посмотрел на свои мозолистые руки, на кожу цвета потемневшего серебра, на тёмно-фиолетовые вены. Между пальцев плели паутину тени, вились вокруг его запястий, как рукавицы ночи. Долгое время он рассматривал их, изгибы, вихри и спирали, летопись его крови. Когда он потряс руками, мрак рассеялся, как туман.

Свет твоей веры сильнее мрака в твоей крови, часто говорил ему Деррег, и чаще всего Васен верил этим словам. Но иногда, пробуждаясь от очередного сна об Эревисе и сидя в одиночестве, в компании собственной тени, проводя время с тьмой, которая, как он чувствовал, таилась у краёв его жизни, он начинал в этом сомневаться. Жизнь Эревиса преследовала Васена; наследие Васена разрушало его надежды. Иногда он чувствовал, что

обречён жить в истории, написанной кем-то иным, что неспособен перевернуть страницу, чтобы перейти к своей собственной жизни. Окружавшие его тени, от которых не было спасения, и были историей его жизни.

Напиши историю.

Что это вообще значило?

Деррег часто говорил ему, что Васен должен готовить себя, и тренировал его с таким пристрастием, что детство Васена вовсе не было детством. Это была сплошная тренировка ума, тела и духа с тех самых пор, как он был мальчишкой.

— Готовить себя к чему? — постоянно спрашивал за эти годы Васен.

— К тому, что грядет, чем бы оно ни было, — мягко отвечал Деррег, и беспокойство в его глазах говорило громче слов. — И ты не должен потерпеть поражение.

А теперь Эревис повторял слова Деррега во сне Васена. Голоса двух отцов, одного — по крови, второго — по зову сердца, слились в едином требовании.

Ты не должен потерпеть поражение.

Он посмотрел на символ на стене над очагом, пылающее солнце над расцветающей красной розой.

— Не потерплю, — сказал он. Что бы ни случилось, он справится с этим. И не потерпит неудачи.

Громкий стук в дверь испугал его. Как всегда, когда Васен испытывал острые эмоции, тени потекли с его кожи.

— Одну секунду, — крикнул он.

Он встал, и от утреннего мороза кожа снова покрылась пупырышками. Огонь в очаге сгорел, оставив лишь угли да золу. Он натянул рубаху, надел свой священный символ, плеснул водой из умывального таза на лицо, и преодолел несколько шагов к двери своей маленькой кельи. Он открыл дверь и заморгал от удивления.

Там стоял Оракул, его красные, оранжевые и жёлтые одежды мягко сияли. Глаза Оракула затянула сплошная оранжевая пелена транса. Сияющее платиновое солнце с вырастающей в цетре розой висело на цепочке вокруг тонкой шеи. Оракул смотрел не на Васена, а в точку слева от него.

Поводырь оракула, крупный, рыжевато-коричневый пёс-фея с глазами разумного существа, неподвижно стоял рядом с пожилым провидцем, высунув язык и выпрямив хвост.

Васен вдруг осознал, что никогда не слышал, чтобы пёс лаял.

— О-оракул, — сказал Васен. От потрясения он стал заикаться, а с кожи потекли тени. Он никогда не слышал, чтобы Оракул входил в транс за пределами святилища.

Оракул улыбнулся, продемонстрировав беззубые дёсна и углубив паутину морщин, избородившую его ястребиное лицо. Его голову покрывали виднеющиеся под редкими седыми волосами старческие пятна. Кожа была тонкой, как пергамент, и сияла мягким внутренним светом.

— Да хранят тебя его свет и тепло, Васен, — сказал Оракул. Несмотря на возраст, его голос был ровным, спокойным, похожим на водопады в долине, и сильно отличался от голоса, которым Оракул разговаривал, когда не был в трансе.

— И вас, Оракул.

— Можешь идти, Брауни, — сказал Оракул псу. Существо лизнуло хозяину руку, взглянуло на Васена и исчезло во вспышке бледного света. Васена всегда поражала способность пса к магическому перемещению. Стоя лицом к лицу с Оракулом, Васен остро

чувствовал различия между ними. Бледная кожа Оракула, на протяжении века лишённая контакта с солнечным светом, но освещаемая внутренним сиянием его транса, остро контрастировала со смуглой кожей Васена, потемневшей из-за наследия его отца. Оракула освещал свет Амонатора. Васена затемняла тень Эревиса Кейла.

— Оракул... желаете войти? — спросил Васен. Он знал, что слова прозвучат глупо, но не смог придумать ничего лучше.

Снова беззубая улыбка.

— Васен, ты знаешь, что моим отцом был Абеляр Корринталь?

Этот неожиданный вопрос застал Васена врасплох, но он сумел кивнуть.

— Отец рассказал мне.

— Который отец?

Вспоминая сон, который разбудил его, Васен с трудом сформулировал ответ.

— Деррег. Приёмный отец. Другого я никогда не знал. Вы же знаете, Оракул.

— Но ты видишь Эревиса. Иногда. В сновидениях.

Васен не мог этого отрицать.

— Да. Но это просто сны, а он давно мёртв.

— Так говорят.

Тени стекали с кожи Васена. Он уже в который раз покрылся гусиной кожей.

— Что вы имеете в виду?

— Я тоже вижу его, Васен, сын Варры.

Васен сглотнул возникший в горле комок.

— И что вы видите, когда видите его?

— Я вижу тебя, — сказал Оракул.

— Я... я не понимаю.

— Я тоже. Я встречал Эревиса Кейла. Ты знал об этом?

— Не знал, но иногда задумывался.

— Почему ты никогда не спрашивал?

— Казалось, что это будет предательством Деррега, — правдиво ответил Васен. — И я боялся. Я не хотел... знать его.

— Думаю, его было тяжело узнать. Я встречал его дважды, когда был мальчишкой. В первый раз он казался человеком, которого преследуют. Во второй раз он уже совсем не был человеком, но по-прежнему оставался преследуемым.

— Преследуемым? Чем?

— Сомнением, думаю, — сказал Оракул и переменял тему. — Твой отец, твой приёмный отец, был сыном Регга, который был товарищем моего отца. Об этом ты знал?

— Да, конечно.

Васен не мог избавиться от впечатления, что они просто повторяют написанные кем-то другим слова. Он по-прежнему не понимал цели нанесённого Оракулом визита.

— Ты, как и твой отец, как и его отец, принесли клятву остаться здесь и защищать это аббатство, защищать меня. И вы исполнили её.

Васен не отвечал. Он был польщён признанием Оракула.

— Ты был со мной дольше всех и почтил память Деррега и Регга. Ты даже стал первым клинком. Но всё меняется.

— Воистину. Но что именно изменилось? — сбивчиво спросил Васен.

— Мир. Я вижу вихрь событий, Васен, но не могу в них разобраться. Боги, их

Избранные, боги, что стоят за богами, правила всего сущего, таблицы судьбы. Войны, Васен. Они уже начались в Долинах. Война поглощает Торил. Что-то меняется. И в середине всего этого я вижу тени и растущую тьму, что угрожает всем нам.

У Васена закружилась голова. Он не мог понять слов Оракула.

— Мне сто шесть лет, Васен, — продолжал Оракул. — Куда ты отправишься, когда я умру?

Вопрос напугал Васена.

— Что?

— Пилигримы уже стали посещать нас намного реже. Слишком опасно странствовать по королевству Шадовар. По равнинам бродят чудовища, а когда их там нет, маршируют сембийские войска. Когда я умру, паломников станет ещё меньше.

— Они будут приходить, чтобы увидеть гробницу вашего отца.

— Некоторые, может быть.

— Они придут, чтобы посмотреть и на вашу гробницу, почтить вашу память, работу, которую вы здесь проделали. Свет во тьме, Оракул.

Оракул улыбнулся, и Васен заметил, что улыбка была вымученной. Морщинистое лицо искажилось от воспоминаний о боли.

— Боюсь, этого не станет.

— Вы... умираете?

— Все мы умираем, — ответил Оракул. — Спрошу ещё раз: куда ты отправишься, когда я уйду к отцу рассвета?

Васен покачал головой. Он посвятил себя служению и даже не помышлял о жизни вне долины. У него больше не было семьи, не было настоящих друзей. Паломники и товарищи по оружию уважали его, но не были истинными друзьями. Его кровь и внешность делали его другим. Он проводил жизнь в одиночестве.

— Не знаю. Возможно, останусь здесь. Здесь мой дом.

Оракул улыбнулся, как будто знал, что этого не произойдёт.

— В самом деле. Вот, это должно быть у тебя.

Из кармана своей мантии он извлёк толстую серебряную цепь, на которой висел амулет с розой. Серебро потемнело от возраста.

— Это принадлежало моему отцу...

Васен поднял руки.

— Оракул, я не могу...

— Абеляр Корринталь, повелитель рассвета, мой отец, хотел бы, чтобы это было у тебя. Я об этом знаю.

Васен почувствовал, что краснеет. Он не мог отказать Оракулу. Он наклонил голову, позволяя надеть на себя амулет. От прикосновения символа, который однажды носил повелитель рассвета Абеляр, волосы на его шее встали дыбом.

— Оно поблекло, — сказал Оракул, — но соскреби черноту, и под ней будет свет и серебро. Таковы многие вещи.

— Я понимаю.

— Тьма в тебе рождена не Эревисом Кейлом.

Васен напрягся.

— Кем тогда?

— Ты отделяешь себя от всех остальных, от всего, кроме своего долга, потому что

считаешь, что прошлое привязывает тебя к будущему, которое ты не можешь изменить. И ты намерен встретить это будущее в одиночку.

В огне правды зажётся гнев Васена. Тени хлынули с его кожи.

— Разве это не так? Разве не это вы видите обо мне?

Оракул покачал головой.

— Нет, я вижу, что тебе предстоит трудный выбор, но не вижу, что именно ты выберешь. Это будет твой выбор. Помни об этом. Ничто не предрешено. Ничто не записано.

Напиши мне историю.

— Послушай меня внимательно, — продолжал Оракул. — Тебе не нужно встречать свой выбор в одиночестве. Ты *не должен* встречать его в одиночестве.

От обеспокоенного тона Оракула гнев Васена растворился. Он снова склонил голову.

— Извините за мою вспышку. Спасибо за ваши слова, Оракул.

Оракул мягко улыбнулся.

— Это пустяки. И однажды ты можешь пожалеть о своей благодарности.

— Никогда.

— Послушай меня, Васен. Свет в тебе, и он пылает ярче, чем в остальных, потому что сражается с тьмой в твоей крови. Ты запомнишь это?

— Запомню.

Улыбаясь, Оракул сказал:

— Очень хорошо. Тогда береги себя, Васен, сын Деррега, сын Эревиса и сын Варры.

— Погодите! Разве это... всё?

Но было уже слишком поздно. Лицо Оракула поплыло, и сияние покинуло его кожу.

Оранжевый свет Амонатора исчез из его глаз, и они снова стали мутными, слезящимися глазами старика. Он покачнулся, дряхлое тело вдруг оказалось неспособно нести собственный вес. Васен подхватил его, не позволив упасть. Под мантией Оракул был похож на сноп сухих веток.

— Это Васен, Оракул.

— Васн, — медленно и невнятно, как обычно, произнёс Оракул. — Где Бавни?

— Вы отослали его, — ответил Васен. — Но я уверен, что он неподалёку.

— Бавни! — встревоженно позвал Оракул. — Бавни!

Васена поражало, насколько уверенный, властный голос Оракула в трансе отличался от детского голоса душевнобольного, когда Оракул покидал транс.

С тихим хлопком и вспышкой света Брауни возник рядом. Пёс потёрся о руку Оракула.

— Бавни пришёл! — улыбнувшись, сказал Оракул.

— Я провожу вас в святилище, — сказал ему Васен.

Оракул покачал головой.

— Нет, Васн. Когда прозвонит колокол, пускай паломники пошлют за мной. Я сделаю предсказание и поговорю с ними, а потом все уйдут. Все. Сегодня. Ты их отведёшь.

Последняя группа паломников — первая за много месяцев — прибыла меньше десяти дней назад, уклоняясь по пути от встречи с сембийскими солдатами. Они не обрадуются необходимости так скоро уходить.

— Они только прибыли, Оракул. А Долины опустошены войной. Придётся отвести их на север, в предгорья у Высокой луны. Даже этот путь скоро могут перекрыть. Войска Сембии собираются у границ Долин.

— Я знаю. Но они уйдут, Васн.

Васен не стал спорить с Оракулом.

— Очень хорошо.

Оракул улыбнулся.

— До свиданья, Васн.

— Пусть вас согреет и сохранит свет, Оракул.

Он смотрел, как Оракул, положив руку на Брауни, ковыляет по коридору.

Васен закрыл дверь. Сначала сон, потом личный визит и видение от Оракула. Что всё это означало?

Он снял с шеи священный символ розы. Тонкие ниточки тени кружились вокруг его пальцев, вокруг розы. Он представил, как Святой Абеляр использует этот символ, направляя силу Амонатора при встрече с ночным ходуном в битве у Саккорса.

Он рассмотрел её лепестки, стебель, два шипа. Талисман так искусно сработали, что это могла быть настоящая роза, магией превращённая в металл. Медальон походил на розовые сады вокруг аббатства, которые Волшебная Чума превратила в камень. Он пошкрёб ногтем черноту на одном лепестке, обнажив полосу сверкающего серебра — свет подо тьмой.

Улыбаясь, он снова повесил символ себе на шею. Он постарается быть достойным его. Взгляд Васена упал на пыльный запёртый сундук, стоявший в углу комнаты, и улыбка исчезла. В сундуке хранился тёмный магический клинок, некогда принадлежавший Эревису Кейлу: Клинок Пряжи. Васен лишь однажды держал его холодную, скользкую рукоять, когда Деррег впервые дал ему меч — тогда он был ещё мальчишкой. Тени с клинка слились с тенями его тела. Оружие казалось его продолжением, но это чувство родства напугало его, и Васен никогда больше не прикасался к мечу. И на станет касаться его сегодня. Сегодня был день для света и надежды, не для тени и грустных воспоминаний.

Помня о словах Оракула, он натянул свою стёганую рубаху и кольчугу, нагрудник, повесил на спину щит, застегнул на поясе ремень с обычным мечом, и вышел из комнаты.

Как обычно, он помолится Амонатору в полдень, погуляет по долине, посетит могилу матери, а потом поведёт паломников обратно во мрак.

* * *

С тёмного сембийского неба прямыми линиями сыпался дождь, превратив кнут-траву в плоское, неровное одеяло. Небо прокашлялось громом. Вонь разложения пронизывала воздух, как будто весь мир медленно гнил.

— Быстрее! — сказал Зиад, его голос был похож на скрежет лезвия по кремню. — Быстрее! Уже скоро, Сэйид.

Сэйид сглотнул, кивнул и догнал брата. Он бы подбодрил Зиада дружеским прикосновением, но Сэйиду не нравилось, как тело брата извивается под его ладонью.

Они шли — шли, потому что лошади не стали бы их нести — под блеклым небом, по сырой, промокшей земле. Они двигались вдалеке от дорог, потому что там слишком часто стали встречаться сембийские солдаты и караваны.

Промокший плащ Сэйида оттягивал его плечи грузом всех четырнадцати прожитых десятилетий. Рядом с ним Зиад качался под весом собственной ноши. Он тяжело дышал, заглушая шум дождя, и горб на его спине проступал сильнее обычного. Мокрая одежда Зиада свисала с тела, облекая формы искажённого тела, испорченную дикой магией Волшебной

Чумы плоть.

Рядом с ними бежала стая диких котов, собравшаяся вокруг его брата, когда они пересекли укрытые тенью границы Сембии.

— Дикие коты? — спросил Сэйид.

— Дикие, да, — ответил брат, глядя на животных стеклянными глазами. — Но не коты.

Сэйид насчитал тринадцать кошачьих, хотя их число, казалось, время от времени изменялось. Они держали хвосты опущенными, их косматая шерсть от дождя прилипла к телу, демонстрируя с каждым шагом работу костей и мускулов. Звериные головы казались чересчур крупными на тонких шеях, ноги — непропорционально длинными. Казалось, они целиком состоят из чёрных глаз, толстых жил и острых зубов.

По небу тянулись тёмные тучи, заслоняя солнце. Был полдень, но темно было, как зимним вечером. Сэйид и Зиад несколько десятков дней шагали в вечной ночи по разрушенным землям Сембии. Ходили слухи об ожесточённых боях в Долинах, поскольку Сембия напала на северных соседей.

Сэйид и Зиад не хотели иметь ничего общего с войной. Они пришли сюда в поисках аббатства Розы и тамошнего Оракула.

— Что, если аббатство и оракул просто миф? Что будем делать тогда? Они оба могут быть просто историями, которые сембийцы рассказывают друг другу, чтобы сохранить надежду.

— Нет, — отозвался Зиад, решительно покачав головой. — Они существуют.

— Откуда ты знаешь?

Зиад остановился и повернулся к нему.

— Потому что должны! Потому что *он* сказал мне! Потому что это, — он беспомощно указал на своё тело, — это должно прекратиться! Должно!

Сэйид знал, кого Зиад называет «он» — Мефистофеля, архидьявола, который правил Канией, восьмым кругом Ада. Одна лишь мысль об имени изверга заставила Сэйида слышать в шорохе дождя зловещий шепот. Он остановился на миг, чтобы плотнеть из бурдюка; привычка, ничего больше, призрак человеческих потребностей. Сэйид не нуждался в воде, в пище, во сне, больше не нуждался, с тех пор, как пережил изменение. Если тело его брата Чума испортила, тело Сэйида она сделала совершенным, хотя цена этого совершенства превратила его в автоматон.

— Почему ты останавливаешься? — позвал Зиад. — Я же сказал, мы должны спешить!

От напряжения больные лёгкие Зиада заставили его заныхнуть мокрым кашлем. Коты замыкали и придвинулись ближе к нему, их звериные, понимающие глаза с пугающим вниманием смотрели на него. В промежутках между приступами кашля Зиад попытался отогнать животных своим сапогом, а Сэйид попытался не обращать внимания на то, как неестественно сгибается нога его брата в колене. Кашель прекратился, и разочарованные коты вернулись на свои орбиты, мотая хвостами от огорчения.

— Отвратительные кошки, — сказал Сэйид.

— Они не кошки, и они — это дар, — пробормотал Зиад, вытирая рот частично покрытой чешуей ладонью. Тёмные глаза брата посмотрели на Сэйида из глубоких, сумрачных ям его глазниц. Его острое лицо было покрыто оспинами, результатом детской болезни.

Сэйид посмотрел брату через плечо, на равнину, и его мысли обратились к старым воспоминаниям.

— Не могу вспомнить лицо матери. А ты? Кажется, у неё были длинные коричневые волосы.

Зиад глотнул из собственного бурдюка, прополоскал рот и сплюнул. Коты бросились к нему, увидели, что это просто вода, и отошли.

— Они были чёрными, — сказал Зиад.

— Она мне снилась, раньше, когда я ещё спал.

— Ты будешь спать снова, Сэйид. И видеть сны. Когда мы найдём Оракула, мы заставим его рассказать нам...

Его голос надломился, перешёл в кашель. Сэйид подошёл, чтобы помочь, но Зиад отмахнулся от него.

Коты снова придвинулись к ним, замяукали, принялись описывать круги, сражаясь друг с другом за место, пока Зиад боролся с ядом, который поместила в него Волшебная Чума. Он согнулся под дождём, кашляя, сражаясь с отравой в своих внутренностях.

Сэйид мог только с омерзением наблюдать. Он отвёл взгляд и попытался вспомнить их мать. Это упражнение помогало ему отвлечься от колышущихся наростов и нарывов, бугрившихся под одеждой брата, от влажного дыхания и мокротного кашля.

Сэйид не мог вспомнить глаз матери и даже её имени. Его память угасала. Казалось, каждый день он становится кем-то новым, кем-то, кого он всей душой ненавидел. Сэйид отчётливо помнил только один день из далёкого прошлого, один момент, соединивший того, кем он был сейчас, и того, кем стал после Чумы — момент, когда люди Абеяра Корринталя топором отрубили большой палец на его правой руке.

Он помнил, как кричал, помнил, как извинялся рыцарь, отрубивший палец.

Кашель Зайда усилился, превратился в протяжный хрип, и этот звук вернул Сэйида в настоящее. Кошки замяукали от волнения, описывая круги, задрав хвосты, их глаза сияли, пока Зиад задыхался. И наконец кошачьи получили то, чего так ждали.

Живот Зиада заметно раздулся под одеждой, и его вырвало длинной, толстой лентой зловонной чёрной мокроты. Трава, на которую попала рвота, задымилась, скрючилась, пожухла. Коты набросились на рвоту, шипя и царапая друг друга в яростной схватке, каждый пытался урвать себе побольше.

Зиад выругался и вытер рот.

— Трижды проклятые кошки, — сказал Сэйид, ударив сапогом о землю рядом с животными, забрызгав их грязью. Кошки выгнулись, зашипели, обнажая клыки, но не отступили от своей трапезы. Сэйид никогда не видел, чтобы они ели что-нибудь кроме чёрной рвоты его брата.

— Они не коты, но действительно прокляты, — согласился Зиад. Он снова прочистил горло, и кошки, сожравшие первую порцию рвоты, повернулись к нему, надеясь на новый обед. Когда обеда не появилось, звери сели и принялись вылизывать свои усы и лапы.

Зиад сбросил свой капюшон, запрокинул голову, чтобы подставить лицо дождю. Он провёл рукой по своим тонким чёрным волосам. Туго натянутая кожа обнажала запавшие глаза и глубокие щеки, и он походил на скелет, живого мертвеца.

— Рвота только замедляет действие проклятия, — сказал Зиад. — Скоро мне потребуется кто-то, Сэйид. Сосуд. Иначе проклятье пойдёт своим чередом.

Сэйид кивнул. Сосуды, которые они использовали, оставили за ними след из аберраций.

— Пойдём, — сказал Зиад, накинув капюшон. — Мы должны добраться до следующей деревни. Нужда сильна.

Он вздохнул так глубоко, как только позволяли его больные лёгкие, и посмотрел на кошек. Они глядели на него, и их взгляды были слишком разумными.

— Я не могу допустить, чтобы это случилось со мной, — тихо сказал Зиад.

— Случилось что?

Брат, казалось, не услышал его, и Сэйиду, как всегда, оставалось лишь строить догадки.

Волшебная Чума изменила их обоих, но по-разному. Сэйид больше не мог спать и не чувствовал ни удовольствий, ни тягот жизни, его эмоции и физические чувства практически исчезли.

Зиад, с другой стороны, был убит. Но синий огонь не позволил ему умереть. Вместо этого огонь наполнил его скверной и вернул к жизни. Сэйид хорошо помнил, как Зиад выглядел, вернувшись из мёртвых: паникующий взгляд, животный крик ужаса и боли. Он дрожал от холода, но необъяснимым образом пах серой, гнилью. Зиад бешено хватался за собственное тело, его дыхание было тяжёлым и хриплым.

— Что случилось? — спросил тогда Сэйид.

— Я... я не изменился? — с изумлением и облегчением отозвался Зиад. — Меня разрывали, Сэйид, жгли, душили. Веками. Я видел хозяина того места, и он говорил со мной, заставлял меня пообещать найти...

Сэйид решил, что он сошёл с ума.

— Хозяина? Веками? Тебя не было всего лишь несколько секунд.

Зиад не слышал его.

— Я не изменился! Не изменился!

Но он изменился. Его смех превратился в сипение, затем в кашель, а затем его впервые вырвало, и они оба с ужасом глядели на колышущуюся чёрную массу, извергнутую из его внутренностей.

— О боги, — сказал Зиад. Он заплакал, будто осознав какую-то правду, которую не понял Сэйид. — Оно по-прежнему во мне, Сэйид. То место. Это проклятие, и оно хочет наружу.

Только позднее Сэйид узнал, что душа Зиада попала в Канию, где его брат заключил договор с Мефистофелем, пообещав разыскать кого-то, кого архидьявол не мог найти сам. И лишь позднее узнал Сэйид, что на самом деле означала рвота, чего она требовала, снова и снова, пока Мефистофель не освободит его брата от данных обязательств.

— Пойдём, — сказал он, ненавидя себя за эти слова. — Найдём тебе кого-нибудь.

И они пошли, два человека, которые не были людьми, и тринадцать котов, которые не были котами, сгибаясь под весом дождя. Спустя какое-то время они вышли на грунтовую дорогу.

— Рядом должна быть деревня, — сказал Сэйид, оглядывая бесформенный чёрный простор равнины. Ключья теней чёрным туманом цеплялись к кустам и деревьям.

Зиад кивнул, голова странно покачнулась на его шее. Когда он заговорил, голос тоже звучал странно.

— Будем надеяться.

* * *

Герак проснулся перед рассветом, по крайней мере, так ему показалось. Свет

восходящего солнца редко пробивался сквозь пропитанный мраком воздух Сембии, так что для отсчёта времени он полагался на отточенные солдатской службой инстинкты.

Он посмотрел вверх на потолочные балки дома, слушая доносившийся сквозь закрытые ставни приглушённый рокот далёкого грома, стук дождя по крытой деревом крыше. Он надеялся, что это простые осадки. Десять дней назад шёл вонючий чёрный дождь, и что бы он не нёс в своих каплях, это испортило почву. Вскоре после этого ячмень начал увядать, а осенние овощи — особенно тыквы — побурели на стеблях. Они сделали, что смогли, чтоб уменьшить потери, но вся деревня остро почувствовала отсутствие зелёного жреца Чонтеи. Собственные молитвы жителей к Матери—Земле, которые шептали на маленьких, тайных собраниях, как будто опасаясь, что услышат Шадовар в их далёких городах и летающей цитадели, остались без ответа. Зима будет тяжёлой для всех. Ещё один чёрный дождь загубит урожай полностью.

Они с Элли должны были собрать как можно больше еды перед первым снегом.

И это означало, что ему придётся рискнуть и отправиться на охоту.

От этой мысли сердце застучало быстрее, хотя он не знал, от страха перед тем, что может повстречаться ему на равнине, или от страха перед реакцией Элли.

Она лежала рядом с ним, укрытая лоскутным одеялом, и во сне дышала глубоко и равномерно.

Медленно, чтобы не разбудить её, он опустил ноги с набитого сеном матраца и сел на краю кровати. Он попытался подавить кашель, но сумел только приглушить его. Элли не пошевелилась.

Какое-то время он просто сидел, ступни касались холодного деревянного пола, и ждал, пока не проснётся полностью. От влажного воздуха ныли суставы и мышцы, он помассировал сначала одно плечо, потом второе. С возрастом он расклеился.

Герак попытался сглотнуть мерзкий привкус утра, но не смог набрать достаточно слюны. Он взял жестяную кружку с прикроватного столика, прополоскал рот оставшимся чаем и проглотил. Чай был холодный и горький, как утро.

Он растёр шею и оглядел единственное помещение дома, освещённое слабым мерцанием углей в очаге: мебель, которую он сделал из прямых, тёмных ветвей широколиста, котлы, чашки и кострюли, прослужившие три поколения. Он попытался представить себе их ребёнка, ползающего по полу, но толком не смог этого сделать. Попытался представить, как они будут обеспечивать ребёнка, и этого тоже не смог.

Беременность Элли для обоих стала сюрпризом.

Герак давным-давно смирился с бездетностью. За десять сезонов в браке его жена ни разу не забеременела, так что они решили, что один из них бесплоден. В то время Герак посчитал, что это хорошо. Мир казался слишком мрачным для детей.

А потом Элли сказала ему дрожащим голосом:

— Кажется, я понесла ребёнка, Герак.

Радость, которую он ощутил, удивила его, как будто ребёнок был ключом к запертой комнате, в которой хранилось счастье, в которой хранились возможности. В мгновение ока ставки на его жизнь выросли — ребёнок будет зависеть от него.

Это осознание испугало Герака.

Он задумался, не следует ли им покинуть Фэйрелм. Многие их друзья и соседи уже покинули деревню — Милсоны и Раббы совсем недавно. Они преодолели мрак, Шадовар, шадоварских тварей и добрались к свету. Он не знал, отправились они на запад в Дэрлун или

на север в Долины. Сомневался, что это важно. Война или угроза войны, казалось, была в Сембии повсюду. Большие города были местом сбора армий, границы были местами битв, а сёла и мелкие городишки заботились о себе самостоятельно. Он не знал, что делать.

Элли пока ещё могла путешествовать, и у них был фургон, вьючная лошадь. Они могли продать оставшихся цыплят, собрать вещи и отправиться на северо-восток. Герак знал, как обращаться с мечом, а во владении луком ему не было равных. Может быть, они сумели бы уклониться от встречи с солдатами, а Герак сумел бы справиться с рыскавшими по равинам чудовищами.

Он попытался найти в кружке хотя бы ещё одну каплю чая. Ничего. Попытался найти в себе хоть каплю желания уехать. Ничего.

Это казалось слишком опасным и слишком смахивало на признание поражения, на предательство. Оба варианта были в не его характере. Герака вырастили в деревенском доме, как его отца и деда. И несмотря на вечную тень, что укрывала Сембию, несмотря на хищных существ, рыскавших в глуши, несмотря на временами жестокое правление Шадовар, его отец и дед смогли прожить на этой земле. Они этим гордились.

И он тоже гордился.

Так было не всегда. Жизнь фермера в юности казалась ему недостойной, и он сбежал служить в одной из многочисленных войн Шадовар. Он убил больше дюжины людей из своего лука, но лишь одного, последнего, своим мечом. Вблизи убийство ощущалось иначе. Герак увидел своё отражение в глазах умирающего, и после этого войны с него было довольно.

Он провёл рукой по волосам — они слишком отрасли — и почесал трехдневную щетину. Он сделал вдох, готовый, наконец, начать ещё один бессолнечный день. Когда он начал подниматься с кровати, голос Элли нарушил тишину и остановил его.

— Я проснулась, — сказала жена.

Он снова сел. Герак достаточно хорошо знал её тон, чтобы понимать, что мысли жены были близки к его собственным. Она тоже волновалась о будущем. Он положил ладонь на изгиб её бедра.

— Всё это время ты не спала?

Она перевернулась и посмотрела на него. В свете очага её кожа казалась не такой бледной. Длинные тёмные волосы облаком лежали на подушке. Под одеялом одна рука лежала на животе, который только начал раздуваться от её ребёнка.

— Дождь разбудил меня несколько часов назад. Я стала волноваться за урожай, потом появились другие мысли, и я не смогла больше заснуть.

— Постарайся не волноваться. Мы справимся. Не замёрзла?

Не дожидаясь ответа, он встал, прошёл по холодному полу и подбросил пару дров в очаг. Дрова загорелись практически сразу, он вернулся в кровать и сел. Элли не пошевелилась.

— А ты переживаешь?

Он понимал, что не стоит лгать.

— Конечно переживаю. Больше всего я беспокоюсь о том, как мы сможем прокормить себя и ребёнка. Но затем напоминаю себе, что мои родители тоже как-то справлялись в трудные годы, особенно после того, как я ушёл на войну — а этот дом по-прежнему стоит. Урожай восстановится, и мы выдержим.

— Да, но... ты не волнуешься... за мир?

Он понял, о чём речь, и в конце концов солгал ей.

— Мир слишком велик для моих волнений. Я пытаюсь позаботиться о наших животах.

— А если Шадовар явятся забрать часть урожая, чтобы прокормить своих солдат? Говорят, в Долинах война.

От огня в очаге на стенах заплясали тени, и Герак вспомнил о своей военной службе, когда он воевал за Шадовар в битве против кормирцев.

— Говорят многое, а Шадовар уже годами не приходили за урожаем. Должно быть, ближайшие к городам хозяйства производят достаточно пищи. А может, сейчас в городах они едят магию.

Элли не улыбнулась в ответ на эту слабую попытку пошутить, но по крайней мере её нахмуренный от тревоги лоб разгладился. Она глубоко вздохнула, как будто чтобы прогнать своё беспокойство, и с выдохом в её глазах зажёгся игривый огонёк, тот же самый, который Герак впервые увидел десять лет назад, который заставил его захотеть жениться на ней.

— Ты громко храпел.

— Знаю. Надо было меня пихнуть.

— Нет, — отозвалась она, и нырнула ещё глубже под одеяло. — Мне нравится этот звук иногда.

— Странные у тебя вкусы, милая.

— Наверное, раз уж я за тебя вышла.

— Наверное, — с улыбкой согласился он. Он нагнулся и поцеловал её в неровный нос, который Элли давным-давно сломала, наступив на грабли. Он положил свою руку поверх её, на её живот, чтобы они оба держали в ладонях своего пока ещё не родившегося ребёнка.

— Мы справимся, — сказал он, и захотел, чтобы она в это поверила.

— Знаю, — ответила она, и Герак знал, что она тоже хотела в это поверить.

Он встал и потянулся, застонал, когда запростестовали мышцы.

— Почему ты встал так рано?

Он помешкал мгновение, приготовился, а затем нырнул с головой.

— Я иду на охоту, Элли.

— Что? — в одно мгновение она полностью проснулась. Морщины, ещё глубже прежних, вернулись на её лоб.

— Нам нужно немного мяса, — сказал он.

Она покачала головой.

— Нет, это небезопасно. Только месяц назад мы видели Саккорс в ночном небе. Шадовар держат своих созданий вдали от деревень, но позволяют им блуждать по равнинам. Только солдаты и люди с официальными грамотами безопасно ходят по дорогам.

— Ни Шадовар, ни их летающие города не заинтересуются одиноким охотником. Они просто не хотят никого пускать в Сембию без разрешения, особенно в военное время.

— Герак, никто не приходил в деревню вот уже несколько месяцев. Как ты думаешь, почему? Там небезопасно.

Он не мог этого отрицать. Коробейники, жрецы и караваны когда-то свободно путешествовали по сембийской глубинке, посещая деревни. Но Фэйрелм давно уже никого не видел, никого, кроме старого коробейника Минсера, который, казалось, больше любит рассказывать истории, чем продавать товары. Но Минсер не приезжал уже больше месяца. Деревня казалась забытой во тьме равнин, одинокой и окружённой чудовищами.

— Там есть вещи хуже Шадовар, — сказала она. — Не уходи. Мы справимся...

— Надо. Меня не будет не больше двух дней...

— Двух дней! — воскликнула она.

— Двух дней, — кивнул он, утвердившись в своём решении, пока говорил. — И когда я вернусь, у нас будет олень, а может и не один, которого надо будет освежевать и закоптить. И этого мяса хватит нам на всю зиму и ещё останется. Тебе с ребёнком нужно что-то кроме корений и редьки, а цыплята нам нужны для яиц.

— Мне нужен мой муж, а ребёнку — отец.

Он наклонился и положил ладонь ей на лоб. Она крепко прижала его руку и откинулась обратно на кровать, как будто не собираясь его отпускать.

— Со мной ничего не случится.

— Откуда ты знаешь?

— Я солдат, Элли.

— Ты был солдатом. А сейчас ты фермер.

— Ничего со мной не случится.

Она сжала его руку.

— Поклянись.

— Клянусь.

— Если увидишь что-то крупнее оленя, беги. Пообещай мне.

— Обещаю.

Она ещё раз сжала его руку и отпустила.

Прочистив горло, он подошёл к сундуку возле очага, чувствуя на себе взгляд жены. Он открыл крышку и достал пояс для оружия и палаш, намащенный и острый, который заслужил в часть оплаты своей воинской службы. Казалось, он целую жизнь не брал в руки ничего опаснее столового ножа и кинжала, и когда он нацепил клинок потяжелее, его вес показался непривычным.

— Когда-то я чувствовал себя непривычно без этой штуки, — произнёс он, и Элли ничего не ответила.

Его лук лежал в кожаном футляре рядом с сундуком. Там же были два его колчана, набитые стрелами. Он развязал футляр и достал тисовый лук. Он надел тетиву с рождённой опытом лёгкостью, положил ладонь на рукоять. Она казалась гладкой и знакомой, как кожа Элли. Он представил, как целится вдоль стрелы в оленя.

Товарищи по службе часто отмечали его талант в стрельбе, и даже сменив меч на орало, Герак не позволил годам притупить свои навыки.

— По крайней мере подожди, пока дождь прекратится, — сказала она.

Он нацепил оба колчана, быстро пересчитав все свои различные стрелы.

— Чем раньше уйду, тем скорее вернусь.

— Заболеешь от сырости.

— Не заболею.

— Хотя бы поешь что-нибудь перед уходом.

— Я не могу есть, когда...

— Поешь, Герак. На дворе и так дождь и холод. Я не пушу тебя туда с пустым желудком.

Он улыбнулся, кивнул, подошёл к небольшому столику, который сделал сам, отломил большой кусок двухдневного хлеба и принялся заедать им вчерашнее варево со дна висевшего у огня котелка. Элли смотрела, как он ест. Среди репы и капусты совсем не было мяса, и это только усилило его решимость поохотиться. Он наполнит бурдюк в пруду и

сможет найти подножный корм, если потребуется.

— Ты тоже поешь, Элли.

— Поем. Ребёнок всегда голоден. Весь в отца.

Он снова подошёл к кровати и поцеловал её.

— Там ещё достаточно рагу и хлеба. В курятнике есть несколько яиц. Я вернусь так быстро, что ты даже не заметишь.

Она держалась храбро, как он и ожидал.

— Ты оставляешь меня здесь с трусами и дураками.

— Ты хорошо справляешься с дураками и трусами, милая.

— Опять-таки, наверное, раз уж я за тебя вышла, — она улыбнулась, и он поблагодарил за это богов.

— Спящей ты мне больше нравилась.

Она посерьёзнела.

— Береги себя, Герак.

— Непременно, — пообещал он, натягивая свои сапоги и плащ. — Пока меня не будет, навести Эну.

— Хорошая мысль, — согласилась жена. — Я принесу ей пару яиц. Они страдают.

— Знаю. Скоро увидимся.

Он открыл дверь, и в комнату ворвался ветер.

— Подожди, — позвала она. — Возьми мой медальон. На удачу.

Она наклонилась и взяла с прикроватного столика медальон, бронзовое солнце на кожаном шнурке.

— Элли, это...

— Возьми, — повторила она. — Минсер продал его моей матери. Сказал ей, что его благословил жрец Тиморы.

Он вернулся к кровати, взял медальон, спрятал его в кармане плаща, и снова поцеловал её.

— Удача мне не помешает.

Она улыбнулась.

— Тебе стрижка не помешала бы.

— Постригусь, когда вернусь, — отозвался он. — Всё будет хорошо.

С этими словами он вышел под дождь. Он запрокинул голову, открыл рот и попробовал капли на вкус. Вода была нормальной, и он поблагодарил Чонтею. Урожай ещё поживёт. Мгновение он просто стоял, один во тьме, наедине со своими мыслями, и глядел на притаившуюся среди вязов деревню.

Другие дома были тихими и тёмными, каждый — маленькое гнездо нужды и тревоги. На равнине колоссами возвышалось около дюжины вязов. Деревья шептались на ветру. Дождь выстукивал барабанную дробь по его плащу. Гераку всегда нравилось думать, что вязы защищают деревню — лесные стражи, которые никогда не позволят случиться беде с теми, кого хранят под своими кронами. Он решил, что продолжит в это верить.

Сжимая лук, он накинул капюшон и пошёл к пруду, наполнил там бурдюк. Потом направился в холму, а оттуда — на открытую местность.

Глава третья

Ветви скорченных деревьев скрипели под дождём и ветром. Сэйид вспомнил, какой была Сембия сто лет назад, до Чумы, даже до Бури Теней: ячменные поля, полные дичи леса, быстрые и чистые реки, вездесущие купцы. Но всё это погибло.

Подобно ему, Сембия была мёртвой, но живой.

Последний раз, когда Сэйид странствовал по сембийской равнине, нация находилась в состоянии гражданской войны, и они с Зиадом носили униформу солдат главной правительницы. Их и многих других взяли в плен и покалечили по приказу латандерита, Абеляра Корринталя. В последующие годы Сэйид научил себя сражаться левой рукой. А сейчас Сембия снова находилась в состоянии войны.

От влажного воздуха и плохих воспоминаний заныл обрубок его большого пальца.

— Почему ты сбавил шаг? — рывкнул через плечо Зиад.

Сэйид и сам не заметил. Он поспешил вперёд. Коты посмотрели на него, когда он прошёл мимо них к брату. Лицо Зиада скрывал капюшон.

— Я... задумался.

— О чём?

— Равнины навевают старые воспоминания.

Зиад хмыкнул.

— Я думал о Волшебной Чуме. О том, почему нас... изменили таким образом. Я думал может, в этом есть какой-то смысл.

Зиад сплюнул, к плевок бросились кошки.

— Нет в этом никакого смысла. Мы были на том корабле, когда ударил синий огонь, не в том месте, не в то время. И мы были там из-за этого.

Зиад поднял свою правую руку. Обрубок его пальца был зеркальным отражением обрубка Сэйида, не считая чешуи.

— И *этим* мы обязаны Абеляру Корринталю. Другого смысла можешь не искать. Люди делают ужасные вещи с другими людьми. Таков мир.

— Таков мир, — эхом отозвался Сэйид.

— Скоро мы освободимся от всего этого, — сказал Зиад. — Владыка восьмого круга обещал мне. Нужно только найти ему этого сына.

Сына. Они искали свою жертву десятки лет, обшаривая Фаэрун. Сейчас сын Эревиса Кейла должен быть стариком. Или мертвецом.

— Думаешь, этот Оракул скажет нам, где его найти?

— Мы *заставим* его нам сказать, — ответил Зиад. — И если сын уже умер от старости, мы найдём его тело и отдадим его Меф... владыке Кании. И он нас освободит. Пойдём. Нужно найти деревню.

Зиад ускорил шаг. Его походка была неровной, неловкой, неестественной. Сэйид последовал за ним.

Следующие несколько часов собирался дождь, потом пролился коричневыми, вонючими полосами. Кнут-трава под их ногами крючилась от губельных капель.

— Тебе нужно убежище? — спросил брата Сэйид. — Сон?

— Нет, — ответил брат голосом глубже обычного. Капюшон прятал его лицо. — Ты знаешь, что мне нужно, и мне нужно это как можно скорее.

Они шагали под дождём, мокрая земля хлюпала под сапогами, нетерпеливые крики голодных котов постоянно отвлекали Сэйида. Его брат хрипел, часто кашлял, и каждые несколько шагов сплёвывал чёрную желчь — к радости пожиравших её котов.

Через какое-то время с губ Зиада начали срываться стоны, его тело забурило под одеждой. Сэйид не мог ничем помочь. Он никогда не видел, чтобы брату было так плохо.

— Прекрати смотреть на меня! — сказал Зиад вполоборота, его речь была смазанной и мокрой из-за деформированного рта.

Сэйид облизал губы и отвёл взгляд, чувствуя дурноту. Равнины во всех направлениях были одинаковыми. Дорога, по которой они шли, казалось, ведёт в никуда. Сэйид боялся, что они не смогут остановить то, что вскоре должно было случиться с братом.

Маленькая, потайная часть его хотела, чтобы это произошло. Брат вызывал у него отвращение. Их жизнь вызывала у него отвращение. Он попытался прогнать предательские мысли, неискренне предложив помочь.

— Что я могу сделать, Зиад?

Зиад резко повернулся к нему.

— Ты можешь найти мне сосуд! Или стать сосудом сам!

Сэйид сощурился. Его рука опустилась на рукоять меча. Коты, все как один, повернулись к нему — сплошные глаза, клыки и когти. Он крепче сжал рукоять, готовый выхватить оружие.

Но в дожде раздался звук, далёкий крик женщины где-то впереди. Коты выгнули спины, наклонили головы.

— Слышишь? — спросил Зиад, всё ещё глядя на Сэйида из глубин своего капюшона. — Это не призрак моего разума?

— Слышу, — медленно подтвердил Сэйид, расслабив руку на клинке. В дожде раздались новые крики, испуганные вопли, яростный лай собак. — Кому-то нужна помощь.

— Пойдём, — сказал Зиад, разворачиваясь и хромя по мокрой земле в сторону криков. От отчаяния его голос стал громче. — Быстрее. Я не могу так продолжать.

Они побежали по скользкой земле, Сэйид впереди, коты следом. Дважды Зиад подскользнулся и падал. Дважды Сэйид разворачивался, поднимал брата на ноги, чувствуя, как надуваются и бурлят мясо и кости брата под его руками, как будто что-то гнезилось в его теле, копошилось под кожей в попытках вырваться наружу. К горлу подступила желчь, и от потрясения у него вырвался вопрос:

— Во имя Девяти Адов, что внутри тебя, Зиад?

Зиад отвернул от брата свою голову в капюшоне. Его голос был гортанным.

— Я уже говорил тебе! Я не знаю. Он поместил что-то в меня. Чтобы убедиться, что я выполню свою работу. Оно... изменит меня.

Он указал вперёд.

— Пожалуйста, быстрее.

Приблизившись, Сэйид различил крики нескольких мужчин и женщин, бешеный лай не одной, а двух собак. Он взобрался на холм и притаился среди нескольких широколистов. Зиад присел рядом с ним, храпя и задыхаясь. Коты сомкнулись вокруг них, молча сверля взглядами.

Внизу перед ними на запад тянулась лента грунтовой дороги. На ней лежали два перевёрнутых фургона. По траве была разбросана домашняя утварь: промокшие под дождём простыни, небольшой столик, разбитая посуда. Среди всего этого лежали два тела, оба с

рассечёнными животами. Верёвки их внутренностей валялись на траве, блестели под дождём. Третье тело лежало в нескольких шагах от первых двух, руки и ноги изогнуты под неестественными углами, сухая кожа натянулась на костях, как будто человека высосали досуха.

На дороге стояло уродливое двуногое существо вдвое выше человека. Оно казалось худым, практически скелетом, но на костях кое-где висели болезненная чёрная плоть и гроздя мышц. Непропорционально длинные руки заканчивались чёрными когтями в палец длиной, а безволосую, уродливую голову венчали крупные, острые уши. В безднах запавших глазниц горел зелёный свет. Клыкастая пасть была широко распахнута, и наружу свисал розовый язык толщиной с запястье Сэйида и длиной с его предплечье. Вокруг чудовища бурлили скопившиеся на его когтях потоки тёмной энергии.

Оно закричало от голода и ненависти, высоким, разрывающим уши звуком, от которого сотню лет назад у Сэйида волосы встали бы дыбом.

Зиад закашлялся, сплюнул чёрную желчь. Коты набросились и в мгновение ока сожрали тёмную массу.

— Это пожиратель. Нежить, которая черпает силу из Царства тени.

Двое мужчин — простые крестьяне, судя по одежде, которую они носили, и топорам, служившим им оружием — кружили вокруг пожирателя на расстоянии пары шагов. Оружие дрожало у них в руках. Яростно лающий волкодав бросался на пожирателя сзади.

На земле у ног пожирателя лежало тело мальчика, голова была практически сорвана с шеи. Неподалёку от мальчика лежала девочка, лицом вниз, не шевелясь, платье разодрано и покрыто грязью. Ещё трое детей лежали вокруг дороги — части тел разбросаны вокруг, как содержимое фургонов.

Поодаль от схватки кричали, ругались, рыдали, швыряли в пожирателя камни, ветви и всё, что могли найти, две женщины — всё было напрасно. Рядом с ними стоял второй волкодав, рычал и лаял.

— Бегите! — крикнул женщинам высокий бородатый мужчина. — Бегите!

— Я тебя не брошу, — рыдая, отозвалась тучная женщина. — Оставь нас, тварь!

Бородатый мужчина бросился вперёд, высоко занеся топор. Прежде чем он смог опустить оружие, вокруг пожирателя вспыхнула тёмная энергия, облако мрака, пронизанное зелёными нитями, и сбило нападавшего с ног. Второй мужчина, намного моложе, возможно, сын первого, закричал от гнева, шагнул вперёд и вонзил топор в ногу пожирателя. Оружие едва вошло в тело, и чудовище не высказало никаких признаков боли. Оно хлестнуло своей длинной рукой, и когти ударили младшего мужчину по лицу. От силы удара того развернуло. Хлынула кровь, и он беззвучно рухнул на землю.

Младшая из женщин закричала в отчаянии, сложив перед собой руки, будто в мольбе. Лай собак стал безумным. Женщина помассивнее попыталась оттянуть молодую, но та, казалось, застыла на месте.

Пожиратель подался вперёд, схватил старшего, бородатого мужчину и триумфально поднял его в воздух. Руки мужчины были прижаты к телу, топор бесполезно повис в кулаке.

— Бегите! — с искажённым от страха и паники лицом закричал он женщинам. — Бегите, прошу!

Пожиратель поднёс мужчину ближе и провёл языком по его лицу, оставив след из крови, язв и покалеченного глаза. Мужчина взвыл, ударяя ногами в грудь чудовища. Пожиратель, будто в насмешку, распахнул свою клыкастую пасть. Язык свисал наружу.

Тёмная энергия, что пропитывала создание, вертелась и кипела чёрным облаком вокруг мужчины и нежити.

В облаке вспыхнули зелёные жилки, губительные вены соединили мужчину с пожирателем. Вопли жертвы стали ещё выше, а затем превратились в неровный вой, когда его тело стало уменьшаться, пропасть его рта, казалось, стала шире, а кожа туго натянулась на костях. Зелёные вены, обвинившие жертву, пульсировали. В животе пожирателя, как омерзительное яйцо, загорелся зелёный свет.

Энергия вспыхнула, у Сэйида в глазах заплескали пятна, и вой мужчины прекратился. Когда зрение прояснилось, Сэйид увидел, что пожиратель отбросил усохшее, безжизненное тело в грязь и повернулся к женщинам.

Внутри его живота, пойманное в клетку его рёбер, корчилось крошечное, обнажённое подобие мужчины. Пожиратель носил в своём чреве ужас. Глаза и рот человечка были широко распахнуты от боли и страха.

Сэйид знал, что произошло: пожиратель поймал душу мужчины и воспользуется ею, как топливом для собственной нечистой силы.

Увидев это, женщины всё-таки не выдержали. Они закричали и побежали прочь. Старшая подскользнулась и упала в грязь, младшая повернулась помочь ей. Пожиратель завыл. Зелёная энергия вспыхнула вокруг человеческого образа в его животе, перетекла в когти, а оттуда выстрелила в женщин и их собаку. Выстрел зацепил сразу всех троих, и крики и лай прекратились, как будто отрезало. Женщины рухнули на мокрую землю без чувств.

Крошечное тельце внутри пожирателя видело всё происходящее. Оно раскрыло рот в отчаянном вопле. Пожиратель провёл языком по губам и клыкам, содрогаясь, будто в экстазе.

Выживший пёс завизжал, описывая круги от беспокойства.

Сэйид смотрел на крошечную фигурку пойманной души, задумавшись, погибнет ли он сам, если так поймают его душу. Так много времени прошло с тех пор, как он отдыхал. Он задумался, сможет ли наконец найти покой в чреве чудовища. На что это похоже, когда твою душу медленно...

— Что ты делаешь? — воскликнул Зиад. — Мне нужен кто-нибудь живой!

Зиад встал и прошёл мимо Сэйида, доставая свой меч. Он произнёс слова силы, голос был глубоким и надломленным, и указал клинком на пожирателя. Вьющаяся спираль дымящихся, тёмно-красных огней сорвалась со стали и ударила пожирателя в грудь.

Тварь покачнулась, наклонилась, плоть потемнела и задымилась. Пожиратель упёрся в землю когтистой лапой. Зелёные глаза обшарили холм, уставились на Зиада и Сэйида и вспыхнули нечистым светом. Оно припало на корточки, выпустило когти и завопило.

В ответ зашипели коты.

Выживший пёс зарычал и залаял, но к пожирателю не приближался. Пойманная душа корчилась, зелёные вены перекачивали энергию от неё к пожирателю.

Чёрный вихрь потёк с тела чудовища. У него в животе вспыхнул зелёный свет, и пойманный там крошечный образ человека скрючился, уменьшаясь по мере того, как пожиратель поглощал его силу. Пока человек усыхал, заживали ожоги, которые нанёс Зиад пожирателю.

Приступ кашля охватил Зиада, и он согнулся пополам, подскользнулся в грязи, и упал на четвереньки в траву. Под одеждой его тело корчилось, становилось выше, тоньше. Сэйид

начал помогать ему подняться — чувствуя, как смещаются кости в теле брата — но Зиад оттолкнул его.

— Иди! — сказал он и закашлялся. — Это всё, что я могу сейчас сделать.

Сэйид встал, достал свой меч и приготовил щит.

Зиад протянул руку и схватил его за запястье. Ладонь брата была горячей, как от лихорадки, хотя он по-прежнему закрывал лицо капюшоном.

— Это существо не даст тебе умиротворения, Сэйид. Твоя душа и твой разум будут жить в его теле, постоянно регенерируя, вечно удовлетворяя его аппетит. Ты будешь страдать вечно.

Новый кашель, затем:

— Владыка Восьмого крыга пообещал мне лекарство. Пообещал лекарством. Только благодаря ему мы положим этому конец. Он уже одарил меня адским пламенем. Ты видел, Сэйид. Ты видел.

Пожиратель опять завопил и зашагал по траве в их сторону, наступая на трупы тех, кого убил, втоптывая их глубже в грязь.

— Видел, — согласился Сэйид. Он не доверял Зиаду — он ненавидел Зиада — но какой у него был выбор?

Пожиратель побежал вприпрыжку.

Сэйид не стал его ждать. Он взревел и бросился вниз по склону, лязгая доспехами, чтобы встретить натиск чудовища. Угар битвы наполнил его — единственное, что он мог ясно чувствовать в своём теперешнем облике.

Они сошлись через пять шагов. Пожиратель рубанул одним из своих крупных когтей, но Сэйид, не останавливаясь, отразил удар щитом и врезался в крупную тушу пожирателя, вонзая клинок в его брюхо, сквозь пленённую там душу вверх, к горлу. Зачарованный клинок радостно задрожал в его руке, почувствовав чужую плоть, расширяя рану, делая её болезненной.

Пожиратель и душа оба завывали от боли. Вокруг них струилась злобная энергия, чёным туман, который вцепился в немногие оставшиеся клочки души Сэйида. Вонь чудовища, похожая на запах склепа, наполнила ноздри Сэйида. Пожиратель отбросил его прочь, едва не вынудив подскользнуться на влажной земле, и продолжил наступать, ударяя когтями. Сэйид отбил удар щитом, присел под второй, но чудовище атаковало, не обращая внимания на его клинок.

Сэйид рубанул тварь по рукам, по ноге, но пожиратель схватил его лицо своей огромной когтистой лапой и сжал, когти пронзили Сэйиду щёки, возились в дёсна, оцарапали зубы. В горло хлынула кровь. Он не чувствовал боли, но его едва не вывернуло наизнанку от вкуса мерзких пальцев чудовища у себя во рту.

Пожиратель со сверхъестественной силой поднял Сэйида за голову и отбросил его на пять шагов. Сэйид с лязгом ударился о землю, по инерции перекатился и снова вскочил на ноги. Раны на его лице уже начали затягиваться. Он сплюнул, пытаясь избавиться от крови во рту и привкуса пальцев пожирателя.

Чудовище наклонило голову и облизало длинным языком клыки, возможно, удивляясь тому, что Сэйид не остался лежать.

Меч Сэйида дрожал в его руках, жаждал больше крови. Сэйид, желая накормить его, полный запала битвы, зарычал и снова бросился на врага. Он блокировал щитом удар сверху и ударил тварь в колено. Его клинок пронзил кожу и разрубил кость, отсёк ногу.

Падая, пожиратель хлестнул второй лапой, попав Сэйиду в плечо, пробив кольчугу и тело. Сила удара развернула его. Поток чёрной энергии пожирателя окутал его, остудил тело и снова вцепился в его душу.

Его ярость оказалась горячее, и он отразил тёмную магию. Он повернулся и вонзил меч вниз, в грудь упавшего чудовища. Он выпустил меч, оставив тварь пришибленной к земле. Пожиратель вцепился когтями в его ноги и живот. Чёрная энергия пожирателя забурлила вокруг него кипящим облаком нечистой силы. Сэйид почувствовал теплую кровь, стекающую по телу, но не стал обращать на неё внимания. Обездвижив тварь, он взял щит за края, высоко занёс его, и ударил острой кромкой по шее пожирателя. Кусок зачарованного металла отрубил чудовищу голову, оборвал его вопли, погасил зелёный свет в его глазах. Когда голова отделилась от шеи, тёмная энергия вокруг Сэйида угасла. Из раззявленной пасти подобно гротескному флажку свисал длинный язык.

Сэйид стоял над телом в струях дождя, пока его тело заживляло полученные раны. С завершением битвы ярость покинула его, и он вернулся в свою обычную пустоту.

С трупа пожирателя потекли воняющие гнилым мясом тени. Плоть отслоилась от крошащихся костей. Пойманная в его животе душа, как уродливый зародыш, исчезла последней, завопила, превращаясь в гниль.

На глазах Сэйида дождь смыл с равнины грязь чудовища, и он понял, что является человеком не больше, чем эта тварь. Он должен был чувствовать усталость, раздражение, боль, но ничего этого не было. Он занимал тело, он двигался, но чувствовал что-то, только когда убивал.

Стоя здесь, он понял, что в нём не осталось ничего, кроме ненависти — к себе, к своему брату, к миру. Волшебная Чума не просто преобразила его тело. Она преобразила его душу, лишила его надежды. Однажды он пытался убить себя, перерезать ножом горло. На краткий, волшебный миг его зрение помутилось, сон и смерть показались близки. Но рана зажила быстрее, чем он истёк кровью.

Он хотел умереть, но мир не позволял ему этого.

Услышав, как шаркает поблизости брат, он встряхнулся, взял свой меч, щит. Он вытер с них ихор о траву. Его брат дышал тяжело, как зверь. Сэйид попытался отрешиться от звука, попытался подавить желание вонзить меч Зиаду в живот и обнажить ту мерзость, что поселилась в теле брата.

Поодаль маячил выживший пёс, скулил, не желая приближаться. Сэйид бросил меч в ножны и повернулся к собаке.

— Сюда, мальчик! Ко мне!

Волкодав обнажил клыки, описал круг, завыл и ближе не подошёл.

Животные всегда видели их насквозь, его и брата.

Зиад проковылял к бойне, задыхаясь, не способный нормально передвигаться из-за бугров и нарывов, образующихся под его одеждой. Коты пошли за ним, в тусклом свете их глаза светились красным.

— Никого живого не осталось? Сэйид, остался кто живой?

Казалось, Зиад был готов зарыдать.

Сэйид ничего к нему не чувствовал.

— Сэйид!

Сэйид вздохнул, вложил в ножны меч, повесил на спину щит. Он подошёл к женщинам, к младшей и старшей, присел рядом с ними, и обнаружил, что обе мертвы. Мужчины и дети

тоже были мертвы — все, кроме одного.

— Девочка жива, — сказал он и осторожно перевернул её на спину. Девочка была бледной, тёмные волосы собраны на затылке и перевязаны кожаным шнурком. Грудь слабо поднималась и опадала. Ей было около пятнадцати.

Пёс заскулил. Коты зашипели на него, разглядывая голодными взглядами.

— Восхитительно! Восхитительно! — сказал Зиад, подходя. Его голос хлюпал, как будто во рту была вода. — Оставь её мне. Оставь её, Сэйид.

Сэйид встал, отошёл на несколько шагов. Он сделал ещё одну попытку заслужить доверие собаки — он сам не знал, зачем — но волкодав не хотел иметь с ним ничего общего.

Зиад присел рядом с девочкой, взял её в свои руки, произнёс исцеляющие слова. Они непривычно звучали в устах человека, привыкшего произносить слова, которые убивают.

Девочка застонала, ресницы задрожали, поднялись веки. Сэйид увидел, как в ней поднимается паника.

— Пусти меня! Пусти!

— Не тревожься, девочка, — сказал Зиад, капая слюной. — Теперь ты в безопасности.

Сэйид понял, что у него во рту пересохло и что в горле по-прежнему стоит вкус пальцев пожирателя. Странно, что он едва чувствовал вкус самой изысканной пищи, зато мерзость пожирателя никак желала уходить. Он глотнул из своего бурдюка, пополоскал рот, сплюнул.

Ударил гром.

Коты кольцом окружили Зиада и девочку, хотя смотрели на воющего пса с заметным голодом в глазах.

— Что случилось? — спросила девочка. — Кто ты? Где мама и папа?

Зиад заслонил своим колышущимся телом девочку от вида трупов.

— На вас напали. Ты была с семьёй?

Она выгнула шею и посмотрела мимо Зиада на бойню.

Сэйид видел, как меняется выражение её лица, как гаснет свет в глазах. Она только что погибла, хотя тело ещё жило. В это мгновение она стала такой же, как Сэйид.

— Только не мама с папой. О нет. О нет.

Из глаз девочки потекли слёзы, из носа — сопли.

Зиад вытер ей лицо, нежно, как нянька, обхватил её своими длинными руками и завернул в свой плащ. Его тело бурлило и пульсировало под промокшей тканью.

— Ну, ну, моя хорошая, — сказал он, его голос был тихим раскатом грома перед ударом молнии. — Всё уже кончилось.

Тельце девочки затряслось от рыданий. Коты кружили вокруг них, их мяуканье звучало вопросительно. Зиад попытался прогнать их, баюкая девочку. Его рука высынулась из-под плаща, и Сэйид увидел, насколько она уродлива, с когтями, толстой кожей, и пальцами вдвое длиннее нормальных.

— Эта тварь! — сказала девочка сквозь рыдания. — Она была ужасна. Ох, отец!

— Всё кончилось, — произнёс Зиад. — Чудовища больше нет, а остальное неважно. Как тебя зовут?

— Лани, — ответила девочка, плащ Зиада приглушал её голос. — Лани Рабб.

— Красивое имя, — ответил Зиад, глядя её по волосам.

Сэйид сделал ещё глоток из бурдюка. Ему захотелось, чтобы там было вино; ему хотелось, чтобы он мог напиться до беспамятства. Но он не мог даже опьянеть. Он поигрался с идеей отрубить Зиаду голову, и это заставило его улыбнуться.

Волкодав заскулил, неуверенно гавкнул, понюхал воздух. Его шерсть встала дыбом.

— Собака не идёт, — сказал Сэйид, потому что ему больше нечего было сказать, а тишина была ужасной.

Пёс взволнованно описал круг. Слюна застыла у него на морде. Животное начало дрожать, как от страха, но девочку не бросало.

— Это наша собака, — сказала Лани. — Собака папы.

— Как её зовут? — спросил Зиад.

— Король, — ответила девочка.

— Король, — повторил Зиад. — Хорошее имя. Мы позаботимся о собаке.

Он махнул рукой в сторону пса, и коты промчались мимо Сэйида к Королю. Гортанные звуки, доносившиеся из их глоток, даже отдалённо не походили на любые звуки, которые Сэйид когда-либо слышал от котов. Пёс встревоженно гавкнул, развернулся и побежал. Коты преследовали его.

— Что это? — спросил Зиад, его уродливые пальцы сомкнулись на талисмানে, который двочка носила на кожаном шнурке вокруг шеи. — Янтарь?

— Мама дала его мне на пятнадцатый день рождения.

— Красивый, — сказал Зиад. Его неловкие пальцы едва не выронили янтарный амулет.

— Ох, мамочка! — воскликнула девочка и зарыдала в объятиях Зиада.

Тот провёл по её волосам, сильнее, сильнее.

— Больно, — сказала она.

— Знаю, — отозвался Зиад. — Знаю.

— Прекрати, — со страхом в голосе попросила девочка. — Мне больно.

— Я не могу прекратить, — низким голосом ответил Зиад.

— Пожалуйста...

— Прости меня, — сказал Зиад, его голос превратился в хрип.

Девочка отдёрнулась, взглянула под его капюшон, и её глаза широко распахнулись.

— Что с твоим лицом? О боги! Помогите! Помогите!

Сэйид приготовился к этому, но крики девочки всё равно ударили его, как ножом. Он хотел отвернуться, но ноги почему-то приросли к земле, застыли в грязи, онемели от ужаса его жизни с братом.

Зиад удержал в руках брыкающуюся, вопящую девочку, его тело извивалось, и он обернулся к Сэйиду. К счастью, его лицо было скрыто глубоким капюшоном.

— Прекрати смотреть на меня, Сэйид!

Эти слова наконец нарушили неподвижность Сэйида. Он отвернулся, к горлу подступила желчь, едкая, горькая.

Лани закричала — жалкий, полный ужаса крик.

— Поцелуй своего спасителя, — прохрипел Зиад голосом зверя. Он начал кашлять, задыхаться. — Всего разочек.

— Помогите! Помогите!

Мольбы девочки прекратились, им на смену пришли придушенные звуки ужаса, мокрый клёкот.

Сэйид попытался не вслушиваться в рвотные позывы брата, в завывания девочки, в заключительный, жестокий мокрый хрип, за которым последовала благословенная тишина.

Сэйид посмотрел на равнины, на темноту, на дождь, и попытался сделать разум таким же пустым, как и свои чувства.

— Готово, — наконец сказал Зиад.

Сэйид собрался с духом и обернулся.

Его брат, чьё тело впервые за последние десять дней казалось нормальным, стоял над бесчувственной фигурой девушки. На земле она казалась крошечной, вытянув руки, запрокинув голову, как сломанный цветок. Открытые глаза смотрели на дождь. С уголка губ свисала ниточка чёрной желчи. Щупальце тёмной субстанции скрючилось, как живое, и исчезло во рту.

— Она была девочкой, — сказал Сэйид. — Просто девочкой.

— Я знаю! — моргнул Зиад. — Ты думаешь, я не знаю? Это цена, которую я должен платить, чтобы сдержать проклятие. Он держит меня между мирами, чтобы убедиться, что я сделаю свою работу и найду сына.

— Мефистофель?

Прогредел гром и тьма, казалось, почернела.

— Не произноси это имя! — зашипел Зиад. Он огляделся кругом, широко распахнув от страха глаза.

Где-то на равнине собака, Король, взвизгнул от боли.

— Мы не можем больше так продолжать, — безэмоционально сказал Сэйид. — Я не могу.

— Мы получим избавление, — уверил Зиад. — Нужно только найти его сына. Потерпи ещё немного.

За годы, что они искали сына Кейла, все попытки найти его с помощью магии не дали никаких результатов; консультации с мудрецами и пророками им ничем не помогли. Казалось, что сын просто исчез из Мультивселенной. Но недавно прорицания Зиада навели их на легендарного Оракула из аббатства Розы.

— Оракул знает, как найти его, — сказал Зиад.

Сэйид посмотрел мимо брата на девочку, Лани, по-прежнему лежавшую в траве среди трупов своей семьи. Он надеялся, что Оракул знает. Сэйид просто хотел уснуть. В жизни не хотел ничего сильнее. Его брат превратился в чудовище, служа лорду Кании. Сэйид превратился в чудовище, служа своему брату.

Коты появились из мрака, их лапы и морды были измазаны пёсью кровью. Они остановились, сели и стали вылизываться, глядя на Сэйида с Зиадом.

Сэйид не хотел видеть останки собаки, если от неё вообще что-то осталось. Он снова повернулся к брату и увидел, что тот глядит на котов.

— Почему мы продолжаем это делать, Зиад? Я так устал.

Зиад оторвал взгляд от окровавленных кошек.

— Потому что мы должны. Потому что мой договор с ним — единственная наша надежда. И потому что мне становится хуже.

* * *

Деррег, приёмный отец Васена, похоронил Варру на общем кладбище, на холме в восточной части долины. Когда Деррег умер, Васен похоронил его рядом с Варрой. Они с матерью были знакомы совсем недолго, но Деррег настаивал, чтобы его похоронили рядом с Варрой на холме, а не в катакомбах под аббатством.

Их могильные камни ничем не отличались от других надгробий на кладбищенском холме — куски известняка, на которых были вырезаны расходящиеся лучи встающего солнца.

Васен присел перед могилами. Он достал две бледных орхидеи, какие росли у подножия гор, и положил по одной на каждую могилу.

— Покойтесь с миром, — сказал он. — Я вернусь, когда смогу.

Он встал, обернулся и окинул взглядом долину внизу. Аббатство Розы находилось в глубокой, поросшей лесом долине, во впадине, скрытой среди Грозовых вершин. Сотни лет назад Оракул, тогда ещё просто ребёнок, привёл сюда первых паломников и сказал им, что это место под защитой и Шадовар не сумеют его найти.

— Мы будем светом в их темноте, — сказал он, по крайней мере, так утверждала легенда.

И, как и прочие утверждения Оракула, эти слова оказались правдивы. Долину не беспокоили враги, а её местоположение оставалось тайной для всех, кроме избранного числа верующих.

Окружённая с трёх сторон потрескавшимися утёсами из известняка, граничившими с пологими склонами поросших соснами гор, долина казалась отдельным маленьким миром, пятнышком света в сердце тени, единственной в своём роде, как редко видимое солнце. Васен любил её.

Из расщелин в восточных и северных склонах с тающих ледников текли пенные водопады, с рёвом низвергаясь на дно долины. Бурлящие воды сливались в быструю реку, пересекающую долину и текущую далее вниз. От русла отходили меньшие ручьи и потоки, питая богатую растительность долины. Местность была усеяна многочисленными прудами, неподвижные воды которых были похожи на тёмное зеркало.

Васен бросил последний взгляд на могилу матери, на могилу Деррега, и пошёл вниз по склону. Когда он достиг подножия, он выбрал одну из многочисленных тропинок, пересекавших сосновые леса. Пилигримы десятки лет шагали этими тропами. В ветвях порхали невидимые птицы; скоро они отправятся на юг в поисках более тёплого воздуха.

Время от времени лесной покров достаточно редел, чтобы сквозь него можно было увидеть серое, цвета старого металла небо, как будто Шадовар заковали весь мир в доспехи.

Несмотря на непроницаемый купол небосвода, вера Васена позволяла ему чувствовать местоположение солнца. Он всегда знал, где сможет найти свет. И всё же в тених ему было удобно, даже уютно. Он относил это на счёт своей крови и редко тревожился по этому поводу.

Васен почти привык к двойственности своего существования. Он говорил себе, что его связь сразу со светом и с тенью даёт ему лучшее понимание обоих. Он существовал на перекрёстке света и тени, был созданием обоих, но служил лишь одному.

Рука потянулась к священному символу, который дал ему Оракул. Серебро под чернотой, свет под темнотой.

— Куда ты отправишься, когда я умру? — спросил его Оракул.

Васен пнул засохшее дерево и нахмурился. Он с трудом мог представить смерть Оракула. Оракул был путеводной звездой жизни Васена. Васен поклялся защищать его. Без Оракула, без этой клятвы, что ему остаётся? Кем он будет?

Он не знал. Друзей и семьи у него не было. Без цели...

Он глубоко вздохнул, чтобы избавиться от дурных мыслей. Воздух был пропитан

запахом хвои и диких цветов, запахом дома.

— Мудрость и свет, отец рассвета, — тихо сказал он. — Мудрость и свет.

Впереди луч солнца пронзил покров теней и прочертил линию сквозь сосны, золотая тропа протянулась между спрятанным солнцем и спрятанной долиной.

Васен прошептал благодарность и поспешил к свету. Он поднёс руку к свету и теплу луча. Тени потекли с его тёмной кожи, лезвие амонаторова солнца и тьма в его крови слились в свете.

Луч продержался лишь несколько мгновений, прежде чем небо снова поглотило его, но этого было достаточно. Отец рассвета услышал его и дал ответ.

Приободрившись, Васен вместо собственных забот задумался о паломниках, которых скоро должен был повести во тьму.

Он просил Амонатора о мудрости и силе, молился, чтобы его сияния и мечей рассвета было достаточно, чтобы позаботиться об их безопасности.

Одиночество Васена нарушил чей-то голос.

— Здравствуй, меч рассвета.

От удивления на коже Васена вспыхнули тени. Он обернулся и увидел в нескольких шагах позади себя одного из паломников. Мужчина пришёл с последней группой из раздираемых войной Долин.

— Да сохранит тебя свет, — сказал Васен, который пришёл в себя достаточно для обычного приветствия между верующими. — Ты заблудился? Я могу проводить тебя в аббатство, если...

Мужчина улыбнулся и подошёл. На нём был серый плащ, тёмные штаны и просторная рубаха. Упругий шаг его стройного тела был скупым и экономным.

— О, я блуждал годами. Но сейчас, наверное, нашёл свой путь.

Глаза мужчины поразили Васена — молочные шары без зрачков. Васен принял бы его за слепого, не двигайся мужчина с такой уверенностью. Его лысую голову, чисто выбритое лицо и обнажённую шею украшали татуировки — спирали, линии и вихри, складывающиеся в карту на коже. В одной руке он сжимал дубовый посох, по длине которого тоже тянулись линии и спирали.

— Я не услышал, как ты подошёл. Орсин, не так ли?

— Так я называю себя в эти дни. А ты Васен.

— Да. Здравствуй, — сказал Васен, протягивая руку.

Хватка Орсина, казалось, способна была раздавить камни.

— Не возражаешь, если я присоединюсь к тебе? — спросил Орсин. — Я просто... гулял по долине.

Обычно Васен предпочитал готовить свой дух и свой разум в одиночестве. Но он вспомнил о словах Оракула: «Всё меняется, Васен».

— Разумеется, не возражаю. Я тоже просто гулял. Компания товарища по вере будет мне приятна.

Орсин помешкал, на его губах застыла смущённая улыбка.

— Что-то не так? — спросил Васен.

— Всё в порядке, просто... я должен сказать тебе, что я не последователь Амонатора.

Учитывая ситуацию, эти слова показались Васену такими странными, что он решил, будто ослышался.

— Что? Не последователь? Орсин покачал лысой головой.

— Нет.

Теперь, подумав об этом, Васен не смог припомнить, чтобы видел Орсина на рассветной службе, на любой из проповедей Оракула или на других ритуалах веры. От беспокойства с его кожи заструились тени. Он напрягся.

— Тогда что...

Руки Орсина свободно свисали по бокам. Возможно, он заметил тревогу на лице Васена.

— Я не враг.

— Ладно, — сказал Васен, по-прежнему напряжённый, глаза сощурены. — Значит, ты друг?

Орсин улыбнулся. Улыбка, похоже, легко ему давалась.

— Когда-то был. И хотел бы стать им снова.

— Что это значит?

— Я часто задаю себе тот же вопрос.

Вера Васена позволяла ему заглядывать в души людей, и в Орсине он не видел дурных намерений. Кроме того, этого человека должны были допросить с помощью магии в Долинах, прежде чем привести сюда. И будь он враждебен, духи перевала помешали бы ему пройти. Но Васен всё равно не мог представить, чтобы кто-то кроме почитателя Амонатора стал рисковать путешествием по Сембии, чтобы попасть в аббатство.

— Я... в затруднении, — признал Васен. — Я должен буду сообщить Оракулу.

— О, он уже знает.

— Он знает?

Орсин улыбнулся, пожал плечами.

— Знает.

— Я растерян. Тогда зачем ты здесь?

Молочные глаза Орсина были непроницаемы.

— И этот вопрос я тоже часто себе задаю. Обычно так складываются обстоятельства. Я просто следую за ветром.

Васен не мог понять ни ответа, ни этого человека. Он видел, что Орсин не говорит ему всей правды, но и лжи в его словах тоже не чувствовал.

— Ты странный человек, Орсин.

— Тебя, наверное, не удивит, если я скажу, что уже слышал это прежде? — хмыкнул Орсин. — Это повлияет на твой ответ? Ты всё ещё позволишь составить тебе компанию?

— О, теперь я даже настаиваю.

— Прекрасно, — сказал Орсин и провёл на земле перед ними черту своим посохом.

— Боюсь спросить, — сказал Васен. — Что ты только что сделал?

Он начал подозревать, что этот человек был душевнобольным.

— Линии отмечают границы, начало. Здесь — то, что было до, — сказал Орсин, указывая посохом по одну сторону черты. Затем он указал на другую. — Здесь — то, что будет после. Надеюсь, на этой стороне нас ждёт дружба.

Эти простодушные слова тронули Васена.

— В таком случае, я тоже на это надеюсь, — согласился он, и оба они переступили черту. Шаги Орсина были такими лёгкими, что практически не производили шума.

— Откуда ты? — спросил его Васен. Он сделал мысленную пометку спросить об Орсине Бирна и Элдриса. В частности, он хотел знать, как Орсин прошёл допрос, который

они проводили с паломниками. Если через него смог пройти человек, который не был последователем Амонатора, это представляло проблему. Битвы в Долинах не могли стать оправданием для неосторожности.

— Я с востока, из Тельфламмара, — сказал Орсин. — Бывал там?

Васен покачал головой. Это было просто экзотическое название, которое он слышал время от времени, хотя, видимо, этим объяснялась необычная внешность Орсина.

— Это очень далеко отсюда, — сказал Орсин, взглядываясь вдаль. — Он... изменился в Волшебной Чуме.

— А что не изменилось?

— Действительно, — согласился Орсин. — А ты? Откуда ты?

Васен обвёл рукой долину.

— Отсюда?

— Из Сембии?

— Нет, не из Сембии. Сембия принадлежит Шадовар. Я родился в этой долине, а она принадлежит нам.

— Нам, — сказал Орсин. — Так ты... не шадовар?

Паломники часто задавали Васену этот вопрос, и он больше на него не обижался.

— Нет. Я... кто-то другой.

— Кто-то другой, но... связанный с тенью, да?

Васен поднял руку.

— Прислушайся. Слышишь?

Орсин казался озадаченным. Он наклонил голову.

— Вода?

Васен кивнул.

— Водопады. Это первое, что я слышу, когда веду паломников в долину или возвращаюсь после того, как сопровождал их домой. Услышав их, я знаю, что я дома.

— Ты много путешествуешь, но никогда — далеко.

Васену это понравилось.

— Да. Никогда далеко. Ты допрашиваешь меня, Орсин из Тельфламмара?

— Похоже на то, — с улыбкой отозвался собеседник. — Ты провёл здесь всю жизнь?

— Со того самого дня, когда я родился. Только Оракул живёт здесь дольше. Все остальные, даже аббат, приходят и уходят. Мрак не для каждого.

— Нет, но некоторых он притягивает, — заметил Орсин. — Впрочем, ничто не длится вечно.

Слова Орсина напомнили Васену о словах Оракула. Должно быть, его грусть отразилась на лице. Орсин это увидел.

— Прости. Я сказал что-то не то? Я имел в виду, что тьма не может быть вечной.

Васен взмахнул рукой.

— Не нужно извиняться. Твои слова напомнили мне слова другого человека, которые я недавно слышал.

— Понимаю.

— И если что и может быть вечным, то, боюсь, именно тьма.

— Не думаю, — ответил Орсин.

Васен улыбнулся.

— Ты уверен, что не поклоняешься отцу рассвета?

— Прекрасно, — со смешком сказал Орсин. — Прекрасно.

Посох Орсина оставлял в земле неглубокие следы.

— Куда мы идём?

— Я просто следую за ветром, как и ты.

Они вышли на речной берег. Бурлящая вода, неглубокая и быстрая, проделала русло в почве долины. На крутом обрывистом берегу деревья росли под странными углами. Круглые, похожие на каирны камни усеивали побережье. Васен почувствовал холодок, и это напомнило сон об отце.

На противоположном берегу реки стояла другая пара паломников — мужчина средних лет, на лице которого виднелся шрам, держал за руку полную, длинноволосую женщину, наверное, жену.

Васен поднял руку в приветствии и крикнул:

— Да согреет и сохранит вас свет.

Паломники мгновение смотрели на него, потом наконец подняли свои руки и повторили его благословение. Они поспешили прочь, не сказав больше ни слова.

— Моя внешность некоторых смущает, — сказал он, указывая на свои глаза, которые, как он знал, в сумраке мерцали жёлтым.

— Как и моя, — ответил Орсин. Он посмотрел вслед ушедшим пилигримам. — Кажется несправедливым — они ведь обязаны тебе своей безопасностью.

— Справедливость здесь не при чём, — сказал Васен. — Для меня честь служить.

— И истинная служба зачастую требует одиночества.

Васен слышал мрачные ноты в голосе Орсина, эхо собственных чувств этого странного человека.

— Ты говоришь так, как будто знаешь об этом не понаслышке.

Орсин кивнул.

— Так и есть.

— Что ж, ни один из нас сегодня не гуляет в одиночестве, да?

— Прекрасно. Не в одиночестве. Не сегодня.

Неожиданно Васен принял решение, которое его удивило.

— Пойдём. Покажу тебе одно место.

Брови Орсина вопросительно поднялись, но он промолчал.

Какое-то время Васен вёл его вдоль берега. Впереди, сквозь редяющие сосны, показалась потрескавшаяся бледная поверхность восточного склона долины, а над нею — похожие на клыки утёсы. Васен почувствовал, как вокруг него собирается густеющая тьма, как пушистое и удобное одеяло.

Он повернул направо, оставляя реку позади. Земля начинала подниматься, и сосны, старше и выше чем в остальной долине, возвышались над ними. Тропинка здесь заросла кустами.

— Здесь редко ходят, — заметил Орсин.

— Обычно я прихожу сюда один, — ответил Васен. Его всегда тянуло сюда.

— В таком случае, спасибо, что позволил тебя сопровождать.

Наконец они добрались к месту назначения: большому пруду с неподвижными тёмными водами. Пруд окружали высокие, старейшие во всей долине сосны, высящиеся неподвижными горделивыми стражами. Одно из деревьев на краю озера рухнуло несколько лет назад, возможно, сломанное бурей. Половина его корней была обнажена, и часть дерева

погрузилась в озеро. Погодные условия лишили его большей части коры, но дерево пока ещё жило.

Когда они шагнули в круг деревьев, все звуки, казалось, исчезли. Далёкий рокот водопада, чириканье птиц, гул ветра, всё стихло. Рядом с озером была лишь неподвижность, тени и тишина.

Орсин негромко произнёс:

— Это место ждёт.

Васен кивнул.

— Я тоже всегда это чувствовал. Я прихожу сюда поразмышлять и поговорить с отцом рассвета. Хотя...

Он не стал говорить, что озеро притягивало ту часть его, которой он был обязан Эревису Кейлу, тёмную часть, тень.

— Хотя? — спросил Орсин.

— По другим причинам тоже.

Орсин посмотрел на землю, на деревья, на воду.

— Мне не кажется, что это место принадлежит отцу рассвета. Сюда никто не ходит, кроме тебя?

— Уже очень долго, — признал Васен. — Что ты имеешь в виду, говоря, что оно не принадлежит Амонатору?

Орсин не ответил. Он скользнул вперёд, не отрывая своих бледных глаз от тёмной воды. Васен шагнул следом, его кожа вдруг покрылась мурашками.

— Кто ты, Орсин? — спросил Васен. Он почувствовал, что от ответа зависит многое. Он задумался, почему привёл Орсина в это предназначенное для одиночества место. Они только что встретились. Он провёл с этим человеком всего полчаса и практически ничего о нём не знал.

— Думаю, я должен отвести тебя обратно в аббатство, объяснить всё Оракулу...

— Я ходо, — сказал Орсин через плечо. Он полез под рубаху, чтобы снять что-то, какой-то диск, символ. — Обнадёженный странник. И паства из одного человека.

— Это..?

Орсин кивнул.

— Это символ моей веры. Это место не принадлежит отцу рассвета, но оно всё равно священно. И теперь я знаю, почему мой путь привёл меня сюда, почему ты привёл меня сюда.

Опустившись у края озера, Орсин поднёс символ — чёрный диск с тонкой красной каймой — к воде.

Васен не узнал символ, но чувствовал, что он ему знаком. Он застыл на месте, когда тени потекли с поверхности воды и окутали символ, оплели руки Орсина. Орсин прошептал слова, молитву, которую Васен не расслышал.

Васен посмотрел на собственные руки, с которых тоже струились тени. Тени охватили всё его тело. В очередной раз он почувствовал себя так, будто живёт в написанной для него другим человеком истории. *Напиши историю.*

Орсин встал и повернулся к Васену. Его белые глаза немного расширились, когда он увидел облако теней, бурлящее вокруг Васена.

— Это место оставили здесь. Может быть, для меня, но думаю, что скорее для тебя. Ты привязан к нему. Поэтому я задам тебе тот же вопрос, что ты задал мне. Кто ты?

Васен смотрел на свои руки, истекающие тенью.

— Ты шейд, но не шадовар. Как это? Расскажи мне.

Васен прочистил горло. Он попытался загнать тени обратно в своё тело, но они не подчинились.

— Мой... отец.

Орсин сделал шаг к нему, его пальцы побледнели, сжимая священный символ.

— Кем был твой отец?

Васен посмотрел мимо него на озеро, на его тёмные, глубокие воды.

— Его звали Эревис Кейл.

Руки Орсина безвольно упали.

— Этого... не может быть.

— Ты знаешь его имя? Я думал, ты пришёл с востока.

Орсин взял свой символ обеими руками, прижал к груди.

— Эревис Кейл погиб больше сотни лет назад. Ты слишком молод, чтобы быть его сыном. Это невозможно, не так ли? Как такое может быть?

— Магия послала мою мать сюда, пока я был ещё в утробе, — Васен шагнул к Орсину, к озеру. — Откуда ты знаешь имя моего отца?

Его ладонь легла на рукоять меча. Подозрение крепло в нём, росло. Орсин, казалось, ничего не заметил — или его это не волновало.

— Эревис Кейл был Первым для повелителя теней, — Орсин поднял свой символ, показал его Васену. — Первым Маска.

Орсин покачал головой, зашагал по краю пруда.

— Меня привели сюда, чтобы увидеть это, чтобы встретить тебя, но зачем? Я не вижу. Не вижу.

Васен молчал, не мог ничего сказать, просто стоял в сердце собирающихся вокруг них теней. Он позволил ладони упасть с рукояти меча.

Орсин резко остановился, оглянулся на Васена.

— Это их место, Васен. Маска. Твоего отца. Это *их* место.

На мгновение Васен лишился дара речи. Вспомнились его сны об Эревисе Кейле, тёмные видения холодного места.

— Нет. Маск мёртв. Эревис Кейл мёртв. Это место не может принадлежать им.

— Я храню веру живой, Васен, — сказал Орсин. Он указал на рухнувшее дерево. — Она как это дерево. Вырванное штормом, сломанное на камнях, оно по-прежнему цепляется за жизнь. Как и вера повелителя теней. Во мне и, быть может, в некоторых других.

— Ты... поклоняешься мёртвому богу?

— Не совсем мёртвому, — ответил Орсин. Он указал на пруд, как будто это что-то доказывало. — Это озеро отличается от всех прочих в долине, не так ли?

Васен шагнул к нему, глядя на воду.

— Да. Оно глубже. Никто не касался его дна.

В слабом свете умирающего, сумрачного дня их отражения в воде были тёмными, безликими и чёрными, полусформированными.

— Ты пробовал?

— Однажды. Вода стала слишком холодной, а глубина слишком большой. Оно... как дыра.

Орсин глубоко вздохнул, положил ладонь на бедро и посмотрел в горы.

— Думаю, я уже стоял на этой земле.

Васен покачал головой.

— Ты никогда раньше не бывал в аббатстве. Я бы тебя запомнил.

Орсин улыбнулся, не размыкая губ — только чуть поднялись уголки его рта.

— В то время здесь ещё не было аббатства.

Васен не мог контролировать поднявшийся вокруг них вихрь теней.

— Аббатство было здесь задолго до твоего рождения.

— Дух вечен, Васен, — сказал Орсин, кивая в ответ какой-то понятной лишь ему истине. — В отличии от тела. Прежде чем отправиться на покой, душа часто перерождается в новом теле. Иногда такое происходит множество раз.

Взгляд его белых глаз показался далёким, когда он устремил его на тёмные воды пруда.

— Но эссенция духа, его ядро, это линия, которая пронизывает сквозь время все его воплощения. Нить, что соединяет их все.

Васен подумал, что он теперь лучше понимает татуировки на Орсине, извивы на его посохе.

— А ты..?

— Я много раз перерождался, — он улыбнулся. — Похоже, у меня очень беспокойная душа.

— Ты..? Я не..?

— Я не человек, Васен, по крайней мере не полностью. В моих жилах течёт эссенция планов. В Долинах меня называют дэвой. Но меня звали другими именами в других местах, в других жизнях. Аазимаром. Целестиалом. Но дэва меня вполне устраивает. И Орсин подходит мне лучше всего.

Васен попытался обдумать всё, что он узнал, найти в этом смысл.

— И ты пришёл сюда..?

Орсин пожал плечами.

— Следуя нити прошлых жизней. Я сказал тебе правду. Я иду, куда несут меня ноги.

Он обвёл рукой пруд, долину.

— Я здесь и сейчас, чтобы увидеть это. Чтобы увидеть тебя, думаю.

Васен почувствовал, как нити жизни затягиваются в узел — его сны об Эревисе, слова Оракула, советы Деррега быть наготове, появление Орсина.

— Зачем? С какой целью?

Орсин пожал плечами, загубив его надежды.

— Я не знаю. Может быть, я просто иду по пути, который позволяет встретить тех, кого я знал прежде. Это было бы здорово, наверное.

Волосы на шее Васена встали дыбом.

— Мы? Думаешь, мы знали друг друга раньше?

Орсин улыбнулся.

— Думаю, да.

У Васена не было слов. Он не знал, верит ли Орсину, но не мог отрицать, что чувствует между ними связь. В тот самый миг, как увидел его, он почувствовал, что воссоединился со старым другом. Поэтому он привёл его к пруду. Поэтому он терпел все вопросы.

— Спасибо, что привёл меня сюда, — сказал Орсин. — Ты возродил мою веру. Она... поколебалась.

— Пожалуйста? — смог выдавить Васен.

— Прекрасно, — хмыкнул Орсин. Дэва сунул свой священный символ обратно под рубаху и ещё раз огляделся. — Разве не странно, что священное место повелителя теней находится в священном месте отца рассвета?

— Может не так уж и странно, — ответил Васен, думая о собственной душе, о собственной жизни, о потемневшем символе, который он носил.

Орсин посмотрел на него, и, похоже, понял, о чём говорит Васен.

— Может и нет. В конце концов, тени необходим свет.

Трижды раздался далёкий звон колокола, нарушив очарование момента.

— Это сигнал собраться в аббатстве, — сказал Васен.

Ни один из них не пошевелился. Васен смотрел на пруд, на деревья, как будто видел их впервые. Он взял символ розы в овитую тенями руку.

— Мудрость и свет, — прошептал он.

Колокол зазвонил снова — три удара.

— Мы должны идти, — сказал он. — Паломники должны покинуть долину.

Брови Орсина поднялись.

— Все? Так скоро?

Васен кивнул.

— Включая тебя, боюсь.

— Почему сейчас?

— Потому что так приказал Оракул. Он видит то, чего не видим мы. Это его ноша.

Орсин помрачнел, но заставил себя улыбнуться.

— Странно прощаться так скоро после встречи. Странно, что мне пришлось пройти так далеко, чтобы наши пути пересеклись на такой короткий срок.

— Прощаться пока не надо, — ответил Васен. — Я с людьми поведу паломников обратно в Долины. Из-за войны сейчас особенно опасно. Я должен был пойти в прошлый раз. Хотя, наверное, — сказал он с улыбкой, — я бы не позволил тебе прийти сюда.

Орсин хмыкнул.

— Значит, шейд-но-не-шадовар поведёт нас обратно к солнцу. Прекрасно. Прекрасно. Линии наших жизней пойдут рядом ещё какое-то время.

Он начертил новую линию на земле и взглянул на Васена.

— Откровения означают новое начало. Мы ещё пройдемся вместе, Васен Кейл.

Никто раньше не называл его Васеном Кейлом. Он был вынужден признать, что это звучит подходяще.

Вместе они перешагнули черту и пошли к аббатству.

Глава четвёртая

Герак несколько часов шёл по редко используемой дороге из Фэйрелма, потом свернул с неё на равнины. Свет восходящего солнца не мог пробиться сквозь тучи и дождь; было темно, как в полночь. Но Герак достаточно хорошо знал местность, чтобы ориентироваться во мраке. Потяжелевший от влаги плащ оттягивал плечи. Герак, как мог, берёт от воды лук. КОн внимательно озирался и прислушивался.

Целую жизнь назад отец часто брал его с собой в лес в двух днях пути от Фэйрелма. Дичь тогда была обильной, но с тех пор, как Герак в последний раз бывал там, прошло уже больше двух лет. Если Тимора улыбнётся, он доберётся туда, не встретив по дороге опасности, подстрелит оленя—двух, сделает волокушу и потащит добычу обратно в деревню. Вяленое мясо поможет им с Элли продержаться почти всю зиму.

Герак двигался к лесу, переправляясь через переполненные ручьи и шагая по шепчущейся кнут—траве мимо частых рощиц широколиста. Он много раз путешествовал по равнине в одиночестве, но сейчас всё казалось другим. Он чувствовал себя уязвимым, человеком во тьме, которая не предназначалась для людей. Чёрнота давила на Герака, сковывала грудь. Угрожающую тишину нарушали звуки его шагов и дыхания.

Взбравшись на гребень холма, он оглянулся на пройденный путь, надеясь в последний раз бросить взгляд на Фэйрелм. Но деревня скрылась во тьме. Герак постоял так мгновение, снова обдумывая решение отправиться на охоту, но в конце концов отбросил преследовавшее его неуютное чувство и зашагал дальше. Элли и ребёнку нужна была настоящая еда.

Ближе к полудню скрытое солнце чуть смягчило практически непроницаемый мрак, превратив его в неуютную темноту. Где-то в черноте раздался высокий крик — напуганный, далёкий вой, от которого Герак с бешено колотящимся сердцем припал на корточки. Непохоже было, что крик принадлежал человеку, а расстояние на равнинах всегда было сложно оценить. Звук мог прозвучать на расстоянии выстрела из лука или на расстоянии полулиги.

Не выпрямляясь, он перебежал к трухлявому пню широколиста, сжимая потными ладонями рукоять лука, и стал ждать. Звук не повторился, Герак не увидел и не услышал больше ничего, что могло бы его насторожить. Успокоившись, он продолжил свой путь.

Он шёл весь день, мокрая земля цеплялась за его сапоги, как будто хотела засосать его вниз, под почву. Несколько раз он чувствовал, что кто-то смотрит на него с голодным оскалом из темноты, сразу за границами видимости. Каждый раз он накладывал стрелу на тетиву и прижимался спиной к дереву или камню, вглядываясь и вслушиваясь в любое движение, но так ничего и не увидел. Дважды он путал свой след, один раз прятался в яме, с мечом в руке, ожидая противника в засаде, но похоже, что его никто не преследовал.

По крайней мере, никто, кого можно было бы увидеть

Герак говорил себе, что напряжение заставляет разум рождать фантомов. Первый день он провёл в одинокой темноте, не встретив ни одного живого существа, кроме пролетевшего один раз фазана — слишком далеко, чтобы тратить стрелу. Отсутствие даже мелкой дичи не сулило успеха его охоте.

К ночи дождь ослабел, и прежде чем темнота снова превратилась в абсолютно непроглядный мрак, он собрал растопку и дрова и нашёл подходящее место для лагеря под качавшимися на ветру соснами. Разводить огонь было рискованно, но ему требовались свет и

тепло. Кроме того, он вырыл костровую яму, так что издалека пламя видно не было — хоть какое-то преимущество наполненного мраком воздуха.

Костровую яму он вырыл в мокрой почве своим мечом. Растопка никак не желала поддаваться кремню и огниву, но наконец загорелась, и порывистое дымное пламя зажглось в темноте блеклым контрастом ночи.

За всю свою жизнь он никогда так не радовался огню.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Герак сбросил с себя всю поклажу, натянул брезент, который служил ему палаткой, и какое-то время сидел перед костром, размышляя, пытаясь не дрожать от холода. Плащ нужно было просушить, так что он снял его и разложил перед костром.

Вдалеке закричало какое-то животное. Над головой раздался шум крупных крыльев. Крадущееся движение на границе света привлекло его внимание, мелкое ночное создание, которое исчезло, прежде чем он успел наложить стрелу или разглядеть существо получше.

Сидя здесь, в одиночестве, он загрустил. Он вспоминал отца, Фэйрелм, дом, Элли, ребёнка. Он понял, что так привязан к ферме потому, что она принадлежала родителям. И что это недостаточная причина, чтобы оставаться здесь. Сембия была не местом для ребёнка. Эта земля больше не принадлежала людям, не по-настоящему. Она принадлежала тьме, и здесь было не место для его семьи. Глядя в огонь, он решил, что заберёт Элли и ребёнка из Сембии.

Приняв это решение, Герак почувствовал, как с души упал камень. Он подумывал вернуться утром домой, но решил, что не стоит. До леса, где он надеялся добыть оленя, оставалось всего полдня пути. Им с Элли потребуется время, чтобы собрать пожитки и продать, что не смогут унести. Им потребуется мясо.

Вдалеке прогремел гром, и в животе в ответ заурчало. Герак хотел просто перетерпеть — за последние годы он привык подолгу обходиться без еды — но мысль о ночёвке на пустой желудок не очень-то радовала. Кроме того, завтра ему потребуется энергия. Он подумал о том маленьком зверьке, который шмыгнул возле его костра, об увиденном вдалеке фазане. Здесь была еда. Он просто должен был её найти.

Герак бросил в костёр достаточно дров, чтобы огонь горел ещё пару часов, и отправился на охоту. Он не отходил далеко, стараясь постоянно держать свой лагерь в поле зрения.

За клубящимися тучами не было видно Селун. Её свет просто рассеивался бесформенной жёлтой дымкой в небе, но глаза Герака постепенно приспособились к темноте. Он понял, что уже много лет не видел луну. Он собирался убедиться, чтобы такого не случилось с его ребёнком.

Спустя какое-то время он достиг заросшей густой кнут-травой низины, которая выглядела многообещающе. Острокрылые фазаны мигрировали на юг через Внутреннее море и гнездились в высокой траве, питаясь семенами, кузнечиками и сверчками. Днём он уже видел фазанов. Ночью они должны спать на земле.

Эти птицы отличались необычайно острым слухом, так что Герак знал, что не сможет просто подкрасться к ним и схватить. Придётся успеть выстрелить, когда птицы поднимутся в воздух. Во тьме стрелять будет тяжело, но лунный свет, даже такой слабый, ему поможет. А Тимора улыбается смелым.

Он вошёл в траву, сжимая одной рукой лук, второй — две стрелы с наконечниками на птицу. Земля стала мягче, иногда под ногой хлюпали лужи. Медленно двигаясь, но издавал наземный клич фазана — отец научил его, когда Герак был мальчишкой — и

прислушивался, ожидая ответа. Вскоре он услышал тихое воркование и шелест крыльев.

Поблизости было три, может быть, четыре фазана.

Он двинулся на звук, скользя по земле как призрак, и наложил обе стрелы. Он взглянул на небо. Луна достаточно освещала тучи, чтобы небо хоть как-то контрастировало с остальным мраком. Прикинув местоположение фазанов, он описал круг, чтобы птицы выделялись на фоне светлого участка неба.

Приготовившись, он издал неожиданный, резкий звук, который во тьме прозвучал угрожающе громко.

Захлопали крылья, и в воздух поднялись пятеро напуганных фазанов. Он прицелился, сжимая двумя пальцами каждую из стрел, отслеживая движение птиц. Он подождал, пока фазаны взлетят достаточно высоко, чтобы выстрел был чистым. Он прицелился в двух летевших рядышком птиц, поменял нажим пальцев, чтобы развести траектории стрел, и спустил тетиву. Стрелы свиснули в дожде и ударили в цель. Полетели перья, две птицы прочертили спирали, рухнув на землю, остальные три фазана растворились в ночи.

Ухмыляясь, обрадованный тем, что не растерял своей точности, Герак не отрывал взгляд от места, куда упали птицы. Он поспешил туда. Несмотря на темень, после коротких поисков он обнаружил птиц. Стрелы попали им в туловище, и оба фазана погибли мгновенно. Скручивать им шеи не пришлось.

Герак осторожно извлёк стрелы, вытер с них кровь о траву, положил обратно в колчан. У него было только четыре стрелы на птицу, и он не мог ими разбрасываться. Взяв фазанов за шеи, он встал и попытался найти свой костёр.

Он не видел огня. Страх сжал грудь. Ударил гром, уже ближе, и заморосил дождь. Герак решил, что влага потушила огонь и ему придётся остаться в темноте на равнине до утра, и страх, который он ощутил, угрожал перерасти в панику.

Герак выругался, обернулся кругом. В кулаках болтались птицы. Он не знал, в каком направлении находится его лагерь. Он развернулся, когда выбирал направление выстрела, и теперь не мог сориентироваться.

Надо было как можно быстрее найти возвышенность. Дождь усиливался. Он оглядел местность, заметил холм со скрюченными, уродливыми стволами старых широколистов, и бросился туда. На бегу он едва не лишился сапога в грязи.

Он взобрался на холм и огляделся. Сердце бешено колотилось.

Вон там! Он увидел мерцание своего костра на расстоянии, может быть, пары выстрелов из лука.

Герак не заметил, что отошёл так далеко.

Он облегчённо обмяк, упёрся руками в колени. Сердце начало успокаиваться, дыхание замедляться. Ноги казались ватными. И тогда Герак заметил это.

Дождь прекратился, и равнина была безмолвной, как могила. Стихли даже ночные насекомые. Дыхание громом отдавалось в ушах, слишком громко. Он вспомнил звук, которым напугал фазанов. Его было слышно, наверное, на поллиги.

Он шёпотом выругался.

Он придвинулся к широколисту, не желая оставлять спину обнажённой, чувствуя себя чересчур уязвимым на холме. Он глубоко вздохнул, задержал дыхание, не шевелясь, и превратился в слух.

Ничего.

Ветер с востока принёс слабый запах гнилого мяса — может быть, мёртвое животное,

по крайней мере Герак на это надеялся.

Почему он не учуял его раньше?

Потому что ветер изменился.

— Проклятье, — прошептал он. Гниющее животное привлечёт хищников.

Снова ударил гром, обещая, что скоро дождь возобновится. Он посмотрел на свет своего костра и задумался, стоит ли броситься туда. Природные хищники избегают огня.

Но не все хищники на этих равнинах были природными.

Завыл ветер, зашелестела кнут-травы, зашептала листва, затрещали ветви.

Справа из темноты раздался глубокий рёв, утробное хрюканье, напомнившее ему о роющей в грязи свинье. Сердце стукнулось о рёбра. Вокруг забились крылья, когда в воздух поднялись две дюжины испуганных острокрылых фазанов. Гераку стало тяжело дышать. Мускулы подвели его, оставили без движения во мраке, уязвимого, в одиночестве на холме. По спине холодными струйками тек пот.

Существо, которое издало этот звук, могло заметить его, могло его почуять.

— Шевелись! — кричал его разум. — Шевелись!

Он услышал тяжёлые шаги — там, во тьме. Он понятия не имел, что это может быть, но испуганное воображение подсовывало всякие ужасы. Он знал, что по сембийским равнинам рыщут искажённые существа, ужасы, которых не должен видеть человек. Во тьме раздалось новое рычание, в этот раз ближе, пронизанное звуком влажного дыхания, звуком учуявшего что-то зверя.

Учуявшего его.

Оно заметило Герака.

Ужас наконец отпустил его. Подстегнутый адреналином, он повернулся и прыгнул, схватился за нижнюю ветку широколиста и подтянулся. Звук ударившихся о ствол сапог, его тихое кряхтение звучали в ушах раскатами грома.

Существо слышало его — оно громко заревело, и тяжёлая поступь его шагов двинулась в сторону Герака. Неуклюже и отчаянно он принялся забираться выше, оцарапав кожу, вскарабкался на несколько ветвей, затем застыл, опасаясь на шуметь ещё больше. На дереве не было безопасно, не надолго. Он об этом знал.

Герак как можно надёжнее упёрся ногами в толстую ветку, сжал в потной ладони лук и наложил одну из своих стрел. Его дыхание не успокаивалось. Оно было громким, чересчур громким. Сердце бухало в груди так сильно, что он мог поклясться, что слышит его через рёбра.

Из темноты возникла массивная фигура на двух ногах, уродливая туша в полтора человеческих роста, и боднула широколист. От столкновения дерево задрожало, вниз посыпался дождь из семян и листьев. Герак едва не упал. Спаса он только, выпустив стрелу в молоко и схватившись за ветку освободившейся рукой. Казалось, чудовище не заметило вонзившейся в землю у его ног стрелы.

Фигура существа отдалённо напоминала человеческую, и Герак подумал, что это может быть какая-нибудь разновидность тролля. С массивных конечностей и туловища свисали складки дряблой кожи. Рваные и грязные лохмотья укрывали грязно-жёлтую кожу цвета старого синяка. Длинные, тонкие волосы свисали с головы чудовища, чересчур маленькой для такого раздутого тела, похожей на напёрсток на перевёрнутом ведре.

Оно обошло дерево кругом, нюхая землю, поднимая голову, чтобы понюхать воздух. Маленькие, тёмные глаза глядели со сплюсненной морды. Рот казался покалеченным, губы

растянутыми и раздувшимися.

Герак надеялся, что листва и темнота скрывают его от чудовища. Он не осмелился потянуться за новой стрелой, пока существо находилось прямо под ним. Чудовище заметило бы движение.

Очередной низкий рык. Герак заморгал от зловония твари, похожего на скисшее молоко. Существо опустилось на четвереньки и понюхало ствол там, где Герак забирался на дерево.

Грудь Герака тяжело вздымалась.

Продолжая принюхиваться, чудовище встало на ноги и положило рыхлые руки на дерево, как будто собираясь карабкаться. Взгляд его крошечных, практически незаметных в складках на лице глаз, начал подниматься вдоль ствола.

Герак попробовал сжаться, попробовал найти спокойствие, и по обоим пунктам потерпел неудачу. Он медленно, очень медленно потянулся рукой к колчану.

Когда его пальцы сомкнулись на оперении, существо застыло, наклонило голову и издало заинтересованное фырканье. Оно снова опустилось на все четыре лапы. Прозвучал жадный всхрип, и чудовище стало принюхиваться быстрее. Оно завертелось вокруг дерева, отступило на несколько шагов, опустив морду к влажной земле. Когда чудовище нашло фазанов — фазанов, которых в панике бросил Герак — оно испустило довольный рёв и схватило птиц похожими на сардельки пальцами, а затем начало запихивать себе в пасть — целиком, с костями и перьями.

От влажного чавканья и довольных похрюкиваний существа вместе с мокрым хрустом птичьих тушек Гераку стало дурно. Но он всё равно воспользовался возможностью наложить стрелу и натянуть тетиву. Он прицелился в толстую шею чудища, прикинув, что если не убьёт существо на месте, то сможет перебить хребет. Что-то на этой шее привлекло его внимание: кожаный шнурок, как будто ожерелье. Он помешкал, удивлённый этой деталью. Существо отошло на несколько шагов, возможно, пытаясь найти новых фазанов, и это движение увело его с линии огня Герака. Ветви широколиста мешали сделать выстрел.

Не отрывая глаз от складок на шее существа, Герак медленно сменил позицию. Под ногой хрустнула ветка. Существо вздёгнуло голову, здоровенные ноздри раздулись, когда оно попробовало воздух. Герак застыл в неудобной позе, мышцы голени сразу же протестующе заныли. Пот струился по коже. Он по-прежнему не мог нормально выстрелить. Похоже, ему придётся снова пойти на риск и сменить позицию.

Тварь зарычала, глубоким мокрым звуком. От подозрительного, расчетливого тона этого рыка у Герака волосы встали дыбом. В лучшем случае у него будет один выстрел. Он целился вдоль древка стрелы, ожидая, пока существо не займёт нужную позицию.

Оно держало голову склонённой, длинные волосы рассыпались по бокам. Оно прислушивалось. Оно переместило вес с одной ноги на другую, ступни глубоко погружались в мягкую почву.

Единственный громкий хлопок справа — сырое дерево в далёком костре Герака — заставил тварь фыркнуть, а Герака вздрогнуть. Существо заревело и бросилось в направлении разбитого Гераком лагеря, оставляя глубокие следы на земле.

Герак не стал медлить. В тот самый миг, когда существо растворилось в ночи, он прыгнул с дерева, сжимая лук, и побежал в противоположном от лагеря направлении, пока не достиг естественного рва. Он скользнул туда, пропитав одежду грязью и органической вонью — это поможет замаскировать его запах — и замер без движения. Рёв существа

разнёсся над всей равниной. Дождь искр поднялся с того места, где находился лагерь Герака. В слабом свете гаснущих углей бесновался силуэт существа. Оно уничтожало стоянку. Он выругался, подумав о потерянных вещах, о талисмане Элли, оставшемся в кармане плаща.

Тварь какое-то время ещё побушевала, а затем равнина снова затихла. Для надёжности Герак подождал ещё полчаса, дрожа от холода. Всё было тихо. Он вылез из канавы и на короточках побежал к лагерю.

Единственное, что его там интересовало — оберег Элли.

* * *

Бреннус стоял в дверях своей палаты для прорицаний. В центре помещения висел потемневший серебрянный куб в два шага высотой. Вокруг куба тонкими полосами вились тени. Слабый свет Слёз Селун, рассеявшись в сумрачном воздухе Саккорса, слабо сиял сквозь купол крыши из стеклостали.

Его гомункулы, крошечные конструкты-близнецы, созданные из мёртвой плоти и собственной крови Бреннуса, спустились по мании с их обычного места на его плечах и бросились в комнату. Они по очереди ставили друг другу подножки, перескакивали один через другого на бегу — хаотичный клубок из толстой серой кожи, тоненьких конечностей, высоких голосов и яростных визгов.

Улыбаясь, Бреннус пошёл следом за ними, пока не оказался перед кубом. В руках он сжимал платиновое ожерелье своей мёртвой матери. Он нашёл его сто лет назад, и с тех пор был одержим разгадкой тайны ожерелья. Призрак матери преследовал его в мыслях, её голос снова и снова повторял ему одно и то же.

Отомсти за меня.

Снова и снова за эту сотню лет он возвращался к своему прорицательному кубу, к своей магии, пытаясь отыскать способ, любой способ, заставить своего брата Ривалена заплатить за убийство их матери. Но все его попытки заканчивались ничем. Ривален был слишком могущественным, чтобы Бреннус мог ему противостоять.

Бреннус узнал некоторые намёки на план Маска обмануть Шар — и всё, что могло навредить Шар, также вредило и Ривалену — но намёки оставались всего лишь намёками. Он не видел целого. Долгое время он считал, что какую-то роль в этом плане должен сыграть сын Эревиса Кейла и Варры, но тот, похоже, просто исчез из Мультивселенной. Бреннус видел, как беременная мальчиком Варра исчезает с лесного луга, и впоследствии больше не смог её разыскать. С тех пор прошло сто лет. К этому времени и Варра, и ребёнок должны быть мертвы. Он считал, что всё это может быть как-то связано с загадочным аббатством Розы, храмом Амонатора, предположительно скрытым где-то в Грозовых вершинах. В конце концов, Эревис Кейл сражался в союзе с последователями Амонатора в битве у Саккорса. Но у Бреннуса не получилось найти в Грозовых вершинах ни одного храма, и сейчас он считал, что аббатство Розы может быть всего лишь мифом.

Поэтому ему оставалось лишь следить по привычке за братом, выжидая, пока предоставится возможность, миг уязвимости, который, подозревал он, не наступит никогда.

— Будем смотреть? — спросили его гомункулы в два голоса.

— Да.

Гомункулы взвизгнули от радости и забрались по его плащу, их крохотные коготки цеплялись за волшебную ткань, но не наносили ей вреда. Они заняли своё обычное положение на каждом его плече, подпирая с двух сторон голову

— Покажи, покажи, — заканючили они.

Бреннус положил ладонь на гладкую, прохладную поверхность прорицательного куба и прошептал слова заклинания. Пятна черноты на кубе начали медленно кружиться. Неожиданно серебряная поверхность приобрела объём, глубину. Вихри черноты сложились в узнаваемые фигуры.

— Тёмный город, — прошептали гомункулы.

— Ордулин, — ответил Бреннус. — Но это уже давно не город.

На картах он назывался Вихрем, и даже лорды шейдов не осмеливались ступить туда. Кроме одного.

Куб демонстрировал Ордулин с высоты птичьего полёта. В тёмном, пронизанном миазмами воздухе разрушенного города всё казалось блеклым, рассеянным, туманными красками сюрреалистической картины. Некогда величественные здания лежали горами обломков — сломанные кости сломанного города. Полосы зелёных молний время от времени пересекали небо, кошмарные вены, которые окрашивали руины в зеленоватый оттенок. В воздухе лоскутами воплощённого мрака появлялись и исчезали тени.

Среди блеклых руин было полно нежити; призраков, живых теней, привидений, духов, тысяч и тысяч, мерцание их глаз было похоже на целое небо губительных звёзд. Дыра в центре вихря — дыра, созданная его братом и богиней брата, Шар, когда они выпустили на Сембию Бурю Теней — притягивала нежить, как мёртвое тело притягивает мух. Ордулин был кладбищем, призраком прошлого, которым правил брат Бреннуса — убийца их матери.

Бреннус поднял руку и прочитал слова, укрепляющие ритуал. Гомункулы повторили его жест, бормоча бессмысленные формулы.

Перспектива на поверхности куба изменилась, и магический глаз прорицания полетел к потрескавшейся земле, проник сквозь разбитый камень и расколотое дерево, и остановился в центре руин, на краю того, что когда-то было большой открытой площадью. Куски разрушенных статуй и неровные блоки рухнувшей крепости были разбросаны по растрескавшейся мостовой — монументы разрушения.

В воздухе в центре площади висела дыра размером с щит, бесцветный провал в реальности, который вёл в... ничто, в пустоту столь бездонную, что Бреннусу становилось дурно, стоило заглянуть туда дольше, чем на мгновение. Гомункулы завизжали и крепко прижали к глазам складки его плаща. Казалось, пустота медленно кружится, но Бреннус никогда не мог сказать наверняка. Что он мог сказать точно, так это то, что дыра представляла собой конец всему. Он заметил, что со временем она растёт, по крохе каждый год, пасть, которой Шар в конце концов проглотит мир. Он ненавидел её, ненавидел Шар, ненавидел брата, который был её ночным провидцем, её Избранным, и к тому же — полубогом.

Ривален сидел на краю дыры, на потрескавшейся поверхности некогда огромной статуи. Он неподвижно смотрел в водоворот, положив руки на колени. Как всегда, Бреннусу стало интересно, о чём думает Ривален, глядя на совершённое им, на посеянное им семя апокалипсиса. Был он рад? Сожалел? Принадлежали ли его мысли вообще человеку?

Плащ Ривалена и его длинные тёмные волосы развевались на ветру. Тени длинными щупальцами струились с него. Он смотрел на дыру, как будто видел что-то внутри, как будто

чего—то от неё хотел.

— Ночной провидец, — сказали гомункулы, закрыв лица своими когтистыми лапами.

Бреннус промолчал, и просто долго смотрел на своего брата. Он уже не преследовал никакой цели, кроме как подпитать свою ненависть и напомнить себе о матери. Он разжал стиснутые на ожерелье пальцы.

— Я собираюсь убить тебя, — пообещал он брату. Тени сочились с его кожи, клубились вокруг, отражая своей чернотой его ярость. — Ради неё. Я собираюсь убить тебя ради неё. Я найду способ.

Гомункулы, чувствуя его злость и боль, погладили его по голове своими крошечными ручками, издавая успокаивающие звуки.

Каскад зелёных молний разорвал небо над Ордулином. Бреннус моргнул от неожиданной вспышки, и когда его зрение очистилось от пятен, он увидел, что брат исчез. Он видел только дыру и руины.

— Ночной провидец пропал, — сказали гомункулы.

Прежде чем Бреннус смог ответить им, позади него раздался голос.

— Пропал там, — сказал глубокий голос Ривалена, и сила его присутствия заполнила помещение и навалила на уши Бреннуса. — Потому что появился здесь.

Гомункулы взвизгнули от ужаса и спрятались в капюшоне Бреннуса. Бреннус сглотнул и повернулся к брату.

Золотые глаза Ривалена сияли среди сумрачных утёсов его угловатого лица. Тьма в комнате собралась вокруг него, как будто его тело притягивало мрак. Колени Бреннуса угрожали согнуться под тяжестью его взгляда, но Бреннус подумал о матери и не позволил себе этого.

— Каждый день я чувствую твой взгляд, Бреннус.

Бреннус почувствовал, как его спина прижимается к ещё не остывшему металлу прорицательного куба. Он надеялся, что ненависть придаст ему храбрости.

— Тогда, возможно, ты чувствуешь и мою ненависть.

Его слова заставили гомункулов тревожно взвизгнуть и попробовать ещё глубже зарыться в его капюшон, но ровное выражение лица Ривалена не изменилось.

— Да, я чувствую её, — подтвердил Ривален. Он заскользил над полом к Бреннусу, его тело расплывалось по краям, сливалось с темнотой. Казалось, он поглощает пространство, когда двигается, заставляет помещение сжиматься, высасывает воздух.

Бреннус пытался выровнять дыхание, биение сердца, пытался прекратить быстрое моргание век. Он знал, что кажется дураком, и от этого становился только злее.

— Чего ты хочешь? — спросил Бреннус, и обрадовался, услышав спокойствие в своём голосе. Тени, стекавшие с его тела, сливались с теми, что клубились вокруг Ривалена. Теней Ривалена было больше.

— Этот вопрос я хотел задать тебе, — ответил Ривален. Взгляд его золотых глаз устремился к руке Бреннуса, к гранатовому браслету, который был там зажат. — Ах. По-прежнему это.

Бреннус осмелился шагнуть к своему высокому брату. Он знал, что Ривален легко убьёт его, но Бреннусу было всё равно.

— *Всегда* это.

Мрак вокруг Ривалена сгустился. Его взгляд не отрывался от ожерелья.

— Эта проклятая безделушка.

Бреннус сжал кулак на ожерелье.

— Наша мать надела его в тот день, когда ты убил её.

Ривален поднял взгляд, встретился с полыхающими в чёрной пропасти его лица глазами Бреннуса.

— Ты никогда не рассказывал мне, как нашёл его.

— Разве ты не всезнающ? Спроси шлюху, которой ты поклоняешься, или дыру, в которую ты каждый день смотришь.

Ривален протянул руку. Тени поднялись с его ладони, обмотались вокруг пальцев.

— Отдай его мне.

Тени хлынули с Бреннуса и слова вырвались из его горла прежде, чем он сумел их остановить.

— Нет! Никогда!

— Я могу сам забрать его, если захочу.

Ярость кипела в Бреннусе, пар его гнева сочился сквозь заслонку его контроля. Он издал гортанный крик ненависти, вытянул руку, выкрикнул слово силы и выпустил разряд пожирающей жизнь энергии, который смертного превратил бы в пустую оболочку.

Но Ривален не был смертным, уже не был, и луч энергии ударил его в грудь, раскололся и разлетелся в нескольких направлениях, не произведя никакого эффекта.

Ривален сощурился. По мере того, как тьма вокруг него чернела, сила копилась в его теле. Он шагнул к Бреннусу и его тело, казалось, увеличилось, заполнило собой комнату. Его руки сжались на мантии Бреннуса и подняли его в воздух. Гомункулы закричали от ужаса.

Неминуемая смерть придала Бреннусу храбрости. Он посмотрел в равнодушные золотые глаза брата, сжал ожерелье матери так крепко, что металл проткнул его кожу. Потекла тёплая кровь и пропитала кулак, но регенеративные способности затянули рану.

Ривален подтянул Бреннуса к себе, пока они не оказались нос к носу.

— Отдай его мне.

Бреннус плюнул в лицо брата, в лицо бога, слюна потекла по щеке Ривалена.

— Сначала тебе придётся убить меня.

Глаза Ривалена вспыхнули. Он вгляделся в лицо Бреннуса, вероятно, оценивая его решимость, затем швырнул его через всё помещение.

Бреннус ударился о дальнюю стену с достаточной силой, чтобы треснули рёбра, а из лёгких вышибило весь воздух. Его тело немедленно начало заживлять повреждения, и он заморгал, когда эссенция тени срастила сломавшиеся рёбра. Он поморщился, поднимаясь на ноги, закричал на брата.

— Дыра, Ривален! С тех пор, как ты убил нашу мать ради своей суки-богини, в тебе дыра! Теперь дыра — это всё, что у тебя есть! Как тебе это? Как тебе?

— Мать погибла тысячи лет назад, Бреннус.

Равнодушие в голосе Ривалена отвлекло Бреннуса. Тени забурлили, и он указал пальцем на брата.

— Ты не можешь называть её матерью. Зови её Алашар или вообще не говори о ней. И она не просто погибла. Ты убил её.

Ривален ничего не отрицал, не извинялся, вообще ничего не сказал. С задумчивым выражением на лице он шагнул к прорицательному кубу и положил ладонь на его поверхность. Весь куб стал чёрным, как оникс. В один миг темнота посветлела, и на поверхности куба стало проступать изображение.

У Бреннуса резко перехватило дыхание.

— Это? Этого не может быть.

— Да.

— Не делай этого.

— Это уже сделано.

В кубе возникло лицо матери. Она лежала на спине на лугу, поросшему фиолетовыми цветами. Длинные чёрные волосы нимбом окружали голову. Ветер развеивал её одежды, заставлял качаться цветы.

Бреннус узнал место. Это был тот самый луг, на котором он нашёл её ожерелье, тот самый луг, откуда исчезла возлюбленная Эревиса Кейла, беременная его ребёнком, Варра.

Бледное лицо его матери исказилось от боли, но Бреннус не думал, что от физической боли. Её дыхание было частым, слишком частым.

Бреннус обнаружил, что медленно идёт к кубу.

Его мать вытянула заметно дрожащую руку.

Бреннусу показалось, что он может потянуться и коснуться её. Его рука поднялась, чтобы сделать это.

— Мать, — тихо сказал он, но она смотрела не на него. События, которые он видел сейчас, произошли несколько тысяч лет назад.

— Возьми мою руку, Ривален, — прошептала она. Бреннус увидел, что в другой руке она сжимает ожерелье, которое сейчас держал он сам.

Ей ответил голос Ривалена, его голос из тех времён, когда брат был юношей, ещё не стал шейдом, ещё не стал богом.

— Мы все умираем в одиночестве, мать.

Она закрыла глаза и заплакала. В ответ слёзы потекли по щекам Бреннуса. Он встал рядом с Риваленом, его ненависть стеной возвышалась между ними.

— Твой отец узнает об этом, — сказала мать.

— Нет. Об этом будем знать только мы. И Шар.

— И я, — процедил сквозь сжатые зубы Бреннус, глядя на картину в кубе.

Мать посмотрела туда, где, должно быть, стоял Ривален, затем закрыла глаза и глубоко вздохнула.

— Что ты загадала, мать? — спросил Ривален.

Когда она открыла глаза, Бреннус был рад увидеть, что боль в её взгляде исчезла, сменившись гневом.

— Стать инструментом твоего падения.

— Доброй ночи, мать. Теперь я подчиняюсь иной госпоже.

Ривален убрал руку с прорицательного куба, и изображение угасло.

— Нет, — воскликнул Бреннус. — Нет.

Он положил ладони на куб, пытаясь оживить его собственной силой, но куб остался тёмным — пустота, дыра. Слёзы потекли по лицу Бреннуса, но ему было всё равно.

— Покажи мне остальное.

— Остальное ты знаешь.

Бреннус глядел на куб, и в глазах стояло лицо матери.

— Ублюдок. Трижды проклятый ублюдок. Зачем ты мне это показал?

Ривален, на голову выше Бреннуса, посмотрел на него сверху вниз.

— Решил, что тебе пришло время увидеть, на что я способен.

— Я всегда знал, на что ты способен.

— Ещё я решил, что пришло время напомнить тебе — моё терпение не безгранично.

— Я собираюсь убить тебя, — сказал Бреннус, глупо размазывая по лицу слёзы. — Я найду способ.

Ривален положил ладонь ему на плечо.

— Твоя горечь — сладкий нектар для госпожи, Бреннус.

Бреннус сбросил руку брата.

— Убирайся.

Ривален отвернулся.

— Ты ничего не видишь, Бреннус. Ты понимаешь так мало. Здесь на первичном плане никто не сравнится со мной по силе, но какой от этого толк?

Бреннус не понимал. Лорды шейдов всегда свободно странствовали по планам бытия.

— Ты заперт здесь?

Ривален покачал головой. Его левый кулак сжался в слабом жесте раздражения.

— Не заперт, нет. Загнан. Моя сила защищает меня здесь. Но в других местах... есть желающие заполучить то, чем я обладаю.

Разум Бреннуса уцепился за это заявление. Его брат боялся чего-то или кого-то. Может быть, Бреннус сможет этим воспользоваться.

— Украденную тобой божественность?

Ривален резко обернулся к нему, тени вскипели.

— Полученную мной божественность.

— Тобой, и Эревисом Кейлом, и Дразеком Ривеном.

— Кейла нет. Сейчас его силой владеет Мефистофель.

Бреннуса озарило.

— Мефистофель хочет твою силу. Он охотится за тобой. Она нужна ему для войны с Асмодеем.

Ривален пожал плечами.

— Не важно. Я не могу спокойно покинуть этот мир, даже пока он катится к неизбежному концу. Я стану последним живым существом на этой планете, Бреннус, кричащим в пустоту, пока всё будет умирать.

— Ты погибнешь раньше, — сказал Бреннус.

Ривален улыбнулся.

— Я легко могу тебя прикончить.

Он щёлкнул пальцами.

— Вот так. Но не стану. По крайней мере, пока. Знаешь, почему?

Бреннус не стал отвечать, но Ривален всё равно продолжил.

— Потому что мы все уже мертвы. И моя горечь — тоже сладкий нектар для госпожи.

— Тогда купайся в ней, — сплюнул Бреннус. — Страдай.

Тени собрались вокруг Ривалена.

— Я страдаю. И поэтому будут страдать и все остальные.

Тьма забрала его, и Бреннус оказался один в палате прорицаний. Пот и тени текли с его кожи. Сердце колотилось о рёбра. Гомункулы осторожно высунулись из складок его капюшона, громко вздохнули с облегчением, увидев, что Ривалена нет.

— Госпожа была красивая, — сказал один из них.

— Да, — ответил Бреннус, снова поворачиваясь к тёмному прорицательному кубу, где

видел образ матери. Он положил ладонь на серебряную поверхность куба, прокручивая в голове изображение, её слова. Они заставили его улыбнуться

— Вы бы её рассмешили, — сказал он гомункулам.

Его мать поощряла увлечение Бреннуса конструктами и созидательной магией. Она всегда любила маленькие создания и движущиеся предметы, которые он делал для неё. Отец, его всевышество, принудил его вместо «фривольностей» магии творения обратиться к серьёзному искусству прорицания.

Что-то в показанных им Риваленом событиях беспокоило его, что-то странное.

— Что ты загадала, мать? — спросил её Ривален.

Бреннус вдруг понял. Луг был магическим местом, возможно, достаточно мощным, чтобы исполнять желания. В древнем Фаэруне существовали такие места. Именно с этого луга пропала Варра, когда её преследовали живые тени. Бреннус видел, как она свернулась клубком в цветах, видел вспышку, посещал луг и обнаружил, что цветы оттуда пропали без следа.

— Боги, — выдохнул он, и тени злым вихрем вскружились вокруг него.

Варра пожелала оказаться подальше оттуда.

И луг исполнил её желание.

— Куда она могла отправиться? — подумал он вслух. И затем его осенило. — В когда она могла отправиться?

Надежда появилась в нём, протиповоложность отчаяния Шар. Он поспешил в свою библиотеку, чтобы возобновить поиски.

* * *

Тьма переместила Ривалена обратно в Ордулин, обратно на его место среди потрескавшихся камней на площади. По прибытию его обширное сознание вобрало в себя каждую тень в вихре. Тьма была продолжением его разума и воли. В пустоте развалин он слышал голос своей богини, которая нащёптывала ему о злом роке.

Выл ветер, цеплялся за его плащ и волосы. В чернильном куполе неба снова и снова сверкали зубцы зелёных молний, разделяясь на движущуюся матрицу неровных углов, вспышки бросали глубокие тени на разрушенный пейзаж.

Дыра в оке Шар висела перед ним, медленно вращаясь, незаметно расширяясь год за годом — пустота, которая сожрёт весь мир. Даже Ривален не мог долго смотреть на неё без тошноты и головокружения. Дыра занимала пространство, но казалась, она существует отдельно от пространства, вещь, которая существует, но при этом является отсутствием существования.

Её глубина казалась бездонной, дырой, что тянется сквозь всю Мультивселенную, дырой, которая затянет его, всех и вся в свою пустоту и протянет по всей своей длине, пока всё сущее не станет настолько тонким, что просто перестанет быть.

Ривален чувствовал там её, Шар, по крайней мере, чувствовал её эссенцию. Её внимание сочилось из дыры, как ядовитое смертоносное облако. Буря Теней запустила Цикл Ночи и провозгласила о её приходе на Фаэрун, и «Листья одной ночи», единственная священная книга Шар, держала её здесь. Ривален нашёл книгу в оставленных Бурей руинах. Но сейчас Шар была заперта, поймана на середине своего воплощения.

Небольшие кусочки «Листьев одной ночи», клочки пергамента, ранеными птицами кружились на ветру вокруг дыры, как Слезы на орбитах вокруг Селун, погружаясь в пустоту и выныривая обратно, как будто Шар читала их страницу за страницей.

Но Шар не читала их. Шар их писала, писала их для Ривалена, чтобы он мог прочесть их и завершить Цикл Ночи.

— Напиши историю, — прошептал он сам себе.

Однажды, давным-давно, он обладал «Листьями одной ночи». Когда он попытался прочесть книгу, страницы оказались пусты. Он решил, что эта пустота сама по себе обладает смыслом. Как же он ошибался. Книга просто была недописана. Она просто ждала.

Он смотрел, как порхают страницы вокруг ока Шар, мотыльки вокруг её пламени. Он видел чёрные чернила на бумаге, символы, слова, но этого языка никогда прежде не встречал. Ему потребуется смертный фильтр, чтобы расшифровать его, отчаявшаяся душа, которая станет линзой. И этот смертный фильтр в процессе будет страдать.

Он намеревался воспользоваться Бреннусом. Он солгал, когда сказал, что не собирается убивать брата, поскольку все они уже мертвы. Он не убил Бреннуса потому, что брат был ему нужен, и потому что Бреннус пока ещё не созрел для своей роли. В его брате с каждым годом копилась горечь, желчь в душе Бреннуса. Ривален усилил её, показав Бреннусу убийство их матери.

Ривален прочитает слова книги сквозь линзу отчаяния и боли своего брата.

Эта мысль заставила его улыбнуться. Тени закружились вокруг.

Считалось, что «Листья одной ночи» описывают момент величайшего триумфа Шар — ритуал, который уничтожит мир — но также упоминают о мгновении её величайшей слабости.

В последнем Ривален сомневался.

Он жаждал прочитать книгу. Он страстно желал конца. Он устал; он существовал лишь для того, чтобы закончить Цикл Ночи, чтобы закончить Торил. И когда с этим будет покончено, либо богиня наградит его после смерти, либо он превратится в ничто. Оба варианта привлекали его куда больше текущего существования.

И Шар, и Ривален знали, что на Торице пришли в движение могущественные силы. Они знали о замыслах богов и их Избранных, о том, что что-то происходит с пересёкшимися мирами Абейра и Торила. Войны гремели по всему Фаэруну, в Серебряных пустошах, в Долинах. Ривален понимал эти события не лучше прочих, но ему это было не нужно, потому что он знал — всё это было напрасно. Когда он добьётся своей цели, боги, их Избранные и все остальные последуют перед ним в пустоту, а он пойдёт следом за ними к собственному концу.

Отстранённо он восхищался тем, как Шар превратила его желание сохранить себя в желание покончить с собой. Когда он впервые обратился к вере Шар, когда он убил свою мать, чтобы скрепить клятву Шар, он, как ни странно, сделал это с надеждой. Даже тогда он понимал, что однажды всё заканчивается, что в конце концов Шар добьётся победы, но думал, что подчинение ей позволит ему намного оттянуть этот день, и что тем временем у него будет достаточно власти, чтобы переделать мир по своему вкусу.

Как, должно быть, смеялась она над его наивностью. Как, наверное, хохотала сотни раз, тысячи раз на других мирах, с другими ночными провидцами, чьё поклонение начиналось с надеждой, а заканчивалось с нигилизмом и уничтожением.

— Моя горечь — сладкий нектар для госпожи, — прошептал он.

Молния расколола небо. Царствовала тьма. Око Шар голодным взглядом смотрело на мир.

Васен стоял в тыльной части северного двора аббатства, рядом с воротами, скрестив на груди руки. Под плащом его защищали кольчуга и нагрудник. На поясе висели меч и книжал. Рюкзак, набитый припасами, которые потребуются в путешествии, и добавкой для нуждающихся паломников, лежал на земле у его ног. Самая ценная собственность Васена, священный символ розы, подаренный ему Оракулом и принадлежавший святому Абеляру, свисал со шнура у него на шее.

Воздух пах сыростью, был пронизан обещанием грядущей осени. В чёрном, беззвёздном небе раздался далёкий гром, сотряс землю под его ногами, угрожая открытому двору дождём. Собравшиеся паломники, похоже, не обратили на гром внимания. Сейчас они не видели тьмы. Вместо этого они ожидали света. Они стояли спиной к Васену — молодые и старые, худые и толстые, высокие и низкие — глядя на высокий балкон, ведущий в святилище аббатства, где скоро должен был появиться оракул.

Двор был вымощен старой, потрескавшейся от времени плиткой, которую десятками лет оббивали ноги паломников, таких же, как стоявшие сейчас перед Васеном. Камни в центре двора были инкрустированы цветным кварцем, который складывался в узор солнечной вспышки, неподвластный вечному мраку символ амонаторова света. Ни один из паломников не наступил на этот узор. Вместо этого они окружили его, будто встав на орбиту вокруг своей веры.

С трёх сторон двор окружали розы, сто лет назад превращённые в камень синим огнём Волшебной чумы. Когда-то они были красными и жёлтыми — по крайней мере, так Васену говорили — но сейчас навсегда стали серыми, как небо, застыли навеки, запертые в долине.

Как Васен.

Васен почувствовал чей-то взгляд и обернулся. Рядом стоял Орсин, ранец на плечах которого был даже больше, чем у Васена. Васен не слышал, как он подошёл. Молчание мужчины заставляло почувствовать себя неуютно, как и взгляд похожих на опалы глаз — так, словно это был вовсе не человек и даже не дэва, а какой-то конструкт.

— Ты ходишь тише полевой мыши, — прошептал ему Васен.

Уголки губ Орсина слегка приподнялись.

— Старые привычки, — он прочистил горло. — Позволено ли мне остаться?

— О чём ты?

— Я ведь не принадлежу к вашей вере, — объяснил Орсин. — Я пойму, если ты хочешь, чтобы я подождал за пределами двора и...

Васен покачал головой.

— Нет-нет, останься. Свет Оракула не поблекнет в присутствии затенённой Маском души.

Орсин усмехнулся и опустил свою поклажу на землю.

— Как и в присутствии твоей затенённой плоти.

— В самом деле, — улыбнулся Васен. — В прошлых жизнях ты тоже стоял здесь?

Он хотел пошутить, но Орсин, похоже, воспринял его вопрос серьёзно и огляделся вокруг.

— Не в точности здесь, нет. Но я стоял когда-то в месте чуть правее тебя.

Тени потекли с рук Васена.

— Ты шутишь, да?

Орсин улыбнулся и кивнул.

— Шучу.

— Ты не просто «немного странный». Ты очень странный.

Орсин сложил руки за спину.

— Что ж, в таком случае мы прекрасная пара.

Васен хмыкнул.

— Прекрасная.

Какое-то время они молчали. Васену казалось правильным, что рядом стоит Орсин, и это чувство удивило его. За всю жизнь он никого никогда не звал другом. Товарищем — да. Доверенных союзников, братьев по вере ему хватало. Но друга? Друзей у него не было. Его кровь, липнущие к нему тени, казалось, отделяли его от всех остальных.

Кроме Орсина. И хотя они не были именно друзьями, он определённо чувствовал себя... правильно рядом с дэвой.

Где-то в недрах аббатства раздался звон, и его звук заглушил шёпот пилигримов. Паломники смолкли, звон прозвучал десять раз — по удару колокола за каждый солнечный час в это время года.

— Рассвет следует за ночью и отгоняет мрак, — прошептал Васен.

Звон прекратился, и паломники одновременно расступились. Раздался громкий вздох, когда из арки появился Оракул, рука которого лежала на его собаке, Брауни, и вышел на нависающий над двором балкон второго этажа.

— Оракул, — прошептал один из паломников.

— Посмотрите на его глаза, — сказал другой.

Глаза Оракула, пылавшие от прикосновения Амонатора, в блеклом свете дня сияли оранжевым. Его яркая мантия словно светилась изнутри, ярко контрастируя с унылой серостью вокруг. Он казался более настоящим, чем окружающий мир, слишком ярким для грязного воздуха Сембии, частичкой солнца, сошедшей на землю. Морщины трещинами на теле избороздили его чисто выбритое лицо. На шее висел платиновый священный символ — роза в солнечной вспышке.

Рука Васена потянулась к символу, который носил он сам, к розе, к символу Амонатора в его утреннем обличье Латандера. Роза была тёплой на ощупь, поцелованной солнцем.

Оракул погладил Брауни, и магический пёс улёгся рядом с хозяином на балконе. Положив руки на балюстраду, Оракул посмотрел вниз, на собравшихся пилигримов. Васен представил, что Оракул видит не мир, но вероятности мира. Улыбка раздвинула губы Оракула, обнажая гнилые зубы, и он поднял руки. В ответ склонились головы, включая голову Васена и голову Орсина, и наступила благоговейная тишина.

— Да сохранит вас его свет, — сказал Оракул пророческим, полным силы голосом.

Паломники и Васен, все как один, подняли взгляды и произнесли ритуальный ответ.

— И согреет вас, Оракул.

Присутствие такого количества верующих, как всегда, грело Васену сердце. Его радовало, что его тени хотя бы на мгновение пропали.

— Вы преодолели тяжкий путь к этому аббатству, чтобы увидеть свет, который живёт во тьме.

— Да, Оракул, — отозвались паломники.

— Вам не стоило приходить. Свет живет не здесь, он живёт в каждом из вас. Мы все —

лишь скромные слуги отца рассвета.

Улыбки, слова благодарности, кивки.

— Надеюсь, что проведённое здесь время, каким бы кратким оно ни было, раздуло пламя в ваших сердцах.

Снова кивки и слова согласия.

— Всегда носите его в себе, как бы не менялся окружающий мир. Всему Торилу предстоит трудный путь. Будьте светом для других, факелом в глубине, что указывает путь. Вы обещаете?

— Обещаем! — громкий ответ.

Оракул кивнул.

— Я встречался с каждым из вас, заглядывал в судьбу каждого.

Орсин переминался с ноги на ногу, и Васен это заметил. Оракул продолжал:

— Я знаю, что вы все хотели бы побыть здесь подольше. Но сейчас вам необходимо вернуться в земли солнца, прежде чем война в Долинах, война, которая многим из вас уже обошлась так дорого, сделает обратный путь невозможным. Идите с его светом и теплом. Будьте светом в мире, которому угрожают война и мрак.

— Будьте благословенны, Оракул, — сказали многие.

— Спасибо, Оракул, — сказали другие.

— Свет в нём, — сказали третьи.

И на этом Оракул отступил от балюстрады. Брауни встал и подошёл к нему. Оракул положил ладонь на плечо крупного пса, и они вдвоём ушли обратно в аббатство.

Когда Оракул исчез из виду, паломники повернулись друг к другу — улыбаясь, смеясь, обнимаясь, озарённые благословением Оракула. Васен повернулся к Орсину.

— Ты как-то странно отреагировал на слова Оракула, когда он упомянул о том, что заглядывал в судьбы. Он смотрел в твою?

— Смотрел, — сказал Орсин. — В первый день моего пребывания здесь.

Васен испытал сомнение.

— В первый день? Но ты же не...

— Не один из верующих? Прекрасно. Он знал об этом.

Васен никогда не слышал, чтобы Оракул делал пророчество для кого-либо не из верующих.

— Тогда что он... — Васен прервал себя на середине вопроса. — Прости меня. Его слова предназначены лишь для твоих ушей. Я просто... удивился, услышав это.

У Орсина было странное выражение лица, может быть, полуулыбка.

— Как и я. И если хочешь, я расскажу тебе о том, что он сказал мне.

Васен поглядел на Орсина, но ничего не сказал.

— В тот день он сказал мне пойти в леса долины, именно туда, где мы встретились.

Тени оплели кожу Васена. Его взгляд обратился к пустому балкону.

— Это он сказал тебе? Орсин кивнул.

— Думаю, он хотел, чтобы мы встретились.

Васен отсутствующе кивнул, задумавшись.

— Когда мы отправляемся? — спросил Орсин.

— Прямо сейчас, — ответил Васен. Он шагнул вперёд и возгласом привлёк внимание паломников.

Лица повернулись к нему, и он увидел, как радость исчезает с них. После того, как они

увидели лицо Оракула, озарённое амонаторовым светом, им пришлось смотреть на лицо Васена, со смуглой кожей и жёлтыми глазами.

— Оракул сказал своё слово. Сегодня — самый благоприятный день, чтобы покинуть аббатство.

Помрачневшие лица, кивки.

— Я поведу отряд рассветных мечей, который доставит вас домой.

Тени струились с его кожи клочками ночи, растворяющимися в сумрачном воздухе. Новые кивки.

— Не я привёл вас сюда, но я отведу вас обратно. Я много раз проделывал этот путь. Правила такие же, как по дороге сюда. Держитесь вместе. Вы видели путь сюда и знаете, как просто там заблудиться. Не слушайте голоса духов. Они не причинят вам вреда. Как только мы спустимся с гор, не шумите. Чудовища на равнинах реагируют на звук. Оказавшись ближе к Долинам, нам придётся беречься сембийских солдат. Мы знаем, как пересечь границу. Не бойтесь.

Его слова заставили пилигримов помрачнеть. Васен увидел, как в них проступает страх, смотрел, как страх заполняет пустующие места в их душе, которые не тронула храбрость. В теории паломники всегда знали, что им придётся повторно преодолеть тьму сембийских равнин и вызовы бушующей войны, но то, что это должно было произойти прямо сейчас, спустя всего лишь десять дней в долине, подкосило их дух.

Васен продолжал ровным голосом.

— Внимательно глядите по сторонам. Пока не увидим солнце, будьте очень внимательны. Просигнальте мне или другому мечу, если заметите что-нибудь настораживающее. Что угодно. И если я или другой воин отряда даёт вам указание, следуйте ему без вопросов и без задержек. Ваши и наши жизни могут зависеть от этого. Всё понятно?

Кругом кивки, согласные голоса.

Самый юный из паломников, мальчик десяти–одинадцати лет, держался за руку матери. В его широко раскрытых глазах виднелся страх. Мать отсутствующе взъерошила его волосы — её собственный взгляд был далёким, загнанным. Пожилая седовласая женщина, такая худая, что казалась мешком сухих веток, улыбнулась Васену беззубым ртом.

Он подмигнул ей, улыбнулся.

— Я отдам жизнь, чтобы защитить вас. Таков мой обет. А теперь собирайтесь. Ваша поклажа уже готова и ждёт вас в ваших комнатах. Мы уходим через час.

— Всего лишь час? — спросил кто-то.

— Так сказал Оракул, — ответил Васен, и никто больше не стал спорить.

Пилигримы прошли мимо него, возвращаясь в комнаты, чтобы забрать свою поклажу. Несколько человек коснулись его плеча или одарили благодарным взглядом. В ответ он улыбался и кивал.

Когда все ушли, Орсин ухмыльнулся и сказал:

— Твои слова не обрадовали их так, как слова Оракула.

— Моя работа — не радовать их, а беречь их — и твою — жизни.

Орсин надел свой ранец.

— Прекрасно. Думаю, скоро мы узнаем, как хорошо ты делаешь свою работу.

Герак приближался к лагерю пригнувшись, наложив стрелу и целиком превратившись в слух и зрение. Земля вокруг была усеяна глубокими отпечатками массивных ног чудовища. Тварь растоптала его навес, разодрала брезент, расшвыряла дрова в костре. С разбросанных углей поднимались тонкие струйки дыма. Герак практически в полной темноте обыскал этот беспорядок, пытаясь найти свой плащ. Он нашёл кусок от плаща, втоптаный в грязь, ещё один кусок чуть в стороне, и пал духом. Чудовище разорвало плащ и втоптало клочья в грязь. Он нашёл ещё несколько лоскутов, но среди них не было куска с карманом, и не берега Элли тоже не было.

Он сел на землю у остатков костра, положил руки на колени, и попытался придумать, как рассказать Элли, что потерял её талисман.

— Вот тебе и приносит удачу, — пробормотал он.

Он провёл ночь голодным и замёрзшим. Ему не стоило уходить на охоту. Надо было собрать вещи, покинуть проклятую деревню и отправиться в Долины.

Он почувствовал, как дрожит земля, в тот самый миг, когда рёв чудовища расколол ночь. Адреналин в мгновение ока заставил его оказаться на ногах с наложенной стрелой и натянутой тетивой. Из мрака возникло чудовище — толстые складки, в прокисшая вонь, раздирающий уши рёв. Он выстрелил, и в ответ на свист стрелы раздался удовлетворительный «тунк!» и возглас боли, когда снаряд по оперение вошёл в тело твари.

Но громадина продолжала наступать. Герак попятился, бросил лук и попытался выхватить меч, оскальзываясь на неровной, грязной земле. Его сапог застрял в грязи. Он упал на спину, выхвывая меч.

Существо бросилось на него, фыркая, хрюкая, вытянув лапы, когтистые пальцы тянулись к нему. Закричав от страха, Герак ударил мечом в туловище твари. Одна из лап обрушилась на его голову сбоку.

Боль. В глазах вспыхнули искры. В голове пронеслось воспоминание о том, как чудовище поедало фазанов, с костями и перьями, и Герак представил, как оно целиком пожирает его — одежду, кости, мясо.

Инстинкт и адреналин не позволили ему разжать ладонь с мечом, даже когда тело онемело, а туша существа рухнула на него, на ладонь вбив в мягкую почву — готовая могила. Воздух со свистом вылетел из лёгких. Существо скорчилось на нём, гора зловонной плоти, его вес давил на Герака. Крупная рука сжалась на его лице и вжала голову в мокрую землю. Вода попала в глаза, в нос, в рот. Когда Герак вдохнул воду, его охватила паника. Отчаявшись, испуганный, он бил и бил своим мечом. Смутно он чувствовал тепло, всхрипы боли чудовища, его движущийся вес на своём теле. Он не мог дышать. Вспыхнули новые искры, в глазах потемнело. Он терял сознание, умирал. Он отключился на мгновение; не знал, на сколько, но когда чувства вернулись, он понял, что существо больше не двигается.

Он убил его?

Герак был слишком истощён, ему было слишком больно, чтобы чувствовать облегчение. Вонь чудовища забивала нозри; от веса было тяжело дышать. Он лежал лицом к раздутому лицу твари. Её глаза были открыты, толстый чёрный язык вывалился из пасти. От взгляда карих глаз Герак вздрогнул.

Они казались полностью человеческими, почти детскими.

Скорчившись, он выбрался из-под существа и встал, покрытый грязью, кровью и вонью. Он посмотрел на раздутую тушу, на складки плоти, на паутину толстых вен на поверхности кожи. Из спины чудовища торчал кончик его меча.

Закрыхтев, он перевернул тушу, чтобы выдернуть клинок. Лохмотья на монстре были грязными, рваными останками домотканной одежды. Он выдернул меч, заморгав от вони. Он вспомнил, что видел у чудовища шнурок, и воспользовался мечом, чтобы приподнять складку кожи на шее существа.

На шнурке висел оберег — грязный кубик из янтаря.

Поначалу его разум отказался понимать, что это значит. Он стоял абсолютно неподвижно, разглядывая оберег, одежду, пытаясь убедить себя, что всё не так, как ему кажется.

Но всё было именно так. Он знал этот оберег. Янтарный кубик принадлежал девочке из Фэйрелма, Лани Рабб.

Но её семья покинула Фейрелм много дней назад. Чудовище убило её и забрало амулет? Или..?

Он посмотрел на существо. На его волосы. На детские карие глаза. На разодранную одежду.

Реальность потрясла его, и Герака вывернуло в траву и выворчивало до тех пор, пока его желудок полностью не опустел. Он рухнул на землю.

— Лани, — сказал он. Казалось ужасным называть этим именем раздутое, искажённое тело перед ним, но это была она. Герак был уверен. И он убил её. Какая-то магия или проклятье превратили девочку в нечто ужасное, а потом он убил её.

— Боги, боги, боги, — прошептал он.

Герак попытался не думать о том, что произошло с остальной её семьёй.

С отвращением он отбросил свой меч и опустился рядом с ней на колени — с крохотной, худенькой девчушкой, которую до сих пор мог представить бегающей и смеющейся в окрестностях деревни. Он протянул руку, но не коснулся её.

— Мне так жаль, Лани.

Как с ней могло случиться такое?

Ударил гром. Заморосил дождь.

Он долго сидел так, окутанный ночью, охваченный грустью не только за Лани и её семью, но и за себя, Элли и их ребёнка, за всю Сембию. Сама земля была испорчена тьмой. Он должен был уходить, увезти отсюда Элли, но просто не мог вот так оставить Лани здесь. Он должен был что-то сделать с её телом, сжечь его. Это было самое малое, что он мог.

Он разыскал свой топор для дерева среди разбросанных останков лагеря, порубил найденные неподалёку мёртвые ветви широколиста, и начал сооружать погребальный костёр вокруг тела Лани. Он взял её за запястья, чтобы немного сдвинуть и подложить под неё дрова. И тогда заметил, что она что-то сжимает в руке.

Герак разогнул уже заоченевшие раздутые, уродливые пальцы, чтобы обнаружить бронзовое солнце — медальон Элли. Из всех вещей в лагере она взяла медальон Элли. Он вспомнил, что когда-то, давным-давно, Лани сказала Элли, какой у неё красивый медальон. Элли погладила девочку по волосам, поблагодарила её, и Лани побежала дальше.

Эмоции закипели в Гераке, грубые, горькие, и он не сумел их проглотить. Он заплакал, продолжая работать, и вскоре соорудил более-менее приличный погребальный костёр. Костёр для девочки-подростка, которую Сембия превратила в чудовище. Он аккуратно поместил оберег Элли обратно в её ладонь.

— Мне жаль, — снова повторил он, и начал разжигать костёр. Когда дерево загорелось, он ворошил дрова, пока огонь не охватил их полностью. Он подумал, что должен сказать

что-нибудь, молитву, но не смог себя заставить.

— Будь оно проклято, — тихо сказал он, пока раздутое тело Лани чернело в огне. — Будь оно всё проклято.

Какое-то время он смотрел на костёр, пока не убедился, что тот не угаснет, затем собрал всё, что сумел найти из своих вещей, и направился обратно. Он должен был вернуться в Фейрелм и увезти отсюда Элли.

Он шагал с луком в одной руке и с мечом — в другой. Он не собирался останавливаться, и прошёл несколько лиг, прежде чем зрение затуманилось от усталости, и Герак начал спотыкаться. Но он всё равно продолжал идти. Поставленная цель поглотила его, рыболовный крючок страха глубоко вошёл в его кишки и тянул обратно в Фейрелм, к Элли.

Через два часа он так часто моргал от усталости, что почти ничего не видел. Казалось, его ноги сделаны из свинца — куски металла, приделанные к его коленям. Он споткнулся, упал, пополз, и наконец рухнул. Он попытался встать, но не смог. Его лицо ударилось в мокрую землю. Силы покинули его, утекли в почву. Дрожа от холода и истощения, он решил минутку отдохнуть. Всего минутку...

* * *

Шёл дождь, когда паломники собрались на возвышенности, с которой открывался вид на аббатство. Они сбились в ссутулившуюся, мрачную, грустную кучку, натянув на головы капюшоны. Все, кроме Орсина. Он стоял поодаль от остальных, одетый лишь в свою рубаху, штаны, сапоги и татуировки. Казалось, дождь совсем его не беспокоит. Паломники старались к нему не приближаться. Он не был одним из них, и пилигримы, должно быть, чувствовали это.

Дэва поймал взгляд Васена, кивнул.

Паломники смотрели вниз, на долину, на её высающиеся сосны, за которыми начинались зубцы гор, на вены рек, на каменные стены приютившегося среди зелени аббатства. Не в первый раз Васен задумался, как будет выглядеть долина в солнечном свете. Он представил, как блестит серебром река, как куски слюды в стенах аббатства сияют, будто драгоценности, как снежные шапки гор светятся, как фонари. Его огорчало, что это место никогда не увидит чистого солнечного света. Он поклялся, что когда выведет паломников из-под савана Шадовар в Долины, то поволит себе провести несколько часов под солнечными лучами, прежде чем вернуться во тьму.

— Твои мысли блуждают, первый клинок, — сказал стоявший рядом Бирн.

Васен повернулся, чтобы взглянуть в глаза Бирна — с тяжёлыми веками, с нависшими густыми бровями. На виске Бирна виднелся неровный шрам. Васен вздохнул.

— Похоже, в последнее время мои мысли частенько это делают.

— Это всё время года, — сказал Бирн, указывая на небо рукой в перчатке. — Приближается зима. Разум блуждает в попытках найти весну. Но скоро мы увидим солнце.

— Увидим, — уверенно кивнул Васен. — Паломники готовы? Ты их пересчитал?

Бирн кивнул, его конический шлем сполз на глаза. Он поправил шлем и сказал:

— Двадцать три паломника и четверо нас.

Четверо их. Четыре слуги Амонатора поведут верующих сквозь вечную ночь Шадовар. Элдрис, Налъд, Бирн и Васен, первый клинок. Все — опытные и хорошие люди. Каждый из

них знал, каким путевым знакам следовать на равнинах, чтобы попасть в Долины, к солнцу, в безопасность.

— Тогда занимайте позиции, — приказал Васен. — Помолимся и выступаем.

— Хорошо.

Васен собрал свои длинные волосы в конский хвост и завязал их, пока Бирн, Элдрис и Нальд занимали позиции вокруг паломников — пастухи, окружающие своё стадо. Когда все были готовы, Васен провёл рукой по бороде и обратился к паломникам. Он видел страх в их глазах и хотел сделать всё возможное, чтобы рассеять его.

Он высоко поднял свой меч. Бирн, Нальд и Элдрис поступили так же. Тени потекли с тела Васена, закружились вокруг его рук, но он направил силу отца рассвета, и его клинок засиял ярким розоватым светом. Свет упал на пилигримов, на мечей рассвета, его сила укрепила их души, заронила в них надежду, даже раскрасила их тени, лежавшие на земле. Васен одновременно почувствовал и тепло света, и присутствие тени. На лицах пилигримов отразилось облегчение. Многие показали знак встающего солнца и склонили головы.

— Мы отправляемся сквозь тьму в путешествие к солнцу, — сказал Васен. — Нас связывает общая вера, общая цель. Все мы согреты светом наших товарищей. Веруя, мы отгоним темноту. Его свет хранит нас.

— И согревает нас, — отозвались паломники.

Васен и мечи рассвета опустили своё оружие, сияние угасло, и мрак Сембии снова подобрался ближе. Все ожидали приказа Васена выступать. Прежде чем отдать его, он обернулся и позвал к себе Орсина.

Другие мечи рассвета посмотрели на него странно, но Васену было всё равно.

— Васен?

Васен поднял брови, кивнул на землю, на посох Орсина.

— Ты говорил, что линии отмечают новое начало. Может быть, проведёшь одну?

Орсин улыбнулся.

— Прекрасно. Прекрасно, — он прочертил на земле линию.

— Идём, — позвал Васен, и колонна двинулась, переская проведённую Орсином черту.

Когда они шли по запутанному проходу, прокладывая путь среди его развилок, тайных троп и тупиков, с неба посыпалась морось. Орсин держался в передней части колонны, рядом с Васеном. Остальные мечи рассвета помогали тем, кто спотыкался, или несли поклажу тех, для кого она была слишком тяжела.

По мере их продвижения воздух густел от влаги. У ног собирался туман, поднимался до колен. Впереди возвышалась клубящаяся серая стена, в которой обитали духи перевала. Васен не понимал, что представляют из себя духи. Он знал только, что их собрал отовсюду синий огонь Чумы и поместил сюда. Может быть, они не могли уйти. Может быть, не хотели. Казалось, они подчиняются Оракулу, но как именно — Васен не понимал. Паломникам и мечам рассвета духи позволяли пройти нетронутыми. Других они заводили не туда. Время от времени мечи рассвета находили заблудившихся странников в том или ином тупике погибшими от голода или жажды. Глаза таких мертвецов были широко распахнуты от страха.

Когда они приблизились к стене, туман закружился вокруг, забрался по ногам Васена. Его тело ответило тенями. Бормотание заполнило уши, шепотки, бессмысленная болтовня, угрожавшая затуманить его мысли.

Он коснулся священного символа на шее, прочитал молитву, зачерпнул силу Амонатора

и направил её в свой щит. Энергия зарядила металл и дерево. Щит засиял, потеплел в его руках. Голоса в голове превратились в приглушённый шёпот.

Позади него то же самое сделали Нальд, Элдрис и Бирн, и вскоре свет Амонатора оградил пилигримов.

— Не выходите из света, — сказал Васен. — Всё будет так же, как в первый раз, когда вы направлялись в аббатство. Вы услышите духов, может даже увидите их, но ничего не бойтесь. Они не навредят вам, но если вы заблудитесь на перевале, разыскать вас будет сложно. Мы не остановимся, пока не пройдем туман насквозь. Возьмите за руку ближайшего к вам человека. Если кто-то споткнется или отстанет, немедленно зовите на помощь.

Его словам ответили согласные возгласы и утвердительное хмыканье. Заныл ребёнок. Раздался кашель.

Васен повёл их в туманную стену, и дымка немедленно окутала его целиком, заглушила звуки, подавила его связь с миром, с собой. В тумане он чувствовал себя так, будто очутился в коконе. Даже в свете своего щита он видел только на несколько шагов. Но он знал, чего ожидать, так что не потерял самообладания.

— Держитесь вместе, — крикнул он через плечо.

Позади он слышал шаги паломников, мягкий хруст сандалий и сапогов на камнях, но звук казался далёким, и создавалось ощущение, что их отделяет от Васена не только туман. На ходу он искал ориентиры, булыжки с начертанными на них мерцающими символами. Он нашёл первый — нарисованную на камне сияющую розу амонаторова рассвета.

— Мы у первой вехи, — сказал он. — Нальд? Бирн? Элдрис?

— Здесь, — ответили все.

Ещё две вехи, и они преодолеют туман. В голове Васена их путь был начертан так же ясно, как эти символы на камнях.

В туманной дымке он видел призрачные лица, открывающиеся рты, полные тайн, глаза, похожие на дыры, в которые можно было падать вечно. Вокруг, как падающий дождь, повсюду звучал шёпот. Трудно было различить слова этого зловещего речитатива.

Перед ним возникло бородатое лицо, рот распахнут в крике.

Видение женщины справа, глаза расширились от ужаса.

Взгляд ребёнка, забытого, заблудившегося.

Как всегда, он не позволял разуму отвлечься, а ногам свернуть с пути.

В неразличимой буре шёпота раздавались обрывки фраз.

— Город Серебра, — сказал мужской голос.

— Элгрин Фау, — прошипела женщина.

Васен не обращал на них внимания, как делал бесчисленное количество раз прежде.

— Ты должен освободить их, — сказал голос мальчика.

— Ты наследник. Напиши историю.

Слова заставили Васена замедлить шаг. Он вспомнил сновидения об отце, слова Оракула.

— Бирн? — позвал он. — Нальд?

Нет ответа. Он отделился от группы? Потерял подопечных?

— Элдрис?

Он повернулся кругом, немедленно осознав, что совершил ошибку. Туман игрался с его ощущениями. Васен оцепенел. Мир закружился, и он наткнулся на булыжник, едва не упал. Свет его щита поблек. Тени хлынули с кожи, смешиваясь с туманом. Он положил ладонь на

священный символ на шее, схватился за него, как будто от этого зависела его жизнь.

Шёпот усилился. Туман сомкнулась вокруг него погребальным саваном. Он прошептал молитву, пытаясь заглушить шёпот, но голоса приближались, становились громче, потоком текли в уши, водопадом из долины, падающим на него пеной голосов.

— Спаси его, — сказал глубокий голос.

— Ты должен.

— Спаси его. Потом напиши историю.

— Спасти кого? — прикнул он, но уже знал ответ.

Воздух вокруг него похолодел, стал ледяным, ножами жалил кожу. Застучали зубы. Он попытался заговорить, позвать товарищей, но мороз сковал его уста. Поднялся ветер, вцепился ледяными пальцами в плащ Васена. Шёпот духов сменился криками, долгим воем боли. Он почувствовал запах серы, вонь горящего мяса.

— Что происходит? — попытался крикнуть он, но вместо слов изо рта вырвалось карканье и облачко застывшего дыхания.

Туман расступился перед ним, обнажая далёкие горы — намного выше любых, что он когда-либо видел, зубристые, укрытые льдом башни, устремлённые в мерцающее красное небо. В небо густыми колоннами поднимался дым. Он стоял на утёсе, глядя на ледяную равнину. Внизу он видел похожий на курган ледяной холм, единственный на плоской равнине. Из трещин в кургане просачивались тени. Огненная река разрезала равнину, красная вена, в которой, в которой...

— Именем света, — прошептал он, истекая тенями из пор на коже.

В реке горели души, их крики поднимались в небо вместе с дымом. Высокие насекомоподобные дьяволы кололи их длинными трезубцами, поднимали их из огня, как пойманную рыбу.

— Кания, — сказал глубокий, полный силы голос справа от него.

Он обернулся, но никого не увидел.

— Так вот где он? — спросил Васен. — В Аду? Скажи мне!

Нет ответа. Он снова повернулся взглянуть на этот ужас, но видение Кании, Ада, поблекло. Вернулось тепло, а вместе с ним — туман, оцепенение, шёпотки.

— Спаси его, — сказал другой голос. — Он замёрз.

Васен покачнулся на ослабевших ногах, но прежде чем он упал, на его плече сомкнулась рука и с силой развернула его. Он поднял щит и занёс меч.

Но это был Орсин. Это Орсин развернул его.

— Ты заблудился, — сказал дэва. — Тебе нехорошо?

— Нет. Да. Они показали мне видение, Орсин. Ужасное видение.

Необычные глаза Орсина посмотрели на Васена, бледные шары, странно похожие на туман. Морщины на лбу перечеркнули чернильные линии на его коже.

— Я ничего не видел, — сказал он. — Но слышал их. Они шепчут об Элгрин Фау. Городе Серебра. Они говорят от твоём отце. Всё было иначе, когда я проходил здесь по дороге в храм. Тогда я слышал только бессмыслицу.

— Такого никогда раньше не случалось, — сказал Васен, мысли которого прояснились. — Что за Город Серебра? И откуда они знают о моём отце?

Орсин оглянулся кругом, как будто мог прочесть ответ в вихрях тумана, в уродливых лицах, выглядывающих из окружающей серости.

— Я не знаю. Может быть, что-то изменилось?

Васен вцепился в дэву, как утопающий — за соломинку.

— Изменилось. Да.

Орсин потрепал его по плечу.

— Поговорим об этом, когда выйдем из тумана.

Слова Орсина отрезвили Васена, напомнили ему о долге. Он помотал головой, чтобы прочистить мозги, окликнул товарищей.

— Элдрис? Бирн? Нальд? Отзовитесь!

Один за другим они отозвались, голоса прозвучали недалеко.

— А паломники? — позвал Васен, в тумане его голос звучал блекло, равнодушно.

— Все на месте, — ответил Бирн.

— Всё хорошо, — сказал Орсин. — Мы волновались о только о тебе. Ты говорил странные вещи и ушёл.

— А ты пошёл следом? Ты мог заблудиться.

Орсин отступил, показал Васену свой посох, исчерченный линиями, свою кожу, которую многочисленные татуировки превратили в карту. Он улыбнулся.

— Я редко сбиваюсь с пути, Васен.

Вопреки себе, Васен тоже улыбнулся.

— Похоже на то. Спасибо тебе. Пойдём. Давай выведем всех отсюда.

Вместо того, чтобы идти следом в нескольких шагах, Орсин пошёл рядом с Васеном, справа, и Васен был рад его присутствию. Духи замолчали, как будто сказали всё, что хотели, и колонне пришлось преодолеть только туман и несколько развилок.

— Это настоящий лабиринт, — сказал Орсин.

— Вызов даже для тех, кто редко сбивается с пути, не так ли?

Орсин хмыкнул.

— Прекрасно.

— Этот проход хранит аббатство уже целый век. Когда Оракул был ещё мальчишкой, родившимся дурачком, он вошёл в свой первый транс и повёл выживших в битве при Саккорсе через перевал.

— Саккорс, — сказал Орсин. — Где был повержен Кессон Рел.

— Да, — ответил Васен, и тени потекли с его кожи.

По духам в тумане прошёл шёпот.

— Он пал от руки твоего отца, Дразека Ривена и шадовар, Ривалена Тантула, — продолжал Орсин.

— Он пал и от света слуг Амонатора. Среди них был отец моего приёмного отца, Регг, и Абеляр Корринताल, отец Оракула.

— Тень и свет действовали заодно, — заметил Орсин.

— Да, — согласился Васен, искоса посмотрев на него. Рука дэвы лежала на священном символе, который тот носил под рубахой. Васен продолжил:

— И когда выжившие достигли долины, Оракул объявил её местом, где свет будет жить во тьме. В последующие десять лет было построено аббатство, и оно стоит там по сей день.

— Я слышу гордость в твоём рассказе.

— Наш орден делает работу Амонатора. Хорошую работу. Служение — честь для меня.

— В этом я не сомневаюсь, — сказал Орсин. Какое-то время он шёл молча, потом сказал:

— Я рад, что наши пути пересеклись, Васен.

— Это взаимно. Хотя, похоже, наша встреча не была случайной.

— Нет, — согласился Орсин. — Не случайной.

Отстаток пути по перевалу они молчали. Когда туман поредел и наконец рассеялся, тёмное небо пролилось сильным дождём.

Глава шестая

Васен вывел паломников в каменистые предгорья Грозовых вершин. Там они остановились. За холмами тянулась сембийская равнина, широкий простор кнут–травы, усеянный большими и мелкими рощами сосен и широколиста. Встречались вязы и клёны, великаны равнин, как заботливые отцы, возвышающиеся над более мелкими деревьями. На линии горизонта блеклое сембийское небо сливалось с мраком равнин, перетекая из одного в другое. Повсюду были дождь и темнота.

Васен оглядел небо в поисках патрулей Шадовар. Летающий город Саккорс уже давно не видели так далеко к северу, но Васен не хотел рисковать, когда под его началом были паломники. Изредка мечи рассвета встречали воздушные патрули Шадовар, двух–трёх солдат на летающих чешуйчатых червях, которых они звали везерабами, но даже такие патрули в последнее время стали редкостью. Васен подозревал, что Шадовар перебросили большую часть своих войск ближе к Кормиру и Долинам. Мечи рассвета разведали область вокруг Грозовых вершин и знали, что сембийские силы разбили лагерь на юге и западе равнины, преградив дорогу к морю и путь через южную часть Грозовых вершин. Возможно, чтобы сдерживать любые силы Кормира, которые иначе могли бы попытаться помочь Долинам, где уже несколько месяцев шло наступление Сембии.

— Сейчас надо поторопиться, — сказал он своим людям и паломникам. — В предгорьях мы как на ладони. Надо как можно быстрее достичь равнины.

Помогая старым и слабым, их отряд быстро пересёк усеянные булыжниками холмы. Васен знал, что здесь, под соснами, поблизости от перевала, нашли его мать. Сосны по–прежнему росли на холмах, и каждый раз, проходя здесь, он чувствовал связь с матерью. Ему стало интересно, стоят ли по–прежнему те деревья, под которыми её обнаружили.

Вскоре камни и гравий сменились кустарниками и травой. Васен повёл отряд к знакомой ему роще широколиста, и они остановились там на привал. В глазах пилигримов виднелась усталость.

— Отдохните немного, — сказал он. — Перекусите. Отсюда будем идти быстро. Чем меньше времени мы проведём на открытой равнине, тем меньше вероятность, что нас заметят. Отсюда к Долинам три дня пути. Три дня до солнца.

Он заставил себя улыбнуться.

— Совсем недолго, правда?

— Нет, — отозвались некоторые.

— Недолго, — сказали другие.

Паломники достали из заплечных мешков хлеб, вяленую баранину и козий сыр. Орсин сел в сторонке, скрестив ноги, закрыл глаза, положив руки на колени. Похоже, он медитировал или молился. Васен, Нальд, Элдрис и Бирн ходили среди паломников, пока те ели, стараясь приободрить людей.

— Он странный, правда? — тихо сказал Бирн Васену, кивнув на Орсина.

— Странный. Хотя многие говорят так и обо мне.

На это Бирн ничего не ответил. Они оба знали, что это правда.

— Думаю, он благородный человек, — сказал Васен.

— Но не нашей веры, — фыркнул Бирн.

— И всё же верующий, — ответил Васен, и оставил Бирна, чтобы поговорить с

паломниками, приободрить их и благословить, облекая боль и согревая души. Амонатор даровал всем рассветным мечам способность использовать их веру для сотворения различных чудес.

— Как у вас дела? — спросил Васен плотную женщину около сорока лет. Её звали Элора, насколько он помнил. Рядом с Элорой сидел её сын, мальчик лет десяти. Васен порылся в памяти — мальчика звали Нолл.

— Хорошо, насколько вообще может быть под этим дождём.

— Я могу вам как-нибудь помочь? Вам или Ноллу?

— У нас всё хорошо.

— Хорошо, добрый сэр, — сказал мальчик с набитым сыром ртом.

— Вы из Долин? — спросил Васен, чтобы продолжить разговор.

Туча нашла на лицо Элоры.

— Жили в Аркене. Пока сембийцы не напали. Потом в Кинжальной Долине.

Васен увидел скорбь на её лице. По тому, что они с Ноллом путешествовали одни, он мог догадаться, кого они потеряли.

— Если я что-то могу сделать для вас, сестра, — сказал Васен, легонько коснувшись её, — достаточно просто попросить.

Она слегка съёжилась от его прикосновения, и Васен увидел, что с его рук сочатся тени. Он сделал вид, что не заметил её реакции, встал и собрался уходить.

— Вы... шадовар? — выпалил Нолл ему в спину.

Этот вопрос заставил смолкнуть других паломников.

Васен почувствовал на себе их взгляды. Вопрос задал ребёнок, но думали об этом все. Он обернулся, тени струились с кожи.

Элора покраснела.

— Нолл!

Её сын заговорил с набитым ртом:

— Я не хотел грубить, мама.

Васен улыбнулся, чтобы не пугать Нолла. Он частенько слышал такие вопросы, и не только от детей. С его смуглой кожей, длинными тёмными волосами и мерцающими жёлтыми глазами, Васен был очень похож на шадовар.

— Нет, — сказал он, ничего больше не объясняя. — Не переживайте.

— Тогда кто вы такой? — спросил Нолл.

— Малец! — прикрикнул мужчина средних лет. — Ты слишком далеко заходишь.

— Простите мальчика, — сказал другой мужчина. — Говорит, не подумав.

— Тут нечего прощать, — громко, чтобы все слышали, сказал Васен. — Я человек, слуга Амонатора и последователь света, так же, как и вы. Он улыбнулся Ноллу и подмигнул.

— Как оказалось, этого хватает, чтобы дел у меня было по горло.

Нолл улыбнулся в ответ, к его зубам прилипли крошки.

— А теперь собирайте вещи, все, — сказал Васен. — Время идти дальше.

В ответ прозвучали стоны, но паломники исполнили его приказ. Пока они собирали пожитки, к Васену подошёл Элдрис и положил руку ему на плечо.

— Они не имели в виду ничего дурного, первый клинок.

— Я знаю, — ответил Васен.

Скоро они снова отправились в путь. Придерживаясь маршрута, которым Васен ходил уже много раз, они быстро пожирали расстояние. Васен постоянно следил за небом,

высматривая любые признаки Шадовар. Его особенности позволяли ему видеть во мраке, как в свете полдня, так что только он мог вовремя заметить опасность.

Через несколько часов пошёл ливень. Дождевая вода была коричневой, как экскременты, и пахла разложением. Васен подумывал объявить привал, но паломники, даже пожилые, вроде бы неплохо справлялись. Васен увидел, что Нолл запрокинул голову и открыл рот, хватая капли дождя.

Прежде чем Васен успел одёрнуть его, Орсин хлопнул мальчика по плечу.

— Не пей, будешь потом мочиться зелёным.

Мальчик ухмыльнулся.

— Он прав, — серьёзно сказал Васен. Он упрекнул себя, что не предупредил паломников не пить дождевой воды.

Мальчик покраснел, опустил голову и смущённо ухмыльнулся.

Орсин предложил Ноллу собственный бурдюк, и мальчик стал жадно пить.

Васен благодарно кивнул Орсину и обратился к пилигримам:

— Пейте только из бурдюков. От этого дождя можно заболеть.

Эллора отвесила Ноллу подзатыльник. Орсин подошёл к Васену.

— Нужно было сказать им раньше, — произнёс Васен, качая головой из-за своего недосмотра. — Иногда я забываю, что они не знают того, что знаю я.

— Сложно предвидеть, что мальчик станет пить дождь, который пахнет смертью.

— Наверное, выпил всю свою воду на первом привале, — сказал Васен.

— Может быть, — отозвался Орсин, — А может, он просто мальчишка, который пьёт дождь, потому что ему скучно и потому что мальчишки так делают.

— Много он не выпил, — сказал Васен, надеясь, что Нолл не заболеет.

— Да, немного, — согласился Орсин. — И он ещё молодой и крепкий.

От воды волосы и капюшоны липли к голове, плащи и одежда приставали к телу. Они шагали по хватающейся за ноги грязи, часто спотыкались. Но несмотря на дождь и тёмное небо, паломники часто улыбались друг другу. У каждого был символ веры, благословлённый Оракулом — солнечная вспышка и роза — и большинство держали его в руках, пробираясь по мокрой земле, опустив голову и шепча молитвы. Несмотря на дождь и черноту сембийского неба, в душах паломники хранили сияние Амонатора. Васена радовало их счастье, хотя он приглядывал за Ноллом. Мальчик, казалось, был здоров, пускай и немного бледен.

Когда их отряд снова остановился для отдыха, Бирн уселся под широколистом рядом с Васеном. Орсин, как всегда, устроился поодаль от остальных пилигримов — с ними, но не из них. Своими необычными глазами дэва смотрел в дождь, и может быть видел там то, чего не видел Васен. Прошлые жизни, возможно.

Бирн глотнул из своего бурдюка, предложил его Васену.

— Вести об аббатстве и об Оракуле распространяются, — сказал Бирн, пока Васен пил. — Паломники говорят, что в Долинах кто-то об этом болтает. И не только в них.

— Такой риск был всегда, — отозвался Васен. — Но никто, кроме верующих, не знает даже приблизительного местонахождения аббатства. И никто из паломников без нас не сумеет найти обратный путь.

Бирн покачал головой.

— И всё-таки слишком многим известно про нас. Оракул у всех на слуху. Его многие ищут. Война в Долинах ухудшает ситуацию.

Васен откинул с глаз мокрые волосы.

— Настали тёмные времена, Бирн. Люди жаждут света.

— Это точно. Но если из-за чьей-то болтовни на нас нападут Шадовар, какой свет от нас останется?

Васен встал, протянул Бирну руку и помог ему подняться на ноги.

— Зависит от того, насколько хорошо мы будем сражаться.

— Нас всего лишь четверо, первый клинок.

— Пятеро, — произнёс Орсин.

Бирн удивлённо поднял брови.

— Острый у него слух.

Он приподнял бурдюк в уважительном жесте.

— Значит, пятеро. Меня зовут Бирн.

Дэва встал, подошёл и пожал Бирну руку.

— Орсин. И, боюсь, даже впятером нам придётся сражаться очень хорошо, если мы повстречаем Шадовар.

— Это точно, — согласился Бирн.

Васен закинул свой ранец на плечи.

— Давайте надеяться, что сражаться вообще не придётся. Пора...

Глубокий рык откуда-то из темноты на равнине заставил их обернуться. Васен достал меч. Паломники переглядывались, широко раскрыв глаза. Они сбились в кучку. Некоторые взяли столовые ножи, от которых в бою было мало толка. Элдрис и Налъд встали перед паломниками. Васен, Бирн и Орсин сделали несколько шагов в сторону звука, прислушиваясь, сжимая оружие, зная, какие ужасы может извергнуть из себя сембийская равнина.

Звук не повторился. Васен подозвал к себе мечей рассвета.

— Держитесь спокойно и уверенно, — сказал им он. — Смотрите в оба. И следите за мальчишкой, Ноллом. Он пьёт дождь чаще, чем мне бы хотелось. Давайте выступать.

Отряд оставил укрытие под соснами и снова вышел под вонючий дождь. Мечи рассвета держали оружие в руках, и Васен не прекращал беспокоиться, пока между отрядом и местом, где они слышали рык, не осталось больше лиги.

За это время Нолл начал кашлять. Сначала Васен говорил себе, что это просто приступ лихорадки, но надежда угасла, когда кашель усилился. Скоро мальчик кашлял, как старик с отёком лёгких. Васен никогда не видел, чтобы болезнь развивалась так быстро.

Нолл начал спотыкаться. Мать, Элора, пыталась помочь ему.

— Помоги им, — приказал Элдрису Васен, и Элдрис подчинился, поддерживая Нолла.

— Дождь заразил мальчика, — сказал Орсин.

Васен кивнул.

— Меня это тревожит. Обычно требуется несколько дней, чтобы заболеть из-за дождевой воды.

— Можно что-нибудь с этим сделать?

— Бирн! — позвал Васен и кивнул на Нолла.

Бирн поспешил к мальчику, и отряд на миг остановился, пока меч рассвета прижал свой священный символ — бронзовое солнце — ко лбу Нолла и призвал силу отца рассвета. Руки Бирна засияли, засиял священный символ, Нолл улыбнулся и задышал легче. Бирн взъерошил ему волосы.

Облегчение продлилось недолго. Скоро Нолл закашлял снова, уже сильнее прежнего.

— Что с ним такое? — спросила Элора. Пока Элдрис пытался её успокоить, Бирн отозвал Васена в сторону.

— Исцеляющая молитва не избавила его от болезни.

— Нет, — подтвердил Васен. Целительные молитвы заживляли раны, даже сращивали сломанные кости, но против болезней были бесполезны. — Если мы выберемся из-под этой бури, я позабочусь, чтобы он выздоровел.

В ответ в небе Шадовар злобно прогремел гром.

— В таком случае, я найду убежище, — сказал Орсин и скользнул во тьму.

— Подожди! — окликнул его Васен, но дэва уже ушёл, растворившись в дожде и мраке.

— Что теперь? — спросил Бирн.

Васен глянул на Нолла.

— Будем идти дальше, пока не найдём убежище. Орсин нас догонит. Похоже, он никогда не теряется.

Новая серия молний исполосовала небосвод, как небесная пиротехника, вызвав изумлённые вздохи паломников. От долгого раската грома задрожала земля. Скоро дождь посыпался мерцающими простынями, мешая даже Васену что-то разглядеть. Васен не мог поверить, что Оракул посчитал удачным время их отбытия. Они попали в худшую бурю из всех, что он когда-либо видел.

Они продолжали идти вперёд, потому что другого выбора не было. Мечи рассвета подбадривали паломников, оглядывая местность в поисках убежища, но ничего не видели. Нолл покачивался, спотыкался, его кашель в промежутках между ударами грома был слишком сильным. Мальчик упадёт, если в ближайшее время они не найдут укрытие, а двигались они чересчур медленно.

Васен отошёл в тыл колонны, где Элдрис пытался удержать Нолла в вертикальном положении. Элора, чьи тёмные, волнистые волосы прилипли к бледному лицу, не находила себе места. Дождь не мог скрыть её слёз.

— Разве вы не можете помочь ему? — спросила она Васена, схватив его за руку. — Пожалуйста, меч рассвета.

Васен мягко сказал:

— Надеюсь, что могу, но мне нужно убежище, чтобы провести более действенный ритуал. Кроме прочего, мне нужен огонь, и ни один огонь не продержится под этим ливнем.

Он опустился на колени и посмотрел мальчику в лицо. Ветер трепал их плащи. Глаза Нолла были подёрнуты дымкой, лицо посерело.

— Я понесу тебя, Нолл, но мне понадобится твоя помощь. Сможешь удержаться на мне?

Взгляд мальчика сфокусировался на Васене и он кивнул.

Васен избавился от своего мешка, щита и меча. Новый удар молнии озарил равнину.

— Пошли уже! — крикнул один из паломников. — Будем здесь стоять — попадёт молния!

Элдрис понёс вещи Васена, а Васен усадил Нолла себе на спину. Мальчик обхватил руками его шею, оплёл ногами туловище. Даже сквозь доспехи Васен чувствовал жар его лихорадки. Какое-то время он привыкал к весу.

— Просто держись, Нолл, — сказал Васен.

— Далеко ты его не унесёшь, — сказал Элдрис.

— Этого хватит, — сказал Васен и зашагал вперёд. Он крикнул паломникам:

— Пошли! Быстрее!

Небо потемнело ещё сильнее. Приближалась ночь, шторм усилился, а они так и не нашли подходящего убежища. Орсин не вернулся. Молния расколола небо и ударила в скрюченный, давно засохший вяз в броске копья от паломников. Дерево с громким треском раскололось, и две половинки мёртвого вяза упали на землю. Загорелись они лишь на мгновение, прежде чем дождь погасил пламя.

— Где-нибудь ещё осталась проклятая роща с живыми деревьями? — крикнул Васен, когда Нолл затрясся от очередного приступа кашля. Его мать держалась рядом с Васеном, хлопоча вокруг сына.

Васен сосредоточился на том, чтобы ставить одну ногу впереди другой. Тени текли с его кожи. Нолл либо уже не замечал их, либо ему было всё равно. Как и его разбитой горем матери. Усталость Васена угрожала смениться истощением, а дождь всё не переставал.

Бирн перешёл в конец колонны.

— Ты как?

— Более-менее. Как мальчик?

Бирн проверил мальчика, снова взглянул на Васена.

— Не очень.

— Только не мой сын, только не мой сыночек, — запричитала мать Нолла. — Я уже потеряла его отца из-за сембийской армии. Я не могу потерять и его.

— Найди мне место, — сказал Васен Бирну. — Любое место. Мы должны попробовать провести ритуал.

— Ничего нет, первый клинок, — ответил Бирн.

Их внимание привлёк раздавшийся в колонне возглас. Двое из паломников указывали влево, но дождь и темнота мешали Васену разглядеть там хоть что-нибудь. Небеса снова пронзила молния.

— Там! Там!

Васен увидел. В сотне шагов от них на холме стоял Орсин и размахивал над головой своим посохом. В Васене загорелась надежда.

— Подсвети нас, чтобы он знал, что мы его увидели, — сказал Васен Бирну.

Бирн кивнул и прошептал молитву, которую заглушил вой ветра. Его щит засиял, тёплым, розовым светом благословения Амонатора. Бирн пошёл туда, где они в последний раз видели Орсина.

— Поспешите, — крикнул Васен. — Быстрее. Торопитесь.

Оскальзываясь на мокрой земле, отряд пошёл вслед за Бирном в сторону Орсина, который спустился с холма им на встречу. Грохотнул гром.

— Я нашёл пещеру. Она вместит всех.

Васен схватил его за плащ, опёрся на него, пытаясь найти силы.

— Как далеко?

Глаза Орсина казались лунами на его лице.

— Чем быстрее пойдём, тем ближе.

Васен отпустил его, и они зашагали сквозь бурю. От усталости зрение Васена затуманилось, но Орсин, казалось, точно знал, куда идти. Они пересекли гребень холма, спустились, обнаружили внизу широкий ручей, который дождь превратил в настоящую реку, и пошли вдоль него. Поток проделал траншею в земле, берега круто обрывались к его краям.

— Уже близко, — сказал Орсин.

— Почти пришли! — крикнул паломникам Васен. Ни один человек не отозвался. Они просто продолжали шагать вперёд.

Орсин показал рукой, и Васен увидел вход в пещеру на противоположном берегу ручья. Орсин подтащил Васена к себе, чтобы тот слышал его.

— Впереди брод. Иди за мной.

Орсин повёл их к участку, где бурный поток сужался. Не мешкая, он ступил в воду.

— Позаботьтесь, чтоб никого не унесло, — приказал Васен Бирну, Элдрису и Нальду.

Мечи рассвета кивнули, и вместе с Орсином принялись помогать паломникам перейти на другой берег. Детей и стариков переносили на себе. В самой глубокой точке вода доходила до груди. Ручей нёс мимо сломанные ветки и листья. Течение толкнуло Васена, когда он ступил в воду. Он шагал медленно, методично, стараясь удержать Нолла. Спустя какое-то время все перебрались на другой берег и поспешили в пещеру. Первое, что поразило Васена — относительная тишина. Снаружи дождь колотил по его капюшону, как в барабан.

Бирн положил посередине пещеры свой щит, помолился над ним, и розоватый свет отбросил на своды их тени — тёмные, искажённые образы настоящих людей.

Пещера достигала десяти шагов в ширину и погружалась в берег ещё на двадцать. Коричневый мох рос на потрескавшихся сводах, странным образом напоминая татуировки Орсина. Потолок почернел от дыма старых костров. Поначалу пещера слабо пахла плесенью и гнилью, но запах выветрился, промокшие люди и их припасы быстро заменили одну вонь на другую. Большинство паломников рухнули на землю вокруг щита Бирна, снимая с себя поклажу и стягивая мокрую одежду. Некоторые плакали. Другие улыбались и благодарили Амонатора за убежище. У Васена не было времени ни на жалость, ни на молитвы.

— Мне нужны дрова для костра, — сказал он, укладывая Нолла на землю. — И принесите мне что-нибудь сухое, чтобы укрыть его.

Лицо мальчика было бледным, как полная луна. Его глаза закатились. Тело источало жар. Элора села рядом с Ноллом, положила голову сына на колени, погладила его. Хрупкое тело мальчика содрогалось от кашля. На его губах выступила чёрная пена.

Несколько паломников достали из ранцев сухие одеяла, и Васен укрыл ими мальчика. Скоро вернулся Бирн с охапкой веток. Используя кинжал, он быстро отделил мокрую кору, обнажая сухое дерево. Элдрис положил свой щит на землю вогнутой стороной вверх, и Бирн сложил туда ветви. Орсин оторвал кусок своей рубахи, которую уберёг от дождя плащ, и разорвал его на лоскуты для растопки. Удар кремня по кинжалу высек искру, поджёг ткань, и вскоре на щите Элдриса заплясало пламя.

— Что в дождевой воде могло его заразить? — спросила Элора слабым голосом, когда Нолл застонал. — Что?

Васен покачал головой, сбросив плащ.

— Кто знает? Шадовар отравили землю и небо своей магией.

— Она проклята, — сказала Элора, из глаз текли слёзы. — Сембия проклята.

Васен не стал спорить. Он наполнил кружку из своего ранца водой из бурдюка и поставил её в костёр. Орсин кивнул ему, отошёл так, чтобы встать среди танцующих на стене теней.

Пока Васен ждал, чтобы вода нагрелась, он очистил свой разум, глядя в огонь, и тихонько начал молиться. Паломники смолкли, наблюдая за ним. Звук дождя снаружи стих. Скоро к нему присоединились Бирн, Элдрис и Нальд, встав вокруг костра. Их голоса слились

воедино. К ним присоединились и пилигримы. В тёмной пещере, посреди чёрного шторма, паства Амонтора соединила свои голоса в ритуале веры.

Когда вода нагрелась и закипела, Васен, не прерывая молитвы, достал из кошелька гальку, взятую из реки в долине аббатства. Он бросил камешек в бурлящую воду. Он продолжал молиться вместе с остальными мечами рассвета и паломниками. Камешек засиял бледным розовым светом, преломляющимся в воде. Васен снял с шеи цепочку со своим священным символом и опустил розу в светящуюся воду, пока его молитва завершала ритуал. Свет усилился, вода засияла ярче пламени. На миг роза показалась красной и живой, а не сделанной из потемневшего серебра.

— Готово, — сказал он, и всё стихло, кроме шума дождя и раскатов далёкого грома. Он снова повесил розу себе на шею и поднял кружку. Она была холодной, несмотря на то, что стояла в костре. Он отнёс сияющую жидкость к Ноллу, помог мальчику сесть и поднёс кружку к его губам.

— Ты должен это выпить, — сказал Васен.

Мутные глаза Нолла попытались сфокусироваться, и его руки слабо обхватили кружку. Васен продолжал держать её, моргнув от того, какой горячей оказалась кожа мальчика, когда их ладони соприкоснулись. Нолл глотнул.

— Нужно выпить всё, — сказал Васен.

— Давай, сыночек, — попросила Элора.

Голова Нолла шевельнулась — может быть, он пытался кивнуть. Долгий приступ кашля помешал ему пить, но когда он прекратился, мальчик проглотил всё, что оставалось в кружке. Васен опустил его на землю, укрыл одеялами. Мальчик задрожал, снова закашлялся, с его губ по-прежнему не сходила чёрная пена.

Васен посмотрел на Элору. У женщины был испуганный.

— Теперь мы должны ждать.

Она посмотрела на сына, на Васена.

— Я верю, что Амонатор спасёт его. Верю.

Васен коснулся её плеча.

— Твоя вера поможет. Передохни. Больше ничего нельзя сделать.

Она потянулась к его руке, и не моргнула, когда тени потекли с его кожи, чтобы погладить её.

— Спасибо, меч рассвета. Прости за то... что раньше было.

Многие паломники повторили её слова или похлопали его по спине. После того, как он нёс Нолла, нёс на себе надежды пилигримов, Васена охватила усталость. Он покачнулся, и рядом сразу оказались Орсин и Бирн, чтобы поддержать его.

— Тебе нужно поесть, — сказал Орсин.

— И отдохнуть, — добавил Бирн.

— Сначала отдохну, — согласился Васен. — Следите за мальчиком.

— Конечно, — отозвался Бирн.

Дождь просочился в ранец Васена, намочил его постельную скатку. Ему было всё равно. Он даже не стал разворачивать её, просто сунул себе под голову у стены и лёг на спину, глядя на потемневший от теней и дыма свод, слушая дождь и тихий гул разговоров. Васен знал, что паломники говорили о нём.

Измождение взяло верх за считанные секунды. Последнее, что он слышал, прежде чем уснуть, был кашель Нолла. Впервые за долгое время ему не снился Эрвис Кейл.

Элден сидел в своём любимом кресле в святилище аббатства. Он чувствовал себя королём на троне — таким, какие встречались в сказках. Другие отдали ему это кресло, поскольку он мог видеть то, чего не видели они. Элден сам не понимал, как такое может быть, но он действительно видел. Из-за этого все относились к нему, как к особенному человеку. И, может быть, он действительно был особенным, хотя не чувствовал себя таковым.

Он потянулся вниз и нащупал мягкую шерсть Брауни. Пёс счастливо заворчал, когда Элден почесал его уши. Чувство шерсти под пальцами успокаивало Элдена. Он улыбнулся, когда Брауни лизнул ему руку.

На стенах висели красивые ленты оранжевого, розового и фиолетового цветов. Элден знал, что это — любимые цвета Амонатора, бога аббатства, но Элдену нравились ленты, потому что они были красивыми и напоминали ему о лучах солнца.

Солнца он не видел уже давно. Элден скучал по нему, но давно смирился с тем, что жизнь его была служением свету, несмотря на то, что проходила во тьме. Он не совсем понимал, почему, но знал, что люди приходили отовсюду, чтобы встретиться с ним, потому что он мог видеть. В них было столько надежды, когда они встречались с ним, это был их собственный свет. Ему это нравилось. Он заставлял их чувствовать надежду. И надежда заставляла сиять как солнце *людей*.

На вымощенном плиткой полу стояла высокая бронзовая статуя Амонатора. На бородатом лице бога застыло то же самое выражение надежды. На открытой ладони он держал крупный оранжевый шар. Шар должен был ловить проникающий сквозь стеклянный купол свет, если бы там был хоть какой-то свет. Но небеса оставались такими же, как и всегда — тёмными, полными теней. Купол крыши тоже был символом надежды. Элден ещё на своём веку надеялся увидеть, как сквозь него падает незамутнённый солнечный свет, но сейчас начал сомневаться, что доживёт до этого. Иногда по его просьбе жрецы использовали магию, чтобы зажечь шар статуи. Элдену нравилось, когда шар светится, мерцает, сверкает. Как он сверкает! Он напоминал Элдену о тех шарах, которые использовали жонглёры, чтобы развлекать детей. Элден любил жонглёров. Он по-прежнему носил с собой набор шаров, подаренных ему, когда он был ещё мальчишкой, хотя это было так давно, что он уже не мог вспомнить, кто именно подарил эти шары. Тёмный человек, подумал он. С единственным глазом.

Тогда был хороший день.

Но в то время погиб папа. Он не видел, как это случилось. Дядя Регг потом рассказал ему об этом.

Он посмотрел на статую, погрузившись в воспоминания столетней давности и удивляясь, почему Амонатор выбрал именно его, чтобы наделить пророческим даром. Он никогда не просил, даже не знал, что подобное бывает. Вскоре после смерти папы Элдену приснилось пылающее солнце, которого уже нельзя было увидеть в небе Сембии. Он услышал в голове голос отца.

— Посмотри на солнце, Элден. И не отводи взгляд.

— Оно ослепит меня, папа.

— Обещаю, что нет. Всё хорошо.

Так что Элден посмотрел и не отвёл глаз.

Его глаза заболели, хотя он не ослеп.

— Больно, папа.

— Знаю. Прости, сынок. Всё, хватит. Можешь посмотреть в сторонку. Ты очень смелый.

— Где ты, папа? Дядь Регг говорит, ты умер.

Долгая пауза, потом:

— Я умер, Элден. Но всё хорошо. Я в порядке

Элден не понимал, как у папы может быть всё хорошо, если он умер. В болящих глазах выступили слёзы.

— Пожалуйста, возвращайся домой, папа. Я скучаю.

— Я дома, сынок. И однажды ты тоже будешь дома. Послушай меня. Когда ты проснёшься, ты начнёшь видеть вещи. Не бойся. Расскажи Реггу, Джиирис и остальным о том, что ты видишь. Они послушают тебя и будут знать, что делать. Будь светом для них.

Элден до конца не понял этих слов, но иногда такое случилось, когда люди говорили с ним.

— Хорошо, папа. Папа?

— Да, Элден?

— Пожалуйста, не уходи.

— Я должен, сынок. Прости. Я знаю, что тебе грустно. Мне тоже. Будь сильным.

— Хорошо, папа, — но это вовсе не было хорошо.

— Элден, я люблю тебя очень сильно. Я буду ждать тебя.

Он наконец затрясся от рыданий.

— Я тоже люблю тебя, папа.

Он больше никогда не слышал голоса отца, и когда проснулся, весь в слезах, он начал видеть вещи, которых не видели другие. Станные вещи. Пугающие вещи. Сначала он помнил, что именно видел. Ему это не нравилось. Со временем он перестал помнить, но по-прежнему видел. Другие говорили ему об этом, рассказывали, что он говорил с ними, хотя сам Элден этого не помнил. Они говорили, что Элдена коснулся свет и одарил даром пророчества. Регг, Джиирис и другие прислушивались к нему, как и сказал папа. Он повёл их в долину, где они построили аббатство и стали светом во тьме.

Оракул откинулся в кресле, глядя на статую. Обрамлённое бородой лицо Амонатора казалось серьёзным, его глубоко посаженные глаза из-под круглого шлема смотрели в какую-то далёкую точку. Элден задумался, куда смотрит бог. Он задумался, был ли его папа Амонатором.

От мыслей о папе ему стало одновременно и радостно, и грустно. Он снова потянулся к Брауни, погладил пса. Элден прожил больше ста лет, но чувствовал, что сейчас всё меняется. Уже не так много людей приходили, чтобы увидеть его. Может быть, им мешала тьма. Или, может, он должен светить тем светом, которым светил.

Он повторил в голове слова отца.

Я люблю тебя очень сильно.

Он улыбнулся, и в глазах проступили слёзы.

В аббатстве все считали папу святым. Элден не знал точно, что значит слово «святой», но это его не тревожило. Он понимал, что им нравится папа. Все любили папу. Их голоса становились тише, когда они говорили о нём. Но для Элдена папа был просто папой — высоким человеком с доброй улыбкой и добрыми словами.

Даже спустя сотню лет он по-прежнему чувствовал боль из-за утраты папы. Элден скучал по нему сильнее, чем когда-либо.

Я буду ждать тебя.

Почувствовав грусть Элдена, Брауни встал, заскулил и потёрся о его руку. Элден потрепал большую голову собаки. Пёс обеспокоенно вздохнул.

Элден чувствовал перемены, но не знал, что делать с этим чувством.

— Мне нужно увидеть папу, Брауни, — сказал он.

Пёс встал, потянулся. Элден на мгновение закрыл глаза, приказал своему внутреннему зрению увидеть, и вошёл в пророческий транс.

В голове Оракула пронеслись образы — растущая угроза Шадовар, два брата-шейда в центре событий, оба страдающие от потери, но оба — одинокие. Появилась вторая пара братьев, не шейдов, но искажённых Чумой, и позади них притаилась тень архидьявола. Он видел дыру в центре Сембии, где когда-то стоял Ордулин. Он увидел Васена, его образ был рассечён посередине, половина — в тени, половина в свете, очень ярком свете. Он увидел татуированного дэву, окружённого тенью, рядом с Васеном. И он увидел одноглазого мужчину, нынче — бога, который так давно подарил ему жонглёрские шарики — Дразека Ривена. Всё эти образы пронеслись перед его внутренним взором, вихрь теней, света и жестокости. Он не пытался истолковать то, что видел. Он вошёл в транс не для этого. Он вошёл в транс, чтобы поговорить.

— Усыпальница, Брауни, — сказал он, положив ладонь на спину крупного пса. Пёс воспользовался своей силой, и через мгновение они уже оказались в усыпальнице святого. В центре большой круглой комнаты стояли два деревянных гроба, украшенных затейливой резьбой и защищённых магией. Высушенные розы и другие мелкие подношения лежали на гробах и на полу вокруг. Мягкий свет сияющей сферы на потолке заливал помещение. Усыпальнице никогда не позволяли погрузиться во тьму.

На крышках гробов в полный рост были вырезаны точные портреты отца Оракула, Абеляра Корринталь, и Джиирис Нэив. После смерти Абеляра Джиирис до конца жизни поклялась служить и защищать Оракула, как Васен сейчас. Она любила Абеляра и настояла, чтобы их похоронили рядом. Джиирис стала первой обладательницей титула первого клинка. Васен Кейл, знал Оракул, станет последним.

Вместе с Брауни он подошёл к месту упокоения отца. Заклинания и деревянные резцы вырезали в дереве идеальное подобие Абеляра. Его щит с эмблемой розы покоился в ногах. Клинок он держал у груди. Он был изображён не в доспехе, а в погребальных одеждах, и бородатое, с сильной челюстью лицо отца казалось умиротворённым.

В его ногах были вырезаны слова: АБЕЛЯР КОРРИНТАЛЬ, СЛУГА СВЕТ ОСЕДЛАВШИЙ ДРАКОНА ИЗ ТЕНИ В БИТВЕ ПРОТИВ МРАКА И ПОГИБШИЙ В СЛАВЕ.

Рядом покоилась Джиирис, её красивые черты и высокие скулы были точь-в-точь такими же изящными, какими помнил их Оракул. Вырезанный образ, однако, не передавал красоты её рыжих волос.

Брауни свернулся на полу у гроба Абеляра.

— Я сделал, что ты просил, папа. Мы очень долго были светом. Но теперь подбирается тьма. В её центре стоит сын Эревиса Кейла, и я не могу предвидеть направление его жизни. Я дал ему твой священный символ, розу, которую ты любил. Думаю, ты бы этого хотел. Я дам ему ещё кое-что, когда наступит время.

Он провёл кончиками пальцев по деревянному лицу отца, по лицу Джиирис. В его

глазах скопились слёзы, побежали по щекам.

— Я скучаю по вам обоим. Хотелось бы, чтобы мы могли вот так поговорить, пока вы были живы.

На мгновение он задумался над своими словами, потом улыбнулся.

— Но, может быть, мы говорили друг с другом о том, что было важно. Любви не нужны выверенные слова, разве не так?

Он окинул взглядом помещение, ленты тёплых цветов на стенах, высокие окна — символ надежды, что однажды свет вернётся. Может, так и будет.

Брауни встал, почувствовав, что настало время уходить.

— Я люблю тебя, папа, и скоро я буду дома.

Он положил ладонь на спину Брауни. Пёс был его спутником, поводырём и телохранителем более десятка лет, а до него был другой, а ещё раньше — третий.

— Перевал, Брауни. — сказал Оракул, и пёс поднял голову. В его тёмных глазах светился вопрос. — Долг почти уплачен. Я должен отпустить их.

Оракул плотнее запахнул плащ, пёс призвал свою силу и в один миг переместил их из аббатства на охраняемый духами горный перевал, который защищал долину от нежелательного вторжения.

Ветер вцепился в его одежды, но он не почувствовал холода. Брауни держался рядом, шерсть на его загривке стояла дыбом. Пёс нюхал воздух. Густой и серый туман медленно кружился. Оракул чувствовал, как внимание духов сосредоточилось на нём. Их сознание сложило из тумана фигуры, отдалённо напоминавшие людей. Очертания мужчин, женщин и детей стояли вокруг него, несколько дюжин, их глаза походили на пустые колодцы, их силуэты колыхались на ветру. Он видел ожидание на их лицах, надежду. Он не собирался оставлять эти чувства без ответа.

Вместе с Абеяром, Реггом и слугами Латандера духи помогли убить Кессона Рела, вора божественности, в битве у Саккорса.

Оракул заговорил, перекрывая гул ветра, шёпот духов.

— Кессон Рел проклял Элгрин Фау, Город Серебра, ваш город, обрёк на вечную тьму в Царстве Тени. Но свет и тень заключили союз на поле битвы, в тени Саккорса, и объединились там для уничтожения вора божественности.

Один из духов скользнул вперёд, худой, старый мужчина в мантии.

— Авнон Дес, — сказал Оракул.

Дух приветственно склонил голову.

— Ты пришёл освободить нас, Оракул, но мы не желаем освобождения. Мы поклялись служить Ордену в благодарность за вашу роль в уничтожении Кессона Рела. Мы будем блюсти эту клятву, пока не отступит тьма.

Другие духи, даже дети, согласно кивнули.

Оракул поднял руку.

— Ваша клятва исполнена, и ваша служба мне окончена. Мир меняется, Авнон Дес. Волшебная Чума была всего лишь симптомом этого. Война света и тени против тьмы этого мира — уже не моя и не ваша война. Теперь она переходит к другим. Цикл Шар либо пойдёт своим чередом, либо нет. Я не могу предвидеть, как всё закончится.

Духи взволнованно загудели.

— Вы целый век стерегли безопасность долины и аббатства, — продолжал Оракул. — Но время прошло. Я прошу лишь об одной последней услуге. Вернитесь в Царство Тени, не

не в Элгрин Фау. Отправляйтесь к хозяину Цитадели Теней. Теперь вы служите ему. Скажите ему, что мне по-прежнему нравятся жонглёры. Передайте, что я сказал... я знаю, какую ношу он несёт.

Духи переглянулись, снова посмотрели на Оракула и кивнули.

— Свет в тебе, Авнон Дес, — сказал Оракул.

Авнон Дес, Первый Демарх Конклава Теней, улыбнулся в ответ.

— И тень в тебе, Оракул. Прощай.

Авнон повернулся к остальным, и раздался их шёпот, похожий на ветер в листьях. Все духи одновременно исчезли, вернулись в Царство Тени. Оракул не шевелился, пока они не ушли. С ними пропал и туман. Перевал остался открытым, незащищённым впервые за сотню лет. Оракул положил ладонь на Брауни.

— Свет и тень, Брауни, соединятся, чтобы сразиться с тьмой. И я не знаю, победят ли они. Верни меня в аббатство.

Резкий рывок, и он снова оказался в святилище. Мгновение он наслаждался тишиной, прочностью стен. Он с трудом мог представить, что больше не сможет называть это место домом. Но так было суждено.

— Мне нужно, чтобы ты привёл аббата Ита, — сказал он Брауни.

Он прикажет всем уйти. Он придумает какое-то оправдание, скажет им, что видение потребовало, чтобы они отправились в паломничество в Арабель, пока он в одиночку переосвятит аббатство. Они будут беспокоиться за него, но послушаются. И после того, как они уйдут, он уберёт всю защиту от прорицания, которая защищала аббатство от поисков с помощью магии. Любой сможет найти его, если будет искать. А тех, кто ищет, хватало.

Он опустился на колени, лицом к Брауни, потрепал собаку по морде. Пёс, должно быть, почувствовал, что что-то не так. Он замотал своим коротким хвостом.

— Я собираюсь отослать их всех, Брауни. И после того, как они уйдут, ты тоже должен будешь уйти.

Хвост замер. Пёс сел на задние лапы, в его глазах возник вопрос.

— Я знаю. Но ты должен. Я должен остаться один.

Брауни лизнул его руку, отказываясь вставать, заскулил.

— Почему? — Оракул прижался лбом ко лбу собаки, погладил его по бокам, встал. — Потому что цыплёнок превратился в птицу. И теперь мы должны выкинуть его из гнезда. Приведи аббата.

* * *

Из раскинутых пальцев Бреннуса струились жёлтые линии силы, вились вокруг и утекали в одну из граней его прорицательного куба. Тени кружились вокруг его тела; лоб был мокрым от пота.

Он охотился за призраком.

— Вернись, — прошептал он, и снова слегка изменил природу своего заклęcia.

В кубе должно было остаться эхо показанных ему Риваленом образов. Должно было.

Он нарисовал лицо матери, нарисовал заросший цветами луг, её протянутые руки, когда она умирала.

На его плечах сидели гомункулы, повторяя его сосредоточенное выражение.

Разряд пробежал по линии его заклинания, и в кубе вспыхнул свет. На мгновение возникло изображение, его мать лежала среди фиолетовых цветов. Изображение было размытым, не таким чётким, как показанное ему Риваленом, но оно там было. Было.

— Что ты загадала, мать? — спросил Ривален, повторное воспроизведение смазало его олоос.

Его мать, отравленная собственным сыном, сказала:

— Стать инструментом твоего падения.

Изображение рассыпалось по поверхности куба: глаза, носы, руки, всё распалось на куски, прежде чем угаснуть полностью. Бреннус выругался, гомункулы эхом повторили его проклятия. Он моргнул, вытер с лица пот, изменил своё заклинание и попытался снова вытащить эхо наружу, но грань куба оставалась темна.

— Проклятье, — сказал он.

Раздался тихий стук в дверь палаты прорицаний.

— Не сейчас, — рявкнул он.

— Мои извинения, принц Бреннус, — сказал Лаарил, его сенешаль. — Но...

Бреннус раздражённо махнул рукой, и печать на двери с тихим хлопком исчезла. Дверь из металла и дерева повернулась на петлях, открывая Лаарила, стоявшего в одиночестве в тёмном коридоре.

— Ты же знаешь, что в этом помещении меня нельзя тревожить.

Лаарил, прижав руки к животу, склонил свою лысеющую голову. Тени сочились с его кожи — сенешаль волновался.

— Да, принц. Мои глубочайшие извинения. Но вас желает видеть его всевышество.

Эти слова застали его врасплох. Гомункулы встревоженно взвизгнули. Тени хлынули с кожи Бренуса.

— Что? Он послал за мной?

— Нет, — ответил Лаарил, выпрямившись, его мерцающие зелёные глаза предупреждающе сощурились. — Он здесь, принц. Сейчас.

Бреннус не сразу осознал эти слова.

— Здесь? В Саккорсе? Сейчас?

В тёмном коридоре позади Лаарила голос его всевышества произнёс:

— Да, Бреннус. Сейчас.

Лаарил окоченел, бросил взгляд через плечо, снова посмотрел на Бреннуса и провозгласил официальным тоном:

— Принц Бреннус, ваш отец, его всевышество Теламонт Тантул.

— Думаю, он знает, кто я такой, Лаарил, — сказал его всевышество, скользнув мимо сенешаля.

Его всевышество был куда выше Лаарила, и с чёрной дыры его острого, чисто выбритого лица лихорадочно сияли платиновые глаза. С широких, не согнутых возрастом плеч свисал чёрный плащ. В руке он держал деревянный посох. Его тело сливалось с темнотой, края фигуры колыхались, сливались с сумрачным воздухом Саккорса.

— На этом всё, Лаарил, — сказал Теламонт

Сенешаль не двинулся с места, плотно сжав губы. Он посмотрел на Бреннуса.

Бреннус кивнул ему, пытаясь собраться с мыслями.

— Это всё, Лаарил.

Лаарил громко выдохнул.

— Да, принц Бреннус. Мне приготовить трапезу на двоих?

Бреннус вопросительно посмотрел на отца.

— Я не могу остаться надолго.

— Очень хорошо, — сказал Лаарил. Он поклонился сначала его всевышеству, потом Бреннусу, и вышел из палаты прорицаний.

— Какой сюрприз, — заметил Бреннус.

Его гомункулы съёжились, закрыли руками лица.

— Не сомневаюсь, — ответил его всевышество. — Итак...

Бреннус прочистил горло.

— Итак.

Отец и сын изучали друг друга сквозь бездну несказанных мыслей. Тишина стала неловкой, но Бреннус отказался её нарушать. Наконец, её нарушил Теламонт.

— Ты и твои конструкторы, — сказал он, улыбнувшись и кивнув на гомункулов. — Как Ривален с его монетами.

— У меня нет *ничего* общего с Риваленом, — ответил Бреннус с горькими нотами в голосе. — И ты никогда не одобрял мой интерес к магии созидания, отец. Мать поощряла её, но ты — никогда.

— Нет, — раздражённо согласился его всевышество. — Я её не поощрял. Потому что хотел, чтобы ты сосредоточился на своём таланте к магии прорицания и...

Бреннус уже слышал всё это.

— Чего ты хочешь, отец?

Его всевышество смотрел куда угодно, только не в глаза Бреннусу. Тот никогда не видел отца таким смущённым.

— Ты знал, что Ривален прекратил собирать монеты?

— Конечно, прекратил, — ответил Бреннус. — Какой богу толк от подобных вещей?

Тени закружились вокруг его всевышества.

— Полубогу, — поправил он. — Не богу.

— Ни тому, ни другому, — в свою очередь поправил его Бреннус. — Убийце.

Теламонт вздохнул.

— По-прежнему это?

— Это.

Теламонт скользнул к прорицательному кубу.

— Я уже объяснял тебе, Бреннус. Он был нужен нам.

— Он был нужен тебе. Он по-прежнему тебе нужен? Всё, что он сейчас делает — это сидит во мраке и размышляет о своей богине. Сейчас от него никакой пользы.

На это его всевышество ничего не ответил.

— А может, он просто слишком силён даже для вашего всевышества? Вот в чём дело?

Неожиданное напряжение в воздухе заставило гомункулов Бреннуса встревоженно взвизгнуть и спрятаться в складках его капюшона.

Его всевышество повернулся к сыну, его платиновые глаза превратились в сверкающие щели, тьма вокруг него потемнела.

От Бреннуса потребовалась вся его воля, чтобы не отступить на шаг и не опустить взгляд, но он подумал о матери и выстоял. Тени клубились вокруг него.

— Ты давишь и давишь, Бреннус, — тихо сказал его всевышество. — А потом давишь снова. Моё терпение не безгранично.

Гомункулы Бреннуса задрожали. Бреннус прикусил губу и промолчал.

Огонь во взгляде его всевышества угас до тлеющих углей. Он прочистил горло.

— Я пришёл сюда не ссориться с тобой. И Алашар... погибла очень давно. Я смирился с тем, как это произошло, с компромиссом, на который мне пришлось пойти.

Он отвернулся от Бреннуса и положил руку на поверхность куба.

— Его только что использовали. Чем ты занимался?

Бреннус солгал.

— Я... искал Избранных. Как ты просил.

Его всевышество опять развернулся к нему, и под весом его взгляда ложь Бреннуса пошатнулась.

— И ещё я искал... кое-что другое. Кое-что, что я надеюсь однажды тебе показать.

Казалось, его всевышество не слышит сына. Он заговорил отсутствующим голосом, будто сам с собой.

— События на Фаэруне, на Торице, пришли в движение. Я говорю не о войнах. Долины скоро покорятся нашим войскам, но я веду речь о чём-то большем, чем просто грызня за территории. Что-то меняется. Воздух пронизан силой, напряжением.

Он опомнился и посмотрел на Бреннуса.

— Ты чувствуешь это?

— Что-то я почувствовал, — осторожно сказал Бреннус, хотя он был так сосредоточен на Ривалене, Маске и ребёнке Эревиса Кейла, что на что-либо другое у него не было времени.

Его всевышество кивнул.

— Мне нужно, чтобы утроил свои усилия, Бреннус. Найди мне Избранных, чем больше тем лучше, чем быстрее — тем лучше. Я уверен, что они важны.

— Каким образом? Перемены, которые ты чувствуешь, связаны с Избранными?

Теламонт кивнул, развернулся, зашагал перед кубом.

— Избранными и богами. Кусочки двигаются. Признаю, что мне ещё не всё ясно. Но да, Избранные каким-то образом в это вовлечены. Мне нужно их найти.

— А потом? Ты схватишь их? Убьёшь?

Используя свою прорицательную магию, Бреннус уже нашёл дюжину Избранных для его всевышества, но это была очень тяжёлая и трудозатратная работа. А ещё — довольно неожиданная. Он не подозревал, что в мире столько Избранных. Казалось, боги породили целое поколение в подготовке к чему-то, чего ни он, ни его всевышество пока не видели.

Бреннус уже сообщил имена, описание и местонахождение тех, кого он обнаружил, и понятия не имел, что после этого произошло. На самом деле, единственный Избранный, который его интересовал, Эревис Кейл — был уже мёртв.

Его всевышество посмотрел в лицо Бреннуса.

— Просто найди их, Бреннус.

Бреннус кивнул.

— Я слышал ваши слова, ваше всевышество. Это всё?

Его всевышество подошёл к сыну, и выражение его лица смягчилось.

— Неужели так должно быть всегда, Бреннус? Мы почти не видимся. Мы никогда не были... так близки, как ты был с матерью, но не всегда были так далеки. Ты больше не посещаешь конклавы. Твои братья спрашивают о тебе. Идер занимается войной в Долинах, но, подозреваю, ты даже не знаешь об этом. Наши сембийские войска недавно захватили

Аркен. Ты знал?

Бреннус ничего об этом не знал. Одержимость Риваленом заставила его жить в изоляции.

— Меня не интересуют передвижения наших армий. Это работа Идера. Мне хватает своей.

На лицо Теламонта снова вернулось его суровое выражение.

— Вся твоя работа — это одержимость твоим братом, матерью, мстью.

Это уже было слишком. Бреннус не сдержался и закричал:

— Это должно быть и твоей одержимостью! Он убил твою жену! Ты должен хотеть мести! Ты! Ты боишься его, не так ли?

Губы его всевышества сжались в тонкую линию.

— Ты переоцениваешь его силу и недооцениваешь мою. А сейчас ты подошёл слишком близко к переоценке моей снисходительности.

Бреннус сглотнул и ничего не ответил, зная, что извинение прозвучит глупо. Гомункулы в его плаще затряслись от страха.

— Ты сделаешь, как я велел, — сказал его всевышество. — Это понятно?

Бреннус посмотрел в лицо отцу, склонил голову и сказал:

— Ваше всевышество.

— Ты понял меня, Бреннус?

— Ваши слова ясны.

Его всевышество взгляделся в лицо сына, казалось, удовлетворённый ответом. Его выражение снова смягчилось.

— Если это поможет, я думаю, Ривалена уже наказали, Бреннус. Он сошёл с ума. Он думает, что собирается уничтожить мир.

Бреннус моргнул.

— А вы считаете, что он не сможет?

— Конечно, не сможет, — фыркнул его всевышество, и тени вокруг него взметнулись. — Он целыми днями смотрит в дыру в реальности. Его мысли мечутся в клетке, которую создала для него его богиня. Он мечтает только о мраке и об окончании всего, и страдает.

— Он должен страдать.

— Я говорю это не для него, а для тебя. Живи своей жизнью, Бреннус. У нас ещё осталась работа на Фаэруне.

— Хорошо, отец.

Его всевышество долго смотрел в лицо Бреннуса, прежде чем кивнуть. Он стянул к себе тени, скрылся в них и исчез.

Бреннус сглотнул, чтобы смягчить пересохшее горло, вздохнул. Гомункулы высунули свои серые головы из его одежды, огляделись, подёргивая острыми ушами.

— Отец уже ушёл?

— Да, — ответил Бреннус.

— Сделаешь, как он просил? — спросили они вдвоём.

— Рано или поздно.

Бреннус подошёл к своему прорицательному кубу и снова попытался вернуть картину убийства его матери.

Глава седьмая

Остановившись в дверях маленького, тёплого дома Аны и Корла, Элли поплотнее натянула капюшон. Суровый мрак позднего дня снаружи остро контрастировал с тёплым светом дома внутри.

— Ещё раз спасибо за яйца, Элли, — сказала позади неё Ана.

— Пожалуйста, — ответила Элли, завязывая шнурок под подбородком. — Ты бы тоже поделилась, если бы твои курицы неслись.

— Всё равно спасибо.

— Сегодня выходной, — полуобернувшись, сказала Элли. — Так что оставайтесь дома, в тепле и сухости.

Ана занималась котлом у очага. Её муж, Корл, сидел перед огнём в грубом кресле, затачивая мотыгу.

— Да, — отозвался Корл. — По такой погоде всё равно нечего делать. И спасибо тебе, Элли. Ты святая.

Искренность Корла тронула её.

— Иди покорми чем-нибудь этого ребёнка, — сказала Ана, улыбнувшись ей и кивнув на живот Элли.

— Хорошо, — отозвалась та. Она закрыла за собой дверь и ступила на грязную фургонную дорогу. Окружающие деревню вязы трещали и шуршали на ветру. Дождь пах разложением. Дерьмовый дождь, как назвал бы его Герак, и она бы нахмурилась из-за его ругательств. Она волновалась о посевах. Отравленный дождь повредит и без того небольшому урожаю. Пострадают и другие соседи, кроме Аны и Корла.

Прогремело тёмное небо. Снизу облака казались подгоревшими, как будто мир загорелся и обжёг их дочерна. Но она знала, как читать небо, мелкие изменения среди серости и черноты, и решила, что низкие, клубящиеся облака обещают, что в ближайшее время дождь прекратится.

Странно, подумала она, к каким вещам может привыкнуть человек. Она выросла в сембийском мраке и знала его так же хорошо, как знала эту землю. Но Элли никогда не видела открытого солнца и подозревала, что растеряется, если увидит. Но надеялась однажды узнать это наверняка.

Эта мысль вызвала у неё улыбку. Станным образом она почувствовала надежду. Завтра утром вернётся Герак, может быть, со свежим мясом, а она носит в чреве его ребёнка, неожиданную жизнь. Она провела ладонью по выпирающему животу, и глаза увлажнились. Изменения в теле, причиной который стала беременность, заставляли её плакать по любому поводу. Она чувствовала себя странно, но всё равно улыбнулась.

Элли вытерла глаза, шагая по скользкой дороге, размышляя о ребёнке, едва обращая внимание на грязь, заляпавшую сапоги и нижнюю часть плаща. Она вспомнила о времени, когда зелёные жрецы Чонтеи всё ещё блуждали по Сембии, используя свою магию, чтобы помогать крестьянам с урожаем. Она вспомнила пожилого жреца, тонкого, как тростник, который молился, чтобы там, где росла жизнь, всегда оставалась надежда. Тогда Элли закатила глаза, услышав эти слова. Но сейчас, с ребёнком в утробе, она понимала, что имел в виду жрец.

Ребёнок в её животе был надеждой.

В глазах снова появились слёзы. Снова она улыбнулась, смущённая собственной сентиментальностью.

— Надежда, — сказала она, пробуя слово на вкус. Оно хорошо звучало, правильно. Она провела ладонью по животу. — Если ты девочка, мы назовём тебя Надеждой.

В небе зарокотал гром. Элли отказалась сгонять улыбку с лица. Она взмахнула рукой в небо.

— Давай, покажи, на что способно, — бросила она вызов небесам.

Она прошла через деревню, направляясь к своему дому. Дойная корова Ринсов жевала траву, опустив голову. Тощий амбарный кот скользнул через кусты, наверное, гоняясь за полевой мышью. Погода держала всех, даже детей, под крышей. На краю пузырящегося под дождём пруда качались две рыбацкие лодки, привязанные к столбам.

Прежде чем она успела дойти до дома, дождь перестал вонять и превратился в мелкую морось. Она решила погулять подольше, раз уж дождь ослабел, а дома в котелке ещё оставалась еда — может быть, пройтись по краю деревни, любуясь вязами.

Навстречу ей в домах открывались ставни, и Элли обменивалась приветствиями с соседями.

— Дождь скоро прекратится, — крикнула она Море.

Мора подняла взгляд, кивнула.

— Как дитё?

Элли положила руку на живот.

— Растёт.

— Да сохранят вас с ним боги.

— И тебя, Мора.

В конце концов ноги принесли её к двум старейшим вязам в деревне — Воротным вязам, как все их звали. Дорога проходила прямо между ними и тянулась дальше во тьму, нить, соединявшая деревню с опасностями равнин. Уже на небольшом расстоянии дорога сливалась с вечной сембийской темнотой. Элли долго смотрела на неё, поглаживая живот. Герак был где-то там, один в темноте. Она стояла под вязами, укрывшись от мороси, и думала, где он, как он.

— Твой папочка там, — сказала она Надежде. — Он скоро вернётся.

Элли уже собралась уходить, когда раздавшийся на равнине звук привлёк её внимание. Мужской голос, она была уверена, хотя слов различить не смогла. Возвращается Герак? Или заблудившийся странник? Она подумала, не крикнуть ли в ответ, но решила, что лучше не стоит. Герак должен был вернуться позднее, а в Фэйрелме уже много месяцев не появлялось гостей. Элли оглянулась на деревню, на дома, амбары и сараи, которые уже на пределах слышимости превращались в тёмные силуэты во мраке. Её хорошее настроение испарилось, когда снова ударил далёкий гром — небо будто решило отомстить ей за насмешку.

— Наверное, ничего, — прошептала она.

И всё-таки она спряталась за одним из вязов, положив ладонь на кору, и прислушалась. Вторая рука легла на рукоять небольшого столового ножа, который был у неё с собой. Оружие из него было никакое.

Тянулись долгие мгновения, а она ничего больше не слышала, так что позволила себе выдохнуть. Наверное, звук ей почудился, или далёкий животный вой показался голосом человека. Мрак иногда обманывал чувства. Развернувшись, она снова пошла к деревне.

От металлического звона она застыла на месте. Грудь сжалась. Во мраке прозвучал

мужской голос.

— Стой, — сказал он, и она подчинилась. Внезапность приковала её ноги к земле, запечатала горло, заставила сердце заколотиться так сильно, что начала кружиться голова. По равнинам рыскали чудовища, и некоторые из них умели говорить человеческим голосом. Элли знала, что надо позвать на помощь, но её голос, казалось, умер в неожиданной сухости в глотке.

Она услышала, как что-то крупное хлюпает по грязи, приближается, услышала звон цепей. Она представила огромные стопы, топающие по земле, как что-то хватает её во тьме и уносит прочь. Герак и соседи никогда не узнают, что с ней произошло. Она станет предупредительной историей для детей.

Грохнул гром. Она моргнула от неожиданности.

— Ну вот, — снова сказал голос, более успокаивающим тоном. — Хорошо.

Хорошо?

Она осознала, что голос разговаривает не с ней, и от этого осознания сердце забилось ровнее, оцепенение спало. Её взгляд привлекло движение во мраке. Она не могла различить подробностей, но это не было похоже на сумрачного великана из её воображения.

— Кто там? — позвала она.

Звуки прекратились.

— А кто спрашивает? Я ищу Фэйрелм. Это же... верная дорога, так? Именем богов Грей, если ты заблудился, останешься без корма на неделю.

Грей? Имя казалось знакомым.

И Элли вдруг сразу догадалась, чей это голос и откуда звуки. Грей был мулом. Звенела его сбруя. А голос...

— Минсер? Это ты?

— Да, — отозвался коробейник, и Элли услышала в его голосе улыбку. — Фэйрелм здесь?

Элли засмеялась от облегчения, ноги под ней ослабели.

— Здесь! Здесь! Поближе, дай тебя увидеть.

Хлюпанье копыт Грея стало громче, звук уже казался не зловещим, а наоборот весёлым. Мрак ослабел, когда они приблизились. Это был большой крытый фургон коробейника с котелками, посудой, столовыми приборами, инструментами, горшками, разнообразными железными и гончарными изделиями, даже несколькими предметами из стекла. На месте кучера сидел сгорбившийся Минсер, как дракон, восседающий над своими сокровищами. Грей, самый большой мул из всех, что Элли когда-либо видела, тащил фургон по грязи, прижав к голове уши. Элли вышла из-под вяза и замахала.

— Минсер! Сколько же тебя не было! Мы боялись, что с тобой что-то случилось.

Минсер подался вперёд на своём сиденье, чтобы лучше её разглядеть. Его весёлое, круглое лицо с редкими седыми усами расплылось в улыбке.

— Нет, добрая госпожа. Грей и я знаем эти дороги лучше всяких шейдов. Мы держимся подальше от неприятностей. И умеем стрелять, ежели приходится.

Он поднял арбалет, который держал под сиденьем.

— Да и кроме того, на эти страшеские кости позарится разве что совсем глупое чудище.

Он прицокнул на Грея, и мул остановился перед Элли. Затем Минсер слез с фургонной скамьи. От каждого движения его живот колыхался. Элли погладила Грея по морде, и здоровенный мул замычал от удовольствия.

— Он вас помнит, госпожа, — сказал Минсер. — И я тоже.

Коробейник снял свою широкополую шляпу и превратил поклон в целое представление.

— Рад видеть вас в добром здравии, госпожа Элли.

— А я рада видеть тебя, — ответила Элли с шутливой любезностью. — И все остальные тоже обрадуются. Пойдём, ты должен оповестить всех о своём прибытии.

— Конечно, — ответил Минсер. — Поедете с нами?

— Думаю, да, — ответила она. Минсер сложил руки в замок и помог ей влезть на место кучера.

— Ейп, — сказал он и встряхнул поводья Грея. Мул потащил фургон вперёд. — Знаете, в Долинах и Кормире странники не объявляют о своём прибытии, как здесь.

— В Долинах и Кормире странника *видно*, когда он приходит в деревню. А здесь из-за мрака на зрение полагаться нельзя. Лучше на слух — разве что хочется рискнуть и нарваться на стрелу в зад от испуганного арбалетчика.

— Правду говорите, — засмеялся Минсер.

— А ты, значит, бывал недавно в Кормире и Долинах? — спросила Элли. — Там по-прежнему светит солнце?

— Шадовар затмили только Сембию, госпожа. Я был в Кормире в конце лета, и солнце там светит всё так же ярко. А в Долинах, я слышал, дела идут скверно. Сембийские войска заняли Аркен и другие Долины, и готовятся продолжать наступление. Я сам видел сембийских солдат, целые сотни, марширующие на север. Даже до меня дошли слухи о войне в дальних Серебряных пределах.

Он печально покачал головой.

— Кажется, весь Фаэрун погрузился в войну, госпожа. Не осталось безопасных мест. Не знаю, чем всё это кончится.

— Ну что ж, — ответила Элли. — Здесь ты в безопасности и тебе рады.

— Ах, вы яркий свет даже во мраке, госпожа.

Элли засмеялась.

— Тебе нужно жить при дворе, Минсер. У тебя язык льстеца.

Минсер прижал руку к груди, изображая раненное сердце.

— Слышишь, Грей? Язык льстеца, мне говорят.

Элли посерьёзнела.

— Могу я задать тебе вопрос? Зачем возвращаться в Сембию? Герак и я думали о том, чтобы уехать. Раббы уехали несколько дней назад. Ты их не повстречал?

— Увы, нет. Хотя они могли избегать дорог, опасаясь солдат.

— Ну, если бы мы уехали и увидели солнце, не могу представить, чтобы мы вернулись.

Минсер понимающе кивнул.

— Боюсь, дорога просто слишком глубоко сидит у меня в костях. А кроме того, самым тёмным местам нужен свет кастрюль, горшков и историй Минсера. Но, может быть, вам в самом деле уехать, госпожа? Жизнь под солнцем вам бы подошла.

Элли улыбнулась.

Минсер покрутил бронзовый медальон, который носил на груди. Элли краем глаза увидела выгравированный цветок.

— Это символ религии, Минсер? Пока тебя не было, ты стал набожным?

Она шутила, но ответ Минсера был серьёзным.

— Это?

Он вытащил медальон из-под рубахи. На нём была изображена роза и солнце — знак Амонатора.

— Признаю, госпожа, есть немного. Я получил это... в месте надежды. Несколько месяцев назад.

Элли коснулась его руки. Пальцы коробейника были похожи на толстые сардельки.

— В последнее время я часто размышляю о надежде. Я рада, что ты здесь, Минсер.

— И я тоже, — ответил он и вернул медальон под рубаху.

Минсер натянул поводья, когда Грей дотащил фургон к окраине деревни. Под кроной вяза стоял досчатый помост с перилами. На нём стояли сидения из старых пней. Рядом с помостом на столбе висел деревенский колокол.

Когда они слезли с фургона, Элли сказала:

— Если хочешь, можешь пообедать со мной. И наш сарай пока ещё не протекает, если захочешь спать там, а не в фургоне. Рядом есть место для Грея. Укроешь его от дождя.

Минсер снял свою старую широкополую шляпу и поклонился так глубоко, насколько позволял его живот.

— Вы великодушны, как королева. В фургоне и правда чуток неудобно. В дороге сойдёт, но признаю — сарай звучит соблазнительно.

Она улыбнулась, кивнула.

— И за ваше великодушие можете выбрать что-нибудь из моей кухонной утвари. У меня есть отличные котлы из Дэрлуна.

— Спасибо, Минсер.

Минсер устроил целое представление, озираясь по сторонам.

— А где же, скажите на милость, ваш король? И что это за монарх позволяет своей королеве в одиночку гулять по такой погоде?

Голос Элли упал, когда она взглянула в сторону равнин.

— Герак ушёл на охоту.

Минсер поёжился.

— В такую погоду? Он с ума сошёл?

— Наверное.

Минсер усмехнулся.

— Ну, я уверен, что с ним всё хорошо. Надеюсь, он вернётся до того, как я уеду.

— Он вернётся завтра-послезавтра.

Элли слышала, как отворяются двери, в дожде раздаются голоса. По крайней мере некоторые из её односельчан заметили прибытие Минсера. Они захотят услышать его байки и увидеть, какие диковины найдутся в его фургоне.

— Я накрою на стол через два часа, — сказала она. — А пока оповести о своём прибытии, чтобы все знали, что ты здесь. Им даже дождь не помешает.

Под усами Минсера его губы сложились в улыбку. Элли заметила морщинки в уголках его глаз. Он шагнул на помост — доски угрожающе закрипели под его весом — и ударил в колокол трижды. Звон далеко разнёсся во тьме.

— Хо, Фейрелм! Хо! Минсер Коробейник вернулся, с товарами аж из самого Арабела и историями с другой стороны мира!

Распахнулись новые двери и ставни. Элли слышала возгласы детей и счастливую болтовню соседей. Они покидали свои дома и выходили поприветствовать Минсера. В Фейрелме так давно не было гостей, что появление Минсера превратилось в праздник.

Элли улыбнулась, возвращаясь обратно к себе. Прибытие Минсера в деревню всегда становилось началом хорошего дня, а то и целых трёх дней — полных историй, необычных товаров и прекрасного пива. Она была рада, что Герак скоро вернётся. Он тоже обрадуется Минсеру.

Проверив своё рагу, она достала лишние одеяла из сундука у кровати. Износившиеся и поблекшие от многочисленных стирок, одеяла принадлежали родителям Герака. Минсера их состояние не смутит. Она отнесла небольшую глиняную лампу и одеяла к верстаку Герака и освободила место для Минсера на полу. У торговца наверняка есть собственная постель—скатка, но лишние одеяла ему не мешают.

Она вернулась в дом и легла вздремнуть. Растущий ребёнок забирает все силы. Она собиралась бездельничать в выходной. Она уснула под звуки смеха, сплетающий историю голос Минсера и гул собравшегося народа. Минсер как будто вернул деревню к жизни, вернул им надежду.

* * *

Рука на плече разбудила Васена.

Темнота.

От костра остались только угли, Бирн погасил свой щит. Тишина.

Дождь прекратился. Он не знал, который сейчас час, не знал, как долго проспал. Где паломники? Как там Нолл? Он был ещё сонным, и с трудом понимал, где находится. Он смутно чувствовал ползущие по телу тени.

Над ним висело татуированное лицо Орсина, освещённое лишь слабым мерцанием оставшихся углей. В прозрачных глазах дэвы виднелось беспокойство.

— Что?

Дэва прижал татуированный палец к его губам. Васен мгновенно проснулся, когда Орсин кивнул в сторону входа в пещеру.

Нолл закашлялся, и в тишине пещеры звук прозвучал очень громко. Ладонь Орсина на плече Васена сжалась крепче.

— Заставьте его притихнуть! — прошипел кто-то справа от Васена.

Пилигримы сгрудились в конце пещеры, некоторые цеплялись друг за дружку, другие сжимали в руках ножи. Один из них достал откуда-то дубинку. На лицах было испуганное выражение. Нолл, укрытый одеялами, лежал у стены, его по-прежнему лихорадило, и бормотал что-то неразборчиво, но его коже вернулся здоровый оттенок. Элора гладила сына по голове, шептала ему что-то утешительное. Казалось, только её не волнует то, что находилось сейчас у входа в пещеру.

Васен приподнялся на локте, пытаясь двигаться тихо в своих доспехах, и увидел, что Бирн, Элдрис и Нальд припали на корточки возле входа в пещеру, прижимаясь к стене и выглядывая наружу.

Нолл снова закашлялся, вызывая испуганные вздохи паломников. Васен видел, как напряглась челюсть Элдриса, пока тот пережёвывал собственное напряжение. Ладонь Нальда сжималась и разжималась на рукояти его меча. Васен встал, притянул к себе Орсина и зашептал ему на ухо.

— Что там такое?

— Шадовар, — сказал Орсин.

От этого слова Васена затопил адреналин. С его кожи густыми ключьями потекла тень. Вместе с Орсином он подкрался ко входу. Позади раздался новый кашель. Обычно кашель был хорошим признаком, означавшим, что легкие мальчика очищаются. Но в текущий момент звук подвергал их всех риску.

Элора попыталась прикрыть его рот, но мальчишка, по-прежнему не осознающий окружающего, замотал головой и вскрикнул.

— Этот парень убьёт нас всех! — сказал один из паломников, чьего имени Васен не помнил.

Васен повернулся и наградил его яростным взглядом, ткнул пальцем в его лицо.

Рот мужчины захлопнулся, и стыд приковал его глаза к земле.

Элдрис поднял меч Васена. Васен взял его, прижался к стене пещеры рядом со своими людьми, и посмотрел через ручей. Рядом стоял Орсин. Тени пещеры, густые, как чернила, скрывали их обоих.

На том берегу ручья стоял везераб, опустив голову, чтобы напиться. Его цилиндрическое, змеиное тело было вдвое длиннее человеческого, и большая часть свернулась в кольцо на берегу. Из боков торчали большие, как паруса, перепончатые крылья. Тёмная серая шкура становилась бледно-синей на груди и подбрюшьё. Морда напоминала открытую рану — розовая масса плоти, в центре которой торчало кольцо из клыков. Васену существо казалось невообразимой смесью из миноги, летучей мыши и змеи. Его глаза были похожи на осколки обсидиана. Из раны высосывался язык длиной с предплечье Васена, прихлёбывая воду. Рядом с везерабом у кромки воды сидел на коленях одинокий шадовар, наполняя свой бурдюк. Густые, ядовитые нити тени лениво кружились вокруг него. Глаза Васена опустились на собственную кожу, где клубились похожие тени.

На разукрашенных доспехах шадовар висела серая накидка с геральдическими знаками Нетерила. Доспехи состояли из толстых пластин с острыми шипами на плечах, рукавицах, локтях и коленях. Лысый, худой и с кожей цвета старого пергамента, шадовар больше походил на мертвеца, чем на живого человека. Его глаза светились в темноте красным.

Неожиданный звериный всхрап откуда-то с равнины позади шадовар заставил подпрыгнуть сердце Васена и напугал везераба. Взмахнув крыльями, чудовище подняло морду в воздух, длинный язык болтался взад-вперёд, как антенна. Шадовар встал, погладил существо по боку, и сказал что-то на своём вычурном, неразборчивом языке.

Дальше вдоль берега раздался зов на том же языке. Первый шадовар что-то крикнул в ответ, потом сказал что-то своему ездовому животному. Со своего места в пещере Васен не видел другой участок берега, и он не осмелился рискнуть обнаружить себя, высунувшись наружу.

— Ещё один, — прошептал Орсин.

— Их может быть больше, — сказал Васен.

— Давай узнаем, — ответил дэва. Он низко пригнулся и прокрался к кустам в нескольких шагах от пещеры. Он посмотрел вниз вдоль берега, оглянулся на Васена и поднял один палец.

Шадовар было только двое.

Васен собирался переждать. Похоже, шейды остановились лишь затем, чтобы напоить везерабов. Они скоро уйдут, возвращаясь в Саккорс или в свой анклав. Он не хотел рисковать, нападая на врагов.

Он встретился взглядом с Элдрисом, Нальдом и Бирном, и беззвучно сложил губы в слова «ничего не делать, ждём».

Они кивнули. Как и он, мечи рассвета знали, что стоит на кону.

Нолл снова закашлял. Мечи рассвета заморгали. Вздохи пилигримов в задней части пещеры были такими резкими, что могли бы рубить дерево.

И без того встревоженный везераб фыркнул от этого звука и снова встал на дыбы, наполовину расправив крылья. Из его круглой пасти капала слюна. Под его шкурой забугрились мускулы. Тварь вытянула шею, и рана её лица распахнулась, как цветок, обнажая розовую плоть и новые ряды клыков. Везераб понюхал воздух, выискивая след. Шадовар, нахмурившись, подошёл к существу. Вокруг вились тени. Он тихо заговорил с чудовищем, оглядывая берег. Шадовар должен был видеть во мраке не хуже Васена, а может и лучше. Орсин сжался в кустах. Васен прижался к стене пещеры, его ладонь сжималась и разжималась на рукояти меча. Рядом с ним Бирн тихо выдохнул, и Васен расслышал в этом выдохе окончание беззвучной молитвы.

Взгляд красных глаз шадовар обшарил местность, кустарники, деревья. Взгляд миновал вход в пещеру, и Васен позволил себе надеяться, что всё обойдётся.

Дальний шадовар вопросительно окликнул ближнего. Тот ответил слишком небрежно, кивнув на другой берег.

— Они идут, — сказал Васен Бирну, и тот кивнул.

Нолла скрутил новый приступ кашля. Везераб взволновано вскрикнул. Шадовар схватил поводья и вскочил в седло, крикнув что-то товарищу.

— Готовьтесь, — прошептал Васен. — Нельзя позволить уйти ни одному.

Быстро, но методично Нальд, Элдрис и Бирн вложили мечи в ножны, достали арбалеты, наложили болты. Васен держал клинок под рукой, мысленно читая молитву.

Везераб сложил тело кольцом, напрягся, и неловко рванувшись, прыгнул в воздух. На мгновение Васен потерял его из виду, но лишь на мгновение. Чудовище приземлилось справа от входа в пещеру, раздавив под собой кусты и погнув молодые деревца. В десяти шагах от него припал к земле Орсин.

Шадовар через плечо окликнул товарища. Он наклонил голову, взгляд красных глаз не отрывался от входа в пещеру.

Нолл снова зашёлся в кашле. Шадовар выскользнул из седла, взял свой меч — клинок был похож на чёрное стекло — и двинулся к пещере. Тьма липла к нему, скрывала в черном тумане его ноги и нижнюю половину тела. Везераб нависал позади, всасывая воздух, длинный язык мотался между рядами клыков. Орсин подкрался ближе к чудовищу, безмолвно, как призрак.

Кашель Нолла ослабел. В пещере повисло густое, как тени, напряжение. Многие из паломников шептали молитвы.

Шадовар остановился.

Васен поднял руку, приказывая Элдрису, Нальду и Бирну не двигаться. Они кивнули, но всё равно прицелились.

Тьма вокруг шадовар почернела, он сделал единственный шаг, и в мгновение ока оказался в пещере. Его неожиданное появление в трёх шагах вызвало удивлённое ругательство Бирна и поспешные выстрелы из арбалетов. Два болта прошли в стороне, но Бирн попал шадовар в грудь. Тьма вокруг шадовар поглотила инерцию снаряда, и тот слабо звякнул о его нагрудник.

Паломники закричали от страха. Васен прочитал молитву, которую до сих пор сдерживал, и его меч зажёгся светом Амонатора. Шадовар попятился от внезапной вспышки, свет Васена превозмог его тьму, и Васен с криком бросился вперёд. Он рубанул в место сочленения доспехов, между плечом и шеей, но противник уже достаточно пришёл в себя, чтобы нырнуть под удар и ударить мечом в живот Васена. Чёрный клинок коснулся доспехов Васена, и тот скользнул влево, прежде чем лезвие смогло задеть его тело. Он обрушил свой щит на лицо шадовар, почувствовал приятственный хруст костей. Шейд отлетел на три шага.

— Убейте везераба! — крикнул Васен.

Везераб завизжал, разбрасывая слюну, и по-змеиному бросился в бой, сокрушая своим телом кусты и деревца. Бирн, Элдрис и Нальд метнулись мимо Васена навстречу чудовищу, высоко занеся сияющие клинки. Существо попятилось, зашипело. Васен нигде не видел Орсина.

Он бросился на шадовар, с ужасом и удивлением заметив, что сломанный нос шейда уже перестал кровоточить — кости встали на свои прежние места, тело заживляло повреждения. Шадовар сплюнул кровью, парировал верхний удар Васена своим клинком и ответил ударом ноги в живот, от которого Васен согнулся пополам. Дыхание покинуло его, но Васен вовремя поднял щит, чтобы блокировать рубящий удар, который мог бы его обезглавить. Он сделал выпад, целясь шадовар в ногу, чтобы заставить противника отступить.

Мгновение они изучали друг друга, свет Васена сражался с мраком шадовар, пока рассветные мечи окружили везераба и принялись рубить его тело.

Васен шевельнулся первым, ступив вперёд и ударив понизу. Шейд ушёл в сторону от удара и обрушил меч на Васена сбоку, он Васен широко отбил его своим щитом и контратаковал. Рукоять его меча ударила шадовар в щёку, отшвырнув его. Из ниоткуда позади шейда возник Орсин и вскочил ему на спину, набросив на шею свой посох и обхватив ногами грудь.

Красные глаза шейда вспыхнули от изумления и страха. Тьма вокруг него закипела, почернела. Он описал круг, задыхаясь, пытаясь сбросить Орсина, но дэва обхватил его, как плащ, его руки давили на посох. Шейд неловко попытался поднять свой большой меч, чтобы обрушить его на Орсина, но из-за позиции дэвы это было сложно.

Васен не мешкал. Он бросился вперёд и ударил шадовар в грудь. Шейд закричал, когда сияющий клинок Васена пробил чёрные доспехи, серую плоть. Из раны хлынула кровь. Шейд покачнулся под весом Орсина, затем упал в грязь. Как только он коснулся земли, Орсин откатился с него в сторону, и Васен шагнул вперёд и обезглавил шадовар.

— Их тело регенерирует только пока живо, — сказал Орсин. У дэвы даже не сбилось дыхание. — С этим покончено.

Но не со вторым.

Справа от Васена везераб исторгнул последний вопль, пока мечи Элдриса, Нальда и Бирна поднимались и опускались на его извивающееся тело. Их клинки, синюю шкуру чудовища запятнала чёрная кровь. Крылья слабо взметнулись, когда тварь предприняла последнюю попытку подняться в воздух, но она была слишком изранена для полёта, и сил хватило только на неловкий прыжок. Везераба пронзили мечи. Его тело скорчилось в агонии.

Васен оглядел берег в поисках второго шадовар, заметил его в двадцати шагах вниз по течению, на противоположной стороне, усаживающимся в седло.

— Застрелите его! — крикнул Васен, показывая рукой.

Второй шадоварский везераб в ответ завопил, демонстрируя свои клыки. Он взмахнул крыльями и напрягся, готовясь взлететь, пока Элдрис, лучший стрелок среди мечей рассвета, бросил клинок, взял в руки арбалет и быстро натянул тетиву.

Васен побежал в сторону шадовар, хотя понятия не имел, что собирается делать. Бирн, Нальд и Орсин последовали за ним.

Паруса крыльев везераба набрали воздух, и существо поднялось в небо, а вместе с ним Васена покинула надежда. Паломники были более чем в дне пути от аббатства и более чем в дне пути от Долин. Шадовар сбежит, доложит об их присутствии, появится полный патруль и обнаружит паломников на равнинах. Васен не сможет их защитить.

Звякнул арбалет Элдриса, болт свиснул сквозь тени и оставил прореху в перепонке крыла везераба. Чудовище испустило высокий визг, вздрогнуло, бешено забило крыльями, опускаясь по спирали к земле. Облако теней кружилось вокруг шадовар и его ездового зверя. Крупная тварь забила на земле, визжа, махая раненным крылом. Шадовар повернулся в седле, в чёрной дыре лица сверкали его красные глаза. Его взгляд замер на Элдрисе, и шейд поднял свободную руку. Колонна тёмной энергии ударила через реку в Элдриса, попала ему в грудь, подбросила в воздух и отшвырнула на землю.

— Элдрис! — крикнул Нальд, но Элдрис уже перекатился на живот и встал на четвереньки.

Тем временем шадовар закричал на везераба, ударил его по боку плоской стороной клинка.

— Мы не можем позволить ему уйти! — воскликнул Васен.

Бирн и Нальд уже приготовили арбалеты и выстрелили, один болт ударил в мягкую почву рядом с везерабом, другой попал в шадовар, но исчез во тьме, не достигнув ни доспехов, ни тела.

Васен в отчаянии смерил взглядом ручей. Тот был слишком широким. Он никогда не успеет вовремя его пересечь.

— Продолжайте стрелять, — сказал он, хотя знал, что это будет напрасно.

Подчиняясь яростным приказам хозяина, везераб снова напряг своё тело и бросился ввысь. Полёт был неровным из-за раненого крыла, и какое-то мгновение везераб отчаянно пытался набрать высоту. Шадовар кричал на него, бил по бокам, не отрывая ненавидящего взгляда от Васена.

— Возьми, — сказал Орсин, сунув свой посох в руку Васена. Прежде чем Васен успел спросить что-либо, дэва уже бежал по неровной земле, огибая кустарник и перескакивая упавшие стволы, бежал к реке.

— Что он делает? — спросил Бирн, перезаряжая арбалет.

— Не знаю. За ним.

Васен, Нальд и Бирн бросились следом, но не смогли набрать такую же скорость. Орсин достиг реки и швырнул себя в воздух. Колонна тени возникла под его ногами, и Орсин поднялся ввысь. Васен, Бирн и Нальд остановились, как вкопанные, задохнувшись от изумления, когда Орсин вознёсся высоко в небо над рекой, направляясь к везерабу и его наезднику.

— Во имя света, — сказал Нальд.

Васен подумал, что свет не имеет никакого отношения к тому, что совершил Орсин.

Дэва врезался в чудовище и наездника в сплетении конечностей, крыльев и бурлящих

теней. Везераб, не готовый к столкновению, качнулся на бок и стал терять высоту. Он завопил, крылья яростно забились, пытаясь удержать его в воздухе. Орсин повис на нём, качаясь в воздухе, одна рука сомкнулась на ремне седла, вторая — на лодыжке шадовар.

— Стреляйте! — воскликнул Васен. — Стреляйте!

Нальд и Бирн снова выстрелили, один за другим, болты ударили везераба в бок.

Тот завыл от боли и покачнулся. Из раны хлынула кровь на кусты внизу. Орсин качался, как маятник, но рук не разжимал.

Шадовар едва не вылетел из седла из-за судорог раненного везераба, сумел выпрямиться достаточно, чтобы рубануть Орсина своим тёмным мечом. Орсин отпустил лодыжку шейда, чтобы не потерять руку, но прежде чем шадовар смог убрать руку с мечом, Орсин схватил его за запястье. Как только ему это удалось, он каким-то образом вывернул руку, и шадовар закричал от боли. Меч выпал из его руки и полетел, вращаясь, к земле. Всё ещё сжимая шадовар за запястье, Орсин отпустил седло и обеими руками схватился за шейда. Используя его руку как рычаг, он поднял ноги и обхватил ими шею шадовар. Везераба мотало из стороны в сторону, пока на нём боролись. Вокруг Орсина и шадовар клубился сумрачный туман. Васен видел лишь отдельные фрагменты переплетающихся конечностей, видел, как поднимается и опускается сжатая в кулак перчатка шадовар, когда тот бил ею Орсина.

— Давайте! — крикнул Васен, и продираясь через кусты, бросился к реке. Не останавливаясь, он прыгнул в холодную воду. Бирн и Нальд наступали ему на пятки. Он надеялся, что его рост позволит держать голову над водой.

Везераб снова закричал, и его наездник закричал тоже. Орсин стащил шадовар с седла, и шейд и человек полетели к земле в облаке теней.

Васен выругался, течение вцепилось в него, превратив прямой путь в дугу, но вода доходила ему не выше, чем по грудь, и он пересёк реку. Элдрис и Нальд закричали позади. Ни один не был так же высок, и обоих утащило течение.

— Помоги им, Элдрис! — крикнул он через плечо, не зная даже, слышит ли его Элдрис.

Хватаясь за кустарник, он вскарабкался на грязный берег, сапоги скользили в грязи. К тому времени, как он достиг гребня, с его кожи потекли тени. Вера наполнила его, и он направил её в свой клинок. Оружие зажглось розоватым светом.

Он увидел Орсина и шадовар в двадцати шагах справа от себя. Тьма клубилась вокруг шадовар, казалось, падение ему не повредило. Орсин кружил вокруг него в нескольких шагах, припадая на повреждённую ногу.

Васен бросился прямо на них. Он выкрикнул имя Орсина на бегу и швырнул ему посох. Оружие завертелось в полёте, но Орсин отпрыгнул от шадовар на одной ноге, поймал посох, и закружил его над головой и перед собой так быстро, что загудел воздух.

Красные глаза шадовар вспыхнули, когда он посмотрел сначала на Орсина, потом на Васена. Он протянул к каждому руку, и с ладоней ударила чёрная энергия. Орсин попытался увернуться, но нога замедлила его, и выстрел попал ему в бедро, закрутив вокруг своей оси и ударив о землю. Васен поднял свой щит, и разряд вонзился в сталь с такой силой, что сбил его с ног. Металл остыл от прикосновения магия, и тёмная энергия вытекла за кромку щита, растворив ремень, но другого урона не нанесла.

Шадовар достал с пояса второе оружие, чёрную булаву, и пошёл к Орсину. Дэва перекатился на бок, попытался встать на раненую ногу — Васен видел, что она сломана — и упал обратно на землю, застонав от боли. Шадовар мог легко убить его.

Васен вскочил на ноги и снова бросился в атаку, выкрикивая молитву Амонатору и направляя силу своей веры в щит. Весь диск засиял светом. Он взял щит за кромку, закрутил его и метнул в шейда, который заметил летящий к нему диск слишком поздно. Продолжая сиять амонаторовым светом, пылающий щит пронзил окружающую шейда тьму, ударил его в бок, заставив пошатнуться. Заморгав от ослепительного сияния, шадовар скорчился и прикрыл глаза собственным щитом.

Васен побежал к нему, занося двумя руками меч. Орсин упёрся посохом о землю и использовал его, чтобы подняться, балансируя на здоровой ноге.

Васен и четырёх шагов не успел сделать, прежде чем мрак шадовар погасил сияние его щита. Васену было всё равно. Его меч светил достаточно ярко.

Он зарычал, ударил сверху вниз, чтобы пробить шлем противника и расколоть ему череп. Шадовар отбил щитом, отступил на шаг и контратаковал взмахом булавы, зацепив плечо Васена. Вспышка боли, потом онемение. Его рука повисла без чувств, но он сжал клинок одной рукой и принялся рубить и колоть, вынудив шадовар отступить.

И там был Орсин, едва способный двигаться, но его посох по-прежнему гудел и вращался. Шадовар отбивался щитом и булавой, отступая под натиском стали и дерева, тьма вокруг него кипела, как грозовая туча.

Васен присел под слишком небрежный взмах булавы, шагнул за щит шадовар и ударил под нагрудник. Он почувствовал, как его сверкающий клинок скрежещет по металлическим пластинам, пронзает кольчугу под ними, погружается в плоть и скользит по кости. Шадовар захрипел от боли, широко раскрыв красные глаза. Он выронил булаву и схватил Васена свободной рукой, как будто чтобы оттолкнуть. Посох Орсина ударил шейда в висок, сбросив шлем с его лысой головы.

Васен вырвал свой клинок, и шадовар рухнул наземь, как забитая корова, тьма вокруг него всё ещё кипела. Васен сел на него верхом, перехватил меч и обрушил его вниз... в землю.

Шадовар исчез.

— Будь он проклят, — выругался Васен, бешено оглядываясь по сторонам.

Орсин тяжело опустился на землю, моргая от боли.

— Он недалеко. Их способности позволяют им шагать из тени в тень, но только на небольшие расстояния.

Васен обернулся кругом, разглаживая доходившую до бедёр кнут-траву, заросли кустарника, одинокие широколисты. Он никого не видел.

— Он сбежал от нас! — крикнул Васен, когда Бирн, Элдрис и Нальд вскарабкались на крутой берег. — Он где-то рядом и тяжело ранен!

— Он быстро исцелится, — сказал Орсин, ощупывая свой перелом.

Васен знал. Он поднял с земли свой щит, выбрал направление и зашагал.

— Свет, — приказал Васен, и все четыре слуги Амонатора использовали силу своего бога, чтобы зажечь свои мечи. Высоко подняв их, мечи рассвета принялись обыскивать местность.

— Здесь! — крикнул Элдрис, и Васен с остальными поспешили к нему. Элдрис присел около широколиста.

— Здесь кровь, — сказал он, коснулся ствола и поднял пальцы, красные от крови шадовар.

Васен вложил меч в ножны, тьма кипела вокруг него.

— Тогда он ушёл. Скоро за нами отправят погоню

— По крайней мере, он лишился ездового зверя, — сказал Бирн, кивнув на тёмное небо. Раненного везераба нигде не было видно.

— Это выиграет нам немного времени, но лишь чуть-чуть, — сказал Васен. — Он может двигаться быстро от тени к тени. Рано или поздно его подберёт патруль.

— Значит, они придут за нами, — сказал Нальд.

Васен посмотрел в густое от мрака небо и кивнул.

— Они придут. Готовьте паломников. Мы должны двигаться быстро. Не обычным путём. Мы пойдём в Долины напрямик.

Глаза Брины расширились.

— Ты уверен, что это мудро, первый клинок?

— Нет, не уверен. Займитесь паломниками.

— Есть.

Когда Бирн, Элдрис и Нальд направились обратно в пещеру, где укрылись пилигримы, Васен поспешил к Орсину. Дэва сидел на траве, его широкие штаны были закатаны на бедро. Линии татуировки, как вены, чертили следы вдоль его ноги. Кожа этого человека была своего рода картой, места, в которых он бывал, изображались на его теле загадочными углами и спиралями.

— Сломал? — спросил Васен.

— И лодыжку, — Орсин кивнул на лодыжку. Она уже стала фиолетовой, и кости торчали под неправильными углами. Только складка на переносице выдавала боль, которую должен был испытывать Орсин.

Васен присел рядом.

— Я могу тебе помочь.

— Твоя цепочка.

— Что?

Орсин кивнул на грудь Васена.

У того ушло мгновение, чтобы осознать, что Орсин имеет в виду. Цепочка, на которой Васен носил священный символ Святого Абеяра, сломалась, и один конец свисал вдоль края его доспехов.

Он выругался, упав духом.

— Я должен найти её!

Он начал вставать, вспомнил про ногу Орсина и про свой долг.

— Позднее, конечно же. Сейчас может быть больно, Орсин.

— Может быть?

— Будет, — признал Васен. — Приготовься.

Используя в качестве фокуса для своей силы изображённый на щите символ Амонатора, Васен осторожно положил щит на ногу Орсина и прочитал исцеляющую молитву. Щит мягко засиял, и тело Васена затопило тепло. Он сфокусировал тепло в руках, в ладонях, и положил их на щит. Сила прошла сквозь него в тело Орсина, и дэва зашипел сквозь сжатые зубы, когда кости встали на место, синяки уменьшились. Васен взял свой щит и помог дэве встать на ноги. Орсин осторожно наступил на пострадавшую ногу.

— Как нога? — спросил Васен.

— Хорошо. Твой символ?

— Должно быть, упал во время боя, — сказал Васен, без особой надежды оглядывая

землю вокруг. — Он... важен для меня.

— Серебряная роза, — сказал Орсин.

Васен удивился, что дэва заметил.

— Да. Она принадлежала Оракулу, а до него — святому Абеяру.

— Я помогу тебе найти её.

Они медленно обошли местность, где сражались с шейдом. Но символа не нашли. В конце концов оба опустились на четвереньки, просеивая траву. Васен проклинал себя за неосторожность. Он должен был сунуть розу под кольчужную рубаху, и не позволять ей болтаться свободно. Следовало быть более осторожным. Девять Адов, он мог потерять её в бою или пересекая реку.

— Васен, — позвал Бирн с другого берега.

— Я знаю, — крикнул через плечо Васен, водя ладонями по траве, надеясь наткнуться на металлическую розу. Орсин встал, положил руку ему на плечо.

— Думаю, она пропала, — сказал дэва.

— Знаю.

— Мы должны идти.

Васен опустил голову. Как он объяснит это Оракулу?

— Паломники, первый клинок, — позвал Бирн.

И это слово развеяло его приступ жалости к себе. Безопасность паломников была важнее любого священного символа. Он вздохнул, злой, огорчённый, и встал.

— Спасибо за помощь, — сказал он Орсину.

— Разумеется.

— Линии на твоей коже? Что они такое?

Орси посмотрел на свои руки, покрытые линиями и спиралями.

— История моей жизни.

— Историю твоей жизни можно прочесть у тебя на коже?

Орсин кивнул.

— Большую часть. Места, где я бывал, по крайней мере. Но история предназначена не для того, чтобы её читали. Для того, чтобы её писали. Человек пишет свою историю в книге мира, Васен. По крайней мере, так я себе говорю.

— Что ж, это хорошая история, — сказал Васен, и Орсин усмехнулся. — Очень хорошая. Хорошая история, в самом деле.

Бирн, Элдрис и Налъб уже подготовили паломников к маршу. Васен и Орсин спустились по берегу и ступили в воду.

— В этот раз прыгать не будешь? — улыбаясь, спросил Васен.

Орсин улыбнулся в ответ.

— Как ты... смог совершить подобное?

Глаза Орсина озадаченно сощурились.

— А как ты заставляешь свой клинок сиять?

— Ты же знаешь ответ. С помощью веры.

— Со мной то же самое. Твоя вера проявляется в виде света. Моя... не так.

— Но твоего бога... нет.

— Да, но моя вера на месте.

— Понимаю.

Они рассекли воду.

— Ты странный человек, Орсин.

— Кажется, ты это уже говорил.

Васен хмыкнул.

— Подумал, что нужно тебе напомнить. Может быть, стоит записать это у тебя на коже?

Орсин засмеялся.

— Прекрасно. Прекрасно.

Когда они вышли на другой берег, Орсин заговорил уже серьёзнее.

— Когда будет время, я хотел бы обсудить с тобой кое-что.

* * *

Удовлетворённость Зиада нервировала Сэйида почти так же сильно, как его аппетит. Извергнув свою скверну в юную девушку, Зиад стал чуть ли не легкомысленным. Он насвистывал, пока они шагали по мокнущей под дождём равнине. Коты тоже казались весёлыми. Временно удовлетворив свою жажду крови, они радостно скакали вокруг Зиада, задрав хвосты.

А сам Сэйид не мог избавиться от мерзкого вкуса пожирателя, от воспоминаний о криках девочки, о влажном хрипе брата, когда тот извергал угнездившееся в нём зло.

— Её звали Лани, — сказал он себе, не понимая, почему чувствует нужду произнести её имя вслух.

— Что ты сказал? — переспросил, оглядываясь, брат. Голос был высоким, раздражающим.

— Ничего, — ответил Сэйид, зная, что Зиад не поймёт. — Жалуюсь на дождь.

Коты подозрительно посмотрели на него, их полные клыков пасти казались скорее дьявольскими, чем кошачьими.

Зиад поднял руки, обратив раскрытые ладони к небу.

— Мне нравится дождь. Радует душу.

Сэйид промолчал. Он боялся, что ему больше нечего радовать. Он боялся, что Волшебная Чума лишила его души и оставшуюся моральную пустоту заполнили амбиции брата и его собственная решимость. Он существовал, но не жил. И это будет продолжаться вечно. Он проглотил рождённую этой мыслью печаль.

Зиад остановился.

— Я чую дым из очага.

От предвкушения в его голосе Сэйиду стало дурно.

Сэйид тоже чувствовал запах, слабый аромат домашнего очага. Может быть, готовили завтрак. Когда-то от этого аромата его живот забурчал бы от голода. Сейчас он едва чувствовал вкус попадавшей в рот еды. Если его чувства и позволяли воспринимать что-то отчётливо, то это всегда было нечто мерзкое. Как плоть пожирателя.

— Пошли, пошли! — сказал Зиад, ускорив шаг. — Рядом деревня.

Он хихикнул.

— Наверное, деревня Лани.

От того, что брат вслух произнёс имя девочки, раздражение Сэйида лишь возросло. Он посмотрел на закутанное в плащ тело брата, душа которого была такой же искалеченной, как

его тело, и задумался, как можно с такой силой ненавидеть и любить одного и того же человека. Он представил, как его меч пронзает спину брата и выходит из груди во всплеске крови или того мерзкого ихора, что тёк сейчас у брата в венах.

— Пойдём! — позвал Зиад.

Сэйид пришёл в себя и обнаружил, что перед ним уселись трое котов, понимающе глядя на него. Они подняли лапы к клыкастым пастям и слизали грязь с подушечек. Их взгляды не отрывались от лица Сэйида.

— Прочь с моей дороги, — сказал он, но они не шевельнулись, и он обошёл их, вместо того, чтобы переступить.

Запах готовящегося завтрака становился сильнее с каждым шагом. К тому времени, как они достигли деревни, дождь прекратился. На равнине росли около дюжины древних вязов, деревья благородного вида, с широкими, теряющимися в сумрачном воздухе кронами — великаны по сравнению со скромными широколистами, которые заполняли равнины. Должно быть, они были ещё молодыми ростками, когда ударила Волшебная Чума.

В кругу вязов расположился большой пруд и деревня, чей дым они учуяли. Несколько дюжин одноэтажных деревянных домов сгрудились вокруг общего пастбища. Крыши были покрыты гонтом. Из нескольких печных труб поднимался дым. Ограды из обструганных ветвей широколиста отделяли небольшие поля и сады. Тут и там стояли ветхие фургоны, мелкие курятники, загоны для скота. Деревня была такой маленькой, что Сэйид мог пробежать с одного конца в другой, не успев сосчитать до пятидесяти.

Заросшая дорога, по которой они шли, проходила между двумя вязами, образовавшими своего рода естественные ворота. Сэйид слышал голоса, раздающиеся в центре деревни, гул радостных разговоров, пронизанный смехом и периодическими весёлыми возгласами.

— Собрание хибар, — сказал Зиад, презрительно разглядывая деревню. Его хорошее настроение уже исчезало. Наверное, голод начал возвращаться. — Пахнет крестьянами и дерьмом.

В открытой двери промокшего сарая стоял пастуший пёс, смотрел на их, обнажив клыки. Коты Зиада посмотрели на него в ответ, проходя мимо, и пёс поджал хвост и отступил в сарай.

Казалось, вокруг не было никого. Сэйид уже собирался объявить об их прибытии, как было принято, когда из-за забора выбежал мальчик лет, наверное, десяти в слишком большом для него плаще, наброшенном поверх домотканной одежды. Не поднимая глаз, он прицокнул на тощую овцу, которая следовала за ним. Заметив Сэйида и Зиада он застыл, всего в десяти шагах от них, но совсем в ином мире. Овца, опустив голову под дождём, подошла к нему и заблеяла.

— Хо, парень, — сказал Сэйид, поднимая руку в приветствии.

Сонные глаза мальчишки широко распахнулись. Сэйид и Зиад, должно быть, показались ему призраками, явившимися из сумрака.

Сэйид попытался казаться безвредным, несмотря на свои доспехи, меч, неухоженные волосы и бороду.

— Не нужно нас боя...

Мальчик развернулся и побежал к центру деревни, оскальзываясь в грязи.

— Мама! Мама!

Овца слепо засеменила за ним.

— Полетел обратно в гнездо, маленький птенец, — тихо сказал Зиад, и Сэйид знал, что

тон брата обещает кровопролитие. — Рядом хищники.

Они последовали за воплями мальчишки к центру деревни. Местные коты и собаки бросались прочь при приближении Сэйида, Зиادا и их кошек. Тощий скот мычал и блеял в своих загонах, когда они проходили мимо.

Впереди показалась середина деревни. Под кроной большого вяза стоял поднятый над землёй досчатый помост и колокол на высоком столбе. Казалось, там собрались все жители деревни. Женщины, дети, мужчины сидели на сиденьях из пней или стояли, глядя на помост, где находился крупный, тучный мужчина с реденькими усами, сжимая что-то перед собой. Расшатанная повозка корабейника стояла рядом, по-прежнему запряжённая крупным седеющим мулом. Некоторое из сельчан с улыбкой изучали товары в повозке.

Мальчик, которого напугал Сэйид, стоял на краю собравшейся толпы. Перед ним опустилась на колени женщина, вероятно, мать. Мальчик указывал на Сэйида и Зиادا. Его овца щипала траву.

— Видишь! Я же сказал, пришли другие странники! Видишь?

К Зиаду и Сэйиду устремились дюжины вопросительных взглядов. Глаза раскрылись шире, заведя мечи братьев и их неухоженный внешний вид.

Братья прошли к собравшимся крестьянам. Толпа сомкнулась, ожидая их, переминаясь, дети спрятались за родителями.

Торговец на помосте поклонился, сняв шляпу.

— Минсер Коробейник к вашим услугам, добрые сэры. Эта прелестная деревня зовётся Фэйрелмом. И если мне позволено будет говорить за этих добрых людей, мы рады видеть вас.

Крестьяне не стали повторять его приветствие.

Сэйид не стал кланяться в ответ. Его взгляд обшарил селян, выискивая тех, кто мог представлять опасность. Он не заметил никого подозрительного.

— Меня зовут Сэйид, — сказал он. — Это мой брат, Зиад.

Их чужеземные имена вызвали озабоченный шёпот в толпе.

— Доброго вам здоровья, — сказал Минсер. Мгновение он ожидал ответного приветствия, которого не последовало, и молчание братьев, казалось, застало его врасплох. Он оглядел крестьян, вероятно, надеясь, что заговорит кто-нибудь из них, но все молчали. Он прочистил горло.

— Ох, да, доброго. Что заставило вас странствовать по сембийским равнинам под этим тёмным небом? На равнинах небезопасно, хоть вы и похожи на людей, знакомых с мечом не понаслышке.

— Мы простые странники, — сказал Зиад.

— Просто проходим мимо, — добавил Сэйид. — Разве не существует традиции предлагать путешественникам кров и угощение?

Никто не предложил ни того, ни другого. Взгляды опустились к земле. Тишина загустела. Наконец, заговорил мальчонка, которого они испугали.

— Станные у вас кошки.

Деревенские нервно засмеялись.

— Они и сами странные, — сказал мужской голос где-то в конце толпы.

Зиад напрягся, наклонил голову.

— Кто это сказал?

Сэйид взял его за руку, но Зиад вырвал её.

Никто ему не ответил.

— Кто это сказал? — повторил Зиад. — Похоже, в этом вонючем нагромождении хибар принято грубо говорить с незнакомцами.

Последовало много гневных взглядов, но люди молчали, пока женщина в стороне не заметила:

— И кто сейчас говорит грубо?

Сэйид и Зиад повернулись, чтобы увидеть, как к толпе идёт высокая, крепко сбитая женщина с длинными рыжими волосами. Сэйид посчитал бы её привлекательной, если бы по-прежнему чувствовал такие вещи.

Коты у ног Зиада зашипели на женщину, когда она приблизилась, и она замерла, глядя на этих существ.

— Следи за языком, женщина, — сказал Зиад. — Иначе...

Ладонь Сэйида на плече брата прервала угрозу, которую он собирался сказать, но женщина поняла, куда он клонит, и не стала отступать. Она упёрла руки в бедра и выдвинула подбородок.

— Иначе что, добрый сэр?

— Элли, — сказала другая женщина в толпе, небольшая, похожая на мышку, с гривой распущённых чёрных волос.

— Нет, Ана, — произнесла Элли, разгневано глядя на Зиада. — Говорите, что собирались, сэр.

— Да, иначе что? — сказал другой мужчина.

На лицах большинства крестьян появилось слегка враждебное выражение, хотя некоторые казались напуганными. Дети в толпе, почувствовав возросшее напряжение, глядели на происходящее широко открытыми, полными страха глазами.

— Ну, ну, — произнёс Минсер Коробейник, спускаясь с помоста, тяжело дыша от усилий, требовавшихся, чтобы нести его жирное тело. Толпа расступилась, позволяя ему пройти. Он улыбался фальшивой, пустой улыбкой, раздражавшей Сэйида. — Обстановка накалилась без всякой видимой причины. Могу вас уверить, добрые сэры, что по части гостеприимства с Фэйрелмом не сравнится ни одна другая деревня.

— Наши дома не хибары, — сплюнул крупный бородатый мужчина в передней части толпы. Его заявление встретили согласными кивками.

— И женщинам нашим угрожать на надо, — добавил второй.

Минсер сделал величественный жест, как король, позволяющий удалиться. По лбу его катился пот.

— Ну конечно нет! И я уверен, эти люди не имели в виду ничего дурного! Они всего лишь оговорились.

Коты выстроились перед Зиадом, холодно разглядывая Минсера. Взгляд коробейника упал на них, на Зиада, снова вернулся к котам. Он нервно облизал губы.

— Да, ну, хм, может быть вы двое могли бы объяснить, что привело вас в Фэйрелм? Если эти добрые люди могут вам помочь, уверяю, они обязательно так и поступят. Без всякого повода. И если нет, что ж, тогда вы можете пройти мимо. До вечера ещё далеко, и сейчас самое подходящее время продолжить путешествие.

Среди деревенских раздался гул согласных возгласов.

Зиад напрягся, подался вперёд, пристально глядя на Минсера.

— Это ещё что?

— Что — это? — спросил Минсер.

— У тебя на шее, что это?

Зиад двинулся к коробейнику, который чуть не упал, попятившись от него. Толпа сделала шаг вперёд, но и только. Сэйид положил ладонь на рукоять меча.

Зиад схватил цепочку на шее Минсера и с силой дёрнул, оборвав её.

— Сэр! — воскликнул Минсер, лицо которого густо покраснело.

Зиад поднял цепчку перед собой. На ней висел медальон, медальон с изображением розы и солнца. Коты подступили ближе, собрались у ног Зиада. Тон Зиада был достаточно острым, чтобы пронзить кожу.

— Где ты это взял?

Коробейник выпятил грудь.

— Это не ваше...

Зиад схватил его за рубаху и подтащил к себе. Брат был куда сильнее, чем можно было предположить по его худой фигуре.

— Где ты это взял, коробейник?

— Отпустите его, — сказала Элли, и по толпе прошёл разгневанный шёпот. Они придвинулись ближе.

— Да! Отпустите его!

Коты у ног Зиада выгнули спины, зашипели, показали клыки. Сэйид подошёл к брату, сверкая холодным взглядом.

— Держитесь подальше, — приказал им Сэйид.

— Говори, Минсер, — потребовал Зиад. — От этого зависит твоя жизнь.

— Моя жизнь? — забормотал напуганный коробейник. — Вы мне угрожаете?

— Говори! — приказал Сэйид, не отрывая взгляд от толпы.

— Я получил... получил это в аббатстве.

Рука Зиада загребла в кулак ещё больший кусок рубахи. Его голос был напряжён, как тетива лука, глаза вглядывались в лицо Минсера.

— В аббатстве Розы?

Минсер помешкал, кивнул, его взгляд бегал от Зиада к Сэйиду.

Сэйид посмотрел на коробейника, в нём росла надежда, вскружив голову, как брату.

— И когда ты был в аббастве Розы, ты видел... Оракула?

Несколько человек в толпе сделали знак: три поднятых в небо пальца.

Минсер сглотнул, кивнул.

— И... священную гробницу повелителя рассвета Абеяра.

Сэйид резко повернулся к нему.

— Кого?

— Ты сказал священную? — низким голосом переспросил Зиад.

— Сказал, — подтвердил Сэйид.

Пот струился по лбу Минсера. Он вытер его грязной рукой, испачкав лицо.

Услышав имя Абеяра Корринталя, услышав, что его признали святым, а могилу называли «священной», Сэйиду захотелось блевануть.

Зиад отпустил Минсера, и толстый торговец расправил рубаху, восстанавливая чувство собственного достоинства.

— Спасибо, Минсер, — с фальшивой улыбкой сказал Зиад. — В такой случае, ты должен знать, где находится аббатство.

— Никто не знает, где оно в точности, — пропыхтел Минсер. — Оракул знает, кто приходит к нему, и посылает мечей рассвета проводить гостей. Но сомневаюсь, что вас двоих...

— И они тебя проводили? — спросил Зиад.

Казалось, разум Минсера пытается поспеть за его языком, так что язык он пока прикусил.

— Говори! — сказал Сэйид, его окрик напугал коробейника.

— Да, они проводили меня. Я... хотел увидеть гробницу повелителя рассвета.

— *Священную* гробницу, — сказал Зиад, сжав свой кулак на медальоне. — *Повелителя рассвета* Абеяра.

Минсер прикусил краешек усов. Похоже, он не понимал, что происходит.

— Вы считаете... что он не был достойным человеком?

Зиад хлестнул Минсера по лицу, вызвав испуганные вздохи в толпе.

— Я знаю, что он не был достойным человеком!

Губы Минсера зашевелились, но слов не прозвучало. Струйка крови потекла из уголка рта.

— Хочешь что-то сказать? — спросил Зиад. — Говори, толстяк.

Лицо торговца покраснело, но он по-прежнему не издал ни звука.

Сэйид, заразившийся от брата нарастающим гневом, поднял свою покалеченную руку, показывая обрубок большого пальца.

— Ваш повелитель рассвета отнял у меня и многих десятков невооружённых людей пальцы. Он был трусом.

Ответом на его заявление стали вздохи и тревожные выражения.

— Вы безумны, — кто-то сказал. — Уходите!

— Повелитель рассвета Абеяр погиб сто лет назад, — сказал кряжистый мужчина в плотной одежде, наверное, деревенский кузнец.

— Он шутит, — сказал толстый коробейник, потирая щеку, потом побелел под суровым взглядом Сэйида. — Правда же, шутите?

Голос другого мужчины дальше в толпе произнёс:

— Что-то очень вы бодрые для столетних.

Неуверенный смех.

Сэйид поискал в толпе источник этого голоса. Под его взглядом смех затих.

— Шутим? — оскалился Сэйид. — Думаешь, я шучу? Про это?

Жена кузнеца, Ана, попыталась утянуть мужа из передних рядов.

— Пойдём, Корл. Пойдём. Завтрак готов.

— Никто не куда не идёт, — отрезал Сэйид, вытащив меч. Он знал, как будут разворачиваться события. Кошки тоже знали — они предвкусшающе замыкали.

При виде клинка Сэйида толпа замерла. Заплакал ребёнок.

Рыжеволосая женщина, Элли, шагнула вперёд, раскинув руки в стороны, как будто собираясь защищать всю деревню.

— Почему бы вам не убрать свой меч обратно и пойти своей дорогой? Пожалуйста, просто уходите.

Сельчане закивали, раздались согласные голоса.

Зиад смахнул Минсера в сторону, заставив толстяка споткнуться, и злобно смотрел на Элли, пока она не отступила на шаг.

— Я твоим приказам не подчиняюсь, женщина.

— Я не хотела вас оскорбить.

Зиад прошёлся перед крестьянами, сжав кулаки, разглядывая их.

— Но теперь я оскорблён! Этим местом! Всеми вами!

Он злобно зыркнул на толпу.

— Мой брат говорит правду. Сто лет назад Абеляр изувечил невооружённых людей, и нас в том числе.

Он поднял собственный обрубок.

— *Повелитель рассвета* Абеляр забрал у нас средства к существованию, забрал наши жизни.

Его голос поднялся, полетела слюна.

— *Повелитель рассвета* Абеляр обрёк нас на проклятое существование, на настоящий ад, и только обещание дьявола дало нам надежду. А вы ему поклоняетесь. Простодушные тупицы. Хотите увидеть? *Хотите?*

Никто не заговорил. Все смотрели на Зиада, широко раскрыв глаза.

— Тогда смотрите.

Он сбросил плащ, развязал рубаху и сорвал её с тела, обнажая туловище.

Крестьяне заохали, отвернулись. Дети закричали, начали плакать. Сэйид просто тупо смотрел. Он годами не видел обнажённого тела брата.

Шрамы и трещины избородили уродливую кожу цвета старого синяка. Местами плоть казалась расплавленной, как свечной воск. Бугрились опухоли, самая крупная — на пояснице, тут и там торчали уродливые куски отмершей плоти. Кое-где кожа поросла красой чешуей. Надутый живот казался животом голодающего, и как будто готов был лопнуть, стоило его проткнуть. Синие вены, виднеющиеся сквозь кожу, чертили затейливую сетку на теле.

— Видите, что сделал ваш Абеляр? Видите?

Прямо на глазах его кожа пузырилась и трещала, как будто что-то под ней двигалось. Он маниакально засмеялся, этот звук был полон ярости.

— Вот что со мной сделал ваш Абеляр!

Дышал Зиад тяжело, звук был мокрым и хлюпающим. Он повернулся к Минсеру, сжавшемуся перед его гневом, и ткнул пальцем в лицо торговцу.

— Ты отведёшь меня в аббатство, коробейник. И я увижу Оракула. И пока я буду там, я навешу *священную* гробницу Абеяра Корринталя.

Минсер забормотал:

— Я... я же сказал вам, я не знаю, как его найти. И даже если бы знал...

Зиад шагнул вперёд и ударил медальоном в лоб торговца, сбив толстяка с ног и заставив его закричать от боли.

— Думаю, это у тебя в голове, Минсер. И так или иначе я это выужу.

Он бросил медальон к ногам истекающего кровью торговца. Элли шагнула вперёд и попыталась помочь Минсеру подняться, но тот, казалось, был не в настроении вставать. Вместо этого он просто продолжил сидеть, оглушённый и истекающий кровью.

— Со мной всё хорошо, госпожа, — пробормотал Минсер, хотя он плакал. — Всё хорошо.

Элли повернулась к ним, лицо её было красным от гнева, на лбу пульсировала жилка.

— Убирайтесь отсюда! — крикнула она, указывая на дорогу. — Убирайтесь

немедленно!

Зиад не обратил на неё внимания, подбирая свою рубаху и плащ. Коты расхаживали вокруг него, мяукали, облизывали усы, голодные, жадные. Сэйид не мог отрицать, что чувствует похожий голод, глядя на лица тупых крестьян и их идиотское благоговение перед Абеяром Корринталем. Он пришёл в деревню без намерения убивать, но теперь в нём возникло это желание, кровавое и уродливое.

— Коробейник пойдёт с нами, — заявил Зиад.

Сэйид шагнул вперёд, грубо оттолкнул Элли, схватил Минсера за руку, рывком поставил на ноги.

— Не трожьте его! — воскликнула Элли.

— Всё хорошо, госпожа, — невнятно сказал Минсер, хватаясь за раненный лоб. — Со мной всё будет в порядке.

Коты продолжали требовательно мяукать. Зиад погладил их.

— Голодные, да?

Он поднял взгляд на толпу, злобно усмехнулся.

— Пожалуйста, — сказала Элли. — Просто уходите.

— Мы уходим, — ответил Зиад. — Но сначала, вот кое-что для тех, кто поклоняется Абеяру Корринталю.

По толпе прошёл взволнованный гул, раздался неуверенный смешок, кашель.

— Давайте, — сказал котам Зиад. — Покажите им.

Широко распахнутыми от ужаса глазами крестьяне смотрели, как кошачьи пасти распахнулись так широко, будто были сломаны. Их морды превратились в распахнутые дыры. Что-то копошилось внутри кошачьих тел, под кожей, заставляя их фигуры гротескно раздуваться. Кошачьи глаза закатились, их тела задрожали.

Закричала женщина. Ещё одна лишилась чувств. Люди попятились. По толпе волной прошёл страх.

— Что с ними такое? — крикнул кто-то.

— Боги! — воскликнул другой.

Из кошачьих глоток показались чешуйчатые руки, схватились за края распахнутых пастей и надавили. Кошачья кожа растянулась, когда наружу показались дьявольские фигуры.

Новые крики, вопли ужаса.

Дьяволы корчились, вылезали наружу в скользком, кровавом месиве из чешуи, рогов, когтей, клыков, их тела были куда крупнее кошачьих, из которых они возникли. Они рычали, истекая слюной, сбрасывая кошачью кожу, как плащи.

— Да сохранит нас свет, — прошептал рядом с Сэйидом Минсер.

Сэйид наотмашь ударил его по лицу рукой в латной перчатке. Коробейник даже не застонал, просто упал на землю, не шевелясь.

Дьяволы потянулись. Паника охватила крестьян. Они подхватили детей, закричали и побежали. Все, кроме Элли. Она стояла на месте, прижав руку ко рту, в глазах стоял ужас.

Скользкие от крови дьяволы припали на четвереньки, их рельефные мускулы были покрыты лесом длинных иголок. Взгляды их узких глаз сновали вокруг, пока не сфокусировались на убегающих крестьянах. Длинные чёрные языки показались из клыкастых, как у акулы, пастей. Ближайший к Сэйиду поднял голову к небу и издал жадный, трескучий вопль.

— Кормитесь, — сказал им Зиад, указав на убегающих селян. — Всеми, кроме этой женщины и коробейника. Они мои.

Дьяволы зарычали и бросились вслед за добычей, как стая волков, завывая от жажды плоти и крови, их клыкастые конечности с каждым шагом вырвали клочья из земли. Один из них врезался в Элли, чуть не сбив её с ног.

— Женщина, Сэйид, — приказал Зиад.

Двое дьяволов бросились на лишившуюся чувств крестьянку. Один схватил её за голову, второй за ноги, и они разорвали её в фонтане крови.

Сэйид схватил Элли за запястье. Она отдёргнулась с ужасом в глазах, и силой пнула его в пах.

— Нет! Нет! Нет!

Другой мог бы согнуться пополам от такого удара, но Сэйид едва почувствовал его. Он подтащил женщину к себе, пока та хлестала и царапала его лицо. Ногти оставили кровавые следы на его щеках.

— Оставь меня... в покое!

Сэйид сгрёб её за волосы и стукнул по виску рукоятью меча. Женщина осела на землю, как мешок с зерном.

Он стоял над ней и смотрел, как работают чудовища Зиада.

Дьяволы беспорядочно рыскали по деревне, радостно учиня кровопролитие. Они переворачивали фургоны, выбивали двери, ломали ограды. Время от времени они стреляли иголками со своих спин, и иголки на лету загорались, вонзаясь в дерево и плоть и поджигая всё. По всей деревне звучали крики, напуганные вопли в домах и сараях, влажные звуки рвущихся тел с улиц, булькающие стоны боли. Дьяволы убивали всех, кого находили, не щадили даже животных. Визжали свиньи, пронзённые дьявольскими когтями. Собак, коров, коз и кошек преследовали и разрывали на куски. Дьяволы бешено носились по улицам, мокрые от крови, с их когтей свисали куски шерсти и плоти, в пастях дёргались оторванные руки или ноги — шла кровавая оргия.

Зиад подошёл к Сэйиду.

— Прекрасно, не правда ли? Когда Сэйид ничего не ответил, Зиад присел рядом с Минсером и поднял его в сидячее положение. Удары по щекам заставили Минсера открыть глаза. Увидев бойню, коробейник снова закрыл глаза, замотал головой.

— Нет, нет.

Зиад ударил его, один раз, два, три.

— Открой глаза, торговец! Открой их или я отрежу тебе веки!

Заморгав, сжав зубы, Минсер открыл глаза — от этого усилия затряслось всё его тело. Он плакал от криков и крови.

— Что вы наделали? Что вы наделали? Сохрани нас свет.

Зиад схватил его за волосы.

— Тебя ждёт та же участь или хуже, если не отведёшь нас в аббатство. Свет тебя не сохранит. Ничто не сохранит.

— Ты чудовище, — всхлипывая, сказал коробейник. — Чудовище.

Зиад отпустил его волосы.

— Можешь поблагодарить за это Абеяра Корринталя.

Сэйид наблюдал за работой дьяволов со странным чувством отстранённости. Он знал, что должен что-то чувствовать — ужас, сострадание, восторг, что-нибудь. Но чувствовал

только усталость. Он таким же успехом мог смотреть, как забивают на обед цыплят. Он просто хотел продолжить поиски аббатства, Оракула, избавиться от горечи и чувства презрения к себе.

Он провёл кончиками пальцев по щеке и ощутил лишь гладкую кожу. Царапины, оставленные ногтями Элли, уже зажили. Всё заживало. Кроме его души. Эта рана никогда не исцелялась и исцелиться не могла.

— Владыка Кании излечит нас, Сэйид, — сказал Зиад, как будто прочитав его мысли. — Мы должны только добраться к Оракулу и узнать у него местонахождение сына Кейла.

Он пнул Минсера.

— И теперь у нас есть способ это сделать.

Крики в деревне начали прекращаться. Дьяволы убили практически всех. Сэйид слышал в основном звуки рвущегося мяса, звуки кормления.

Сэйид поставил сапог на живот Минсера. Коробейник застонал, сжался на земле в позе зародыша.

— А если этот тюфяк не сможет отвести нас в аббатство? Он сказал...

— Сможет и отведёт, — ответил Зиад. — Не так ли, Минсер?

В ответ коробейник только продолжал всхлипывать.

Когда дьяволы насытились, они вернулись к Зиаду и Сэйиду. Минсер закрыл глаза при их приближении.

Их жёлтые, рептильи глаза злобно смотрели на Сэйида, когда дьяволы проходили мимо.

— Возвращайтесь, — сказал Зиад.

— Мы подчиняемся, — прокаркал один из дьяволов, и каждый взял мешок из кошачьей шкуры, натянул кошачью пасть себе на голову и начал протискиваться внутрь. Казалось, они уменьшаются, извиваясь и корчась, чтобы втиснуться в кошачье тело. Скоро дьяволы исчезли, а на Зиада и Сэйида смотрели тринадцать котов.

— Женщина? — спросил Сэйид, хотя он подозревал, что уже знает ответ.

— У меня найдётся кое-что особенное для её грубого рта, — сказал Зиад. Его голый, исчерченный шрамами живот начал бурлить и раздуваться, накапливая таившийся внутри брата яд.

— Положи её на помост.

Сэйид подхватил Элли под мышки и потащил её на помост. Её глаза приоткрылись. Она села, отёрнувшись, когда Зиад подошёл к ней. Тело брата раздувалось, пытаясь извергнуть из него гнездившуюся внутри тьму.

— Пожалуйста, не надо, — сказала Элли, отползая от Зиада. — Я ношу ребёнка.

— Уже нет, — сказал Зиад, и слова вышли неразборчивыми из-за чёрной желчи, заполнившей его рот и потёкшей по подбородку. Быстро, как гадюка, он метнулся вперёд, схватил её за запястья и прижал руки к бокам. Он потянулся к её лицу, раскрыв рот, истекая желчью. Она плотно сжала губы, замотала головой, издавая тихие стоны страха.

Сэйид вернул меч в ножны и пошёл прочь. Лучше он посмотрит на бойню в Фэйрелме, чем увидит, как очищается его брат. Он почувствовал на себе взгляды и понял, что за ним следуют несколько кошек — а может быть, они тоже хотели снова полюбоваться на свою бойню.

Глядя на кошек, Сэйид представил, что в Зиаде тоже таится что-то похожее, какая-то тайная форма, ожидающая, чтобы вырваться наружу из его брата точно так же, как дьяволы вырвались из котов.

Улицы и здания деревни были усеяны кишками, кровью и трупами. Глаза сельчан — там, где они ещё остались — обвиняюще глядели на него. Увидев кровь и смерть, Сэйид подумал — хорошо, что у него больше нет души. Будь иначе, сейчас это был бы увядший, съёжившийся остаток чувств, приносящий лишь боль — куда хуже пустоты.

Герак, весь дрожа, проснулся лицом вниз в сырой кнут-траве, со вкусом испорченной сембийской земли на губах. Он встал на четвереньки. Тело протестовало даже при малейшем усилии. Заставил себя подняться на ноги. Дождь уже прекратился.

Он окинул взглядом тёмную гладь неба, загрязнённый тенью воздух. Как долго он спал? Уже наступил вечер? Он полностью утратил чувство времени.

Он сморгнул свою усталость, отвесил себе несколько пощечин и снова начал идти. Мысли об Элли, об их ребёнке придали ему сил. От прилагаемых усилий его тело согрелось, мускулы чуть-чуть разошлись, и скоро он набрал хороший темп. Он поочередно бежал, потом переходил на трусцу, потом шёл обычным шагом, и останавливался только чтобы попить.

Впереди показались деревенские вязы, их массивные стволы возникли из сумрачного тумана, как подпирающие небо колонны. Герак не учуял запаха дыма из труб, и это слегка его встревожило.

Он нашёл дорогу, которая проходила сквозь воротные вязы, и ускорил шаг. Достигнув деревни, он уже бежал.

Через двадцать шагов он нашёл тело. Или части тела. На улице валялось безголовое туловище, внутренности были разбросаны в грязи. Разодранная одежда, частично съеденная плоть. На дороге валялись другие останки: рука, голова.

Долгое мгновение он смотрел на свою находку, не в силах осознать увиденное. Когда реальность наконец проникла в сознание, к горлу подступила желчь и его вырвало.

Неподалёку лежало второе тело: горло разодрано, живот распотрошён, виднеются рёбра.

В ближайшем загоне валялась мёртвая корова, освежёванная, обнажённые мышцы влажно блестели, пасть несчастного животного застыла в крике агонии.

Герак не мог дышать. Сердце в груди превратилось в барабан. В глазах помутилось. Он боялся, что его снова вырвет.

Должно быть что-то пришло с равнин и напало на деревню — какой-то ужас, созданный Шадовар.

Герак побежал по краю деревни в сторону своего дома, разбрасывая на бегу рвоту. Он остановился лишь затем, чтобы достать меч. Сжавшая оружие ладонь побелела. В ушах стояло жужжание, приглушенный, дьявольский рёв нарастающей паники. Он споткнулся, подскользнулся и упал в грязь, но поднялся и побежал дальше. По щекам текли слёзы. Кто-то говорил мрачным шёпотом, как будто на чужом языке. Это был он сам, понял Герак, слова тащил из его глотки крючок отчаяния.

— Не Элли. Не Элли. Не Элли.

Он бежал мимо новых и новых тел, новых частей тел, человеческих и животных, мимо людей, которых он знал, друзей и соседей. Повсюду была кровь. Внутренности висели на оградах и валялись в дверях, как будто украшения для какого-то праздника ужаса. Он не останавливался, чтобы присмотреться. Он боялся того, что увидит. Не было ничего важнее, чем добраться до своего дома, к Элли. Ничего.

— Пожалуйста, Элли. Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста.

Дом стоял впереди, дверь была закрыта. Он не увидел поблизости крови или тел, и

начал молиться, чтобы Элли сумела как-то спрятаться, может быть, в сарае. Он ударил в дверь, чуть не сорвав её с петель.

— Элли! Элли!

Внутри её не было.

Сердце замерло в его груди.

В доме стоял запах её стряпни, ещё не остывшей в котле над очагом, и от знакомого чувства он упал на колени. Он бросил лук и меч, спрятал лицо в ладонях и заплакал, как ребёнок. Он даже не чувствовал гнева. Он чувствовал себя... пустым, полым, призраком, тенью.

Он снова и снова проклинал себя. Нужно было давным-давно забрать её из Фэйрелма, покинуть деревню и оставить трижды проклятое королевство Шадовар. Он мог обвинять себя, ненавидеть себя вечно. Нельзя было уходить на охоту и покидать жену. Нужно было остаться здесь и защитить её.

Будто по собственной воле, его рука потянулась к ножу для снятия шкур на поясе. Он вынул его, поднял клинок перед собой, посмотрел на лезвие, которое хранил столь безупречно острым. Оно могло резать вены и мясо при легчайшем нажиме, стоило только провести по запястью. Моментальная вспышка боли. Он вытянул руку, занёс над ней нож, увидел, как под кожей пульсируют вены. От слёз зрение помутилось. Он мог воссоединиться с Элли, сделав мельчайшее движение, лёгкий жест.

Приглушённый звук со стороны деревни остановил его руку. В мгновение ока он оказался на ногах, побежал к двери, подхватив лук и меч. Новый крик подстегнул его. Он узнал голос Элли, его Элли. Она была напугана и страдала от боли.

— Элли! Элли! Где ты?

Ещё один крик потащил его вперёд. Он бросился прямо к вязу собраний в центре деревни.

Он был готов убить любое существо или человека, устроившего бойню в Фэйрелме. Он вырежет ему кишки, перережет глотку, голыми руками вырвет внутренности.

— Элли!

Едва заметив кровавую груду, которая прежде была коровой, он повернул за угол загона Ферродов. Худой, лысый человек, чей обнажённый торс был покрыт ожогами, шрамами и опухольями, только что прекратил... целовать Элли?

Мужчина услышал Герака и обернулся. Его глаза злобно сощурились, и он скользнул Элли за спину, схватив её за горло. Вокруг него сидело около дюжины лохматых котов, клыкастых и большеглазых. Элли не смотрела на Герака; её глаза были открыты, но пусты, глядя на что-то, чего не видел Герак.

Чувства Герака слились в единственную нужду — убить, вогнать стрелу в глаз этого большого ублюдка. Он бросил меч, выхватил стрелу и наложил её, на одних только инстинктах, молниеносно, как мысль.

— Отпусти её, сейчас же!

Элли никак не отреагировала на звук голоса Герака, и широкие, лихорадочные глаза худого мужчины прищурились, сфокусировавшись на нём. Он улыбнулся, продемонстрировав уродливый рот с щербатыми зубами разных форм и размеров.

— Где же ты прятался? — спросил мужчина, голос которого оказался куда глубже, чем можно было предположить по субтильной фигуре.

Герак прицелился точно в середину его лица — сложный выстрел, но ему случалось

делать и посложнее. Он начал приближаться, и с каждым шагом выстрел становился всё проще и проще.

— Я сказал, отпусти её. Рядом с Элли на земле лежал мужчина с окровавленным лицом и наполовину задранной грязной рубахой, обнажавшей толстый волосатый живот. Мужчина вздрогнул и закричал:

— Герак! Убей их! Они хотят, чтобы я отвёл их к Оракулу! Я не буду этого делать, Герак!

Сначала Герак его не узнал, но знакомые усы и брюхо дали ему подсказку: Минсер. В присутствии коробейника было так же мало смысла, как и в его словах.

Герак выбросил Минсера из головы, медленно шагая к человеку, который держал Элли, нацелив на него наконечник стрелы. Ещё несколько шагов, и он спустит тетиву. Мужчина двинулся, чтобы держать Элли между ними, но казалось, он скорее удивлён, чем напуган.

— Ты знаешь эту женщину? — сказал мужчина. Он встряхнул Элли, и её руки и ноги болезненно закачались, как будто отделённые от тела, как будто она была куклой, как будто она была уже мертва.

Герак выбрал место, куда собирался вогнать стрелу, прямо между безумных глаз ублюдка. Он мысленно проследил за полётом стрелы и приготовился спустить тетиву.

— Герак, осторожно! — крикнул Минсер, затем завопил и сжался в клубок — царапаясь и кусаясь, на него набросились кошки.

Прежде чем Герак успел осознать, что происходит, плеск лужи и топот тяжёлых сапог позади заставили его обернуться. Высоко занеся большой меч, к нему бежал массивный мужчина в выдавшем виды нагруднике, с длинными косматыми волосами и мёртвыми рыбьими глазами.

Гераком завладели инстинкты и адреналин — он выдохнул, отпустил тетиву, и стрела свистнула в воздухе, вонзившись в грудь мужчине, пробив латный доспех, погрузившись на половину древка и швырнув нападавшего на землю — мёртвым или умирающим.

Герак повернулся обратно, доставая новую стрелу — наложить, натянуть, прицелиться. Мужчина с крысиным лицом по-прежнему прятался за Элли. Коты взобрались на Минсера, кусая его уши, пальцы, щёки. Коробейник лежал, свернувшись клубком, плакал и кричал:

— Уберите их! Уберите!

— Теперь ты умрёшь, — прошептал, обращаясь к мужчине, Герак, приготовившись отпустить тетиву.

От неожиданного удара в висок в глазах вспыхнули искры. Он упал лицом вниз, на мокрую землю. Герак смутно осознал, что стрела ушла в молоко. Адреналин позволил ему едва-едва удержаться в сознании. Он перекатился, подняв перед собой лук. Перед глазами всё дрожало.

Над ним нависал крупный мужчина в доспехах, которого Герак пристрелил. В его груди по-прежнему торчала стрела. Мужчина ухмыльнулся и поднял ногу.

— Ты должен быть мёртв, — пробормотал Герак.

— Я мёртв, — сказал мужчина и вонзил каблук в лицо Герака.

Захрустел, ломаясь, нос, вспыхнула боль, новые искры, потом наступила темнота.

Сэйид сгрёб Герака за плечо и потащил его по грязи в сторону брата.

— С этим что будем делать? — спросил он.

Коты прекратили мучить Минсера, с надеждой глядя на Герака.

Зиад взглянул на распростёршуюся у его ног женщину, глаза которой закатились и видны были только белки, а рот распахнулся в крике, который она так и не смогла издать.

— Кажется, женщина ему дорога, — сказал Зиад. — Пускай получают друг друга.

Коты, похоже, были разочарованы и прекратили терзать Минсера. Коробейник валялся на земле, скорчившись, рыдая, истекая кровью из дюжин укусов.

Зиад спрыгнул с помоста и ткнул торговца ногой.

— Теперь ты отведёшь нас к Оракулу.

Минсер по-прежнему прятал лицо в своей рубашке.

— Я же сказал вам: я не знаю, где находится аббатство.

Зиад кивнул на Герака.

— Тогда почему ты сказал ему «я не стану», вместо того, чтобы сказать «я не могу»?

Минсер замер. Он перевернулся и поднял взгляд. Его лицо было в крови и слезах, одно ухо кровоточило от кошачьих укусов.

— Не нужно мне лгать, коробейник, — сказал Зиад. — Я знаю, что в твоей голове есть то, что мне нужно. Я получу это.

Окровавленный и грязный Минсер каким-то чудом нашёл в себе силы на последний акт неповиновения. Двойной подбородок задрожал, когда он сказал:

— Я сначала умру.

— Нет, — отозвался Зиад, опустившись на колени, чтобы посмотреть ему в глаза. — Я не позволю тебе умереть. Вместо этого я сделаю тебе больно. Кошки сделают тебе больно. Мой брат.

Вместе с подбородками Минсера задрожала его нижняя губа.

Зиад продолжал:

— Больно сегодня. Больно завтра. И послезавтра тоже — до тех пор, пока ты наконец не скажешь то, что мне нужно. Ты этого хочешь?

Коты собрались вокруг коробейника, разглядывая его, мяукая. Минсер затрясся. Сэйид увидел, как в его глазах проступает ужас. Страх поселился в торговце до конца его жизни. И всё же Минсер не подчинился. Он закрыл глаза и помотал головой.

Зиад вздохнул, как родитель, огорчённый поведением ребёнка.

— Начни отрезать ему пальцы, Сэйид. Скорми их котам.

Сэйид достал кинжал и схватил потную руку Минсера. Торговец закричал, попытался сжать ладонь в кулак, но ему и надеяться не стоило сравниться силой с Сэйидом. Сэйид зафиксировал руку коробейника, разжал его кулак и прижал клинок к основанию указательного пальца. Торговец завопил. Его дыхание и тело смердели страхом. Коты собрались поблизости, взволнованно мяукая.

— Вы не люди! Вы не люди!

— Отрезай, — приказал Зиад.

Сэйид только легонько нажал, и последние остатки сопротивления, которые ещё оставались у Минсера, рассыпались в пыль.

— Хорошо! Хорошо! Да простят меня боги, но я покажу вам! Не отрезайте мне пальцы! Не надо! Я отведу вас туда, куда помню дорогу, но это не весь путь. Оракул видит, когда достойные люди ищут аббатство. Он посылает эскорт, который проводит паломников по

перевалу. Только они знают всю дорогу.

— Перевал? — спросил Сэйид. — В Грозных вершинах?

Минсер помешкал, сглотнул, кивнул.

— Как далеко отсюда? — спросил Сэйид, встряхнув толстяка. — Как далеко?

— Думаю... два дня, — ответил Минсер. — Может быть, три.

— Я же говорил тебе, брат, — сказал Зиад с триумфом во взгляде. — Мы найдём Оракула и он расскажет нам, где искать сына Эревиса Кейла. А потом владыка Кании освободит нас от нашего проклятия.

— Вы и правда прокляты, — сказал Минсер, рыдая. — Ваши души прокляты. Вы — дьяволы похуже этих кошек.

— Заткни пасть, — вяло сказал Сэйид. Он не мог найти в себе злости. Он чувствовал что-то, чего не чувствовал вот уже десятки лет, нечто чужое, нечто, что казалось ему давным-давно утраченным: надежду.

— А что с моим мулом? — несмело спросил Минсер. — Что с Греем?

— Твой мул пойдёт с нами, — ответил Зиад. — Мои коты потащат его в своих желудках.

Минсер заплакал.

* * *

Растущая усталость замедлила паломников. Васен, Бирн, Элдрис и Нальд делали, что могли, чтобы не позволить им упасть духом и лишиться сил, но встреча с наездниками-шадовар заронила в них семя страха, которое расцвело в тёмном сембийском воздухе. Элдрис нёс на себе Нолла, хотя было заметно, что мальчик выздоравливает.

Бирн, Васен и Орсин шагали вперед колонны.

— Мы идём слишком быстро — сказал Бирн. — Они не справляются.

— У нас нет выбора, — ответил Васен, разглядывая местность впереди. — Позаботься о них. Саккорс или анклав шейдов быстро узнают о нас. Придут новые Шадовар. Мы должны отвести их в Долины.

— А потом? — спросил Бирн. — Там их ждёт война.

— Знаю, — ответил Васен. — Но что ещё можно сделать, Бирн? Таков этот мир. Мы просто должны доставить их туда в целости.

— Да, — согласился Бирн. — Таков мир.

Васен положил руку ему на плечо.

— Пройдись с ними. Порассказывай истории. Даруй утешение благословений Амонатора. И утешься сам — тем немногим, что ты можешь им дать.

— Да, первый клинок, — Бирн отошёл обратно в колонну, оставив Васена и Орсина наедине.

— Ты сказал, что хочешь о чём-то поговорить, — начал Васен. — Так говори.

Мгновение Орсин шагал молча, вероятно, раздумывая, с чего начать.

— Твой Оракул может видеть будущее, так?

— Видеть — сильное слово, но да. Он видит отблески будущих событий.

— И всё же он отослал тебя — нас, всех нас — из аббатства, зная, что мальчишка заболел, зная, что мы встретим Шадовар.

Васен покачал головой.

— Зная — слишком сильно сказано.

— Либо он провидец, либо нет.

На это Васен ничего не ответил. Тени медленно чертили вокруг него круги.

— Почему он пошёл на такой риск? Встреча с Шадовар ставит под угрозу всё аббатство. В Сембии запрещено поклоняться любым богам, кроме Шар. И Шадовар не поощряют не санкционированных путешествий. Что, если бы тебя схватили в плен?

— Я никогда не рассказал бы Шадовар про аббатство.

— Бирн? Элдрис?

— И они тоже.

— Что ж, ладно, — сказал Орсин, принимая такой ответ. — Но зачем рисковать? Либо видения подвели его, либо...

Васен остановился и повернулся, чтобы посмотреть прямо в лицо Орсину.

— Либо что? Ты думаешь, он стал бы просто так рисковать жизнями паломников? Нашими жизнями?

— Не просто так, нет, — ответил Орсин. — Но, думаю, что-то происходит. Я думаю, он это предвидел.

Васен вспомнил разговор с Оракулом в дверях своей кельи. Должно быть, это отразилось на его лице.

— Ты тоже об этом думал, не так ли? — спросил Орсин.

Они зашагали снова, прежде чем колонна смогла их догнать.

— Не знаю, — ответил Васен, глядя на небо. — В последнее время всё было странно.

— Да, — кивнул Орсин. — Моё путешествие в аббатство. Наша встреча.

— Думаешь, всё подстроил Оракул?

— Теперь ты сам используешь чересчур сильные слова. «Подстроил» — нет. «Предвидел» — да. Но что это значит? Каковы были его намерения?

Васен пожал плечами.

— И духи на перевале. Это тоже было странно.

— Да, — сказал Орсин. — Они говорили с тобой о твоём отце.

Васен кивнул.

— И ты знал о моём отце. Ты поклоняешься тому же богу, что и он.

— Мы с тобой встретились, и вот мы здесь. Здесь происходит что-то большее, чем доступно взгляду, Васен. Может быть, этого не видит даже Оракул.

— Может быть, — сказал Васен. — Я спрошу его, когда увижу снова. Сейчас моя главная забота — паломники.

Казалось, Орсин хочет сказать что-то ещё, но в итоге он произнёс только:

— Согласен.

Несколько часов каждый шагал наедине со своими мыслями, подгоняя паломников, оглядывая небо и равнины вокруг. Большая часть дня прошла без происшествий, разве что Нолл начал идти самостоятельно. Он пока ещё был слаб, но справился, и его выздоровление вызвало улыбки и подняло дух паломников. Элора бросилась к Васену и обняла его так крепко, что у него на миг перехватило дыхание.

— Спасибо вам, добрый сэр, — прошептала она. — Спасибо, что спасли моего сына.

Васен почувствовал, как к щекам прилило тепло. Тени вокруг него завертелись, поймали Элору, хотя она, казалось, не обратила внимания. Бирн и Нальд ухмыльнулись,

увидев, как ему неловко — а ему было действительно неловко.

— Пожалуйста, миледи.

— Спасибо вам за ваши молитвы, добрый сэр, — сама серьёзность, сказал Нолл Васену. Васен улыбнулся, выпутался из объятий Элоры и взъерошил парню волосы.

— Не уверен, что это были молитвы. Ты крепкий парень, Нолл.

Мальчик улыбнулся по-прежнему бледными губами и подошёл к матери.

Мечи рассвета заставляли паломников напрягать последние силы. Когда пилигримы уже не могли продолжать путь, они разбили лагерь в укрытой соснами низине.

— Никакого огня, — приказал Васен, и в ответ раздались стоны. — Сбейтесь в кучу, чтобы согреться. Я подежурю первым.

— Я вторым, — предложил Орсин.

Бирн отнёсся к этому скептически.

— Первый клинок, вторым должен дежурить я. Налъд или Элдрис — третьими. Орсин — не один из нас.

Он смущённо кивнул дэве.

— Не хочу тебя обидеть.

— Никаких обид, — ответил непроницаемый, как статуя, Орсин.

— Орсин — один из нас во всём, что имеет значение, — сказал Васен. — И он видит в темноте не хуже меня.

— Как скажешь, первый клинок, — кивнув, подчинился Бирн и вернулся обратно к паломникам.

— Иди поешь, Орсин, — сказал Васен. — Потом поспи. Я разбужу тебя, когда придёт время.

— Как скажешь, первый клинок, — кивнул Орсин, шутливо подмигнул и присоединился к Бирну рядом с паломниками.

Той ночью, пока паломники дрожали на ветру и спали на мокрой земле, Васен сидел в одиночестве на краю лагеря. Он смотрел на тёмные равнины. Его отец знал прежнюю Сембию — до того, как Шадовар укрыли её вечной ночью. Его отец сражался, чтобы сохранить Сембию в свете.

И, в конце концов, его отец потерпел поражение.

Ты не должен потерпеть поражение, Васен.

Слова, что преследовали его во снах.

До конца своей смены Васен обдумывал случившиеся события, а потом разбудил Орсина и уснул.

На следующий день они двинулись дальше. Шёл лёгкий дождь, вызывая у пилигримов раздражённые вздохи. К счастью, Нолл держал свой рот плотно закрытым.

Спустя три часа пути Орсин поднял руку, преграждая Васену путь.

— Стоп.

Ладонь Васена потянулась к мечу. Он ничего не видел, но поднял руку, чтобы остановить колонну.

— Что такое?

Орсин наклонил голову, как будто прислушиваясь. Васен слышал только тихий шорох дождя.

— Почему мы остановились? — крикнул позади Бирн, в тишине его голос прозвучал особенно громко.

Орсин вглядывался вдаль. Васен проследил за его взглядом и наконец увидел.

В небе впереди кружились чёрные точки, заметные на фоне тёмного неба лишь благодаря своему движению.

— Снова Шадовар, — сказала паломница, пожилая женщина.

— Нет, — отозвался Васен. — Не Шадовар.

— Вороны, — сказал Орсин.

— Да, — согласился Васен. — Вороны.

Поднялся ветер, донёс до них крики птиц, далёкий звук, слабый, как шёпот. Они с Орсином отошли обратно к колонне.

— Что такое? — спросил Бирн.

— Падальщики, — ответил ему Орсин.

— Кто-то умер, — сказала Элора, прижав руку ко рту.

Васен заставил себя улыбнуться и положил ладонь ей на плечо, с радостью заметив, что на его коже не пляшут тени.

— Не отчаивайтесь. Это может быть туша зверя. Здешние вороны слетятся даже на оленя.

Казалось, Элора сомневается, её волнение отражалось в морщинках у глаз. Она положила руки на плечи Нолла, как будто пытаясь его защитить. Другие пилигримы тоже казались обеспокоенными, обмениваясь встревоженными взглядами, перешёптываясь. Несколько человек бросили взгляд вверх, в тёмное небо, наверное, опасаясь, что сам Саккорс вдруг возникнет из темноты, а может быть, боясь увидеть над собой новый патруль Шадовар.

— Не волнуйтесь, — сказал им всем Васен. — Бояться нечего.

Он оттащил Бирна в сторонку. Всё время он чувствовал на себе взгляд Орсина.

— На другой стороне этого холма лежит деревня.

Бирн пожевал кончик усов и кивнул.

— Знаю. Фэйрелм называлась.

— Она *называется* Фэйрелм. Я пойду вперёд и проверю. Подержи пока паломников здесь.

Бирн схватил Васена за руку, когда тот уже собрался идти, и развернул его лицом к себе.

— Может быть, нам стоит обойти её. Я не хочу подвергать риску паломников, и действия Сембии — не наша забота.

— Правда, — наклонив голову, признал Васен. — Но если что-то случилось с деревней, кому-то может потребоваться помощь. Наше призвание — не просто сопровождать паломников, Бирн.

— Быть светом, сражающимся с темнотой, — тихо сказал Бирн. Рука, которой он схватил Васена, упала. Прогредел далёкий гром, как будто небо спорило со словами Бирна.

— Именно, светом, — сказал Васен. Он хлопнул Бирна по плечу.

— Но мне всё равно не хочется подвергать паломников риску.

— Как и мне, — отозвался Васен. — Уведи их в тот лесок.

Он указал на ближайшую рощу широколистов, покачивающихся на ветру.

— Сделай всё, что можешь, чтобы они не беспокоились. Я скоро вернусь. Да хранит тебя свет.

— И тебя, первый клинок.

Бирн развернулся и начал собирать паломников.

— Пойдём, народ, — сказал он, наполнив голос притворным весельем. — Собирается

дождь. Давайте устроимся под теми деревьями и перекусим...

Пока Бирн собирал паломников, Васен взял свой щит, повернулся, и обнаружил, что стоит лицом к лицу с Орсином.

— Боги. Ты ходишь, как призрак, — сказал Васен.

— Я пойду с тобой, — ответил Орсин.

— Ты, похоже, не голоден? — с улыбкой спросил Васен.

— Нет, — ухмыльнувшись, ответил Орсин. — Не голоден.

— Я буду рад твоей компании.

Васен просигналил Бирну, что Орсин пойдёт с ним. Вместе они поспешили в сторону Фэйрелма. Орсин тащил свой посох за спиной, оставляя след на земле. Вороньи крики звали их вперёд.

Прежде чем они с Орсином достигли вершины холма, Васен учуял слабый, тошнотворный запах смерти.

Низко пригнувшись, они выглянули вниз, на деревню, находившуюся приблизительно на расстоянии полёта стрелы. Небольшие участки обрабатываемой земли окружали ядро из крепких деревянных зданий, в свою очередь построенных вокруг общей площади и крупного пруда, питаемого небольшим ручьём. Тут и там в деревне росли несколько древних вязов — около дюжины. Васен решил, что деревья росли здесь ещё до Волшебной Чумы; похоже, они пережили её, не изменившись. В пруду на поднятых ветром волнах качались две лодки.

— Много здесь мертвецов, — сказал Орсин мрачным шёпотом.

На одном из ближайших вязов висели детские качели, зловеще раскачиваясь на ветру — как будто на них качался призрак. Кроны вязов шептались на ветру.

— Я вижу.

Среди домов лежали разбросанные части тел. Васен мог различить головы, руки, туловища, кровавые останки бойни. Он заметил скрюченные позы женщины и детей. Даже скот разорвали на части. Кровь собралась в тёмные лужи на дороге, запятнала траву, двери и стены.

— Что здесь произошло? — прошептал Васен.

Орсин ничего не сказал. Он просто смотрел, неподвижно, как статуя, как труп.

Вороны наслаждались пиром, их крики звучали гротескным аккомпанементом безмолвию мёртвых. Несколько птиц то и дело поднимались воздух, каркая друг на друга, прежде чем снова опуститься и приступить к трапезе.

— Это сделали не звери, — сказал Орсин.

— Нет, — согласился Васен.

— Значит, Шадовар?

Васен покачал головой, тени вились вокруг него.

— Когда Шадовар хотят преподать урок, они делают это с помощью магии и таким образом, чтобы не оставалось сомнений в их причастности.

— А что тогда?

Васен не знал. По тёмным равнинам Сембии рыскало множество хищников, но это, это было чем-то иным...

То, что атаковало деревню, наслаждалось кровью, наслаждалось убийством. Он оглянулся на Бирна и паломников. Под широколистами он едва мог их разглядеть. Загорелось мягкое сияние — священный символ Бирна, свет в темноте. Возможно, Бирн возглавил паломников в молитве.

Васен встал и достал свой меч. Всё, что можно будет сделать в деревне, потребует жёсткой стали, а не мягкой молитвы. Кромка клинка слабо засияла в пелене сумрачного воздуха Сембии.

— Пойдём, — сказал он и начал спускаться. Вокруг них отражением гнева мелькали тени. Чтобы сохранять сосредоточенность, Васен сконцентрировался на текущем моменте и направил свою веру в щит, пока тот не начал сиять. Мягкий розоватый свет согрел его, но не притупил ярость.

— Если нападавшие по-прежнему там, они увидят твой свет, — заметил Орсин.

— Пускай смотрят, — ответил Васен.

Они медленно прошли по неводеланному полю, под несколькими высокими вязами, и ступили на кровавые улицы. Где-то раз за разом билась о косяк незапертая дверь или ставня, как пульс, как затихающее сердцебиение мёртвой деревни.

Вороны поднялись в воздух, злобно закаркали, когда Васен и Орсин подошли к первом телу — пожилому мужчине, лежащему лицом в грязи. Они опустились рядом и перевернули тело. Его живот был распотрошён, горло разорвано. Широко раскрытые, испуганные глаза смотрели в тёмное небо.

— Клыки и когти принадлежали довольно крупному существу, — сказал Орсин. — Но кроме ворон, телом никто не кормился.

— Просто убийство, значит, — отозвался Васен. Он снял свою рукавицу, положил ладонь на лоб старика, а второй рукой поднял щит над его лицом так, чтобы свет отражался в глазах мертвеца.

— Каким бы ни было твоё божество-покровитель, пускай свет Амонатора поможет тебе найти к нему путь.

Другие тела и части тел, которые они нашли на краю деревни, несли на себе те же следы. Сердце Васена разрывалось при виде мёртвых детей, последние мгновения которых прошли в ужасе и боли. Он молился над каждым найденным мертвецом.

Они продвигались медленно, проверяя тела в поисках признаков жизни, осматривая изнутри дома — кто-то мог спрятаться от нападавших. Нашли они только кровь и трупы. Скот забили в загонах, коров распотрошили. На ветру, как снежинки, кружились цыплячьи перья.

Ни Васен, ни Орсин не кричали, чтобы привлечь выживших, хотя в этом был смысл. Почему-то мысль нарушить тишину казалась святотатством.

Они искали следы, какую-то подсказку о природе нападавших, но дождь всё смысл. К тому времени, когда они подошли к центру деревни, Васен смирился с мыслью, что не встретит ни выживших, ни виноватых.

— Века сменяют друг друга, мир меняется, но ужас остаётся всегда, — сказал Орсин.

— И красота иногда, — ответил Васен.

— Но здесь её нет, — сказал Орсин, глядя куда-то вдаль.

Где-то впереди тишину расколол крик, полный ярости рёв. Звук пробудил злость Васена. Тени хлынули с его кожи.

— Пошли! — сказал он Орсину и побежал к центру деревни, приготовив меч. Расплёскивая ногами грязь, он направил силу своего бога, укрепив свой меч и щит. Оба предмета засияли белым светом. Но тени на его коже никуда не исчезли. Свет и тень сосуществовали вокруг него.

— Подожди, — сказал Орсин, но Васен не стал ждать.

Когда они достигли площади, укрытой кроной одного из крупных вязов, они увидели женщину, сидящую спиной к стволу дерева — рот распахнут, глаза открыты. Она казалась живой. Рядом с ней присел мужчина, наклонив голову, одна рука на плече у женщины, другая сжимает длинный лук. На поясе у него висел меч. Он их не заметил.

— Отойди от женщины! — крикнул Васен, замедлив шаг и приближаясь.

Голова мужчины резко повернулась, и его взгляд устоялся на Васене с Орсином. Его губы скривились от ярости. Он встал.

— Шадовар! Вы навлекли это на мой дом!

Прежде чем Васен смог ответить, мужчина с пугающей скоростью выхватил стрелу и выстрелил. Почти в тот самый миг, когда он спустил тетиву, Орсин прыгнул перед Васеном и перекатился. Васен испугался, что стрела вонзилась в него, но дэва встал на корточки, сжимая стрелу в кулаке.

— Он не шадовар, — сказал Орсин мужчине, который уже достал и наложил новую стрелу, прицелившись в грудь Васену.

Васен поднял свой щит с солнцем и розой в подтверждение этих слов. Он видел, что мужчина — жертва случившегося в деревне, а не виновник.

Мужчина шагнул к Васену, стрела по-прежнему была нацелена ему в грудь. Под глазами темнели круги. На лбу виднелся крупный фиолетовый синяк, из волос торчали стебельки травы. Его нос был сломан, а на бороде и усах запеклась кровь. Его губы были растянуты в оскале, обнажая зубы.

Орсин напрягся, как будто готовясь броситься на мужчину, но Васен просигналил ему не двигаться.

Медленно, как будто пытаясь успокоить встревоженное животное, Васен опустил свой меч и щит. Их мерцание угасло. Гнев Васена рассеялся, и тени, клубившиеся вокруг его тела, исчезли. Он стоял перед мужчиной обнажённый, уязвимый.

Не отрывая взгляда от лица Васена, мужчина подошёл к нему, пока остриё стрелы не коснулось нагрудника Васена. Слезы прочертили дорожки по грязи и крови на лице мужчины.

— Я не шадовар, — сказал Васен. — Мы пришли помочь.

Мужчина изучал его лицо, и Васен представил, как он должен выглядеть со стороны — со своей тёмной кожей и жёлтыми глазами.

— Ты не шадовар, — сказал мужчина пустым голосом. Натянутый лук заскрипел от напряжения.

— Мы здесь, чтобы помочь, — повторил Васен.

— Помочь, — повторил вслед за ним мужчина. Казалось, он оглушён. В его глазах выступили слёзы, и он громко сглотнул.

Глядя ему в глаза, Васен медленно потянулся и сомкнул пальцы на кончике стрелы.

— Чтобы помочь.

Слова, наконец, пробились через пелену. Мужчина посмотрел вниз на солнце и розу на щите Васена.

— Ты жрец?

— Я служу Амонатору, — ответил Васен.

Глаза мужчины переполнились слезами, но он, казалось, не обратил на это внимания. Отчаянная, болезненная надежда заменила слёзы и стала искать подтверждения в глазах Васена. Он ослабил тетиву, опустил лук, схватил Васена за плечи и принялся его отчаянно

трясти.

— Помоги ей. Пожалуйста.

Прежде чем Васен смог ответить, мужчина рухнул ему на руки и принялся всхлипывать, как будто напряжение, державшее его на ногах, наконец пропало.

— Пожалуйста, помоги моей жене. Помоги ей.

Васен позволил эмоциям мужчины свободно изливаться. Орсин с сочувствием в глазах посмотрел на него. Через какое-то время мужчина отстранился, встал на своих двоих, вытер лицо и нос, заметно пристыженный.

— Простите. Просто я. Мне нужно. Просто помогите ей.

Он потащил Васена к вязу, к своей жене.

— Как её зовут? — спросил Васен, опускаясь на колено, чтобы осмотреть бесчувственную женщину.

— Элли.

— А тебя?

— Герак.

— Я Васен. Это Орсин.

Длинные рыжие волосы женщины закрывали белую, как снег, кожу. Васен нагнулся, чтобы проверить её дыхание, и отдёргнулся от смрада из её рта.

— Что такое? — спросил Герак. — Что?

Васен покачал головой. Он снял свои рукавицы и взял её лицо в ладони. Она была горячее, лихорадила. Её глаза были открыты, но закатились. Он открыл её рот, заморгав от вони, и увидел остатки чёрной пленки, прилипшие к зубам и языку. В животе заворочалось беспокойство.

Он взял её за руку, направил силу Амонатора, оценивая её душу. Он немедленно оборвал связь, когда почувствовал там распространяющуюся порчу. Он попытался не выдать этого.

— Что ты делаешь? — спросил Герак.

— Пытаюсь помочь ей, — сказал Васен. Используя свой щит, как фокус, он поднёс ладонь к Элли и взмолился Амонатору. Когда щит засиял и его ладонь согрелась, он взял Элли за руку и позволил энергии потечь сквозь тело женщины, но увидел, что это ничего не изменило. Когда он закончил, её по-прежнему лихорадило. Он решил, что знает, почему. Тут не в силах был помочь даже более сложный ритуал. Это было за гранью возможностей Васена. Может быть, ей мог помочь Оракул. Может быть.

— Как долго она в таком состоянии? — спросил он Герака.

Герак прочистил горло.

— Не знаю точно. Несколько часов. Это сработало? Что ты сделал?

Он опустил на колени и взял руку жены.

— Элли? Очнись, милая.

— Давайте занесём её внутрь, — сказал Васен, обменявшись многозначительным взглядом с Орсином. Дэва понял, что он хочет сказать, и вздохнул.

— Да, конечно, — сказал Герак и указал рукой. — Наш дом там. Пойдёмте.

Отводя взгляд от мертвецов, Герак провёл их в дом с одним помещением, где слабо пахло овощным рагу. Пол был устлан большим ковром, в качестве сидений выступала самодельная мебель.

Пока Орсин разводил огонь, Васен и Герак уложили Элли на кровать и укрыли её одеялом.

— Ты дома, Элли, — сказал Герак, погладив её по волосам. Он опустился и поцеловал её в лоб.

Герак подтащил к кровати кресло и сел. Васен остался стоять, чувствуя свою тень, которую бросил на стену огонь в очаге.

— Что здесь произошло, Герак? — спросил он.

Не отпуская руки Элли, Герак рассказал ему всё: как он покинул Фэйрелм на несколько дней, чтобы поохотиться, как на него напало существо, которое раньше было Лани Рабб.

— Ты говоришь, что её превратили? — спросил Васен, глядя на Элли и делая выводы.

Герак сглотнул, кивнул.

— В ужасное, искажённое существо. Бедная девочка.

— Продолжай.

Герак объяснил, как он поспешил в деревню и обнаружил, что почти все здесь за исключением его жены мертвы. Он рассказал им о двух мужчинах, одном уродливом и покалеченном, втором — массивном и неопрятном. Рассказал им про Минсера и про кошек.

— Кошки?

— Да. Множество кошек крутились вокруг него. Они были не из деревни. Они казались дикими, крупнее обычных. Я навёл стрелу на тощего, но массивный застал меня врасплох и оставил это.

Он указал на фиолетовый синяк у себя на лбу и на сломанный нос.

Васен выслушал это, обдумывая полученную информацию.

— Почему? — спросил Орсин. Он сидел в кресле, сложив руки на коленях.

Герак посмотрел на него так, будто дэва заговорил на чужом языке.

— Почему что? Почему они это сделали. Не знаю. Откуда мне знать?

— У людей всегда есть причины, — сказал Орсин.

— Сотворить такое с деревней люди не смогли бы, — заметил Васен.

— Не в одиночку, — согласился Орсин.

— Её лихорадка не прекращается, — сказал Герак, указывая на Элли. — Когда она поправится?

Васен посмотрел на него — не говоря ничего и в то же время говоря всё.

— Она... поправится? — настороженно спросил Герак.

— Не думаю, что причина её болезни — в теле. Это в её душе, — тихо сказал Васен.

— Душе? О чём ты?

— Герак, я думаю, они что-то поместили в неё.

— Нет, нет, нет, — замотал головой Герак.

— Я чувствую это. И... оно растёт...

— Нет, нет.

— ...и боюсь, именно то, что произошло с Лани...

Голос Герака стал громче, и он стукнул ладонью по рукоятке кресла.

— Нет!

— ...случится и с твоей женой. Я не могу это остановить.

Наступила тишина, нарушаемая лишь треском огня и звуком тяжёлого дыхания Герака. Какое-то время он смотрел на Васена, широко раскрыв глаза, как будто отупев от его слов. Он не плакал. Наверное, уже потратил все слёзы, что у него были. Он сложил ладони под подбородком, будто в мольбе.

— Только не моя Элли, — сказал он мягким, как шёлк, голосом.

— Если превращение пойдёт своим чередом... — начал Васен.

Герак поднял руку.

— Не смей говорить то, о чём ты думаешь, в моём доме, в её доме. Не смей.

— Я думал не об этом, — сказал Васен.

Глаза Герака распахнулись, как будто он удивился тому, что на самом деле *сам* об этом думал.

— Что сможет её исцелить? Другой из твоего ордена?

— На это нет времени...

— Ты этого не знаешь! — сказал Герак, наполовину встав с кресла. Потом, уже тише:

— Ты этого не знаешь.

Васен признал его правоту, склонив голову. Он не знал.

— Она носит нашего ребёнка, — сказал Герак дрожащим голосом. Он посмотрел на Васена так, будто эти слова были обвинением.

Васен не собирался сдаваться. Он знал, что не повернётся спиной к Гераку, к Элли, к их ребёнку. Возможно, Элли и ребёнок смогут продержаться достаточно, чтобы успеть попасть в аббатство.

— Оракул может помочь ей, — сказал Васен.

Герак непонимающе посмотрел на него. Наконец он сказал:

— Оракул? Тот самый Оракул? Провидец долины?

Васен кивнул.

— Значит... вы двое из аббатства Розы?

Васен снова кивнул. Орсин промолчал.

Герак откинулся в кресле, шумно выдохнул сквозь сжатые зубы.

— Минсер.

Это имя показалось Васену смутно знакомым.

— Минсер? — спросил Орсин.

— Коробейник. Он...

— Толстый, усатый, улыбчивый, — сказал Васен, наконец вспомнив. — Он однажды совершил паломничество в аббатство. Его тётя была больна.

Герак кивнул.

— Двое мужчин забрали его с собой. Они хотели, чтобы он отвёл их в аббатство.

Васен привстал в кресле.

— Что? Зачем?

— Минсер сказал, что один из них ищет Оракула.

Васен встал полностью, вокруг него клубились тени.

— Что ему нужно от Оракула?

— Я... не знаю.

— Мне нужно вернуться в аббатство, — сказал Васен. — И быстро.

— Я тоже иду, — сказал, вставая, Герак. — И Элли.

— Герак, — сказал Васен, пытаясь очень аккуратно сформулировать свою мысль, — мне нужно двигаться очень быстро.

— Значит, будем двигаться быстро. Я знаю местность лучше кого-либо другого.

— Герак... У Герака на лице появилось такое выражение, как будто он ожидал удара.

— Даже не смей говорить это. Не смей. Ты слуга света. Не говори это.

Васен почувствовал на себе взгляд Орсина, почувствовал вес слов, которые сказал

Бирну, прежде чем отправиться в Фэйрелм — его призвание заключалось в чём-то большем, чем просто сопровождение паломников.

— Я помогу тебе нести её, — сказал Васен. — Пойдём как можно быстрее.

— Я тоже помогу, — сказал Орсин, поднимаясь.

Вместе трое мужчин быстро собрали импровизированные носилки для Элли и понесли её за собой.

— Это были хорошие люди, — сказал Герак, когда они проходили по улицам деревни, мимо мёртвых.

— У нас нет времени позаботиться о телах, — сказал Васен. — Я помолился над каждым, если это сможет послужить тебе утешением.

Герак ничего на это не ответил, и Васен не мог его винить. Сложно было найти хоть какое-то утешение в разрушении Фэйрелма.

Глава девятая

Они тащили за собой волокушу с Элли и двигались так быстро, как только могли. Завидев их, Бирн поднял руку в приветствии. Васен махнул в ответ, и Бирн поспешил встретить их. Его взгляд упал на Герака, на больную женщину, Элли, и он вопросительно поднял брови.

Васен не тратил зря слов.

— В деревне все мертвы, кроме этих двух.

Бирн помрачнел, хотя не казался удивлённым.

— Опускается тьма. Мне жаль, — сказал он Гераку. — Женщина?

— Моя жена, — ответил Герак. — Она... больна.

Васен сказал:

— Виновники идут в аббатство.

Это заставило Бирна вздрогнуть.

— Аббатство? Зачем?

— Они ищут Оракула. Зачем, я не знаю.

— Если они попадут на перевал, духи их остановят.

— Может быть, — ответил Васен, — но рисковать я не собираюсь. Ты не видел, что творится в деревне, Бирн. Это вовсе не обычные люди.

Бирн посмотрел Васену в глаза.

— Что ж, хорошо. Тогда мы остановим их вместе. Пойдём.

Бирн обернулся, но Васен схватил его за плечо и развернул обратно.

— Их остановим мы, — сказал Васен, кивая на Орсина. — Ты должен остаться с паломниками, Бирн.

Бирн сощурился. Он пожевал усы, сплюнул и сказал:

— Как и ты, первый клинок, я поклялся защищать Оракула.

— И мы также приняли поручение Оракула защищать паломников Амонатора. Ты оставишь их на сембийских равнинах? Позволишь им самим искать путь через проведённые в Долинах линии фронта?

Бирн покраснел, снова принялся жевать усы, переминаясь с ноги на ногу.

— Говори, — сказал Васен, и Бирн сказал.

— Тогда оставайся с паломниками ты, — сказал Бирн. — Ты создание мрака, первый клинок. Ты лучше меня сумеешь провести их через него. Даже сейчас с твоей кожи сочатся тени. Даже сейчас ты...

Слишком поздно Бирн осознал, что именно он говорит. Его глаза расширились.

Тени закружились вокруг Васена, но он сохранил безразличное выражение на лице. Он много раз слышал подобные слова или видел их написанными на лицах его товарищей, мечей рассвета. Он был первым клинком, но всегда оставался для них чужим. Как и Орсин, он был паствой из одного человека.

— Я стою в свете, Бирн Ниив. Так же, как и ты.

— Мне жаль, — сказал, краснея, Бирн, но Васен проигнорировал его и продолжал:

— Меня определяет вера, а не моя кровь.

— Я знаю, первый...

— И я служил аббатству и Оракулу куда дольше тебя.

— Да...

Голос Васена становился громче.

— Это моё решение, и ты ему подчинишься.

— Конечно.

— Ты останешься с паломниками.

— Да, первый клинок, — сказал пристыженный Бирн.

Грудь Васена тяжело вздымалась. Вокруг него бурлили тени, почти касаясь Бирна. Он закрыл глаза, глубоко вздохнул и успокоил себя.

— Прости меня, — сказал Бирн, глядя чуть в сторону от лица Васена. — Я говорил опрометчиво, гневно, и сожалею об этом.

— Слова не мечи, Бирн, — ответил Васен. — Я не ранен, и всё забыто.

Бирн расслабился.

— Продолжайте двигаться так быстро, как только смогут паломники. Сейчас Шадовар уже должны знать, что мы где-то здесь. Высматривайте патрули. Высматривайте солдат, когда приблизитесь к Долинам.

Бирн кивнул.

— После того, как ты отведёшь паломников в безопасность, возвращайся в Фэйрелм и позаботься о телах, насколько сумеешь. Они заслуживают того покоя, который мы можем им дать.

— Хорошо, первый клинок.

— Да сохранит тебя свет, — сказал ему Васен.

— И тебя, — ответил Бирн, покраснев.

Несмотря на резкие слова, они обнялись. Васен шагнул к паломникам, но Бирн положил руку на его нагрудник, чтобы остановить.

— Оракул когда-либо делал для тебя предсказание, первый клинок?

— Конечно.

— Что он сказал?

Вопрос застал Васена врасплох.

— То, что предсказал Оракул, личное дело каждого, Бирн.

— Он сказал мне, что я не умру, пока будет стоять аббатство. Таковы были его слова.

Васен сглотнул, кивнул.

— Я не знаю, что с этим делать, — признался Бирн.

— Я тоже, — отозвался Васен. — Позволь мне сказать паломникам, что я уйду.

— Конечно.

Объяснив положение вещей пилигримам, Васен сказал:

— Бирн, Эдрис и Налд позаботятся о том, чтобы вы попали на север. Бояться нечего. Да сохранит и согреет вас свет.

Пилигримы сбивчиво ответили на его пожелание, и он повернулся, чтобы уйти, прежде чем они начнут задавать вопросы. Лёгкое прикосновение к запястью заставило Васена обернуться. Там стояла Элора, на её лице было написано беспокойство. Её рука соскользнула, чтобы взять руку Васена.

— Ты сверкаешь, меч рассвета. Несмотря на твои тени. Помни об этом. Хотела бы я, чтобы вы познакомились с моим мужем. Он был хорошим человеком. Как ты.

Её слова тронули его. Он наклонился, взял её лицо в ладони и поцеловал в лоб.

— Спасибо тебе, Элора.

— Я рада, что мы повстречались, — сказала она.

— И я.

— Я тебя не забуду, — сказала она.

— А я тебя, — сказал он и взъерошил волосы Нолла. — И тебя. Береги мать.

— Обязательно, добрый сэр.

И с этим он пошёл обратно к Орсину и Гераку.

— Пойдём.

Прежде чем они отправились в путь, Орсин начертил своим посохом изогнутую черту в грязи перед ними.

— Что это такое? — спросил Герак. — Горизонт?

— Своего рода, — сказал Орсин, и они перешагнули черту.

— Рассвет или закат? — спросил Герак.

— Скоро увидим, — ответил Орсин, и они отправились в путь.

Когда они отошли примерно на расстояние броска копья, Васен обернулся, чтобы взглянуть на паломников. Они готовились выступить, но Бирн стоял в сторонке. Он поднял руку, прощаясь. Васен ответил тем же и отвернулся.

Они двигались так быстро, как только могли, но волокуша с Элли замедляла их.

— Мы идём недостаточно быстро, — сказал Герак, вытирая пот со лба. — Но мы не будем её бросать, Васен.

— Конечно нет, — сказал Васен.

— Как далеко до аббатства? — спросил Герак.

— Два дня быстрым маршем, — сказал Васен. — Нашим темпом — три.

Герак посмотрел на бледную жену, лежащую на носилках.

— Она беременна. Я тебе говорил? Мы долго не могли зачать. Она была так счастлива, когда узнала...

— Я немного потащу волокушу, — сказал Орсин.

— Сам? — спросил Васен.

— Да, — ответил Орсин. Герак шёл рядом с носилками, кончиками пальцев касаясь руки Элли.

Васен понял, что произошло, и знал, что Орсин тоже это понял.

Герак сделал первые шаги к тому, чтобы сказать «прощай» своей жене и ребёнку.

* * *

Сембийские равнины казались одинаковыми во всех направлениях — кнут-трава с редкими рощами да лесами — так что Васен не решился отклоняться от известного ему маршрута. Используя вехи, которым он следовал много раз, он шёл по маршруту, которым привёл паломников в Фэйрелм. Трое мужчин несли волокушу с Элли, каждый час меняясь, хотя Орсин брал на себя дополнительные смены. Выносливость дэвы была сверхъестественной. Герак и Васен в конце своих смен потели и задыхались. Орсин пожимал плечами и улыбался.

Поздним днём, когда был его черёд тащить Элли, Васен заметил движение под укрывавшим её одеялом.

— Осторожно! — сказал он, опустил волокушу, достал меч и откинул одеяло.

— О боги, — воскликнул Герак.

Её ноги раздулись вдвое. Их расчертила паутина пульсирующих чёрных вен. Её живот разбух и колыхался, как будто что-то внутри неё двигалось. Герак упал рядом с ней на колени и взял её руку в свою, прижал ко лбу. Он не плакал, и Васену это показалось немного зловещим.

— Ты можешь что-нибудь сделать для неё? — спросил Герак через плечо. В его голосе не было надежды.

— Не думаю, — Васен опустился рядом с Гераком и тихо сказал:

— Мне жаль.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Всхлипы наконец пробились через выдержку Герака.

— Как ты думаешь, ей больно?

— Не думаю, нет.

Герак кивнул, снова укрыл её одеялом и встал.

— Продолжим путь.

— Да, — сказал Васен, в глазах которого тоже проступили слёзы. — Продолжим путь. Мы не сдаёмся.

Следующие несколько часов тело Элли продолжало изменяться. Её кожа потемнела, затем загрубела. На теле выросли гребни и чешуя. Тело растягивалось, утолщалось. Волосы выпали клочьями. Васен не пытался даже представить, что происходит с её ребёнком. Он молился, чтобы ребёнок погиб.

Всё это время трое мужчин шагали в молчании, никто не осмеливался сказать то, что нужно было сказать.

Наступила ночь, и равнину окутал непроницаемый мрак, но они не останавливались. Тучи закрывали звёзды, и лишь благодаря тому, что её свет оставил жёлтое пятно в небе, Васен мог определить местоположение Селун. Герак часто спотыкался в темноте, ругался, его дыхание было громким и тяжёлым.

Спустя какое-то время разум Васена затуманился от усталости, он едва мог стоять на ногах. Грудь Герака вздымалась, как кузнечные меха. Даже Орсин устало опирался на свой посох, и его оптимизм стал вымученным.

— Нам нужно передохнуть, — сказал Васен, и никто не стал спорить.

Орсин опустил волокушу с Элли на землю и провёл своим посохом черту вокруг их лагеря. Герак собрал растопку, вырыл яму, чтобы скрыть пламя, ударил кремнем по огниву и скоро разжёл небольшой костёр. Во мраке огонь было видно всего на расстояние броска кинжала. Он уложил носилки с Элли рядом с костром. В свете огня она казалась пугающей, тени играли на её изуродованном, раздутом теле.

Они перекусили вяленным мясом и хлебом из рюкзака Васена. Герак попытался накормить Элли, но она не могла есть. Он накапал воды в её перекошенный рот, разложил свою скатку на земле рядом с ней и попытался уснуть. Всё это время его лицо казалось пустым.

Васен сел перед костром и долго смотрел через пламя на Герака и Элли. Орсин устроился напротив, не шевелясь, и Васен решил, что он, наверное, уснул. Но Орсин не спал, и спустя какое-то время достал маленькую флейту из своей поклажи и начал играть тихую, простую мелодию, напомнившую Васену об облаках.

— Я не знал, что ты умеешь играть, — сказал Васен.

— Я нечасто это делаю, — ответил Орсин. — Только когда мне грустно.

Веки Васена отяжелели. Он откинулся назад и поплыл на звуках мелодии Орсина.

— Я рад, что ты решил сопровождать меня назад в аббатство, — сказал он дэве.

— Мы часто странствовали вместе, Васен Кейл. В другую эпоху мы бок о бок вошли в вулканическое логово Герастафана Драконьего Мудреца, хотя тогда у нас были другие имена.

Васен не знал, верит ли Орсину, но он нашел эту мысль успокаивающей.

— Души не перерождаются, Орсин, — сказал Васен. — Дух уходит в царства бессмертия.

— Что ты знаешь о реинкарнации, Васен Кейл?

— Реинкарнации? — хмыкнул Васен. — Скажу, что незнаком с ней.

— Может быть, ты знаком с ней лучше, чем думаешь. Мы уже сражались вместе ранее, ты и я. Часто.

Одолеваемый сном, Васен невнятно пробормотал:

— Кажется, будем сражаться снова. Скоро.

* * *

Из сна Васена вырвали крики. Он вскочил на ноги с колотящимся сердцем и мечом в руке. Адреналин прояснил его разум. Орсин был уже на ногах и держал посох. Герак тоже стоял, глядя на Элли с потрясённым видом.

Кричала она.

Звук напомнил Васену пойманное в капкан животное — одновременно вопль ужаса и боли. Странно, но тело её совсем не двигалось. Она просто открыла рот и завывала, а остальные части были неподвижны, как камень. Её глаза были открыты, но пусты и красны от крови.

Герак даже не взглянул на Орсина и Васена. Он опустился на колени рядом с женой и прижал два пальца к её губам.

— Тихо, милая. Всё хорошо. Тихо. Тихо.

Васен не знал, отреагировала ли Элли на Герака, но её крики утратили громкость, превратились в жалкий, хриплый стон, а потом и вовсе прекратились. Её глаза и рот оставались открыты.

— Шшш, — сказал Герак. — Шшш.

За ночь зубы Элли удлинились и почернели. Тёмный ихор запёкся в уголках её глаз. Её грудь поднималась и опускалась с частотой загнанного зверя.

Герак положил голову на грудь Элли и заплакал, как ребёнок. Васен стиснул от злости кулаки, не в силах сделать хоть что-нибудь. Орсин смотрел на происходящее, его руки сжимали не посох, как обычно, а флейту.

Костёр прогорел до углей. Васен решил, что они проспали несколько часов. Он надеялся, что крик Элли не привлечёт хищников.

Спустя какое-то время Герак достаточно взял себя в руки, чтобы наклониться ближе и зашептать Элли что-то на ухо. Она ничем не выдала, что слышит его. Герак встал, вытер слёзы и сопли, посмотрел на Васена.

— До Оракула остался день пути? — спросил он.

Васен кивнул.

Герак сгорбился на мгновение, но заставил себя выпрямиться.

— Нужно остричь мне волосы.

Васен не понял. Должно быть, выражение лица это выдало.

— Слишком длинные, — пояснил Герак.

Васен по-прежнему не понимал.

— Герак...

Герак достал маленький ножик для снятия шкур и встал над женой. Он посмотрел на неё пустыми глазами. Нож повис в его руке.

— Я обрежу их так, как тебе нравится, милая. Именно так.

С этими словами он собрал в руку свои тёмные волосы и принялся срезать их неравномерными клочьями. Его лицо пошло пятнами, глаза были на мокром месте, но он пытался улыбаться жене, пока работал ножом.

Васен следил, как волосы сыпятся на землю, и чувствовал себя так, будто наблюдает за убийством. Он покосился на Орсина, который казался таким же растерянным, как и он сам.

Когда Герак закончил, его руки тряслись. Он встал рядом с женой и принял позу, как будто позируя для портрета.

— Видишь, милая? Так, как тебе нравится. Он по-прежнему дрожал, дышал быстро и тяжело. Он опустился рядом с ней на колени, нагнулся и поцеловал в щёку. Затем зашептал ей на ухо, прижав лезвие ножа к её горлу.

Пришло понимание. Тени за клубились вокруг Васена. Он шагнул вперёд, остановился, не смея заговорить.

Наконец, слёзы преодолели решимость Герака и потекли из глаз.

— Я люблю тебя, Элли, — сказал он и перерезал ей горло.

Потекла кровь, не красная, чёрная и воняющая гнилью. Элли не шевельнулась.

— Я люблю тебя, — сказал Герак, пока текла кровь. — Я люблю тебя.

В последние мгновения кровь вытекла из горла несколькими слабыми толчками. Герак встал и закрыл рукой её глаза. Его собственные глаза были открыты, но Васен понимал, что он ничего не видит. Свет покинул его. Он повернулся, бросил нож и пошёл прочь от лагеря.

— Герак, — позвал Васен.

Герак замедлил шаг, но не обернулся.

— Можете... позаботиться о ней? — сказал он. — Я не могу. Не могу, Васен.

— Я... конечно, — ответил Васен.

Герак кивнул и пошёл дальше. Мрак Сембии поглотил его.

— Ему не стоит быть там одному, — сказал Васену Орсин.

— Он будет один, куда бы не отправился, — сказал Васен.

— Сейчас да, — согласился Орсин. Он провёл черту на земле вокруг тела Элли.

— Конец? — спросил Васен.

— Грустный конец, — согласился Орсин.

— Поможешь мне?

— Конечно.

Они слышали, как Герак начал выть во мраке, длинным воем безнадёжности и отчаяния и гнева, преследовавшими Васена, пока они с Орсином собирали дрова для погребального костра. Они сложили их поодаль от лагеря, и когда дров набралось достаточно, они подняли на них тело Элли и воспользовались углями прежнего костра, чтобы разжечь новый. Дерево

загорелось быстро. Густой чёрный дым взвился в небо и затерялся среди савана мрака.

Двое мужчин стояли в свете костра, отдавая почести женщине, которую они не знали, и ребёнку, которому не суждено было появиться на свет. Васен прочитал молитву, хотя её слова казались слишком мелкими для такого случая. Орсин сыграл на флейте.

Спустя какое-то время вернулся Герак. Он встал рядом с ними в свете костра. Они втроём смотрели, как горит тело Элли.

— После самой тёмной ночи наступает заря и свет, — сказал Гераку Васен.

— Я не из вашей паствы, — отозвался Герак. — Избавь меня от банальностей. Свет и тьма давно покинули это королевство, а теперь — и мою жизнь.

— Мне жаль, — сказал Васен.

— Знаю, — уже мягче отозвался Герак, опустив голову. — Я благодарен тебе за попытку спасти её.

Васен промолчал, просто стоял рядом с Гераком.

— Я принёс пищу, — сказал Герак. Он поднял двух кроликов, которых, должно быть, подстрелил на равнинах.

— Сначала нам нужно покинуть это место, — ответил Васен. — Костёр мог привлечь внимание.

Они свернули лагерь и выступили в ночь. Спустя примерно два часа Васен скомандовал остановку.

В молчании Герак развёл в яме новый костёр, умело освежевал кроликов, насадил их на прутья и вскоре уже жарил дичь. Во время еды Орсин заговорил о своей вере в прошлые жизни, о том, что близкие люди могут снова и снова встречаться сквозь время.

— Значит... я могу снова повстречать Элли? — спросил Герак. — В другой жизни?

— Да, — сказал Орсин. — Многие жизни крепко связаны друг с другом.

Он посмотрел на Васена.

— Я её узнаю? — спросил Герак. — А она меня?

Орсин улыбнулся, обошёл костёр, подтянул к себе Герака и поцеловал его в лоб.

— Думаю, что узнаешь, Герак из Фэйрелма. Не оставляй эту надежду. Но сейчас мы ходим по этому миру, мы трое. Вместе. Да?

Герак посмотрел в огонь.

— Да.

Когда Орсин вернулся на место, Герак сказал:

— Я должен убить людей, которые это совершили.

— Да, — ответил Васен. — Да, должен.

* * *

Ривен сидел на полу, скрестив ноги, сабли были обнажены и покоились на бедрах. Его девочки сидели рядом, тепло их тел согревало его. Снова и снова он проигрывал в разуме всё, что знал, и всё равно чувствовал, что знает недостаточно, что что-то он упустил.

Но было слишком поздно для игры в угадку. Всё пришло в движение. Либо он разыграл свои карты правильно, либо обрёл их всех на погибель.

Он чувствовал тени вокруг себя, тени на равнине снаружи, что тянулась на многие мили. Он чувствовал коренную нежить Царства Теней, призраков, теней и духов —

обитающие во мраке около цитадели тысячи нежити. Они тоже знали, что что-то грядёт.

Его девочки почувствовали это вместе с ним. Он ощутил, как на равнине перед цитаделью открываются порталы, дюжины порталов, каждый — удар в его сознании. Он почувствовал, как через них проходят его враги и собираются на равнине всем своим войском.

Мефистофель наконец проиграл битву со своим нетерпением. Или, может быть, это Асмодей наконец потерял терпение и заставил владыку восьмого круга действовать.

Его девочки поднялись, обнажив клыки, и зарычали. Вставая, он погладил их.

— Всё будет хорошо, девочки, — сказал он, надеясь, что прав. — Но вы обе остаётесь внутри.

Они лизнули его руки, заскулили от беспокойства.

— Шевелись, Васен Кейл, — пробормотал он.

Снаружи на равнине протрубили рога, сотни рогов, а вслед за ними раздался клич тысяч дьяволов, общий рёв, будто раскат грома. Его собаки в ответ завывали и прижались ближе к нему. Рога затрубили второй раз, третий, и армии Мефистофеля выстроились для встречи с ним и его войсками.

— Будьте прокляты вы и ваши рога, — сказал он и подошёл к ближайшему окну, чтобы посмотреть на гостей.

* * *

Теламонт опёрся на свой магический посох и выглянул из стеклостального окна своей башни-библиотеки. Пронизанный тенью воздух пропускал лишь отфильтрованный звёздный свет, но Теламонт видел достаточно хорошо. Перед ним протянулся город шейдов, густые джунгли его башен, куполов и сводчатых крыш, окутанных ночью. Это был его город, и он веками боролся и строил планы, чтобы сохранить его и его народ, в процессе... слишком часто идя на компромиссы.

— Что-то изменилось, Хадрун, — сказал он. — Этот мир движется под моими ногами.

За спиной прочистил горло его самый доверенный советник.

— Ваше всевышество?

Теламонт сделал одной рукой жест, тени с его кожи оставляли след за его движениями.

— В воздухе копится сила, течения мира идут странными курсами. Это тревожит меня уже много месяцев. Боги маневрируют, но с какой целью — я не знаю.

— Ваше всевышество, поэтому...

Теламонт нетерпеливо кивнул.

— Да, да, поэтому я и собираю Избранных. Я разыскиваю их, и находя, бросаю их в клетки, допрашиваю, пытаюсь прочесть историю меняющегося мира. И всё же вопросы остаются, а у меня по-прежнему нет ответов.

— Ваше всевышество, принц Бреннус, с его несравненным талантом прорицания, может...

Раздражённый жест Теламонта ножом обрезал фразу Хадруна, и она погибла в молчании.

— Принц Бреннус, — сказал Теламонт, — в последнее время... не в состоянии сосредоточиться.

Он смотрел, как патруль рыцарей-шадовар на везерабах пронзает тенистый воздух с

каждым ударом перепончатых крыльев.

— Возможно, вам стоит выбросить из головы эту тайну, ваше всевышество? Все Избранные, которых мы собрали, могут быть убиты в течение часа. Вам нужно сказать лишь слово и я сообщу руководству лагеря...

— Убивать их будет слишком поспешно. Многие из них даже не знают, кем они являются. Те, кто не понимает, какую роль им предстоит сыграть. Нет, пока мы оставим им жизнь и узнаем, что сможем. В конце концов, всё должно проясниться.

— Ваше всевышество, если мне дозволено быть откровенным...

Хадрун остановился, ожидая разрешения Теламонта.

— Продолжай, — сказал тот.

— Возможно, что сосредоточившись на Избранных, мы упустили из виду более мирские дела? Война в Долинах идёт хорошо, но с Кормиром и Миф Драннором ещё предстоит расправиться.

— О, война с Кормиром и эльфами скоро начнётся, — сказал Теламонт. — Идер жаждал этого. Наши войска готовы ко встрече с ними, но сначала надо полностью подавить сопротивление Долин. Но дела богов и Избранных, это что-то другое, что-то... большее. Мне нужно понять, что это, прежде чем события меня опередят.

— Должен ли я указать очевидное, ваше всевышество?

Теламонт ничего не ответил, но он знал, что сейчас последует.

— Есть Избранный, которого вы не заключили под арест и не допросили.

— Ривален, — сказал Теламонт, и вокруг них взметнулось облако теней.

— Да, — ответил Хадрун шёлковым голосом. — Вы посылали за ним, но он не ответил. Пока.

— Он придёт, — сказал Теламонт, думая о сыне, о сыне, которому он больше не доверял, о сыне, которого больше не понимал.

— Как скажете, ваше всевышество. Когда он придёт, возможно, с его новоприобретённой силой...

— С его украденной божественностью, ты хочешь сказать, — оборвал его Теламонт.

Тени снова забурлили.

— Как скажете, ваше всевышество, — ответил Хадрун с ясно слышимым сомнением. — В любом случае, если принц — и в самом деле полубог, возможно, он что-то знает о происходящем.

— Не думаю, Хадрун. Принц больше не может мыслить, как человек.

Не мыслит он и как владыка шейдов. Он потерял в нигилизме своей веры. Теламонт много раз следил за ним с помощью магии. Ривален на протяжении долгих дней неподвижно глядел в око Шар.

— Ваше всевышество, — сказал Хадрун. — Я допускаю, что принц Ривален не в себе но...

Теламонт лёгшим на разум весом, плотностью воздуха почувствовал, как в комнате проявляется присутствие Ривалена, как будто измерения комнаты поменялись, чтобы принять его. Должно быть, Хадрун тоже это почувствовал и охнул.

— Дитя, ты говоришь обо мне так, будто я не слышу каждого слова, — сказал Ривален.

— Дитя! — воскликнул Хадрун, брызгая слюной от ярости.

— Ты просил о моём присутствии, — сказал Теламонту Ривален, игнорируя Хадруна.

— Нет, — ответил Теламонт, не оборачиваясь, по-прежнему глядя на Тултантар. — Я

посылал за тобой.

Присутствие Ривалена в комнате стало ещё весомее, тяжелее. Тьма потемнела, каким-то образом сгустилась. Теламонт воспротивился импульсу мысленно пересчитать заклинания и печати, охранявшие его персону.

— Больше ты не посылаешь за мной, отец, — сказал Ривален. — Ты просишь о моём присутствии. И я прихожу, если пожелаю.

Хадрун достаточно пришёл в себя, чтобы сказать:

— Принц Ривален, вы должны обращаться к нему «ваше всевышество».

— А ты должен замолчать сейчас же, или я убью тебя на месте.

Хадрун снова охнул, но внял предостережению Ривалена и больше ничего не говорил.

Теламонт превратил своё лицо в маску и обернулся, чтобы встретиться с сыном.

Ривален нависал над комнатой. Хадрун рядом с ним действительно казался ребёнком. На остром лице Ривалена мецали его золотые глаза. Он унаследовал черты Теламонта, но кроме этого, у отца и сына было мало общего.

— Божественность сделала тебя невоспитанным, — сказал Теламонт.

— Принц Ривален никогда не был известен своим чувством такта, — добавил Хадрун.

Ривален повернулся к нему, занося руку, будто для удара. В его ладони собралась шипящая масса чёрной энергии.

Глаза Хадруна вспыхнули. Он моргнул, отступил на шаг, поднял перед собой посох в защитном жесте. Вены синего света пронизали кристалл на вершине посоха.

— Ривален! — крикнул Теламонт, ударив основанием собственного посоха по плиточному полу, результатом чего стал похожий на раскат грома звук. — Насилие не дозволено в этих палатах!

Ривален застыл, его сощуренные глаза застыли на Хадруне, разрушительный шар энергии потрескивал в его ладони.

— Твои дозволения больше не волнуют меня, отец. Ты не можешь остановить меня. Больше нет.

Теламонт позволил собраться его собственной силе. В воздухе возникли усики тени, зазмеились вокруг его рук, его посоха.

— Ты ошибаешься, дитя, — сказал он, но задумался, говорит ли Ривален правду. Он чувствовал силу в сыне. Теламонт не сомневался, что может ранить Ривалена, но сомневался, что сможет его убить.

— Он зашёл слишком далеко, ваше всевышество, — сказал Хадрун высокими голосом, быстро и тяжело дыша. Он не опустил свой посох и не прекратил действие защитного заклинания, зарождавшегося в кристальном навершии.

— Убирайся, прихвостень, — сказал Ривален. Шар энергии в его руке рассыпался в ничто.

— Ваше всевышество... — начал Хадрун.

Ривален сжал кулак, и кристалл в навершии посоха Хадруна со звучным хлопком рассыпался, на пол посыпались осколки. Тени потекли из наконечника пострадавшего посоха. Хадрун выругался, широко раскрыв глаза.

— Я сказал, убирайся, — повторил Ривален. — Ты здесь не нужен.

Глаза Хадруна запылали, но он проигнорировал Ривалена.

— Ваше всевышество?

— Можешь идти, Хадрун, — сказал Теламонт, глядя на сына.

Советник поклонился Теламонту, демонстративно проигнорировал Ривалена, и вышел из палаты. Теламонт знал, что Хадрун остался сразу за дверями с отрядом элитных воинов-шадовар, готовых действовать, если в них возникнет нужда.

— Ты был необоснованно груб с ним, — сказал Теламонт.

— Он дурак, — Ривален прошёл мимо отца к стеклосталевому окну, из которого открывался вид на Тултантар. — Мы так отчаянно сражались, чтобы сохранить всё это, после того как сбежали от краха Нетерила в Царство Тени.

— Да, — согласился Теламонт. — А вернувшись в Фаэрун, мы отчаянно сражались, чтобы расширить нашу власть. Ты был незаменим.

Ривален хмыкнул.

— Лъстишь, отец?

— Скорее, говорю правду, — ответил Теламонт. — И сейчас мне бы не помешала твоя помощь ещё разок.

Ривален повернулся лицом к нему. Тени кружились вокруг него, ленивые, как ласка любовника.

— С Избранными, богами и их замыслами?

— Ты тоже это чувствуешь? — спросил Теламонт, на мгновение удивившись. — Ну конечно же, чувствуешь.

— Это пустяки, — сказал Ривален, сделав небрежный жест.

— Объясни, — потребовал Теламонт, раздражённый тем, что кто-то осмелился назвать то, о чём он заговорил, «пустяками».

— Это бессмысленно. Всё это. Всё.

Ривален жестикулировал, отвечая отцу, в его голосе нарастал гнев, в ладонях собиралась сила

— Игра в которую ты играешь с Избранными, богами, со своей империей. Это пустяки. Разве ты не видишь? Мы потратили на это тысячи лет, и ради чего?

— Ради чего? — воскликнул Теламонт, шагнув к Ривалену. Проснулся его собственный гнев.

— Ради выживания. А потом ради империи.

Кулаки и челюсть Ривалена сжались. Тени взвихрились вокруг него.

— Оба не значат ничего. Оба всегда ничего не значили.

Он хмыкнул, и в этом смешке прозвучало безумие.

— Всё заканчивается. Этот мир. Боги. Их Избранные. Они хватаются за призраков Цикл Ночи уже начался и закончиться может лишь единственным способом. Сейчас уже не остаётся ничего, кроме как сыграть наши роли.

Озадачанность отодвинула гнев Теламонта на второй план.

— Ты думаешь, мир подходит к концу?

— Нет, — ответил Ривален. Он сунул руки в карманы плаща, и его глаза вспыхнули уверенностью безумца. — *Я знаю*, что мир подходит к концу. И я знаю, как это случится. Так что можешь продолжать строить планы и заговоры в своей одержимости богами и их Избранными. Перед самым концом ты увидишь всё так, как вижу я. Этот мир — уже труп. Ему осталось только сгнить.

Теламонт долгое мгновение смотрел на сына. Он понял, что ничего от Ривалена не добьётся. Его сын был полностью потерян в Шар, в нигилизме, в ничто.

— Тебе пора уходить, Ривален.

Губы Ривалена скривились в сардонической усмешке.

— Ты прав, отец. Сомневаюсь, что мы встретимся снова.

— Ты больше не собираешь монеты, ведь так, Ривален?

Ривален вынул руки из карманов и показал отцу пустые ладони.

— Зачем это мне? Что для меня монеты? Что для меня вообще жизнь?

— В самом деле, — сказал Теламонт, почувствовав глубокую печаль. Он утратил сына.

Его сын утратил себя.

Ривален неискренне, почти насмешливо поклонился.

— Прощайте, ваше всевышество.

Тьма окутала Ривалена, и он исчез, вернулся в Ордулин, к мыслям и планам, что преследовали его, к идеям, которые, похоже, свели его с ума.

Теламонт стоял один в центре помещения, размышляя о прошлом, о жене, о сыновьях, какими они были тысячи лет назад. Он вспомнил их, когда они были ещё детьми: смех Бреннуса, заразительный хохот Ривалена. Он вспомнил улыбку жены, вспомнил, каково это было — каждую ночь сжимать её в объятиях.

— Милорд? — окликнул Хадрун.

Потерявшись в своих мыслях, Теламонт не услышал, как Хадрун вернулся в помещение.

— Ты ни разу не встречался с Алашар, Хадрун.

— Ваше всевышество?

— Не обращай внимания, — сказал Теламонт, мягко улыбнувшись.

— Ваше всевышество, что с принцем Риваленом? Он поможет нам захватить Избранных?

— Нет, — ответил Теламонт, и его мысли стали суровее. — Ривален для нас потерян.

— Я... не понимаю. Что же тогда он будет делать?

Теламонт повернулся к своему самому доверенному советнику.

— Вопрос в том, чего он *не будет* делать.

Хадрун облизал губы, вонзил ноготь в повреждённый посох, который по-прежнему держал в руке.

— Я не понимаю, ваше всевышество.

Теламонт прошёл к окну и выглянул на Тултантар.

— Ривален хочет умереть, Хадрун, но сначала хочет убить весь мир.

* * *

Бреннус стоял за пюпитром из эбеного дерева в трёхэтажной библиотеке в своём доме в Саккорсе. В прошлом он проводил почти всё время в анклавe шейдов, но столица Нового Нетерила больше его не привлекала.

На полках, что тянулись от пола до потолка вдоль трех стен библиотеки, лежали книги и свитки из различных эпох фаэрунской истории — книги заклинаний, исследования по теории магии, хроники со всего континента, каталоги магических устройств, лексиконы демонических и дьявольских существ. Знание, хранившееся в материалах, что он собрал за эти века, любого мудреца могло на всю жизнь обеспечить работой.

В центре комнаты висел высокодетализированный глобус Торила, поддерживаемый в воздухе лишь магией. Его медленное вращение точно соответствовало вращению Торила. По

приказу Бреннуса шар мог показывать ландшафт Торила, его политические границы и города, или узор магии на планете — места, где она была сконцентрирована, места, где была мертва, расположение различных мест силы.

Резкий, пряный дымок поднимался от горящих в платиновой жаровне благовоний на столе рядом с глобусом. Его гомункулы сидели на столе по обе стороны жаровни, как крошечные гаргульи, полосуя когтями дым и хихикая, когда их руки разрезали полосы чёрного дыма на тонкие ленточки. Один прыгнул сквозь поднимающееся облачко дыма, потерял равновесие и упал со стола на пол. Второй истерично захохотал над неудачей собрата. Бреннус с полуулыбкой следил за ними, удивляясь, как конструкты, созданные из его собственной крови и сути, могут быть столь полны юмора и радости. Неужели и он был бы более склонен к подобным вещам, прими его жизнь иной оборот? Он помнил, что часто смеялся вместе с матерью, прежде чем она умерла.

Прежде чем её убили.

После этого он изменился. Он подчинился желаниям его всевышества, и вместо созидательной магии обратился к прорицанию. Он мог быть совсем другим человеком и жить совсем другой жизнью, если бы мать не погибла. Странно, как пустота может изменить жизнь. Ривален не просто убил их мать. Он убил человека, которым мог стать Бреннус.

Он окинул взглядом книги и свитки, сваленные на пюпитре, все из которых имели отношение к мёртвому богу Маску, его поклонникам, Эревису Кейлу, вере Амонатора, Кессону Релу и Циклу Ночи. Он чувствовал, что перед ним лежат все кусочки головоломки, но не мог сложить из них убедительную картинку.

Он что-то упускал.

Он упускал сына, сына Эревиса Кейла. Сын должен быть ключом.

— Запрос: Мефистофель, — сказал он и изменил слова с помощью магии.

Тени собрались в дюжинах мест по всей комнате и приняли форму сумрачных рук. Гомункулы посмотрели на руки, широко раскрыв глаза от этого простейшего заклинания. Каждая из магических рук подняла с полки книгу или свиток и положила на пюпитр перед Бреннусом. Отпустив свою ношу, руки снова растворялись в воздухе.

Гомункулы смотрели, как книги плывут по воздуху, и хлопали в ладоши от радости.

Следующие несколько часов Бреннус провёл, изучая всё, что мог. Он подкрепил свои обычные исследования магическими запросами к сущностям на Внешних планах. Он использовал заклятия, чтобы вытащить знание из информационных течений в эфире. Всё больше и больше кусочков складывались воедино.

Маск был вестником Шар на Ториле, и, вероятно, её сыном. Шар существовала во многих мирах, на многих планах, и её цель всюду была одной и той же — разрушение миров. Этот процесс, Цикл Ночи, прошёл на многих мирах, оставляя за собой ничто, и начался на Ториле. Дыра в центре Ордулина, дыра, возле которой Ривален проводил долгие часы, была семенем Цикла.

Но её рост, кажется, замедлился или остановился.

Несмотря на все свои попытки, Бреннус не смог обнаружить ни единого примера того, чтобы Цикл закончился где-то без полного уничтожения мира. Ни единого. Госпожа потерь убила миллиарды своим нигилизмом. И его брат это воплощал.

Мы уже мертвы, сказал Ривален.

Его брат убивал мир.

Бреннус ещё сильнее захотел смерти Ривалена.

Сторожевые конструкторы, стерёгшие дверь в библиотеку — костюмы древних латных доспехов, оживлённые и получившие рудиментарное сознание благодаря магии Бреннуса — пришли в движение и приняли наступательные стойки, подняв перед собой алебарды.

Сначала Бреннус подумал, что мог вернуться его брат, но заклинание сигнализации, зазвеневшее в голове, сказала ему, что это не так. Через несколько мгновений дверь в библиотеку распахнулась, открывая худую, укутанную тенью фигуру его старого мажордома, Лаарила.

Щитовые стражи шагнули к нему, угрожая своими алебардами.

Глаза Лаарила вспыхнули от удивления. Тени сомкнулись на его искусно сшитой и затейливо разукрашенной мантии.

— Эксперимент, — объяснил Бреннус. — Они почувствовали твой приход, когда ты прошёл через переднюю. Что случилось, Лаарил? Я занят.

Бреннус прошептал команду, которая вернула щитовых стражей в их нейтральные позиции по сторонам от двери.

— У меня есть новости, милорд, — сказал Лаарил. — Вернулся один из разведчиков.

От внимания Бреннуса не ускользнуло, что Лаарил сделал ударение на слове «один».

— Один? С остальными что-то произошло?

Лаарил переступил с ноги на ногу. Тени вокруг него закружились, выдавая его дискомфорт.

— Похоже на то. Думаю, пускай лучше сам выживший разведчик расскажет свою историю.

Гомункулы, наверняка ощутив разбуженный интерес Бреннуса, бросились через всю библиотеку, взобрались по его плащу и заняли привычное место на его плечах.

Лаарил тщательно игнорировал их, даже когда они показали ему свои языки.

— Привести его к вам, принц?

— Да, и прямо сейчас.

Бреннус деактивировал своих щитовых стражей прежде чем Лаарил вернулся с разведчиком. Бреннус порылся в памяти в поисках имени разведчика, нашёл его — Овит. Разведчик был на голову выше Лаарила, и может быть на одну ладонь ниже Бреннуса. Латные доспехи, пострадавшие во множестве битв, защищали его плотное тело. Однако на поясе висели пустые ножны. Он скрестил руки на груди и опустил на одно колено.

— Принц Бреннус.

Гомункулы на плечах Бреннуса повторили жест Овита.

— Можешь идти, Лаарил, — сказал Бреннус.

— Милорд, — попрощался Лаарил и покинул библиотеку, закрыв за собой дверь.

— Встань, Овит, — сказал разведчику Бреннус, и тот встал. — Лаарил говорит, тебе есть что рассказать.

Овит не смотрел Бреннусу в глаза, пока говорил.

— Мой принц, Кронил и я патрулировали сембийские равнины по вашему приказу в поисках любых следов аббатства Розы.

Бреннус отправил большое количество двоек разведчиков в сембийскую глубинку с приказом искать аббатство Розы и его Оракула. Он подозревал, что жизнь сына Эревиса Кейла была связана с солнцепоклонниками, но почти лишился надежды что-то обнаружить. На протяжении десятков лет его людям попадались лишь слухи.

— На пути обратно в Саккорс мы остановились, чтобы напоить везерабов.

— Где именно? Будь точен.

— У реки Драал, прежде чем она впадает в реку Аркен, приблизительно в пяти лигах к востоку от Грозовых вершин.

Бреннус протянул руку к глобусу и вложил в свои слова силу.

— Река Драал, пять лиг к востоку от Грозовых вершин.

Отвечая на приказ Бреннуса, глобус в центре библиотеки повернулся, чтобы показать названное место. Бреннус подошёл к шару, Овит — следом.

— Двадцать лиг во всех направлениях от этой точки, — сказал Бреннус. — Увеличить.

Глобус из сферы превратился в большой плоский прямоугольник, который показывал названный Бреннусом участок. Он отмечал реки, горы, его разум бешено работал.

— Продолжай, Овит.

— Пока мы поили везерабов, Кронил услышал какой-то настораживающий звук. Он заметил пещеру на другом берегу реки и перешёл туда, чтобы проверить. Тогда на нас напали.

— Нападающие появились из пещеры?

Овит кивнул.

— Люди или другие существа?

— Люди, милорд.

— Опиши их, их одежду, оружие, тактику. Не упускай ничего.

Подгоняемый точными вопросами Бреннуса, Овит объяснил, как их с Кронилом захватили врасплох четверо мужчин, каждый из которых был опытным бойцом. Овит не знал наверняка, но похоже, двое из них были людьми, один — дэвой, и ещё один...

— Шейд? — спросил Бреннус с бешено колотящимся сердцем.

— Да, принц Бреннус. Я знаю, как это звучит, но я видел его вблизи. Это был шейд. И всё же...

— Всё же?

— И всё же его оружием был свет. На его щите были роза и солнце. И он носил это.

Гомункулы нетерпеливо подались вперёд. Овит достал что-то из кошель на поясе и протянул перед собой.

На открытой ладони Овита лежала искусственная роза из серебра с несколькими звеньями ожерелья.

— Его священный символ, — сказал Овит. — Я сорвал его во время боя. По случайности, но, надеюсь, по счастливой.

— Ты даже не представляешь, насколько.

Тени вокруг Бреннуса замерли, когда он взял розу в руку, почувствовал её вес, холодное касание её металла. На розе виднелась царапина, обнажившая сверкающее серебро под слоем черноты.

Кусочки начали складываться воедино, начала проступать картина.

— Шейд, который поклоняется Амонатору.

— Похоже на то, мой принц. Аббатство существует, и мы бывали рядом с ним. Почему же ещё слуги Амонатора оказались в том месте?

— У них были верховые животные?

— Если и были, то я их не видел.

Бреннус изучал карту. Его внимание снова и снова возвращалось к Грозовым вершинам.

— И этот шейд, он шагал сквозь тени? — спросил Бреннус.

Овит покачал головой.

— Я этого не видел. Нет. Он пересёк реку вброд, чтобы добраться до меня, вместо того, чтобы шагнуть из одной тени в другую.

— Тьма заживляла его раны?

И снова Овит покачал головой. Неуверенность затуманила его черты лица.

— И этого я тоже не видел, но он был шейдом, лорд Бреннус. Клянусь вам. Может быть, не совсем таким, как мы, но шейдом. Я видел, как липнет к нему тьма, видел его глаза и его кожу.

— Полушейд, возможно, — сказал Бреннус, сжав серебряную розу в ладони. Полушейд, который был сыном Эревиса Кейла. Полной картины Бреннус по-прежнему не видел, но он только что нашёл новый кусочек головоломки.

— Милорд?

— Ничего. Сколько лет, по-твоему, было этому шейду?

Овит пожал плечами.

— Не могу сказать наверняка. Он был похож на мужчину лет тридцати.

Слишком молод, но он мог стареть очень медленно. Или мог быть внуком или даже правнуком Кейла, а не сыном.

— Кто-нибудь произносил его имя?

— Я не слышал.

Бреннус кивнул, лихорадочно размышляя и проводя связи.

— Ты хорошо справился, Овит. Возвращайся в казармы и оставайся там. Позднее у меня будут к тебе новые вопросы.

Овит снова положил руки на грудь и опустился на колени.

— Мой принц.

Когда Овит вышел из библиотеки, Бреннус окликнул его:

— Не рассказывай об этом никому. Я узнаю, если ты нарушишь этот приказ.

— Разумеется, лорд Бренус.

Когда Овит ушёл, Бреннус посмотрел на розу.

— Поймал.

* * *

Оракул, чьё восприятие сфокусировал пророческий дар Амонатора, шагал по залам аббатства. Брауни трусил у его ноги. Тапочки Оракула шуршали по полу из отполированного камня. Всюду он видел иконы своего покровителя — сияющее солнце на барельефах, изображение солнечных лучей на полу, стеклянные сферы, сияющие волшебным светом. И среди этих символов он всюду встречал розу, символ Латандера, рассветного облика Амонатора. Отец Оракула поклонялся Латандеру. Они выполняли одну и ту же работу, отец и сын. Каждый играл свою роль. Возможно, они прервут Цикл Ночи, по крайней мере, на Торице.

Прогулявшись по залам, он вернулся в свои скудно обставленные покои на втором этаже. В небольшой комнате находился его гардероб, кровать, груда старых одеял для Брауни, и молитвенный коврик на полу перед выходящим на восток окном. Он опустился на коврик и выглянул в окно. Брауни уселся на полу позади него, положив морду на лапы.

Оракул позволил своему воображению пронзить тучи мрака, представил золотой свет и синие небеса.

— Ночь уступает место рассвету, а рассвет — полудню. Пребывая в свете, не боюсь я тьмы.

Он взял свой священный символ, пылающее солнце из серебра, и поднял его в руке.

— Спасибо, что позволил мне служить, отец рассвета.

Он встал и подошёл к гардеробу. Внутри, под его зимним постельным бельём и плащом для путешествий, который он ни разу не надевал, лежал большой стальной щит. Пластина зачарованного металла и дерева носила шрамы множества битв, но изображённая на нём роза казалась недавно нарисованной. Щит принадлежал святому Абельяру. Его отец швырнул его в озеро, когда его вера временно пошатнулась из-за того, что Оракула, в то время маленького мальчишку, заставили страдать. Годы спустя, видение привело Оракула к озеру и он отыскал щит, зная, что должен хранить его в доверии к другому, чтобы щит помог ему в чёрный день.

День, который наконец наступил.

Он не видел, как это закончится. Временные отрезки богов тянулись слишком далеко в прошлое и будущее. Он видел только, как это начнётся. Он подозревал, что сегодняшние события произойдут в тени, а не в лучах света. Его дар плохо видел тёмные места.

Он поднял щит и взвесил его на руке. Щит казался прочным, твёрдым, непреодолимым, как отец, который носил его. Зачарование щита сохранило кожаные ремешки в целости даже спустя сотню лет. Он надел щит, но тот оказался слишком тяжёл, чтобы Оракул мог нести его одной рукой. Мягко улыбнувшись, он вытащил руку из ремешков. Он не был рождён для воинской стези. Он был рождён, чтобы стать проводником.

— Пойдём, Брауни.

Взяв с собой щит, они прошли по аббатству, мимо главного молитвенного зала в прилегающие жилые кельи. Оракул прошёл к келье Васена, такой же скудно обставленной, как его собственная.

В Васене он видел многое от себя. Они оба испытывали нужду служить другим. У обоих был отец, деяния которого написали много страниц в книге жизни сын. У них обоих было будто два сознания в одном теле. Но по крайней мере в одном важном отношении они различались.

— Ты воин, — сказал Оракул, и прислонил щит отца к рундуку в изножье кровати Васена. — Сражайся хорошо.

Думая об отце, он прошёл в гробницу святого в восточной башне. Он будет ждать слуг Мефистофеля здесь.

Глава десятая

Сэйид и Зиад быстро пересекали равнины, пронзая сумрачный воздух. Минсер пыхтел и спотыкался, задыхался и потел, но периодические подзатыльники Сэйида не позволяли замедлить шаг. Коты тоже подгоняли торговца.

— Что вы со мной сделаете, когда мы придём? — спросил коробейник. Зиад оглянулся на него.

— Там видно будет.

Напуганный взгляд Минсера упал на Сэйида, потом на кошек. Продолжая тяжело шагать, он беззвучно шептал молитвы.

— Ни один бог тебя уже не спасёт, коробейник, — сказал Сэйид. — До нас им не дотянуться.

— Ты можешь надеяться лишь на *моё* милосердие, — сказал Зиад и закашлялся.

Коты с надеждой и любопытством на злобных мордах поглядели на Зиада. Минсер заскулил, наверное, испугавшись, что его постигнет та же судьба, что и женщину в Фэйрелме. Но кашель Зиада прекратился без рвоты.

Минсер продолжал шептать молитвы. Впереди поднимались тёмные зазубренные пики Грозных вершин, похожие обнажённый хребет какого-то великанского зверя, достигающий, казалось, самого неба. Через час они вошли в предгорья. Ландшафт стал резко подниматься. Ущелья и расщелины изрезали горные склоны. Перевал, который они искали, мог находиться где угодно. Если бы не Минсер, они никогда не смогли бы его найти.

Минсер вёл их, опустив голову. Его воля была сломлена. От усталости он шатался и спотыкался.

— Ты уверен, что ведёшь нас верным путём? — спросил Сэйид, отвесив ему затрепину.

Минсер вздрогнул, пробормотал что-то неразборчивое и заковылял дальше. Время от времени он оглядывался вокруг, оценивая их местоположение.

— Отвечай, коробейник, — сказал Зиад, и новый приступ кашля одолел его.

Сэйид был удивлён, что брат снова кашляет так скоро после чистки. Болезнь внутри него, должно быть, не просто становилась хуже — с каждым прошедшим днём она развивалась всё быстрее и быстрее. Сэйид задумался — может быть, изменения в его собственном теле, которые принесла Волшебная Чума, тоже ухудшаются, просто он этого не замечает?

— Ты слышал его, — сказал Сэйид, толкнув Минсера на землю. — Ты говорил про перевал. Где он?

Минсер поднял голову, чтобы заговорить, но прежде чем он успел что-либо произнести, лицо коробейника позеленело и его вырвало. Он попытался закрыть рот, пока его рвало, но из-за этого рвота только полетела во все стороны. Стремительное путешествие не прошло для него даром. Захлёбываясь и задыхаясь, он указал на один из узких проходов в горах. Проход скорее был похож на расселину, чем на перевал.

— Если ты лжёшь... — начал Сэйид, позволив воображению Минсера закончить фразу за него.

Коробейник помотал головой, его двойной подбородок затрясся.

— Дай ему воды и заставь идти дальше, — сказал Зиад.

Сэйид протянул Минсеру бурдюк, и коробейник начал жадно пить.

— Поднимайся, — сказал Сэйид, и поставил толстяка на ноги с легкостью, с какой другой человек мог бы поднять ребёнка.

— Ты поведёшь нас через перевал.

Минсер замотал головой.

— Я не знаю дороги. Там был туман и...

— И что? — спросил Зиад.

— Ничего, — ответил Минсер, и Сэйид понял, что он лжёт.

— Сэйид, — Зиад кивнул на Минсера.

Сэйид подошёл к коробейнику, тот выставил перед собой руки, попятился и упал.

— Прошу, не надо!

— Тогда скажи мне правду, торговец.

На лице Минсера отразилась его внутренняя борьба, но страх в конце концов взял верх.

— Там были... духи в тумане.

Голос Зиада звучал низко и угрожающе.

— Духи-стражи?

— Я не вижу никакого тумана, — сказал Сэйид.

— И ты, наверное, думал, что эти духи тебя спасут? — спросил Минсера Зиад.

На это коробейник ничего не ответил. Он дрожал от страха всем телом. Мяукая, коты теснее сомкнулись вокруг него.

— Там нет тумана, — повторил Сэйид.

— Как давно ты проходил перевал? — спросил Зиад.

— Четыре года назад, — ответил Минсер.

— Тумана нет, — сказал Зиад, откашлявшись мокрым кашлем. — И сторожевых духов тоже.

— Нет? — переспросил Минсер голосом маленького мальчика.

— Нет, — подтвердил Зиад. — А значит, тебе нечего и надеяться сбежать. Пошевеливайся.

Сэйид потащил Минсера за воротник, и они вступили на перевал. По обеим сторонам поднимались узкие кривые склоны. Почти сразу же стали встречаться тоннели, трещины и другие естественные ответвления.

— Куда? — спросил Сэйид, встряхнув Минсера.

— Я не знаю, — сказал коробейник. — Я же сказал, здесь был туман. У нас были проводники.

— Кто?

— Слуги Амонатора, — сказал Зиад, опустившись перед булыжником. Он указал на камень, на котором виднелся вырезанный символ отца рассвета — пылающее солнце над сомкнувшей лепестки розой.

— Они поместили путь, — сказал Сэйид.

Зиад упёрся руками в колени и встал.

— Похоже на то. Минсер, там были другие метки?

— Был туман, но да. Время от времени они искали метки.

— Хорошо, — сказал Зиад. — Очень хорошо. С их помощью мы отыщем путь.

— И вы можете отпустить меня, — сказал Минсер. Дрожь в голосе выдавала его страх.

— Да, — согласился Зиад. — Ты нам больше не нужен. Получай свою свободу.

Он махнул рукой котам, те зашипели и бросились на коробейника. Минсер завизжал и

бросился прочь. Коты царапали и кусали его. Уставшие ноги торговца подкосились, и он упал. Коты бросились на него и принялись рвать его тело. Хлынула кровь, раздались крики.

— Уберите их! Уберите!

Сэйид наблюдал за убийством, ничего не ощущая. Зиад засмеялся, когда Минсер попытался схватить ближайший камень, чтобы ударить кота. Кот легко увернулся от неловкого удара и вонзил клыки в запястье Минсера.

— Сохрани меня свет! Сохрани свет!

Смерть корабника была медленной и мучительной. Его крики эхом отражались от поверхности гор. Коты, шерсть которых пропиталась человеческой кровью, смакуя, вылизывали изуродованное тело. Из пасти одной из кошек свисала оторванная нижняя губа.

Зиад снова опустился перед меткой Амонатора, пытаясь запечатлеть в памяти её очертания. Через миг он встал, достал из своего плаща жемчужину, раздробил её камнем и собрал полученный порошок в ладони. Он нашёл раздвоенную палку, осыпал её жемчужной пылью и произнёс слова прорицающего заклинания, которое Сэйид за прошедшие годы слышал не одну сотню раз.

— Исключая символ Амонатора на камне рядом со мной, — сказал Зиад. — Покажи мне ближайший такой символ.

Раздвоенная палка стала полупрозрачной и как будто заставила Зиادا развернуться, магия потащила его к следующей вехе.

— Пойдём, — взволнованно сказал Зиад.

— Сюда.

Братья оставили тело Минсера за спиной, и полагаясь на волшебство Зиада, принялись двигаться от вехи к вехе, прокладывая путь через горный лабиринт. С каждой пройденной вехой их волнение росло.

Они слышали рокот, который с каждым шагом становился всё громче — падающая вода. В конце концов, они сошли с перевала и перед ними распростёрлась окружённая горными склонами долина, длинное пятна зелени, рассечённое надвое неторопливой рекой, которую питали несколько водопадов. Тут и там в долине виднелись тёмные пятна.

Среди сосен у реки гнездились каменные здания. Сэйид видел расчищенную под огороды землю, сараи и другие пристройки, несколько загонов для скота и яблоневый сад. В центре этого комплекса возвышалось крупное здание — аббатство Розы, обитель Оракула.

Построенное из добытого в горах гранита, аббатство походило скорее на собор, чем на монастырь. Здание имело форму алмаза и включало в себя высокие башни в восточном и западном углах. Повсюду было стекло. Внутренние помещения могли бы купаться в свете сквозь большие окна — не только в стенах, но и на крыше, — если бы в окутанной ночью Сембии когда-нибудь бывало светло. Вдоль здания шла крытая галерея с тонкими колоннами. На втором этаже и в башнях виднелось несколько балконов. Местом для собраний служили вымощенные плиткой дворы с южной и северной стороны аббатства.

Некогда здание показалось бы Сэйиду красивым, изящным в очертаниях, несмотря на тяжёлый камень, из которого было построено. Либо строителям помогала магия, либо они потратили на возведение этого собора больше десятка лет.

— Там могут быть сотни жрецов и воинов.

— Я никого не вижу, — ответил Зиад высоким от волнения голосом.

Коты сидели у ног Зиада, не заинтересованные зрелищем, облизывая свои лапы. Они поднялись только тогда, когда Зиад выхаркнул комок чёрной слизи. Коты набросились на

мокроту и жадно сожрали её.

Сэйид тоже никого не видел. Аббатство казалось заброшенным, Оракул будто бы ушёл.

— Что, если он знал о нашем приходе? — спросил Сэйид. — Что, если он знал? Отчаяние нарастало в нём, искажённая природа Сэйида не могла избавить его от чёрной дыры, которую рождали несбывшиеся надежды.

— Зайти так далеко...

Зиад прочистил горло, сплюнул и зашагал вниз по склону к аббатству.

— Ещё ничего не кончилось.

* * *

Васен оглядывал небо, высматривая Саккорс или любой другой признак Шадовар, но ничего подозрительного не замечал. Когда они достигли того места, где сражались с разведчиками Шадовар, там ничего не оказалось. Везераб и мёртвый солдат исчезли.

— Нужно было спрятать тела или хотя бы оттащить их в другое место, — сказал Васен.

— Времени не было, — отозвался Орсин.

— Вы сражались здесь с шадовар? — спросил Герак, оглядывая местность. — Сколько их было?

— Двое, со своими везерабами, — сказал Орсин.

— И вы убили обоих?

— Нет, — ответил Васен. — Один сбежал.

Герак, похоже, задумался над этим, когда они поспешили дальше с удвоенной скоростью. От усилий Герак и Васен потели и задыхались, но Орсин шагал как ни в чём не бывало. Васен решил брать с дэвы пример и продолжил напрягать все силы. Скоро равнины сменились каменистыми предгорьями, и через несколько шагов даже сумрачный воздух не мог скрыть возвышающейся зазубренной громады поросших соснами Грозовых вершин. Увидев их, Васен почувствовал надежду и испытал дурное предчувствие одновременно.

— Уже недалеко до перевала, — сказал он.

Герак изучал землю

— Пойдём, — окликнул его Васен.

— Подождите. Взгляните на эти следы, — сказал Герак, нахмутив брови. — Тут прошло много людей. Вчера.

— Мы с паломниками.

— Мы шли по другому участку, — сказал Орсин. — Вон там.

Васен понял, что Орсин прав. Он подошёл к Гераку. Какие бы следы тот не разглядел на земле, Васен их не видел.

— Откуда ты знаешь, что это было вчера?

— Постоянно шёл дождь, — отозвался Орсин. — Мне кажется...

— Орсин, я хорошо умею две вещи, — прервал его Герак. — Стрелять из лука и читать следы. Я уверен.

Васен с Орсином переглянулись. Орсин озвучил сделанный ими обоими вывод.

— Оракул предвидел нападение. Все покинули аббатство.

Васен уже качал головой. Он не мог представить, чтобы жрецы и Оракул покинули святую землю из-за угрозы нападения.

— Оракул немощен. Он не может путешествовать.

— Пришлось, — сказал Герак. — Разве что...

И в одно мгновение Васен всё понял. Он мысленно повторил слова, сказанные ему Оракулом перед уходом из аббатства, вспомнил окончательность его прощания.

— Во имя света, — выругался он. — Он приказал всем уйти. Он остался там один.

— Зачем ему так поступать? — спросил Орсин.

Васен огрызнулся на него, жёстче, чем хотел.

— Откуда мне знать, зачем провидцы поступают так, как поступают?

Орсин посмотрел на него, заморгав от грубого тона.

— Извини, — сказал тот, положив руку Орсину на плечо. — Он... сказал мне кое-что перед моим уходом. Теперь это стало похоже на прощание.

— Тогда нам нужно спешить, — ответил Орсин.

— Да.

Ущелья, расселины и впадины избороздили лицо гор. Но ни одно из них не обмануло Васена. Следуя по пути, которым он мог пройти даже с закрытыми глазами, Васен провёл товарищей ко входу на петляющий перевал, который должен был привести их к аббатству.

— Сюда, — сказал он.

Местность резко поднималась. Васен провёл их через серию развилок и узких, засыпанных камнями проходов. Герак, похоже, запоминал маршрут, кивая на заметные ориентиры, вероятно, запечатлевая в сознании те или иные вехи.

— Неудивительно, что никто без посторонней помощи не мог найти эту долину, — сказал он.

Васен прошептал молитву Амонатору и позволил силе потечь в свой клинок, засверкавший розоватым светом.

— Скоро мы достигнем тумана. Внутри живут духи стражей. Держитесь рядом со мной и не вслушивайтесь в их шёпот.

Предостережение о духах напомнило Васену про его предыдущее путешествие по перевалу. Казалось, будто с тех пор прошли годы, но это произошло совсем недавно. Духи говорили о его отце и об Элгрин Фау. Интересно, что он услышит на сей раз.

Когда проход выровнялся и расширился, он увидел первую вежу — булыжник, у основания которого была вырезана крошечная роза. Рядом с камнем лежала скрюченная фигура. Сердце застыло в его груди и он бросился туда, звеня доспехами. Прежде чем достичь тела, он понял, что оно слишком крупное, чтобы принадлежать Оракулу.

Он положил щит на землю и опустился рядом с мертвецом. Тело принадлежало мужчине — толстому, лысеющему, с густой бородой и усами. Его одежда и кожа были разорваны в клочья. Он погиб от потери крови, получив сотни маленьких укусов по всему телу. Камни вокруг него были запятнаны чем-то бурым. Раздоранные остатки его губ обнажали зубы в предсмертной гримасе.

— Минсер Коробейник, — сказал Герак за спиной Васена.

Глаза Васена упали на метку у основания булыжника. На солнце и розе запеклись несколько капель крови Минсера.

— Должно быть, они воспользовались магией, чтобы идти от вехи к вехе, — сказал он. — Надо спешить.

Прежде чем встать, Васен поднял свой меч над телом Минсера и прочитал поминальную молитву. На что-либо другое у него не было времени.

— Иди к свету, — закончил он, поднимая сияющий меч к небу. — Покойся с миром.

— Думаю, он был бы благодарен, — сказал Герак, и на этом они оставили Минсера.

Васен ждал, что у его ног за клубится серый туман, вскарабкается по лодыжкам, ожидал, что в сознании зазвучат тревожащие шепотки и шорохи духов, но ничего не видел и не слышал. Он перепроверил метку дважды, остановился, огляделся кругом.

— Не понимаю.

— Что такое? — спросил Герак.

— Туман, — сказал Васен. — Он должен быть здесь.

— Уверен, что мы в правильном месте? — спросил Герак.

— Да, — ответил Васен. — Думаю, что да. Пойдём.

Он принялся считать шаги, разыскивая вторую вежу. Наверное, он ошибся и свернул не туда. Время от времени такое случалось с остальными.

И вторая вежа, вырезанный в склоне символ солнца, оказался на месте. Обычно Васен видел его сквозь клубы тумана, слыша голоса духов.

— Во имя света, — выдохнул он. — Их нет. Духов.

— Как они могли пропасть? Что это значит? — спросил Орсин.

Васен не знал. Туман и духи всегда были такой же постоянной чертой перевала, как водопады в долине, как само аббатство и его вера. Возможно они тоже прощались с ним, когда он проходил через туман в прошлый раз.

— Быстрее! — воскликнул Васен.

* * *

Сэйид спешил вслед за братом и котами, не отрывая взгляда от аббатства и выискивая любые следы человеческого присутствия. Когда они достигли огородов и загонов для скота, животные оказались на своих местах. Козы заблеяли, испугавшись кошек. Из распахнутого настежь курятника донёсся беспокойный шорох крыльев.

— Если они ушли, то ушли недавно, — сказал Сэйид. — Иначе животные начали бы голодать. Мы ещё успеем догнать их, если они путешествуют на своих двоих.

Зиад заворчал, пока они обыскивали постройки, его гнев был почти физически ощутим.

Коты посмотрели на животных, замяукали.

Зиад безразлично махнул рукой.

— Что мне животные? Делайте, что хотите. Убивайте, кого хотите. Меня интересует только Оракул.

Дьяволы стали покидать из свои клетки из плоти и начали убивать паникующих животных. Сэйид и Зиад обшаривали ближайшие здания. Они нашли погреба с пивом, вином, сыром, но никого не встретили.

— Они ушли, Зиад, — сказал Сэйид. — Оракул ушёл. Он предвидел наш приход и...

Зиад повернулся к нему и ударил по лицу, один раз, дважды.

— Он не ушёл! Он должен быть здесь. Иначе...

Сэйид схватил брата за запястье и с силой сжал. Зиад даже не моргнул.

— Отпусти, Сэйид. Сейчас же.

Сэйид отпустил брата.

Взгляд Зиада устремился к дьяволам. Блестящие от крови изверги прыгали на здания,

стреляли своими иглами друг в дружку, в животных, в пустоту. Некоторые иглы загорались пламенем, и вскоре началось с дюжину мелких пожаров.

— Иначе что? — спросил Сэйид. — Закончи мысль.

Зиад проигнорировал его, обернулся и посмотрел на низкую лестницу, ведущую к галерее с колоннами и двойным дверям в аббатство. Зиад с шипением втянул в себя воздух, положил руку на грудь Сэйиду.

— Что такое? — спросил тот, потянувшись к мечу.

— Он здесь, — сказал Зиад.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что двери запечатаны. Чувствуешь?

Сэйид не чувствовал, но доверял способности брата ощущать сильную магию.

Зиад достал из поясного кошелька несколько предметов. Братья подошли к дверям. Он начал плести контрзаклинание.

* * *

В гробнице, глядя на изображение Джиирис и отца, Оракул положил руку на сияющую сферу.

Когда он зажжёт её, он знал, что произойдёт дальше.

— Я стану в свете и не убоюсь тьмы, — сказал он, ожидая, пока печать на дверях падёт.

* * *

Васен бежал по перевалу, звеня доспехами, и даже Орсин с трудом мог держаться с ним вровень. В тот миг, когда Васен услышал далёкий рокот водопадов, он надел щит и позволил угаснуть свету своего меча. Тьма укрыла их всех.

— Свет сохранит нас, — сказал он товарищам.

Он остановился у спуска в долину. Долина, заросшая кустами и соснами прореха в горах в форме пальца, простиралась вниз. Лес и темнота скрывали реку. Аббатство и внешние постройки и стены сгрудились дальше, на участке чистой земли. Почва вокруг зданий в темноте казалась чёрным пятном. Сияющие сферы не горели, их непокорный свет был погашен. Окна тоже были темны, и это зрелище заставило Васена остановиться. Он никогда не видел, чтобы аббатство погружалось в темноту под небом Шадовар. Оно больше не казалось местом, посвящённым богу солнца, а походило на гробницу, на признание поражения. Тени вокруг Васена забурили.

Орсин и Герак попытались пройти мимо, но он остановил их плоской стороной клинка.

— Подождите.

— Что такое?

Тишину долины пронзили крики, которые донёс из аббатства ветер. Не человеческие, животные... и чьи-то ещё. Ветер пахнул дымом.

— Что-то горит, — сказал Орсин.

— Я тоже чувствую, — согласился Герак. Он достал стрелу, но не стал её накладывать. — Ничего не вижу.

Внизу раздались новые крики, отчаянное, испуганное блеяние коз. В одно несколько мелких огней озарили здания, крыши нескольких складов и деревья. Васен услышал треск дерева, рычание и рёв каких-то зверей. Он видел движение в сумраке, но не мог различить детали.

— Приближаемся, — сказал Васен. — Быстро и тихо.

Орсин и Герак кивнули, и они направились вниз. К тому времени, когда они спустились в долину, две кладовых уже загорелись целиком. Свет от пожара бросал тени на всё аббатство. Посмотрев на них, Васен почувствовал зуд, чувство связи. Он крался вперёд.

Они перебрались через низкую каменную стену, предназначенную, чтобы держать диких животных подальше от огородов, и тогда Васен наступил на что-то мокрое и скользкое.

Под ногами лежали груды пропитанной кровью кожи. Кончиком меча Васен приподнял одну из шкур. Она казалась кошачьей. Пустой шерстяной мешок был весь в крови.

— Похожи... на тех котов, что сопровождали двух мужчин, — прошептал Герак.

— Это были не коты, — сказал Васен, бросив шкуру на землю.

— А кто тогда? — спросил Герак, глядя на аббатство.

— Скоро узнаем, — отозвался Васен.

Пригибаясь, они бросились через поля в сторону аббатства.

* * *

Краем глаза Сэйид заметил неожиданную вспышку света в одном из окон в восточной части аббатства.

— В восточной башне свет, — сказал он, указывая туда.

Зиад кивнул, его тело под плащом бурлило и раздувалось, и продолжил творить свою противомагию, используя серебряный жезл, чтобы чертить в воздухе мерцающие символы.

* * *

Васен, Орсин и Герак прижались к стене одной из пристроек, предназначенной для размещения паломников, и выглянули за угол. В воздухе клубился дым, но в свете пожаров Васен смог разглядеть налётчиков.

— Шипастые дьяволы, — сказал он.

Шипастые дьяволы, каждый из которых размером был примерно с волкодава, рыскали вокруг на четырёх лапах. На их шкурах росли сотни острых игл длиной с мужскую руку. На глазах у Васена одно из чудовищ заревело, напряглось и выстрелило дюжиной шипов со своей спины в здание кладовой. Иглы загорелись в воздухе и глубоко вонзились в дерево сарая. Пламя лизнуло брёвна.

Другой шипастый дьявол проломил ограду загона для животных, сжимая в пасти козлиную ногу. Из темноты в поле зрения возник третий и попытался вырвать у него эту ногу, и два изверга зарычали друг на друга, как псы.

— Не вижу, сколько их, — сказал Васен. — Но больше нескольких.

— Кошачьих шкур была по меньшей мере дюжина, — заметил Орсин.

Васен посмотрел на Герака, чтобы проверить, как тот держится. Герак встретил его взгляд, кивнул.

Чудовищ было слишком много, чтобы пытаться с боем проложить себе путь.

— Наша цель — люди, а не дьяволы, — сказал Васен. — Надо проникнуть в аббатство незамеченными.

— Дым нам поможет, — заметил Орсин.

— Но куда все подевались? — спросил Герак.

В ответ Васен мог лишь покачать головой и постараться не терять надежды. Он выглянул из-за угла и не заметил поблизости дьяволов, хотя слышал их за треском горящего дерева. Только он собирался приказать товарищам бежать к северному двору, как бревна здания содрогнулись от сильного удара. Трое мужчин прижались к стене и услышали наверху тяжёлое дыхание и скрежет дьявольских когтей по черепице.

С кожи Васена потекли тени.

Герак бесшумно достал стрелу, наложил на тетиву, опустился на одно колено в шаге от стены, навёл лук на крышу.

Тяжёлое дыхание перешло в низкий рёв.

Васен встретился взглядом с Орсином, кивнул ему. Дэва кивнул в ответ. Они приготовились, и Васен кашлянул.

Дьявол прыгнул вперёд, и в тот миг, когда его голова появилась над козырьком крыши, Герак выстрелил, а Орсин бросился вперёд. Орсин обхватил руками шею изверга и сбросил его с крыши. Чудовище рухнуло на спину, рыча, бешено махая когтистыми лапами, в его горле торчала стрела. Васен рубанул своим мечом и рассёк ему плотку. Из раны на траву потёк вонючий чёрный иxor, и чудовище стихло.

Трое мужчин снова укрылись за зданием, прислушиваясь. Поблизости не было слышно ничего подозрительного. Дьяволы, похоже, разошлись по землям аббатства, сжигая и разрушая постройки.

— Выступаем, — сказал Васен. — Готовы?

— Готовы, — в унисон отозвались Орсин и Герак.

Они выскочили из-за сарая и бросились ко двору. Сквозь дым и мрак большая арка ворот казалась кричащим ртом. Когда они пересекли её и ступили на плиты двора, Васен заметил двух мужчин, которых они преследовали.

Те стояли у двойных дверей с северной стороны здания. Меньший из них держал в руках тонкий жезл, которым чертил в воздухе мерцающие руны. Он сделал жезлом завершающий взмах, и дверной косяк вспыхнул белым, когда на нём рассеялись защитные печати.

Герак натянул лук, Васен поднял меч над головой. Гнев и вера, соединяясь, потекли в его клинок, и оружие оставляло за собой ленты розоватого света.

— Отойдите от дверей, — сказал Васен.

Мужчины повернулись к нему. Позади них Васен увидел сияющий в верхнем окне гробницы святого Абеяра свет — единственный свет во всём аббатстве.

Если Оракул остался в аббатстве, он был там.

Мужчина с мечом и щитом был самым крупным человеком, которого когда-либо встречал Васен. Его грудь закрывали покорёженные в битвах латы. Косматые волосы и густая борода скрывали лицо, за исключением глаз, которые казались безжизненными, как монеты.

Другой мужчина, тоже высокий, но худой, как ивовый прут, был похож на ходячего

мертвеца. Кожа цвета пергамента туго обтягивала его запавшие щёки и глубоко посаженные глаза. Его тонкие губы разошлись в рычании, обнажая щербатые зубы.

— Убей их, Сэйид! — сказал худой крупному. — А я получу у Оракула то, что нам нужно.

Прежде чем один из них успел шевельнуться, Васен описал мечом широкую дугу, хлестнув лентами света через весь двор. Энергия молотом ударила худого мужчину, сбила его с ног и швырнула оглушённого на землю.

— Ноги твоей не будет в аббатстве, — сказал Васен.

Крупный зарычал и бросился на них. Герак выстрелил дважды, стрела за стрелой, но здоровяк легко заслонился от выстрелов щитом, даже не замедлив свой бег.

Во двор с дальней стороны заскочили два дьявола, наверное, услышав крики. Завидев Васена, Герака и Орсина, они выгнули спины, и в воздухе просвистела дюжина пылающих шипов.

Васен прыгнул, заслоняя Герака — на том не было доспехов — и закрыл обоих своим щитом. Орсин высоко подскочил в воздух, и остальные шипы ударились в каменную стену позади них, отскочили наземь, продолжая гореть.

Герак натянул тетиву, выстрелил, стрела попала в одного из дьяволов. Орсин прыгнул вверх на колонне из тени, траектория прыжка пронесла его над здоровяком, который затормозил, провожая Орсина взглядом. Орсин приземлился на колено в нескольких шагах от худого, и из-под его ног во все стороны ударил расходящийся диск тени. Волна энергии вонзилась в худого и отбросила его к дверям. Орсин сжал охваченные тёмной энергией кулаки и шагнул к нему.

Васен бросился на Сэйида, меч и щит готовы к схватке и пылают светом. Сэйид крутанулся, скривил рот в ухмылке и поднял собственный меч и щит. Они встретились с криком, звоном металла и треском костей. От столкновения у Васена заныли зубы, но он сумел ударить своим сияющим щитом в меч Сэйида и рубануть его мечом сверху по голове. Сэйид парировал собственным щитом, отбросил Васена назад, с силой ударил сверху, Васен ушёл в сторону.

В результате промаха острие меча Сэйида оказалось у земли, и Васен наступил на него, ударив кромкой щита Сэйида в лицо. Такая комбинация должна была сломать ему меч и расколоть череп, но здоровяк только моргнул, а сталь его клинка выдержала вес ноги Васена.

Сэйид рванул клинок вверх, выводя Васена из равновесия, затем ударил его щитом сбоку. Васена отбросило в сторону.

Сэйид шагнул следом, сделал выпад, целясь в рёбра. Васен неловко парировал щитом, развернулся и ударил снизу, зацепив ногу Сэйида за пластинами его доспехов. Хлынула кровь, Сэйид зарычал от боли, но не упал. Вместо этого он ударил Васена в грудь, лезвие проскользнуло мимо щита и оцарапало доспехи. Меч Сэйида пугающе дрожал, как живое существо, словно пытаясь зарыться в плоть Васена. Но сила удара отшвырнула Васена назад, и клинок не пробил его броню. Сэйид стал наступать, высоко занёс меч для последнего удара.

Раздался свист, удар и стон боли, когда одна из стрел Герака вонзилась Сэйиду в спину. Массивный воин взревел, развернулся и вырвал стрелу из спины. Васен попятился, приходя в себя.

Он огляделся кругом — как раз вовремя, чтобы увидеть, как колонна пламени срывается

с рук худого, ударяет Орсина в грудь и швыряет дэву через весь двор. Дэва врезался в стену и сполз на землю. Его грудь дымилась. Он с трудом попытался встать на ноги. Очередной шипастый дьявол вбежал во двор и бросился к нему.

— Орсин! — одновременно воскликнули Герак и Васен.

Руки Герака превратились во вспышку, снова и снова стреляя из лука, пока он отступал к стене. Один из бросившихся на него дьяволов споткнулся и перевернулся, но второй выстрел ушёл в молоко. Герак выхватил свой меч, когда дьявол приблизился и атаковал клыками и когтями.

Позади Васена худой мужчина открыл двери в аббатство. Васен выругался, разрываясь между необходимостью помочь друзьям и желанием броситься за худым. Прежде чем он успел выбрать, над ним навис высокий воин, заревел и обрушил град ударов, вынудив Васена отступить. Всё, что он смог — держать острый металл подальше от тела.

— Стреляй в него, Герак! — крикнул Васен. — Во второго! Стреляй!

Но Герак был прижат к стене, колот и рубил своим мечом сразу двух дьяволов.

Гнев вспыхнул в Васене. Тени закружились на коже. Он направил всю силу, сколько смог, в меч и щит, заставив их засиять, и бросился на Сэйида, обрушив собственный град ударов, уколов и взмахов. Ярость его натиска отбросила здоровяка на шаг, к дверям, и энергия, пропитавшая оружие Васена, придала его ударам силу, позволившую увести меч и щит Сэйида в стороны, открыв его грудь. Васен ударил ногой в туловище здоровяка, тот покачнулся, а затем вонзил сияющую полосу клинка по рукоять ему в грудь.

Он оказался нос к носу с Сэйидом, рот которого наполнился кровью.

— Нам просто нужен Оракул, — выдохнул Сэйид. — Нам нужен сын Эревиса Кейла.

Тени закружились вокруг Васена, вокруг Сэйида.

— Вы нашли его, — сказал Васен. — Знай это, пока будешь умирать.

Мёртвые глаза Сэйида распахнулись от удивления, его рот изогнулся в кровавой улыбке. Он засмеялся, забрызгав Васена кровью, и упал на колени. Он сжал руки на рукояти меча Васена.

Возглас боли заставил Васена обернуться. Разворачиваясь, он попытался вырвать клинок, но Сэйид держал меч смертной хваткой.

Шипастый дьявол прижал Герака к стене. Дьявол бросился на него, но Герак шагнул в сторону и рубанул сверху мечом. Оружие вырвало несколько шипов из тела чудовища. Тот взвизгнул, скорее от злости, чем от боли, и ударил Герака когтями. После удара на когтях осталась кровь. Герак попятился, широко распахнув глаза. Дышал он тяжело.

Орсин встал на ноги, и тень облаком окружила его кулаки и концы его посоха. Он вступил в бой с другим дьяволом. Его оружие гудело, оставляя за собой теневой след.

Васен обернулся, ударом ноги швырнул Сэйида на землю, поставил сапог ему на живот и снова попытался вырвать меч. Но тот по-прежнему не поддавался. Васен выругался и бросил его.

Выскользнув из ремней щита, он бросился к Гераку, выкрикивая на бегу имя Амонатора, направляя силу своей веры в щит. Дьявол обернулся, когда Васен оказался близко, и Герак воспользовался возможностью ударить его в зад. Тварь зарычала и выпустила несколько пылающих шипов, проткнувших Гераку лицо и грудь, отбросив его к стене. Герак закричал от боли, пытаясь вырвать из тела пылающие снаряды.

Васен обеими руками поднял щит. Металл и дерево были тёплыми. Дьявол прыгнул на него, раскрыв челюсти, и Васен обрушил кромку щита на его шею, прежде чем дьявол успел

достичь его. Удар вбил дьявола в землю, сломал ему кости, и наполнявшая щит сила хлынула в чудовище. Дьявол завопил, задёргался и умер. Васен схватил угасший щит и бросил его Гераку.

— Возьми! Пользоваться умеешь?

— Я был солдатом, — ответил Герак, поймав щит. По его лицу текла кровь. — Что ты делаешь?

— Иду за вторым.

Герак посмотрел мимо него.

— Мы пока даже первого не прикончили. Васен обернулся, чтобы увидеть как Сэйид — невозможным, необъяснимым образом — снова поднялся на ноги. Меч Васена как вымпел торчал из его груди и спины. Сэйид посмотрел на него, оскалился, и медленно вытащил оружие Васена. Из груди фонтаном хлынула кровь. Когда лезвие покинуло его кожу, кровотечение прекратилось.

— Боги, — сказал Герак.

— Я должен помочь оракулу, — крикнул друзьям Васен.

— Беги, — сказал Герак.

— Беги, — повторил Орсин, добивая полумёртвого дьявола кулаками, с которых сочилась тёмная энергия. — Мы за тобой.

Васену больше ничего не требовалось. Он побежал к дверям. На бегу он слышал свист и удар, когда стрела Герака вонзилась в Сэйида. Здоровяк взревел и упал на колени.

Васен запрыгнул в галерею и ударил в створку двери. Та распахнулась, и он резко затормозил.

Коридор от пола до потолка преграждала стена пламени, пламя жадно лизало всё, до чего могло дотянуться. Васен почувствовал, как плавятся волосы на его бороде и бровях. Он попятился назад, заморгав от жара. Худой мужчина, должно быть, призвал стену пламени, чтобы помешать преследователям. Васен не мешкал. Он закрыл лицо ладонями и бросился через огонь. Зашипела кожа, загорелись волосы, но доспехи защитили его от самого худшего. Не обращая внимания на боль от ожогов, он сбросил пылающий плащ и сбил огонь со штанов и рубахи.

Кожа на лице казалась обгоревшей. Если бы при нём был какой-то фокус — священный символ на шее, щит с розой Амонатора, меч с символом божества на рукояти — он мог бы превратить свет своей веры в исцеляющую энергию.

Он выхватил кинжал и побежал по залам аббатства, мимо келий для медитации, кладовых, библиотеки и классных комнат, к лестнице, которая вела на нижние этажи.

Он знал, что худой человек направляется к гробнице святого в восточной башне. Васен мог срезать через главный молельный зал и преградить ему путь, прежде чем он успеет попасть на лестницу в башне.

Васен плечом ударил в двойные двери, ведущие в главный молельный зал. Он бежал так быстро, что слышал шум, лишь оказавшись внутри.

Глава одиннадцатая

Привлечённые звуками боя дьяволы хлынули во двор бурлящей волной шипов, клыков, когтей и безумия.

— Закрой меня, — сказал Герак подошедшему Орсину. Дэва воспользовался щитом Васена, чтобы закрыть их обоих.

Герак стрелял быстро, стрела за стрелой отвечая на залпы пылающих шипов. Он выстрелил ещё несколько раз и в Сэйида, не позволяя здоровяку подняться с колен, хотя тот упрямо отказывался умирать.

Скоро в щите Васена засела дюжина горящих шипов, а шестеро шипастых дьяволов и кажущийся бессмертным великан со всех сторон ошетинились стрелами. Раненные изверги широко разошлись по двору, возможно, намереваясь броситься на них сразу со всех сторон. Здоровяк тем временем вырвал стрелы Герака из своей груди, встал и направился к ним.

— Боги, — сказал Герак. — Ублюдок не желает погибать.

— Нужно уходить! — ответил Орсин.

Сэйид закричал и бросился в атаку.

Герак наложил сразу две стрелы и прицелился в Сэйида.

— Посмотрим, как тебе понравится двойка.

Он спустил тетиву, и обе стрелы ударили Сэйида точно в бок. Его бросило наземь, он перевернулся на плитах, закричав от ярости. Здоровяк сразу же поднялся и зарычал, вытаскивая стрелы из своего тела.

Два дьявола с двух сторон ринулись на Орсина и Герака. Посох Орсина загудел, когда тот закрутил его над головой. Орсин присел под прыжок дьявола, и тот головой врезался в каменную стену. Хрустнули кости, чудовище взвизгнуло. Орсин наступил ему на голову и замахнулся посохом на другого, который прыгнул на Герака. Он попал второму дьяволу в бок, и от удара тот упал и рапростёрся на земле.

Новый поток пылающих игл зашипел в воздухе, протыкая их плоть. В Орсина попало по меньшей мере три, два шипа угодило Гераку в грудь. Герак вырвал их, прежде чем его плащ успел загореться.

— Точно, — согласился Герак. — Нужно уходить.

— Туда, — сказал Орсин, кивая на арку позади них, через которую они попали во двор. Они побежали, и Орсин залез в свой поясной кошель. Вслед им прошипел новый залп пылающих игл. По крайней мере одна попала Гераку в бок и застряла там, но Орсин вырвал её на бегу.

— Не останавливайся, — выдохнул Орсин. — Не останавливайся.

Дэва достал стеклянный флакон с тёмной жидкостью. Над их головами свистели пылающие иглы. Рёв дьяволов громко отдавался в ушах. Бросившийся в погоню Сэйид кричал им вслед вызовы.

Орсин швырнул флакон на землю перед ними и разбил его посохом, пробегая мимо. Из флакона ударило облако тьмы, такой глубокой и непроницаемой, что Герак не увидел бы вытянутую перед собой руку. На запястье сомкнулась ладонь и потащила его вперёд.

— Это всего лишь замедлит их! — сказал дэва. — Не останавливайся!

Через двадцать шагов они вырвались за границу магического мрака.

— Туда, — сказал Орсин, кивнув на аббатство. Они покинули двор и бежали вокруг

другой стороны здания.

— Что? Куда? — переспросил Герак. Дверей он не видел, и на первом этаже отсутствовали достаточно большие окна, куда мог бы протиснуться кто-нибудь покрупнее полурослика.

— Залезай мне на спину, — приказал Орсин и присел на землю перед ним.

— Что?

— Залезай!

Позади из облака мрака выскочил Сэйид и бросился к ним, его длинные шаги пугающе быстро пожирали дистанцию. Дьяволы тоже не заставили себя ждать.

Герак вскарабкался на спину Орсина, чувствуя себя немного неловко. Дэва слегка перераспределил вес и начал бежать. Герак поражался его силе. Когда они приблизились к аббатству, Герак догадался, что собирается повернуть Орсин.

— Ты же не хочешь...

Залп пылающих игл просвистел вокруг них.

Тени вокруг Орсина потемнели, он ускорил бег. Когда они приблизились к галерее, мышцы дэвы напряглись, тени вспыхнули, и он подскочил в воздух. Он приземлился на полу галереи, Герак едва сумел удержаться. Даже не останавливаясь, дэва сделал ещё два шага и прыгнул в окно второго этажа. Он не достал до него, но этого и не требовалось. Они ударились в стену аббатства, оба охнули от удара, но Орсин схватился за подоконник и повис.

— Карабкайся по мне! — крикнул он. — Быстрее!

Новые шипы заполнили воздух, ударили в стены, несколько штук попали в Герака, и он закричал. Орсин тоже.

— Шевелись! — крикнул ему Орсин.

Используя дэву как лестницу, Герак перелез через него в окно. Орсин втянул себя внутрь и рухнул на пол у окна. Они принялись выдирать друг из друга пылающие шипы. Орсин достал из кошелька новый пузырьрёк.

— Целительный, — сказал он и налил немного прохладной, успокаивающей жидкости прямо Гераку на кожу. Герак немедленно почувствовал прилив бордости. Он взял флакон и вылил остаток на раны на ногах Орсина.

Оглядевшись вокруг, они обнаружили, что находятся в библиотеке или каком-то кабинете. В темноте Герак видел плохо, но он различил столы и полки со свитками и книгами. Несколько игл залетели в окно и вонзились в полки. Сухие книги и свитки немедленно загорелись. Они слышали, как снаружи ворчат дьяволы, царапая каменные стены аббатства. Орсин рывком встал на ноги и ударил основанием посоха в пол. Верхушку посоха охватило облако тени. Он провёл посохом перед открытым окном, заволок его занавесом из тени, преграждая путь иглам.

— Эти дьяволы умеют летать, — сказал дэва. — Надолго их это не задержит. Нужно спешить.

— Нужно найти Васена, — отозвался Герак. — Где он сейчас, по твоему?

— Восточная башня, — сказал Орсин. — Я видел там свет. Пойдём.

Верхом на одной из скамей, что стояли в молельном зале, как на жёрдочке сидел дьявол, разодрав когтями дерево. Дьявол поднёс к морде жаровню, приюхиваясь к содержимому. Васен понятия не имел, как он мог попасть в аббатство.

Остальные скамьи были перевернуты. Гобелены сорваны со стен и разодраны. Васен чувствовал запах фекалий. Дьявольские экскременты зловонными грудками лежали по всему помещению, в том числе на алтаре. От ярости кожа Васена покраснела. Голова дьявола повернулась к нему, глаза сощурились, ноздри расширились.

— Ты за это ответишь, — сказал Васен, сжав ладонь на рукояти кинжала.

Дьявол фыркнул и прыгнул на него со сверхъестественной скоростью, перевернув скамью и в мгновение ока преодолев весь зал.

Чешуйчатое мускулистое тело врезалось в Васена с достаточной силой, чтобы отбросить его назад, к стене. Воздух со свистом вырвался из лёгких. Картина рядом с грохотом упала со стены. Когти, клыки и чешуя были повсюду.

Васен скорчился, пытаясь поднять свой кинжал, но существо воспользовалось своим весом и силой, чтобы прижать его к стене. Когти со скрежетом заскребли по металлу его доспехов. От зловонного дыхания твари, похожего на запах гнилого мяса, Васена затошнило. Он отдёргнул голову, когда у его носа щёлкнули челюсти. В лицо брызнула слюна. Когти дьявола проникли под его доспехи и разодрали бок. Из раны потекла тёплая кровь. Боль придавала ему сил. Он освободил руку с кинжалом и вонзил его в живот дьявола раз, два, но шкура чудовища, укреплённая тёмной магией Ада, отразила лезвие. Васен выругался, бросил оружие, и попытался оттолкнуться от стены.

Пасть дьявола широко распахнулась и щёлкнула в пальце от его носа. Дьявол вырвал одну из своих лап и хлестнул Васена по щеке, едва не задев глаз. От удара Васен покачнулся, и дьявол укусил его за горло. Васен инстинктивно сунул своё запястье, защищённое наручем, в пасть чудовищу.

У дьявола затрещали, ломаясь, зубы, и он завопил от боли, отдёргнувшись.

Васену требовалось оружие. Он притворился, что пытается броситься на дьявола. Когда тот отступил на шаг, Васен побежал к дальней двери, перескакивая через скамьи. За спиной зарычал и бросился в погоню дьявол, когти заскрежетали по каменному полу.

Он не собирался убегать в дверь. Он резко развернулся — как раз вовремя, чтобы перехватить прыжок дьявола. Вес существа отбросил его назад и вниз. В падении он врезался в скамью, сломал дерево и свои рёбра. Но при этом он воспользовался инерцией чудовища, подогнул под себя ноги и оттолкнул ими тварь, перебрасывая его через себя. Чудовище с грохотом рухнуло на скамьи в двух рядах от Васена.

Васен с трудом поднялся на ноги, моргая от боли в рёбрах. Из раны в боку текла липкая и тёплая кровь. Без священного символа у него не было фокуса для его силы и он не мог исцелить себя. Ему нужно было попасть в свою келью, но сейчас между ним и дальней дверью стоял дьявол.

Васен закричал и бросился в атаку. Человек и дьявол столкнулись в переплетении чешуйчатой шкуры, доспехов и плоти. На мгновение они давили друг на друга, как два противовеса, стремясь заполучить преимущество. Сломанные клыки дьявола сомкнулись на плече Васена, ломая его доспехи, и руку пронзила боль. Он подступил ещё ближе, подсёк ногу дьявола своим сапогом и опрокинул его наземь. Они упали вместе в переплетении когтей и кулаков. Кровь из разодранного лица Васена попала ему в глаза, каплями упала на корчащегося дьявола. Из-за боли в боку казалось, что ему в грудь вонзили раскалённый прут.

Он ударил кулаком в лицо дьявола, разбил глаз, разбрыгав в стороны ихор. Монстр заревел, бешено задёргался, когти царапали по его доспехам. Васен почувствовал, как они проникают под звенья его кольчуги и начинают разрывать кожу. Он молотил кулаками по голове чудовища, снова и снова и снова. Он почувствовал, как разрывается живот, почувствовал, как из раны течёт болезненно-тёплая кровь. Всё это время он обрушивал удар за ударом на дьявола. Васен слабел, начинал терять сознание, но не прекращал бить, металл скрежетал по мясу и кости, до тех пор, пока уже не мог поднять руки.

И тогда вдруг дьявол прекратил шевелиться под ним, его голова превратилась бесформенную массу чешуи, клыков, чёрного ихора и обнажённых костей. Мгновение Васен моргая смотрел на это месиво.

Он потряс головой, чтобы прочистить её, и встал. Штаны и рубаха были пропитаны смесью его собственной крови и зловонного дьявольского ихора. Он смахнул волосы из глаз, огляделся кругом. От головокружения он шатался. С каждым ударом сердца из тела лилась кровь.

Нужно было найти священный символ, чтобы сфокусировать божественную энергию и исцелить себя. Он пошел к двери, что вела к его келье, но вспомнил о зельях, которые жрецы хранили у алтаря.

Покачиваясь, он прошёл по залу, но потерял надежду, когда увидел, что кабинет, где хранились зелья, стоит распахнутым, а железные фляги разбросаны по полу. Целебные эликсиры были разлиты по камню. Он наклонился, застонал от боли, осмотрел каждую из фляг. Ничего. Все были открыты и пусты. Он прикоснулся к жидкости на полу, надеясь, что её магия могла пережить осквернение дьявола, но зелье оказалось неактивным. Несколько деревянных роз — священных символов — тоже были разбросаны по полу, но все они были испорчены дьяволом, бесполезны. Он упёрся ладонями в колено и снова поднялся на ноги.

До двери в дальней стороне молельного зала, казалось, была целая лига. Держась за раненный бок, он заковылял туда.

Он протолкнулся через дверь, не прислушиваясь. Если он встретит ещё одного дьявола, он умрёт. Наверняка. К счастью, коридор был пуст. Он пополз к своей келье. Двери нескольких комнат, мимо которых он прошёл, были распахнуты настежь, вещи в комнатах были осквернены дьяволами, как и в молельном зале. Впереди лежала на полу сорванная с петель дверь его кельи. Он торопился, как мог, истекая кровью.

Его комната оставалась не тронута. Постель оставалась такой же, как он её и оставил. И сундук в изножье кровати...

Дыхание перехватило, когда он увидел прислонённый к сундуку щит. Он медленно зашёл в комнату, держась за бок, как будто щит был чудом, которое могло исчезнуть, если он будет двигаться слишком быстро. Он посмотрел на розу на щите, исполосованную ударами оружия. Эти следы не использовали ни один из существующих алфавитов, но всё равно рассказывали историю битв этого щита. Он слышал описание щита в историях.

Щит принадлежал повелителю рассвета Абеяру. Истории об Абеяре утверждали, что щит был утрачен. И вот он лежит здесь. Должно быть, Оракул нашёл его и сохранил — секрет, с которым он никем не поделился.

Откуда-то снизу по коридору, снаружи его кельи, раздалось рычание. Разбилось что-то тяжёлое. Загрелась керамика, что-то железное зазвенело по полу.

Трясущимися руками Васен поднял щит. Металл был тёплым в его руках, чистым, и он знал, что это — такой же священный инструмент его веры, как любой символ, который он

мог носить на шее. Он поднял щит перед собой, чтобы видеть розу. Тонкие усики тени из его рук пробежали по краю щита. Он нахмурился, пытаясь убрать их, но они вцепились в щит так же крепко, как его руки. Он надеялся, что святой не будет возражать.

Направляя силу веры через щит, он произнес исцеляющую молитву, и роза загорелась, как фонарь, окутав его своим светом. Тьма, сочившаяся с его кожи, воспротивилась этому свету, уцепившись за краешки щита. Но сияние всё равно сделало своё дело. Прорехи в его плоти затянулись, его рёбра срослись, усталость и боль исчезли.

Свет розы угас, и он склонил перед ней голову.

Скрежет когтей по камню раздался в коридоре снаружи — уже ближе, чем раньше. Васен надел щит на руку, обнаружив, что его вес идеален. Он открыл сундук в изножье вровати. Внутри лежал меч его отца, обёрнутый промасленной тканью. Он потянулся к оружию, тени вокруг его рук так сильно сгустились, что он едва видел собственные пальцы. Он взялся за обёрнутую проволокой рукоять. Металл казался прохладным, поверхность скользкой. Тени сочились с оружия, сливаясь с теми, что текли с его кожи. Он поднял меч, снял ткань, обнажив чёрный как ночь, как глубокая вода под безлунным небом клинок.

Рукоять казалась созданной для его руки, вес — предназначенным для его стиля боя. Он сделал несколько пробных взмахов, удивляясь тому, что лезвие оставляло за собой след из растворяющихся теней.

За дверью раздалось фыркание, звуки принимающейся дьявольской гончей. Он услышал стук когтей по каменному полу, низкий, хищный рык охотящегося животного. Он сжал в одной руке осколок ночи, а в другой — круг света, и почувствовал, что может пройти через весь Ад насквозь.

— Дьявол! — крикнул он. — Ты заплатишь за то, что явился в моё аббатство!

Он бросился к двери, но прежде чем достиг её, проём заполнила сгорбленная фигура, поднятые шипы на её спине казались лесом лезвий. Пасть изогнулась, обнажая длинные клыки, узкая голова поворачивалась вправо–влево, осматривая комнату. Когда гончая никого больше не заметила, она вывалила язык из пасти и зарычала на Васена.

— Иди сюда, — сказал Васен, чувствуя нарастающий гнев, и поманил её к себе.

Дьявол зашипел, напрягся и выстрелил дюжиной шипов в Васена. Шипы загорелись, просвистев в воздухе. Он укрылся за щитом, и большая часть снарядов вонзилась в металл и застряла там. Несколько штук попали в стену. Другие угодили в кровать и подожгли её.

Васен выбрался из-за щита, дьявол бросился на него — сплошь когти, клытки да ярость. Васен приготовился и ударил щитом слева направо, когда дьявол достиг его. Пластина из дерева и металла вспыхнула светом, вонзившись в голову и шею дьяволу, прижав его к стене у очага. Изверг корчился, кусался и царапался, пытаясь пробраться за щит, но Васен надавил всем своим весом на по-прежнему пылающий светом щит и придавил чудовище к стене, снова и снова вонзая в него Клинок Пряжи. Без всяких усилий меч погружался в шкуру дьявола. Изверг корчился, вопил, пока меч снова и снова пронзал его внутренности. Из разорванных кишок сочился иxor. Когда, наконец, чудовище стихло и замерло, Васен позволил туше упасть на пол и вырвал свой меч. Позади пылала его кровать. Некоторые части аббатства тоже были охвачены пламенем, и не было способа его погасить. Вскоре пламя охватит здание целиком.

Ему нужно было найти Оракула.

Он посмотрел на свой щит, по-прежнему слабо сияющий, и на истекающий тенью меч. Тени свивались в линию, которая выползала из комнаты и сворачивала на восток.

Путеводная нить, подумал он и улыбнулся, вспомнив Орсина.

Не оглядываясь на свою пылающую келью, комнату, которая почти тридцать лет служила ему пристанищем, он пошел за линией тени, источаемой Клинком Пряжи, торопясь в гробницу святого Абеяра.

* * *

Зиад быстро шёл по тёмному аббатству. По пути он встретил двух дьяволов, которые, наверное, проникли внутрь через верхнее окно.

— За мной, — приказал он, и дьяволы пошли следом.

Свет сочился на лестницу в восточной башне, свет, который он увидел снаружи. Дьяволы тихонько зарычали. Не останавливаясь, Зиад и дьяволы поднялись по ступеням. Проход вёл в круглую спальню.

В центре помещения стояло два гроба, но Зиад видел лишь хрупкого старика рядом с ними. На нём были затейливые красные и жёлтые одежды старшего жреца Амонатора. Его глаза светились оранжевым, и когда их взгляд упал на Зиада, тот остановился.

— Оракул, — сказал Зиад.

Рука старика потянулась к священному символу, висевшему на шее — солнце и роза.

— Ты знаешь, кто я? — спросил Зиад, проскользнув в комнату. Дьяволы следовали по бокам от него.

Оракул смотрел на него. Сияющие глаза не мигали.

— Я знаю, *что* ты такое.

— Тогда ты знаешь, зачем я здесь.

— Ты пришел, чтобы послужить силам за гранью твоего понимания, — ответил Оракул.

Уверенность старика осадила Зиада. Дьяволы зарычали, их когти заскребли по полу.

— Мне нужен ответ на вопрос, старик.

Оракул слабо улыбнулся, отвёл взгляд от Зиада, чтобы задумчиво посмотреть на вырезанный на крышке гроба образ женщины.

— Она так и не вышла замуж за другого. Женщина, чей облик здесь изображён. Её звали Джиирис. Я уверен, что она никогда и не любила кого-то другого. Она посвятила свою жизнь служению, но прожила её в одиночестве.

Зиад положил ладонь на хребет сопровождавшего его дьявола. Оракул был безумцем? Или он ожидал вопроса Зиада и таким образом на него ответил?

— Похоже, нам всем приходится приносить жертвы, — сказал Оракул.

— Меня это не волнует. Где сын Эревиса Кейла. Скажи мне. Если он жив, назови мне место. Если он мёртв, скажи, где я могу найти тело.

Когда Оракул не ответил, Зиад добавил:

— Скажи мне, и тебе не причинят вреда. Но будь уверен, я получу ответ — так или иначе.

— Я давным-давно смирился с тем, что мне причинят вред. Я видел это во сне. Но это были хорошие сто лет.

Оракул повернулся и посмотрел на другой гроб.

— Ты узнаёшь изображённое здесь лицо, Зиад из Тэя?

— Ты знаешь моё имя?

— Посмотри на него и делай то, зачем пришёл, — сурово сказал Оракул. — Ты ведь узнаешь его, да?

Зиад осторожно взглянул на образ, вырезанный на крышке гроба. В нём поднялась ярость, когда он узнал его. Боль навеки запечатлела это лицо в его памяти. Обрубок пальца заныл. Проклятье внутри него заворочалось.

— Абеляр Корринталь, — сказал он, и слова вырвались наружу шипением, а шипение превратилось в кашель.

— Он был моим отцом, — сказал Оракул, снова посмотрев на Зиада. — Хорошим человеком. Святым человеком. Совсем не таким, как ты, Зиад из Тэя.

Кашель Зиада усилился вместе с его яростью. Он почувствовал в животе отвратительную, копошащуюся массу, желавшую лишь *воплощаться*. Его проклятие началось сто лет назад, но всё это время его удавалось сдерживать. Он не позволял проклятию исполниться. Он должен был освободиться прежде, чем Ад сумеет заполучить его.

— Тогда у меня найдётся кое-что для тебя, когда мы закончим, сын Абеяра, — сказал Зиад в промежутках между кашлем и судорожными вздохами. Чёрные капли посыпались на пол. — Сын, сын Эревиса Кейла, где он? Скажи мне немедленно, иначе я заставлю тебя страдать!

Дьяволы жадно зарычали, услышав это.

Светящиеся глаза Оракула посмотрели на Зиада.

— Ты не найдёшь его, Зиад.

— Это ложь! — крикнул тот. — Ты лжёшь!

Он больше не мог сдерживаться. Он бросился через комнату, дьяволы — следом.

Оракул не шевельнулся, и Зиад схватил его за одежду и начал трясти хрупкое тело, с каждым словом разбрызгивая вокруг чёрные капли желчи.

— Лжец! Лжец!

Оракул покачал головой. Его лицо ничего не выражало.

— Я говорю о том, что вижу. Ты не найдёшь его.

Далёкий крик раздался в другой части аббатства. Недалеко.

— Оракул! — крикнул голос.

— Ты не найдёшь его, Зиад, — повторил Оракул, улыбнувшись Зиаду в лицо. — Потому что это он нашёл тебя.

Больное тело Зиада покрылось гусиной кожей.

— Что? Что ты сказал?

— Он нашёл тебя.

Снова раздался голос ниже по лестнице.

— Оракул!

— Значит, я освобожусь от этого прямо сейчас, — сказал Зиад и отшвырнул от себя Оракула.

— Нет, — ответил Оракул. — Ты никогда не будешь свободен. Твоё тело будет зеркалом твоей души. Такова твоя судьба, Зиад.

Ещё один крик, в этот раз ближе.

— Оракул!

Тьма, копошащаяся в животе у Зиада, подступила к его горлу, заставила закашляться, задохнуться. Он вцепился в раздувшийся живот и закашлялся, извергая из себя плотную

ленту мерзости — прямо на пол, оскверняя солнце Амонатора. Поблескивающая лента осталась лежать вонючей массой разложения — Ад, родившийся в его кишках и исторгнутый в мир. Он смотрел на него, пока в голове крутились слова Оракула.

Ты никогда не будешь свободен. Никогда не будешь свободен.

Эти слова погасили ту немногую человечность, что ещё оставалась в нём. Зиад хотел смерти Оракула. Он хотел сжечь аббатство.

— Убейте его! — приказал он дьяволам, махнув на Оракула. — Разорвите на части!

— В этом тебе тоже будет отказано, — сказал Оракул, и прежде чем дьяволы прыгнули, луч яркого света ударил через прозрачный свод потолка, упал на лицо Оракула, окутав его чистым сиянием. Кожа старика стала полупрозрачной в этом свете, обрела розоватый оттенок. Он положил тонкую, жилистую руку на гроб Абеяра.

Дьяволы зарычали, но не бросились на него.

— Убейте его! — завопил Зиад.

Луч угас, а вместе с ним — и свет в глазах Оракула. Его лицо расслабилось, стало каким-то детским. Рот приоткрылся и расплылся в глупой улыбке. Он сказал единственное слово — голосом дурачка, а не церковного лидера, не главы аббатства, которое целый век было светом во мраке.

— Папа, — сказал Оракул.

Дьяволы заворчали и рванулись вперёд. Оракул закрыл глаза и начал падать, но прежде чем он ударился о пол, дьяволы ударили в его тело. В него впились когти и клыки, раздирая одежду, разрывая плоть. Кровь лужей растеклась по полу.

Дьяволы жадно упивались кровавым месивом, пыхтели, фыркали, но потом начали выть, а затем и визжать, когда их плоть задымилась. На когтях и мордах засияла кровь мёртвого Оракула. Они завертелись, будто обезумев, рыча, завывая, плюясь, пытаясь стереть с себя кровь. Их шкуры зашипели, пошли пузырями, расплавляясь. Они взвизгнули в последний раз, когда кожа сползла с их костей, шипы дождём осыпались на пол, а органы растеклись в зловонную массу.

Зиад мог лишь смотреть на это, загипнотизированный, напуганный. Даже в смерти Оракул осуществил свою последнюю месть.

Ярость поднялась в нём, ненависть, темнее и злее даже, чем желчь, которую он оставил на полу, ненависть к Абеяру, к Оракулу, к себе и к тому, во что он превратился, ненависть за то, что осмелился надеяться.

— Оракул! — раздался третий крик снизу, наверное, у основания лестницы.

Зиад повернулся и пнул то, что осталось от тела Оракула — один раз, два, три, снова и снова, рискуя разделить судьбу дьяволов. С ним ничего не произошло, и он вошёл во вкус, выпуская свою ярость. Ломались кости, расходилась плоть, и кровь вытекала из тела, как из тряпичной куклы. Но эта вспышка только раздула его ярость, а не приглушила её. Он закашлялся, снова почувствовал шевеление в кишках, но ему было всё равно. Он смотрел на образ Абеяра Корринталя, вырезанный в деревянной поверхности гроба. Мирное выражение. Он плюнул на образ, ударил по дереву кулаком. Его кожа разошлась, и кровь запятнала лик Абеяра.

— Ты! Ты! Ты причина всего, что со мной произошло!

Он схватился за крышку гроба и со стоном сбросил её в сторону, обнажив завёрнутое в саван тело внутри.

— Ты получил свой покой! — крикнул он Абеяру. — Ты получил мир! А у меня есть

лишь только обещание Ада! Из—за тебя!

— Жизнь, которую он прожил, принесла ему мир, — сказал сильный, ровный голос за его спиной. — Жизнь, которую прожил ты, принесёт тебе кое—что намного хуже.

Зиад медленно обернулся. На его губах заиграла усмешка. Человек, который стоял в дверном проёме, был лишь чуточку ниже Сэйида. Длинные, тёмные волосы были стянуты в хвост, открывая лицо с крепкой челюстью. Борода и усы, которые он носил, не скрывали жёсткой линии рта, обещавшей насилие. Блеклые, серые доспехи защищали его крепкое тело. Он нёс щит с изображением розы и крупный тёмный клинок, с которого сочилась тьма. Тонкая полоска тени с клинка вела туда, откуда пришёл мужчина. На его обнажённой коже вспыхивали тени.

Кулаки Зиада сжались.

— Нет ничего хуже!

Мужчина шагнул в комнату. Зиад отступил на шаг, его живот скрутило, как в Аду.

* * *

Васен окинул взглядом останки дьяволов, тело Оракула, осквернённый гроб святого Абеяра. Он остановил взгляд на худом мужчине.

— Меня зовут Васен Кейл. Моим отцом был Эревис Кейл. Я тот, кого вы пытались найти.

— И всё—таки это ты нашёл меня, — сказал мужчина, и с его губ сорвался безумный смешок, превратившийся в мокрый кашель.

Васен сделал ещё шаг в комнату, оставляя за собой тени, неся свет. Мужчина попятился от гроба к двойным дверям у себя за спиной. Его взгляд сновал туда—сюда, как будто он чего—то ждал.

— Вот он, владыка Кании, — сказал мужчина, указав костлявым пальцем на Васена. — Он нашёлся. Сын Кейла. Освободи же меня от этого!

Мужчина закашлялся, задыхаясь. Васен не видел никакого смысла в его бормотании, но ему это было и не нужно. Ему нужно было только убить его.

Он поднял щит Абеяра и Клинок Пряжи.

— Это щит повелителя рассвета и это меч моего отца. С их помощью я собираюсь убить тебя.

Мужчина завопил от отчаяния, ярости и ненависти, разбрызгивая чёрную желчь.

— И где же твоё обещание, владыка Кании?

Мужчина вгляделся в тёмные уголки комнаты, как будто в них таился какой—то секрет.

— Я сделал, что ты просил! Вот он! Освободи меня!

— Ты безумен, — сказал Васен.

Мужчина зло посмотрел на Васена, его грудь раздувалась, как кузнечные меха.

— Может быть, я безумен. И может быть, меня освободят только когда ты умрёшь!

Он поднял руки, и с его ладоней ударила полоса огня. Васен поднял щит, и огонь встретился со сталью, отбросив его на шаг. Тени потекли с кожи Васена, с Клинка Пряжи, и те из них, что были рождены мечом, окружили огонь темнотой и сдержали его.

Но мужчина продолжал кричать, животным криком бездумной ненависти, огонь тёк с его рук, чёрная желчь летела каплями изо рта.

Языки пламени подожгли гробы и охватили один из гобеленов на стене, быстро превратившийся в огненную завесу. За несколько мгновений огонь охватил всю комнату.

Васен шагнул через огонь, сделал один шаг, второй.

— Васен! — услышал он крик на лестнице внизу. — Васен!

— Я здесь! — закричал он в ответ, пока языки пламени лизали его щит.

Позади него в дверном проёме появились Орсин и Герак и остановились, широко распахнув глаза, когда увидели бушующее пламя. Герак натянул тетиву и прицелился с обычной для него молниеносной скоростью, но худой мужчина поднял руки и послал в лучника вторую огненную полосу. Та попала Гераку точно в грудь и швырнула его к стене. Мужчина быстро выстрелил снова, в Орсина, но дэва нырнул и увернулся.

Мужчина засмеялся.

— Я убью вас всех! И тогда буду свободен. Смотри, владыка Кании! Смотри!

Пропел лук Герака, и стрела вонзилась мужчине в плечо. Тот скорчился от боли, покачнулся, сгорбился, зарычал. Его пламя угасло. Он поднял левую руку, чтобы испустить новый поток огня, но лук Герака пропел второй раз, и вторая стрела вонзилась в него, на этот раз — в левое плечо. От столкновения мужчину развернуло, и он вскрикнул от боли.

— Умри, — сказал Герак.

Третья стрела вошла в левое бедро, и мужчина упал. Он рухнул на пол, сотрясаясь от кашля, выхаркивая комки чёрной слизи.

Герак шагнул к Васену, снова достал и наложил стрелу, целясь мужчине в горло. Васен опустил свой щит и меч и просто смотрел. Худой заслуживал смерти, и Герак доказал своё право даровать ему эту смерть.

Тетива закрипела, когда Герак натянул её до самого уха.

Мужчина бешено извивался на полу, переломав застрявшие в теле стрелы, обхватив руками живот, дико, маниакально крича между приступами кашля. Его тело пульсировало, бурлило, как будто что-то пыталось выбраться из него наружу.

— Больно! — кричал он. — Убейте меня! Убейте!

— Не стоит дарить ему лёгкую смерть, — сказал Орсин. — Он заслуживает любой боли.

Герак посмотрел на Зиада поверх стрелы и после долгой паузы опустил лук.

Мужчина перекатился на живот, тёмные, налитые кровью глаза глядели с бледного овала его лица. Его зубы, кривые и измазанные чёрным, обнажились в усмешке.

— Я убью вас! Всех вас!

Он приподнялся на раненных руках, захрипев от боли, и кое-как встал на ноги. Он поднял руку, указывая на их. Васен приготовил щит, Герак прицелился, но прежде чем мужчина смог выстрелить огнём, его глаза наполнились болью и страхом. Он напрягся, запрокинул голову и издал пронзительный вопль боли. Его спина выгнулась, он широко раскинул руки, согнув пальцы, как когти. Гобелены и гробы пылали вокруг.

— Страдай, ублюдок! — крикнул Герак. — Страдай, как она!

— Нам нужно идти, — сказал Орсин. — Второй ещё жив, а вместе с ним и множество дьяволов.

Васен кивнул. Тени потекли с него, с Клинка Пряжи, и заструились по коридорам аббатства.

Новый крик от худого мужчины, мокрый клёкот, который закончился тем, что он изрыгнул чёрную полосу желчи себе на одежду. Он прижал руки к лицу, закричал, когда чёрная жидкость потекла из его глаз, носа, ушей, пачкая одежду.

— Это не то, что ты обещал! — кричал мужчина. — Не то, что ты обещал!

Рычание и тяжёлые скребущие шаги когтистых лап в коридоре позади мужчины стали достаточно громкими, чтобы их можно было расслышать за его воплями и треском пламени.

— Они идут, — сказал Орсин.

— Ты уже увидел всё, что хотел, — обратился Васен к Гераку. — Оставь его страдать или убей. Решать тебе.

Герак посмотрел на вопящего человека, казалось, бесчувственный ко всему, кроме его боли. Черты его лица исказились от гнева, он выхватил стрелу, натянул и выстрелил. Стрела по оперение вошла в кричащего мужчину. Тот, казалось, едва заметил рану, из которой хлынула чёрная жидкость.

— Герак, — сказал Орсин.

Но Герак его уже не слышал. Он снова натянул лук и выстрелил. Достал стрелу, натянул, выстрелил, стрелы летели так быстро, что Васен потерял дар речи. Спустя пару мгновений из тела мужчины торчали ещё шесть стрел. Чёрная зловонная жидкость сочилась из ран, но он по-прежнему стоял и кричал, кровоточил, умирал, менялся.

— Нам нужно идти! — воскликнул Орсин, когда что-то крупное и сильное врезалось в двойные двери позади умирающего, истекающего кровью мужчины.

Тот издал нечеловеческий визг, когда кожа его худого тела затрещала и разошлась, кровь и ихор забрызгали комнату, и что-то стало вылезать из него — как будто его тело было яйцом, породившим чудовище.

— Нет! — закричал он. — Нет!

Острые когти вырвались из кончиков его пальцев в потоке тёмной жидкости. Его спина вытянулась с мокрым, трескучим звуком, сделав его ещё выше и тоньше. Он кричал от боли, пока его тело превращалось. Его череп удлинился, челюсть расширилась. Зубы посыпались изо рта, когда из дёсен на их место вылезли клыки. Его голос стал глубже. Из спины вылез придаток, костистый хвост, оканчивающийся шипастым костяным наростом, похожим на лезвие алебарды. Дьявол — костяной дьявол, понял Васен — воспользовался когтями, сдирая с себя остатки человеческого тела, как будто раздеваясь.

— Нам *нужно* идти, — повторил Орсин.

Васен схватил Герака за руку.

— Она отмщена, Герак. Элли отомщена. Пойдём.

Костяной дьявол был вдвое выше человека, его обнажённое тело обладало цветом старой кости, плоть так сильно натянулась на нём, что, казалось, он состоит из одной лишь кожи, сухожилий и костей. В чёрных, как запятнавшая пол желчь, глазах пылала ненависть. Пальцы на его гипертрофированных руках заканчивались чёрными когтями длиной с лезвие ножа. Дьявол поклацал ими, как будто пробуя новую игрушку.

Наконец, двойные двери поддались, и полдюжины шипастых дьяволов вместе с Сэйидом хлынули внутрь. Они резко остановились при виде возвышающегося в комнате костяного дьявола.

Взгляд безэмоциональных, мёртвых глаз Сэйида упал на грудь разодранной плоти на полу у когтистых лап дьявола, на лицо худого мужчины, которое ещё можно было разобрать на вершине груди, его глазницы смотрели в никуда, безвольный рот распахнут в беззвучном крике.

— Зиад? — спросил Сэйид, меч безвольно повис у него в руке.

Орсин схватил Васена и Герака железной хваткой.

— Нас ждёт собственный путь.

Он кивнул на линию теней, что вела из Клинка Пряжи вниз по залу, прочь от дьяволов.

— Мы должны идти. Прямо сейчас.

— Это свобода, Сэйид, — сказал дьявол глубоким и мрачным голосом. — Наконец-то свобода.

Сэйид упал на колени, глядя на дьявола. Его лицо обмякло, и Васен увидел, как что-то в нём умирает. Шипастые дьяволы притихли перед своим крупным собратом.

Васен, Орсин и Герак развернулись и бросились бежать.

Не успели они пробежать и пяти шагов, костяной дьявол сказал:

— Убейте их всех.

Васен обернулся, чтобы увидеть, как шипастые дьяволы несутся вслед за ними, сплошные шипы, чешуя и клыки. Они выпустили в воздух несколько дюжин шипов, загоревшихся в полёте.

Он направил силу Амонатора через свой щит и тот вспыхнул, залив розовым светом весь коридор. Шипы ударили в свет и посыпались на пол. Васен развернулся и побежал дальше, следуя извивающейся нити тени, тянувшейся перед ним из Клинка Пряжи.

Дьяволы завопили и бросились в погоню, их когти заклацали по каменному полу. Орсин слетел по лестнице, преодолел несколько дверей, которые Васен захлопнул вслед за ними, надеясь задержать дьяволов. Он держал Клинок Пряжи перед собой, следуя за сотканной им нитью. Он понятия не имел, куда она ведёт.

— Это может ничего не значить! — крикнул он Орсину, указывая на нить из тени перед ними.

— Следуй за ней, — ответил Орсин. — Доверься мне! Это уже случалось раньше!

Каждый раз, когда они сворачивали за угол, каждый раз, когда открывали дверь, Васен опасался встретить новых дьяволов, но путь оставался чист. Они промчались через наружную дверь в северный двор, пробежали по гладким плитам и сияющему солнцу, символу Амонатора.

— Меч ведёт нас в долину, — сказал Герак. — В лесах мы будем уязвимы. Нам нужно выбрать место для обороны и принять бой.

— Ты только и хочешь принять бой, — с ухмылкой отозвался Орсин, потащив его за собой. — Не останавливайся!

Позади них дьяволы пробились сквозь дверь, заметили троих товарищей и выпустили поток пылающих игл. Снаряды застучали по стенам.

— Не останавливайтесь! — воскликнул Васен, и потянул Герака вперёд. — Следуй за нитью! Следуй за нитью!

Они выбежали со двора, пробежали мимо пристроек и загонов для скота, бросились к соснам. Дьяволы не отставали. Васен слышал, как они рычат — не только позади, но и с обоих боков.

* * *

Лихорадочно размышляя, Бреннус стоял перед тёмным прорицательным кубом.

— Будем смотреть? — спросили гомункулы. Конструкты сидели на обоих его плечах.

Бреннус кивнул. Он поднял руку и выпустил разряд энергии в куб, активируя его.

Чернота на серебрянной поверхности собралась в тёмные тучи, обнажая блестящую металлическую поверхность.

Тени яростно кружились вокруг него, вторя бешеному ритму сердца. Он сжал в одной руке священный символ в виде розы, а в другую взял ожерелье матери, поднял их перед собой — два украшения, созданных с разницей в тысячу лет, но вместе сложившихся в очередной кусочек головоломки, которую он давно пытался разгадать.

Он сотни раз пробовал найти с помощью магии аббатство Розы и всегда терпел неудачу. Он решил, что это просто миф. Но сейчас понял, что ошибался. Он предпринял не меньшее число попыток отыскать сына Кейла и тоже потерпел неудачу, и тоже решил, что сын был мёртв или за пределами досягаемости. Но сейчас понял, что и на этот счёт ошибся. До этих двух случаев единственной личностью, за которой он не мог следить с помощью магии, был сам Эревис Кейл — Маск закрыл Кейла от прорицания Бреннуса. Но Маск был мёртв, разве нет? Так кто закрывал сына Кейла?

Всё сложилось воедино в самое подходящее время. Он подумал, что у истоков всего этого каким-то образом стоит Маск. Вероятно, Бреннус каким-то образом помогал повелителю теней, но его это устраивало. Помогая Маску он предположительно вредил Шар. А навредить Шар значило навредить Ривалену. И навредить Ривалену — это всё, чего он хотел.

— Теперь проверим, — пробормотал он.

Священный символ сына Кейла, как надеялся Бреннус, послужит фокусом, необходимым ему, чтобы пробить защиту, каким бы ни был её источник.

Его гомункулы нетерпеливо потирали руки.

Держа в пальцах розу, он поднял руки над головой и прочитал слова одного из самых могущественных заклятий прорицания. Он сфокусировал око заклинания на сыне Кейла, на аббатстве Розы, и позволил силе потечь из себя. Магия пропитала клубящиеся вокруг него тени, пронзила их красными и оранжевыми жилками, и они потянулись к грани прорицательного куба, где слились с бурлящими тучами темноты.

Серебряная поверхность куба приобрела глубину, потемнела, но ничего ему не показала. Его заклинание потянулось через Сембию. Бреннус продолжал вливать силу в куб, пока не покрылся потом, каплями струившимся по лицу. Он так крепко сжал в ладони розу, что края впились в его плоть. Гомункулы взвизгнули от страха и закрыли глаза, когда вокруг собралось ещё больше силы.

На поверхности куба загорелись точки оранжевого света, как звёзды в глубине. Контролируя своё возбуждение, он приказал магии подступить ближе, осознав, что смотрит вниз с высоты на горную долину. Оранжевые точки были горящими деревьями. Пытаясь справиться с нахлынувшими эмоциями, он заставил око заклинания опуститься вниз, чтобы разобрать детали. Долину пересекала река. Тут и там виднелись озёра. Древние сосны укрыли долину зелёным покрывалом. Многие деревья пылали. Он видел движение между деревьев по всей долине, но сейчас не стал обращать на это внимание. Вместо этого он сосредоточился на зданиях, частично скрытых соснами. Несмотря на темноту, он опознал в них храм или аббатство.

— Нашёл, — сказал он.

Он переместил око прорицания к бешеному движению, которое заметил среди пылающих сосен. Перспектива помутилась, когда глаз быстро метнулся через долину, сфокусировавшись на трёх людях, бегущих сквозь лес. Один из них, высокий, тёмнокожий, к

телу которого липла тьма, наверняка был потомком Кейла. Другие, дэва и вооружённый луком человек, сопровождали его. За ними по лесу гнались шипастые дьяволы и одинокий костяной дьявол.

Дьяволы означали, что в этом как-то участвовал Мефистофель. Неудивительно, учитывая что владыка Кании был связан с Маском. Бреннус не мог допустить, чтобы сына Кейла убили или взяли в плен агенты архидьявола. Бреннусу был нужен сын, чтобы узнать то, что он знал, то, чем он *был*, и узнать, как Бреннус мог использовать сына, чтобы навредить Ривалену.

Он осторожно осмотрел местность, изучая долину, аббатство, запечатляя всё это в памяти, и громко обратился к своему мажордому, Лаарилу. Спящие заклинания в его доме доносили его слова до Лаарила, где бы мажордом не находился.

— Лаарил, собери отряд из доверенных людей и их везерабов у телепортационного круга во дворе. Немедленно. Никто не должен об этом знать.

Ответ пришёл сразу же.

— Да, принц Бреннус.

Бреннус обдумывал возможность вернуться в свои покои и вооружиться дополнительными жезлами, но решил, что его мастерства и волшебных предметов будет достаточно. Он стянул вокруг себя тьму и шагнул сквозь неё во внутренний двор своего особняка.

На круглом прямоугольном дворе лежала одинокая плита полированного базальта. Стены и шипастые башни особняка окружали её со всех сторон. В базальте был вырезан большой тауматургический треугольник, выложенный серебром. В одном конце двора стоял слуга, сжимая поводья уже осёдланного везераба Бреннуса. Когда принц приблизился, слуга поклонился и отошёл, и везераб прошипел приветствие сквозь клыкастый сфинктер своей пасти. Он сложил крылья, когда Бреннус подошёл к нему и скользнул в седло.

Начали возникать люди. Карманы тьмы появлялись во дворе тут и там, и полностью вооружённые воины-шадовар, лица которых были скрыты затейливыми шлемами, возникали из мрака на своих везерабах. За несколько мгновений двор заполнила дюжина верховых воинов. Везерабы толкались и шипели друг на друга.

Бреннус пришпорил своего зверя, и червеподобное тело везераба ступило в центр тауматургического треугольника. Воины последовали его примеру.

— Мы отправляемся в долину в Грозовых вершинах, — объявил Бреннус. — Там присутствуют дьяволы, но они не предоставляют для нас интереса. Там есть три человека, один из которых выглядит, как шейд.

Воины переглянулись, язык их тел выражал удивление.

— Он не шадовар. Он путешествует с дэвой и человеком. Все трое нужны мне живыми.

Кулаки ударили по нагрудникам и воины в один голос отозвались:

— Как пожелаете, принц Бреннус.

Бреннус начал ритуал телепортации.

Глава двенадцатая

В лесу кишели дьяволы. Васен слышал, как они продираются через кустарник, рычат вокруг.

— Они пытаются отрезать нас! — воскликнул он. — Быстрее!

— Я почти ничего не вижу! — отозвался Герак, едва не споткнувшись о бревно. Васен забыл, что Герак, в отличие от них с Орсином, не мог видеть в темноте. Он зажёл свой щит, и свет заполнил лес. Вокруг возникли тени. Васен почувствовал, как они стучатся в его сознание. Прежде он никогда не испытывал этого чувства столь отчётливо. Он посмотрел на меч в своей руке, задумавшись.

В воздух полетели пылающие шипы, оборвав его мысли, и прямо к ним выскочил дьявол. Дьявол сбил Герака на землю и сомкнул челюсти на его ноге. Герак закричал, попытался вырваться из-под существа, а Васен с криком вонзил Клинок Пряжи в бок чудовища, насадив его на чёрный клинок. Дьявол попятился, зарычал от боли. Справа возник Орсин с заряженными чёрной энергией кулаками. Он вбил кулак в открытую пасть чудовища и вогнал его до самой верхушки черепа. Изверг рухнул безжизненной грудой, из расколотов головы потекли мозги и иxor.

— В порядке? — спросил Васен Герака, поставив его на ноги. Приближались новые дьяволы.

— Я справлюсь, — ответил тот, моргнув, когда наступил на ногу. Прежде чем Васен успел сказать что-либо ещё, глаза Герака широко распахнулись, и он отшвырнул Васена в сторону, поднимая лук. Сзади и сверху раздался рык, и Васен развернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как с одной из сосен на Орсина прыгает дьявол. Пропел лук Герака, и стрела ударила изверга в полёте, по оперение вонзившись ему в глотку. Корчась, существо врезалось в землю, вместо визгов боли из раны в глотке раздавался хриплый свист. Герак выстрелил снова, попал в грудь, и существо затихло.

Повсюду вокруг них от дьявольских игл горели сосны и подлесок. Вой и рычание раздавались со всех сторон. Снова Васен почувствовал необыкновенную чувствительность к пляшущим вокруг теням. Он чувствовал расстояние до них, их вкус и текстуру. Он ощущал их во многом так же, как чувствовал свою веру после того, как его призвал Амонатор.

Его бог позволял ему черпать силы в вере, превращать её в энергию, чтобы служить свету. Тени тоже были инструментами, и его кровь позволяла ему черпать силы в них, использовать их, не так ли? Разве его отец не командовал тенями?

Он посмотрел на свои руки, увидел сочащиеся с кожи тени, выющиеся вокруг Клинка Пряжи. Он почувствовал связь между тьмой в своём теле, тенями, которые отбрасывал он в свете своего щита, и тенями вокруг. Свет и тени были едины, сливались в нём. Он мог перемещаться сквозь них, если желал. Он знал это.

— Васен, — окликнул Орсин. — Васен, нужно уходить.

— Слишком поздно, — сказал Герак и принялся втыкать стрелы в землю вокруг себя, чтобы можно было легко дотянуться. — Они нас окружили. Бежать некуда.

Вокруг пылал лес, огонь прыгал с сосны на сосну. Воздух становился всё жарче и жарче с каждым мгновением. Кусты и опавшая хвоя загорались моментально. Скоро должен был запылать весь лес. Среди пламени сновали дьяволы, всего около полудюжины, силуэты их чудовищных форм двигались среди деревьев и огня, нетронутые жаром. Глаза мерцали

красным. Они двигались с медленной уверенностью хищников, волков, наконец окруживших жертву.

— Значит, будем сражаться здесь, — сказал Орсин и провёл посохом по земле, очерчивая круг, определяя собственную арену. — Ты получил своё сражение в конце концов, Герак. После этой жизни будут следующие, друзья мои. Надеюсь, в одной из них мы снова встретимся.

Васен оглянулся на аббатство, но не увидел его. Оно было скрыто дымом, огнём и деревьями. Оракул был мёртв, аббатство заброшено, и долина уже не принадлежала свету. Она принадлежала теням.

Теням.

Его восприятие сузилось до единственной вещи — теневой жилы, сотканной для него Клинком Пряжи, тёмной линии, прочерченной сквозь реальность, тянущейся назад в аббатство, тянущейся вперед через огонь, мимо дьяволов, и дальше в лес, границей между прошлым и будущим. Текущее мгновение застыло посередине. Клинок был линией, соединяющей Васена с его отцом и способностями отца.

Он чувствовал эту нить в своём мозгу, чувствовал путь, сплетаемый ею через лес, чувствовал точку назначения.

Он знал, куда линия ведёт их.

Герак выстрелил в сторону деревьев. Во тьме завопил дьявол, но остальные продолжили приближаться. Они готовились нападать. Орсин обеими руками поднял посох перед собой. Его лицо было ровным, спокойным. Со стороны аббатства раздался шум крупного тела, продирающегося через лес. Костяной дьявол был на подходе. Его прибытие предвещали ликующие вопли и визги шипастых собратьев.

Огонь становился все жарче по мере распространения пожара. Небо засияло оранжевым. Облака дыма поднимались воздух.

— Смотрите! — воскликнул Герак.

Там, где должно было находиться аббатство, в небе возникла мерцающая зелёная линия, расширяясь до тех пор, пока в воздухе не образовался большой прямоугольник. Портал. С другой стороны портала двигались тёмные фигуры, увеличиваясь и увеличиваясь, пока не вышли наружу из магической двери.

— Шадовар, — сказал Герак. Он прицелился, но расстояние было слишком велико для выстрела.

Дюжина шадовар верхом на везербах пролетела сквозь портал. Огромные крылатые черви встали на дыбы, возникнув в небе, их крылья стремительно забились. Наездники попытались их успокоить. Один из шадовар, подсвеченный мерцающим порталом, не носил доспехов и восседал на самом крупном везерабе. Он посмотрел вниз на аббатство, на лес, его сияющие глаза были цвета отполированной стали.

Без предупреждения в товарищей со всех сторон полетел дождь пылающих игл, дюжины шипов, огненный ливень. Большая часть вонзилась в ближайшие деревья и подожгла их, но около десятка ударило в троицу. Васен блокировал большую половину своим щитом, остальные иглы отскочили от его доспехов, но у Орсина и Герака не было такой защиты, и оба застонали от боли, когда шипы проткнули их одежду и вонзились в кожу.

— Они идут, — сказал Орсин, выдёргивая из руки пылающий шип.

Дьяволы готовились к последней атаке. Их рычание и вопли достигли крещендо, и в мерцании пламени Васен видел, как чудовища проламываются сквозь кустарник и деревья,

подбираясь к троице товарищам. Со стороны аббатства виднелась нависающая тень костяного дьявола, как колосс шагающего среди сосен.

— Встаньте рядом со мной, — сказал Васен. — Сейчас же. Никаких вопросов.

Над головами троих товарищей прозвучали крики везерабов, когда шадовар промчался в небе над пламенем. Васен услышал, как воины окрикивают друг друга, указывая на дьяволов и на него с друзьями. Стальноглазый шадовар в длинной мантии ппикировал прямо на них. В его вытянутой руке собралась энергия.

Васен потянулся к теням, когда Орсин и Герак подступили к нему.

— Что ты делаешь? — спросил Герак.

Орсин, должно быть, понял.

— То, для чего он был рождён.

Когда Васен почувствовал, что его разум ухватился за тени, он притянул их ближе, сделал глубже, темнее. Они закружились вокруг него и спутников.

Васену было уютно во тьме, он чувствовал себя дома. Тени затмевали свет мира, но не свет его веры. Он мог одновременно принимать наследие своей крови и факт его веры. Ему не нужно было выбирать что-то одно. Он мог получить оба.

Дьяволы бросились сквозь пылающие деревья. Шадовар выпустил разряд чёрной энергии. Васен коснулся обоих друзей, шагнул сквозь тени, и унёс их из этого места.

* * *

От злости Бреннус сжал поводья своего везераба так, что побелели костяшки. Овит заставил его поверить, что сын Кейла не обладает подобными способностями. Он выругался.

— Прочешите лес! — приказал он сопровождавшим его наездникам. Говорил он с обычной громкостью, но заклинание донесло его слова до каждого воина. — Отыщите их! Немедленно!

Огонь и дым ухудшали видимость в лесу. Он бросил своего везераба в полёт над лесом, рекой, аббатством. Остальные наездники последовали его примеру. Сын Кейла не мог далеко перемещаться сквозь тени. Даже истинный шейд не смог бы унести их далеко.

— Видите их? — спросил он.

— Нет, милорд!

— Нет, лорд Бреннус!

Он почувствовал зуд, прикосновение могущественной магии прорицания, и сразу же понял, откуда она исходит: Ривален. Он выругался снова. Скоро появится его брат.

Внизу по лесу рыскали шипастые дьяволы, пробираясь сквозь пылающее inferно. Среди них расхаживал костяной дьявол. Бреннус оглянулся на аббатство — тёмное и, похоже, заброшенное. Оно скорее напоминало мавзоль, чем сотню лет избегавшее обнаружения святилище Амонатора.

— Что изменилось? — спросил себя Бреннус.

— Никого нет дома, — сказал один из гомункулов на его плечах.

— Но почему? Почему сейчас?

Взяв розу Амонатора за несколько уцелевших звеньев её цепочки, Бреннус прочитал слова нового заклинания, фокусируя магию вокруг сына Эревиса Кейла. Закончив заклинание, он почувствовал, что оно навелось на цель. Роза поднялась с его ладони и

устремилась на восток, потянув за цепочку.

Он не стал предупреждать своих людей. Нетерпеливо он развернул везераба на восток. Массивное чудовище описало дугу в воздухе, ударило крыльями и полетело как стрела сквозь воздух.

— Нашёл его? — спросил один из гомункулов.

— Да, — ответил Бреннус. — Нашёл. Но идёт ночной провидец.

Гомункулы спрятались в складках его плаща и задрожали.

* * *

Трое товарищей возникли в лесу у восточной границы долины. Перед ними нависали горы, превратившиеся в тёмную стену. В ушах Васена громко отдавался шум водопадов. В соснах шептал ветер. Относительная тишина, казалось, чего-то ждала.

— Озеро, — произнёс Орсин, кивая.

— Ты сказал, что оно священо, — ответил Васен.

Линия тени тянулась с Клинка Пряжи в лес, в сторону озера.

— Какое озеро? — спросил Герак. — Что только что произошло?

Вдалеке они видели оранжевый свет пылающего леса.

Над пеклом сновали тёмные крылатые фигуры везерабов. Один из шадовар оторвался от пожара и направился в их сторону. Каждый удар больших крыльев его зверя пожирал расстояние.

— Шадовар идут, — заметил Орсин.

Васен бросился в сторону озера.

— Пойдём.

Они последовали за линией мрака, соединявшей Клинок Пряжи с водой.

Оказавшись на краю озера, они посмотрели в воду — такую тёмную и неподвижную, что она была похожа на дыру. Тени с меча утекали в глубину.

— Ну? — спросил Герак, оглядываясь через плечо.

Орсин посмотрел на Васена.

Васен поглядел на воду, облизал губы.

— Последуем за ней.

Герак взглянул на него, как на безумца.

— В воду?

Вопли позади заставили их обернуться — везераб. Кроны деревьев скрывали приближающегося шадовар, но Васен знал, что он уже близко.

— Да, в воду.

— Есть много других мест, где можно спрятаться, — сказал Герак. — Я могу отвести нас к...

— Мы не прячемся. Мы уходим.

— Уходим? Уходим куда? — спросил Герак.

Васен пожал плечами.

— Туда... куда я должен прийти. Знаю, как это звучит. Но знаю, что я прав.

Герак покачал головой, тихо выругался. Он посмотрел на Орсина.

— Ты видишь в этом какой-то смысл?

Орсин медленно кивнул.

— Вижу.

— Что ж, ты и в прошлых жизнях видишь смысл, так что твоё мнение не особенно ценно.

Орсин засмеялся в ответ.

Герак осторожно посмотрел в воду.

— Я не умею плавать, — наконец признался он.

Васен улыбнулся и солгал:

— Я тоже. Но сомневаюсь, что нам это понадобится.

Крики везерабов и шорох крыльев звучали уже ближе.

— Я прошу довериться мне, — сказал Васен.

Герак перевёл взгляд с Васена на Орсина, обратно на Васена.

— Если ты ошибаешься, я найду тебя в следующей жизни.

Орсин снова засмеялся. Васен присоединился к нему.

— Договорились.

В десяти шагах забурлили тени, потемнели, и в них возникли две мерцающие точки серо-стального цвета. Тьма сгустилась, превратившись в предводителя шадовар. Нижняя часть его тела растворялась во мраке, и казалось, что ниже колен у него нет ног. Его тонкое, угловатое лицо ничего не выражало. Его руки блестели от колец. Два крохотных создания с похожей на глину кожей, гомункулы, сидели у него на плечах.

— Пойдите, — сказал шадовар, вытянув руку. На кончиках его пальцев собралась энергия, извиваясь щупальцами тени.

Васен не стал ждать. Он поднял щит с розой Святого Абеяра и направил в него свою веру. Розовый свет вспышкой ударил из щита, окутав весь луг ярким светом. Шадовар и гомункулы закричали, закрывая глаза от неожиданной вспышки.

— Идём! — крикнул Васен, попытавшись толкнуть Орсина и Герака в воду.

Но прежде чем кто-либо из них успел прыгнуть, с неба над головой ударил гром — с такой силой, что у Васена заболели кости, и он распластался по земле. Со звоном в ушах он поднялся на четвереньки.

— Десятки лет я искал тебя, сын Кейла, — сказал глубокий, гулкий голос в небесах, голос, настолько полный силы, что, казалось, он занимает собой весь воздух. Васен с трудом мог дышать. — А ты был здесь всё это время, скрывался у меня под носом.

Васен, покачиваясь, встал на ноги, его щит по-прежнему пылал, и поднял взгляд вверх.

Из мерцающего зелёного разлома в тёмных облаках опускался второй шадовар. У него не было верхового зверя. Он парил только с помощью собственной силы. Тьма кружилась вокруг него, сливаясь с его развевающимися тёмными одеждами. Перед ним расходилась волна почти осязаемой силы. Он казался более... реальным, чем весь остальной мир, более материальным, более *присутствующим*. На тёмной дыре его лица горели золотые глаза.

— Ривален, — сказал сталеглазый шадовар полным ненависти голосом.

Васен знал это имя. Принц Ривален Тантул, ночной провидец Шар, по слухам был полубогом.

— Ривален, — прошептал Орсин. — Один из трёх.

— Нужно уходить, — тихо сказал Васен, помогая Гераку и Орсину встать на ноги. Он подтолкнул их к воде.

Ривален достиг поверхности, облако мрака закружилось у его ног. Вся нижняя часть его

тела терялась в тенях. Казалось, что он оседлал грозовой фронт.

— Вы не уходите, — сказал Ривален. — Никто не уходит.

— Ривален, — окликнул его другой шадовар.

— Помолчи, Бреннус, — сказал Ривален и сделал рубящий взмах ладонью, от которого Бреннуса швырнуло спиной в одну из сосен. От столкновения затрещало дерево или кости — или и то, и другое.

— Думаешь, я не знаю о твоих инфантильных кознях? — спросил его Ривален. — Думаешь, твои намеренья мне неизвестны?

К удивлению Васена, Бреннус поднялся на ноги.

— Нет, — ответил он. Стальные глаза мерцали. Он поднял что-то в руке, ожерелье с драгоценными камнями. — Я ясно дал понять, чего хочу. И ничего не изменилось.

Взгляд Ривалена не отрывался от Васена.

— Ты ошибаешься, Бреннус. Мы обнаружили сына Кейла. Всё изменилось.

Он взмахнул рукой, и свет щита угас.

— Довольно этого щита.

Бреннус посмотрел на Ривалена, потом на Васена, снова на Ривалена.

Васен отступил к теневому пруду, Герак и Орсин — вместе с ним. Он поднял щит и Клинок Пряжи, хотя не ожидал, что от них будет какой-то толк.

— Я не боюсь тебя, шадовар, — сказал Васен, и это была правда. — И меня зовут Васен.

Ривален улыбнулся, продемонстрировав небольшие клыки.

— А стоило бы меня бояться. У тебя характер отца, Васен. Но он не спасёт ни тебя, ни этот мир.

Ривален скользнул к ним, земля, казалось, вибрировала под весом его силы.

— Бегите, глупцы! — крикнул Бреннус Васену, и начал читать слова заклинания.

Выражение лица Ривалена посуровело, его глаза полыхнули.

Васен резко развернулся, подхватил Орсина и Герака, и прежде чем они успели запротестовать, бросил их в озеро. Они сразу же ушли под воду. Он оглянулся через плечо и прыгнул сам.

Колонна пламени протянулась из руки Бреннуса и окутала Ривалена. Ривален стоял в самом сердце пламени, ни капли не пострадав — тёмное око огненного шторма. Он выпустил зазубренную зелёную молнию — не в Бреннуса, а в Васена.

Васен подставил свой щит и меч, и его ноги коснулись воды. Он ожидал смерти или чего похуже, но Клинок Пряжи притянул энергию заклинания, как магнит — железную стружку. Оружие, казалось, поглотило почти всю молнию, хотя остаточная сила заклинания всё равно швырнула Васена по поверхности озера, как брошенный камень.

Когда он погрузился в воду, энергия заклинания всё ещё шипела на клинке, и зелёное сияние освещало чернильные бездны пруда. Вода, казалась, сжала его в своей хватке, потащила его вниз, зелёные полосы энергии от магии Ривалена змеились вокруг клинка, вокруг рукояти. Васен слишком поздно сообразил, что нужно было бросить меч, и энергия коснулась его плоти.

Разряд боли прошёл сквозь тело, и он закричал, выпуская поток пузырей. Сердце сжалось. Ему показалось, что крошатся рёбра. Зрение помутилось, он изо всех сил пытался удержаться в сознании. Его тело содрогалось в спазмах, и даже с усиленным мраком зрением он ничего не видел. Он ожидал, что сверху раздастся всплеск — Ривален погонится за телом — но ничего не услышал, только безмолвие собственной агонии.

Он знал, что умирает, потому что вода казалась не холодной, а тёплой, и быстро тащила его вниз, впитывая его, проглатывая его целиком. Торопясь сбежать, он убил не только себя, но и Герака с Орсином. Они все утонут, навеки потеряются в озере теней.

Тьма текла вокруг него, воплощение всех его сожалений, его боли, его неудач. Он падал, вечно падал в глубину.

— Скоро увидимся, — сказал Васену Ривален, подлетев к краю озера. Он видел только призрак собственного отражения в глубокой воде, золотые глаза смотрели на него, как звёзды.

Озеро, должно быть, являлось спящим порталом, который пробудил Клинок Пряжи. В этот момент он понял, что портал поместил сюда Дразек Ривен. Ривалена забавляла мысль о Ривене, недалёком дурачке с его заговорами и контрзаговорами, пытавшимся помешать собственным планам Ривалена. Ривен был всего лишь очередной пешкой в игре Ривалена.

Смешок Бреннуса заставил его обернуться.

— Даже полубог не может всё время получать желаемое. Ты потерпел неудачу, Ривален. Ты хотел Васена Кейла и не смог его заполучить.

Ривален рассмеялся, громко и долго.

— Я пришёл сюда не для того, чтобы схватить его, Бреннус. Ему ещё предстоит сыграть свою роль. Я был здесь, чтобы удостовериться, что ты его не поймаешь. Это ты потерпел неудачу. Ты просто послужил моим целям. Ты ничего не видишь, младший брат, и на каждом шагу поступаешь так, как хочу я.

Тени закружились вокруг Бреннуса.

— Ты лжёшь!

Ривален снова засмеялся.

— Твоя горечь — сладкий нектар для госпожи.

Стальные глаза Бреннуса полыхнули гневом.

— Мне не нужно убивать тебя, Бреннус, чтобы причинить боль. Запомни это. А сейчас беги обратно в Саккорс, одержимый матерью и мстью, и беспомощно наблюдай, как мои замыслы приближают конец этого мира.

Бреннус сдержал слова, которые рвались у него с языка. Его плечи поникли, вокруг него собрались тени, потемнели и перенесли его в заготовленное убежище.

После того, как брат исчез, Ривален улыбнулся. Надежды Бреннуса в очередной раз разбились вдребезги. Он почти созрел, почти готов был послужить инструментом Ривалена в переводе «Листьев одной ночи». Отчаяние и скорбь Бреннуса засели слишком глубоко.

Ривален поднялся в воздух верхом на колонне из мрака и силы, оглядывая долину. Он должен был уладить ещё одно дело.

Шадовар, служившие его брату, исчезли, вероятно последовав за Бреннусом. Несколько шипастых дьяволов в бешенстве рыскали по лесу, поджигая всё, что способно было гореть, мучая любых животных, которых могли найти и поймать. Долина была охвачена огнём и муками, являя собой миниатюрную версию Ада. Костяной дьявол бесцельно шагал между сосен вместе со своими младшими сородичами.

Ривален видел здесь руку Мефистофеля. Владыка Кании, как всегда, желал божественную искру, которую Дразек Ривен и Ривален забрали у Кессона Рела. Архизверг, должно быть, тоже догадался, что Васен Кейл — ключ к запертой в них божественности.

Мефистофель, конечно, хотел эту силу лишь для того, чтобы получить превосходство в войне против Асмодея. Ривален вовсе её не хотел. Он хотел использовать её, напоить ею свою богиню, начать Цикл Ночи заново и принести конец всему.

Ривален ступил через тени в аббатство. Большая часть здания была охвачена пожаром, но огонь и дым не могли причинить вред Ривалену. Он прошёл сквозь пламя, забавляясь тому, что лишь сгорая, обитель солнечного бога наконец-то излучает свет. Гобелены свёртывались, сгорая. Потолочные балки ломались в облаках искр. Трещал и сыпался камень.

Среди руин Ривален нашёл тела двух шипастых дьяволов и труп старика, покалеченный так, что его невозможно было опознать. Других тел не было.

Это заставило Ривалена задуматься.

Оракул, должно быть, знал о нападении. И поэтому отослал всех из аббатства.

О чём ещё он знал?

Ноги принесли Ривалена в какое-то святилище. В помещении находилось два пылающих гроба, один из которых был сброшен с пьедестала, крышка сорвана и горит, тело внутри обгорело до неразличимого праха. Он задумался, кто был здесь погребён, затем напомнил себе, что это неважно. Мир и всё в нём, включая самого Ривалена, скоро превратится в ничто.

Он указал пальцем в потолок и выпустил луч, проделавший в крыше круглое отверстие, открыв тёмное небо снаружи. Через это отверстие Ривален вылетел из аббатства в ночь.

Он поднялся высоко в небо, един с темнотой, и посмотрел вниз, на узкую полосу пылающей долины, на сгоревшее аббатство.

Внизу дьяволы продолжали сжигать деревья и убивать всех существ, каких только могли найти.

— Создания Мефистофеля, — произнёс он, раздражённый их присутствием.

Он переместился из мрака в небесах во мрак под покровом леса, в нескольких шагах от пары шипастых дьяволов. Его неожиданное появление заставило их остановиться. Дьяволы припали к земле, обнажили клыки, шипы на спинах встали дыбом. Он сделал жест, позволил потечь силе из своей руки, и в потоке пламени и ихора вырвал каждый шип из их шкур. Дьяволы завизжали от боли и рухнули на землю, к их голой, обнажённой плоти прилипла грязь и сосновые иголки. В воздухе над ними повисло облако вырванных игл. Ривален перевернул шипы, нацелив заострённые концы вниз, и вонзил их обратно в туши дьяволов. Чудовища завопили и умерли.

Он чувствовал тьму вокруг себя, бархат её прикосновения по всей долине. Он ощутил местонахождение другого дьявола, шагнул к нему через тень и заставил вывернуться наизнанку, ткнув пальцем и выпустив немного энергии.

Он отправился ко второму, третьему, четвертому, методично уничтожая каждого из существ всё более гротескными способами.

— Оставайся в своей дыре в Кании, архиизверг, — сказал он, когда взрыв испивающей жизнь энергии оставил очередного шипастого дьявола лежать безжизненной грудой костей и чешуи. — Когда наступит время, мы встретимся в Ордулине. Все мы.

Костяного дьявола он оставил напоследок. Худое, высокое чудовище пробиралось сквозь сосны, его пасть была распахнута в крике боли. Оно бешено махало вокруг себя своими длинными руками и долгим, загибающимся хвостом, который заканчивался острым костяным наростом.

— Свобода! — бессмысленно, с нотками безумия кричал дьявол.

Ривален вышел из тени перед ним, позволил чудовищу увидеть себя. Дьявол остановился, припал на коточки и сжал когти. Его нижняя челюсть упала, с клыков потекла

зловонная слюна. Дьявол бросился на Ривалена с кроважидным воплем.

Ривален поднял руку ладонью наружу и обездвижил чудовище на полушаге. Тёмная энергия закружилась вокруг дьявола, не позволяя двигаться, вынуждая замолчать. Ривален скользнул вперёд, выбирая способ расправы.

Он почувствовал присутствие среди деревьев за спиной дьявола, и оттуда выскочил человек в доспехах. Он был высоким, как сам Ривален, но при этом плотным, как бочонок. При нём был палаш и квадратный щит. Тёмные мёртвые глаза смотрели с едва различимого под густой бородой лица. Ривален чувствовал слабую магию на щите, мече и доспехах новоприбывшего, но это была искажённый, странный отпечаток магии самого мужчины, из-за которого Ривален не стал распылять его на месте.

— Отойди, шадовар! — сказал мужчина, наставив на Ривалена свой меч. — Назад, я сказал!

Заинтересованный, Ривален отступил на шаг, подняв руки в жесте примирения.

Ривален попытался замаскировать свою силу, но мужчина, похоже, почувствовал её, когда приблизился. Он остановился в паре шагов от обездвиженного дьявола.

— Просто оставь нас, — сказал он.

— Нас?

Взгляд мужчины метнулся к костяному дьяволу, потом обратно к Ривалену.

— Уходи, шадовар.

Ривален сделал шаг вперёд, позволил проявиться своей силе. Вероятно, почувствовав, кем является Ривален на самом деле, мужчина отступил на шаг, широко раскрыв глаза.

— Тебе по вкусу дьяволы? Какое отношение ты имеешь к этому существу?

Мужчина взял себя в руки и поднял свирепый взгляд, как будто Ривален ударил его по лицу.

— Он не существо, шейд. Это был... это мой брат.

Ривален сразу же понял, в чём дело.

— И теперь он служит Мефистофелю?

— Мефистофель предал его! Предал нас обоих!

Ривален увидел в этом возможность для себя, и воспользовался своей силой, чтобы подпустить в голос коварства.

— И предательство архиизверга превратило его... в это?

Мужчина резко кивнул, один раз.

— Как тебя зовут? — Ривален скользнул вперёд, сокращая расстояние между ними.

— Какая разница? Всё уже потеряно. Всё. Всё было напрасно.

Эти слова порадовали Ривалена. Он вытащил имя мужчины из его сознания.

— Сэйид. Тебя зовут Сэйид.

Сэйид нахмурился. Он сделал ещё шаг назад, не опуская щит и меч.

— Бояться нечего, Сэйид, — сказал Ривален, небрежно взмахнув окутанной тенью рукой. — Простое заклинание. Твоё имя плавало на поверхности твоих мыслей, потому что я спросил о нём. Ты тоже служишь архиизвергу, Сэйид?

Челюсть мужчины напряглась, пока он пережёвывал нарастающий гнев.

— Я служу себе. И моему брату.

— Твоего брата больше нет. Кем бы он ни был, это — уже не он.

Лицо Сэйида исказилось, но лишь на мгновение, прежде чем принять прежнее выражение.

— Мы были...

Он оборвал себя, помотал головой.

Ривален снова знал, что он собирался сказать.

— Вы были прокляты. Но не архидьяволом?

— Нет. Нас изменила Волшебная Чума.

— Аа, — с кивком произнёс Ривален. — Но Мефистофель пообещал вам избавление.

Он указал на скованного дьявола, превращённого брата Сэйида.

— И вот так архиизверг держит своё слово.

Мужчина зло посмотрел на Ривалена, его ладонь сжималась и разжималась на рукояти меча.

— Шадовар не лучше.

Ривален улыбнулся.

— О, тебя потрепал мир, Сэйид. Я прекрасно это вижу. Я знал множество таких же, как и ты.

В его памяти возник Тамлин Ускеврэн, боль которого Ривален использовал, чтобы обвести юношу вокруг пальца.

— Мир обошёлся с тобой жёстко. Надежда пропала. Появилось отчаяние, сменившееся горечью. Неудивительно. Ты устал от невзгод. Когда-то со мной было так же. Госпожа позволила мне сбросить этот груз.

Сэйид покачал головой, отвёл взгляд, но Ривален заметил, как что-то пробуждается за маской безразличия.

— Госпожа? Шар?

Он произнёс это имя как многие другие — приглушённым, полным опаски голосом.

Ривален шагнул ближе к Сэйиду, они оказались лицом к лицу, Сэйид был пойман в тени Ривалена.

— Шар, да. Госпожа потерь знает твою боль. Какую ношу ты несёшь, Сэйид, брат Зиада? Я её слуга. Исповедайся мне.

Сэйид сглотнул.

— Нет. Эта ноша — моя.

Ривален признавал упрямство этого человека.

— Поделись ею. Возможно, я смогу облегчить её вес.

Сэйид выпятил подбородок.

— Мне не нужна помощь.

Ривален понимал, что Сэйид держится за последние остатки упрямства. Он видел потенциал в этом человеке, возможную пользу. Его отчаяние и горечь были глубокими, возможно даже глубже, чем у Бреннуса. Шар привела его к Ривалену, и Сэйид был всего лишь в шаге от того места, где он ему требовался.

— Что ж, хорошо, — сказал Ривален. — Удачи тебе.

Он повернулся и заскользил прочь, оставляя Сэйиду всего несколько секунд.

— Ты покидаешь нас? — бросил тот ему в спину.

— А какое мне до тебя и твоего проклятого брата дело, Сэйид?

Ривален начал собирать вокруг себя тени.

— Подожди! — позвал Сэйид, и Ривален по голосу мужчины понял, что получил его. Он позволил ладони скользнуть по священному символу госпожи, который носил на цепочке на шее.

— Ты сказал, что можешь помочь, — сказал Сэйид.

— Я сказал «возможно». Ты ещё не рассказал о своей беде.

— Моей беде, — сказал Сэйид и начал раздражённо шагать туда-сюда. — Моей беде.

Ривален ждал, позволив событиям идти своим чередом.

Сэйид зашагал по кругу, как животное, испытывающее сдерживаемый гнев. Его голос повышался по мере того, как он говорил.

— Моя беда в том, что я больше не человек. Я не чувствую вкуса пищи или напитков. Я не получаю удовольствия от прикосновений женщины! Я не чувствую ничего! Ничего! Даже боли!

Прежде чем Ривален успел что-то сделать, Сэйид провёл остриём меча по руке. Он даже не моргнул. Из раны потекла кровь, но лишь на мгновение, прежде чем рана затянулась. Он показал Ривалену руку. На ней и следа не осталось.

— Я не живу, но умереть тоже не могу. Сможешь помочь мне с этим, шадовар? Сможешь? Убей меня, если да!

Ривален подумал об оке Шар, о «Листьях одной ночи». Он шагнул ближе и положил руку Сэйиду на плечо.

— Я могу тебе помочь. Действительно могу.

Сэйид поднял ясный взгляд мёртвых, как у трупа, глаз.

— Мне нужна... помощь.

Ривален повернул Сэйида лицом к его превращённому брату.

— Ты получишь её. И в процессе поможешь мне. Сделаешь это, Сэйид? Поможешь мне? Поможешь госпоже?

Ривален почувствовал, как тело Сэйида вздрогнуло от этой просьбы, но мужчина отсутствующе кивнул.

— Как именно?

— Небольшое, но важное дельце. Мне нужно, чтобы ты прочёл кое-что, вот и всё.

— Прочёл?

Этот человек был потерян, сломлен, бездушен настолько, насколько вообще может быть бездушно живое существо. Он был именно тем, что требовалось Ривалену. Он подходил даже лучше Бреннуса.

— Объясню в своё время. Но сейчас ты должен сделать кое-что другое.

Он кивнул на костяного дьявола.

— Убей его. Убей то, что осталось от твоего брата. Убей то, что осталось от прежней жизни, от жизни до этого мгновения.

Покачивая головой, Сэйид попытался отступить, но Ривален крепко держал его, вокруг клубились тени.

— Это мой брат. Я не могу. Я не стану.

Ривален крепче сжал его плечо. Человек, который мог чувствовать боль, вскрикнул бы. Сэйид не отреагировал.

— Действительно, это твой брат, но ты должен сделать, как я говорю. Он — инструмент Мефистофеля, Сэйид, а Мефистофель вас с братом предал. Но ты получишь свою месть. Я обещаю. Ты увидишь, как Мефистофель страдает. Но сначала ты должен сделать то, что я прошу.

Сэйид смотрел на костяного дьявола, которого держало заклинание Ривалена.

Его требовалось подстегнуть, и Ривален так и поступил.

— Именно так всё и должно быть. Освободи его, Сэйид. Подари ему смерть. Окончи его страдания.

Челюсть Сэйида сжалась. Нахмутив лоб, он кивнул. Он взял меч обеими руками.

— Освободи его.

— Нет необходимости...

— Я не стану убивать его, пока он беспомощен!

— Хорошо.

Незначительное усилие воли освободило дьявола от действия заклинания. Существо моментально ринулось вперёд, высоко занеся когти и задрал хвост над головой.

Ривален шагнул в сторону, когда Сэйид присел под взмах когтей дьявола и увернулся от шипов на его хвосте. Хвост глубоко вонзился в почву. Сэйид воспользовался инерцией, чтобы нанести удар с разворота, перерубив дьяволу ногу. Тварь рухнула на землю.

Сэйид забрался на чудовище верхом, прежде чем оно успело хотя бы сесть.

— Я ненавижу тебя! — закричал он, снова и снова вонзая меч дьяволу в грудь. — Ненавижу тебя за это!

Ривален не знал, обращается ли Сэйид к нему, к своему превращённому брату или к Мефистофелю, и знать не хотел.

— Твоя горечь — сладкий нектар для госпожи, — прошептал он.

Сэйид подходил идеально. Идеально.

Вскоре всё закончилось. Тело дьявола было порублено на части, ихор разлился по траве. Сэйид начисто вытер меч о землю и повесил его обратно за спину.

— Ты оказал ему услугу, — сказал Ривален. — А теперь ты окажешь услугу мне. Око госпожи видит тебя, Сэйид. Оно ясно тебя видит.

Он собрал вокруг них двоих тени и переместил их в Ордулин.

* * *

Бреннус возник в своём убежище в Саккорсе. Эту экранированную свинцом палату защищали самые сильные заклинания из известных ему. Здесь хранились разнообразные магические жезлы, посохи, свитки и зелья. Два железных голема скрипучими кивками поприветствовали его; высокие металлические конструкторы должны были атаковать всё, что появлялось в убежище без сопровождения Бреннуса.

Он сомневался, что этой защиты хватит, чтобы удержать Ривалена, если его брат решит напасть, но по крайней мере здесь Бреннус узнает об этом заранее.

Он рухнул в кресло, тени вокруг него бешено кружились. Из его плаща вылезли гомункулы, и вместо того, чтобы как обычно усесться на плечах, свернулись клубком у него коленях, не переставая дрожать. Он стал гладить их по головам, и скоро их дрожь прекратилась. Однако ярость Бреннуса не угасла.

Он полез в плащ и достал платиновое ожерелье матери — в темноте гранаты казались блеклыми, будто угасшие звёзды — и священный символ розы, принадлежавший когда-то Васену Кейлу. Он решил умереть, но не оставить неотмщённым убийство матери. Ему просто нужно было найти слабость Ривалена, трещину в его защите.

Слова Ривалена преследовали его.

Ривален обо всём знал. Ривален всё предвидел. Бреннус не мог остановить его, не мог

отомстить за убийство матери.

— Ривален собирается уничтожить мир, — сказал он.

Он готов был на всё, чтобы остановить Ривалена, чтобы убить его, но Бреннус не знал, как.

Он должен был попробовать добраться до сына Кейла. Чего-то в картине не хватало. Чего-то должно было не хватать.

Потому что если это не так, Ривален скоро убьёт всё.

* * *

Казалось, Васен падает вечно. Он понятия не имел, в какой стороне верх. Он кружился в падении, задыхался, умирал. Он уже приготовился вдохнуть воду, прекратить это всё, когда сильные руки схватили его за плащ, подхватили под руки и рывком вытащили его.

Он появился во мраке, задыхаясь, тени чернели вокруг него. В ушах отдавался барабанный бой, ритмичные удары, которые, казалось, сотрясают всё его тело. Он услышал рёв, похожий на водопады долины, но более зловещий. Когда зрение прояснилось и тени отступили, он ожидал увидеть золотые глаза Ривалена Тантула. Но вместо этого он обнаружил перед собой татуированное лицо Орсина. В белых глазах дэвы виднелось беспокойство.

— Он жив, — сказал Орсин.

Васен рывком сел, закашлялся, разбрызгивая тёмную воду. Удары, которые он слышал, не были ни рёвом водопадов, ни звуком в его ушах. Он сидел на гладком обсидиановом полу в маленькой, прямоугольной комнате... где-то.

Пронизанный тенью воздух в лёгких казался густым. Как и недавно в лесу, он чувствовал вокруг себя тени, ощущал их повсюду, на границах своего восприятия. Он он был связан с ними. Клубящееся облако темноты закрывало пол в одном из концов комнаты.

— Мы появились оттуда, — сказал Орсин.

— Появились? — переспросил Васен. Он ещё не мог ясно соображать.

Герак стоял у узкого окна неподалёку, выглядывая на улицу. Его тело казалось сотканным из напряжения. Снаружи раздавался рёв и барабанный бой.

— Можешь встать? — спросил его Орсин.

Когда Васен кивнул, Орсин поднял его на ноги. Всё тело болело, грудь по-прежнему пылала. Энергия заклятья Ривалена оставила у него болезненный ожог на руке. Он вложил Клинок Пряжи в ножны. Оружие казалось к месту у него на поясе.

— Где мы? — спросил Васен.

— Это ты нам скажи, — через плечо отозвался Герак. — Подойди. Взгляни.

Васен и Орсин присоединились к Гераку у окна и оба охнули. Узкое окно усиливало барабанный бой и рёв, и звук ударил их, как режущий ветер. Трое товарищей стояли в высокой башне из обсидиана, части крепости или замка с тонкими шпилями и высокими гладкими стенами. Замок купался в тенях.

За стенами крепость со всех сторон окружала орда кошмарных размеров. Там рядами стояли дьяволы, тысячи дьяволов, некоторые с рогами, в доспехах и высокие, как великаны. Другие были низкими и клыкастыми, с перепончатыми крыльями. Некоторые ползали. Среди остального воинства шагали крупные рогатые дьяволы, чья красная кожа источала

пламя точно так же, как кожа Васена — тени. Повсюду блестело оружие: пики, топоры, мечи. От размера этой орды у Васена перехватило дыхание. Тени потекли с его тела. И повсюду повторялись одни и те же геральдические знаки: чёрная рука и меч, окутанные пламенем.

— Боги, — выдохнул Васен.

— Мы в Аду, — сказал Герак с нотками паники в голосе. — Наверняка.

Васен почувствовал, как тени позади него углубляются, наполняются силой. Он обернулся, чтобы увидеть, как из темноты появляется невысокий, стройный мужчина, к телу которого дымкой цеплялись тени. Козлиная борода окружала рот, который, похоже, никогда не улыбался. Угловатое лицо, обтянутое тёмной кожей в шрамах и оспинах, казалось достаточно острым, чтобы резать дерево. На его поясе висели двойные рапиры, в руке была курительная трубка. Из трубки поднимался чёрным дым, смешиваясь с тенями.

— Вы не в Аду, — сказал мужчина глубоким от силы голосом. — Вы в Царстве Теней. И оказались здесь как раз вовремя. События разворачиваются стремительно, и нам нельзя отставать.

Орсин принял боевую стойку, Герак потянулся за стрелой.

Рот мужчины сложился в ухмылку, обнажив грязные зубы. Тени закружились вокруг него. Он взял трубку, глубоко втянул в дым, выдохнул тёмное облачко.

— Подождите, — сказал Васен товарищам и поднял руку.

— Думаешь, прежде чем действовать, — с одобрительным кивком сказал мужчина. — Прямо как твой отец. Большую часть времени.

— Ты Дразек Ривен, — сказал Васен. Иначе быть не могло.

Ривен кивнул, сделал новую затяжку.

— Левая Рука Тени, — выдохнул Орсин.

Ривен искоса поглядел на него.

— Если ты сейчас упадёшь на колени, теневой ходок, я тебе по морде врежу.

Снаружи рёв дьявольской армии и бой барабанов стали громче. Казалось, от звука трясётся вся цитадель.

Ривен едва это заметил. Он не отрывал глаз от Васена.

— У нас нет времени на объяснения. Вам придётся делать то, что я скажу.

Как будто в подтверждение его слов снаружи протрубили рога.

— Я даже не знаю, что случилось, — сказал Васен. — Я только что видел, как горит моё аббатство, увидел, как умирает Оракул. Мы сражались с дьяволами, с шадовар...

— Шадовар? Кем именно?

— Что? — переспросил Васен. Он ещё не успел переварить события.

— С Риваленом, — ответил Орсин.

Лицо Ривена помрачнело. Тени забурлили вокруг него.

— Ривален покинул Ордулин? Что он сказал?

— Немногое, — отозвался Васен, на коже у которого закипели тени.

Ривен зашагал по комнате.

— Он увидел тебя и позволил уйти?

— Мы сбежали, — сказал Васен. — Он ничего нам не позволял.

— Что вы имеете в виду? — спросил Орсин.

— Я имею в виду, что вы здесь, потому что он позволил вам уйти. Если бы он хотел вас убить, вы были бы мертвы. Я этого... не предвидел.

Он пристально взглянул на Васена.

— Чувствуешь что-то необычное, когда смотришь на меня?

Васен потряс головой.

— Не понимаю. А должен?

Ривен посмотрел ему в лицо.

— Он изменил тебя, Васен. Или, скорее, я тебя изменил... Дерьмо, дерьмо, дерьмо. Чтс же я упустил? Чего я не замечаю? Я думал, что ты знаешь, что ты придёшь сюда и будешь знать.

Тени закружились и вокруг Васена.

— Подумал, что я буду знать что?

Ривен резко повернулся к нему.

— Знать, как вытащить это из меня! А ещё из Ривалена и Мефистофеля! Ты ключ, Васен! Ты должен суметь вытащить из нас божественность.

Последовало долгое молчание.

— Я не знаю, как это сделать, — наконец сказал Васен.

Ривен долго смотрел на него. Их тени, их жизни, падали друг на друга, пересекались.

— Это я вижу, — наконец сказал он и отступил на шаг. Он вздохнул, вокруг почернели тени. — Ладно. Имеем что имеем. Нужно торопиться.

— Торопиться куда? — спросил Герак.

— В Ад, — ответил Ривен. — Васен отправляется в Канию, чтобы спасти отца. Теперь Эревис Кейл — наша главная надежда.

— Ты сошёл с ума, — сказал Васен. — Мой отец мёртв.

— Нет, — ответил Ривен. — Он жив. Пойман в магическом стазисе. И ты собираешься его освободить.

Глава тринадцатая

Тени укрыли Сэйида, и он услышал, а может быть, почувствовал грохочущий звук. Когда тьма рассеялась, открылся укрытый ночью разрушенный город.

— Ордулин, — сказал Ривален.

— Вихрь, — произнёс Сэйид. — Я был здесь, когда здесь ещё стоял город.

— Теперь это нечто иное, — заметил Ривален.

Местность заполняли полуразрушенные здания, кривые и покосившиеся, как торчащие из земли гнилые зубы. Клубящиеся тени пронизывали воздух. Сильными порывами дул ветер. Зелёные молнии снова и снова пронзали небо. Руины пахли кладбищем, весь город был мёртв и оставлен гнить на лице мира. На разбитых дорогах, некогда заполненных каретами и фургонами, валялись куски камня и обломки статуй. Сотню лет назад Сэйид гулял по залитым солнцем улицам Ордулина. Теперь он шёл по руинам во мраке, такой же разбитый и разрушенный.

Пока они шли, Сэйид снова и снова вытирал руки о штаны, и никак не мог избавиться от того, что их запятнало. Он убил собственного брата. Не осталось никого, ничего, что держало бы его в этой жизни. У него было лишь единственное стремление, истинное и сильное, и это было стремление к смерти. Он был дырой. Его уже ничто не могло заполнить.

— Здесь темно, — заметил он.

Ривален, наполовину сливающийся с тенью, золотые глаза горят, как звёзды, ответил:

— Всегда.

Ударил гром.

— Я хочу умереть, — выплюнул Сэйид. Покинув его рот, слова показались искалеченными, мёртвыми. — Ты мне обещал. Мне нужно умереть.

— Я знаю, — ответил Ривален, и молния озарила небо зелёными прожилками. — Я могу сделать тебе такое одолжение. Пойдём.

В разрушенном городе кишела нежить: духи, призраки, живые тени. Здесь были сотни, может быть, тысячи. Они налетали на Ривалена, как вода на камень, кружили вокруг него и над головой, никогда не приближаясь слишком близко.

Ривален сказал:

— Тысячи лет назад я убил собственную мать, чтобы доказать госпоже искренность моей веры.

Сэйид промолчал.

— Умирая, она попросила взять меня за руку.

Они вышли на широкую площадь. Площадь была завалена кусками тёмного камня размером с здание, как будто они посыпались сюда с неба. Над центром площади в воздухе висела пустота, ничто. От этого зрелища у него закружилась голова, стало дурно. Вокруг пятна пустоты вертелись листы бумаги, ныряли внутрь, вылетали наружу, как будто пустота прожёвывала их и выплёвывала обратно.

Сэйид не мог удержать взгляд на пустоте. Казалось, пятно ускользает, и он никак не может посмотреть прямо на него. Но он увидел достаточно, ощутил это ничто, почувствовал сочившуюся наружу горечь, презрение. Это было зеркало.

В нём он увидел себя.

— Дай мне свою руку, — сказал Ривален.

Сэйид повернулся, посмотрел в золотые глаза Ривалена, на его протянутую руку, на плоть, окутанную движущимися полосами тени.

— Дай мне руку, Сэйид. Ты получишь то, чего пожелал. Я думал, что с этим... мне поможет брат, но у тебя выйдет лучше.

Сэйид вытянул руку.

Ривален взял её, его кожа была холодной и сухой, а хватка — крепкой, как тиски.

— Пойдём. Ты должен предстать перед оком Шар. Она должна тебя увидеть.

Ривален потащил его к пустоте, к оку, к пасти, к дыре. Приблизившись, Сэйид понял, что пустота, которую он чувствует, яма в центре его бытия, безнадёжное чувство потери, одиночества, было слабым подобием того, что излучало око Шар.

— Подожди, — сказал он и попытался остановиться, отойти от Ривалена. Хватка Ривалена усилилась, тиски сжались.

— Для этого слишком поздно.

— Нет! — воскликнул Сэйид, отчаянно пытаюсь вырваться. — Нет, подожди!

Ривален тащил его за собой, как ребёнка. Шадовар обладал сверхъестественной силой. Шаг, ещё один.

— Стой! Стой!

Тени кипели вокруг Ривалена. Его золотые глаза сияли.

— Ты хотел смерти, Сэйид! Ты её получишь! Но сначала мне нужен твой перевод!

— Нет! Нет!

Впервые за сотню лет Сэйид что-то почувствовал. Око Шар заронило в него семя страха, и вскоре оно проросло ужасом. Он чувствовал её внимание, исходящее из дыры — ненависть, злобу, безнадёжность, презрение ко всему и вся. Он закричал, рассудок ускользал от него. Ривален заставил его опуститься перед оком на колени. Вокруг свистел ветер. Бумаги, крутившиеся вокруг ока, исчезающие и появляющиеся из него, собрались перед ним в облако. Её взгляд опустил на него грузом целого мира.

Его придавило к земле, такого крошечного по сравнению с ней. Он почувствовал, как увядает под её взглядом. Он был таким незначительным, мелким. Он был идиотом, круглым дураком. Волшебная Чума сделала его не человеком...

— Наслаждайся её словами, — сказал Ривален, обхватив ладонями голову Сэйида.

Но Сэйид по-настоящему превратил себя во нечто нечеловеческое, когда убил своего брата. Потекли слёзы.

— Твоя горечь — сладкий нектар для госпожи, — сказал Ривален, и его пальцы погрузились в голову Сэйида, надавили.

Боль пронзила череп Сэйида. Он почувствовал, что глаза готовы выскочить из глазниц. Рот широко распахнулся в беззвучном крике, и страницы книги, парившие в воздухе перед ним, ринулись туда, в открытую глотку, одна за другой, наполняя его нутро, набивая его, как чучело.

Он закашлялся, задохнулся, он не мог дышать, не мог дышать, и всё время он чувствовал, что Шар следит за ним полными презрения глазами.

* * *

Ривален сжимал в руках тряпичную куклу, пустого человека, которого теперь можно

было использовать лишь как сосуд для перевода божественного языка «Листьев одной ночи». Не совсем труп, но и не совсем живой.

— Свет ослепляет, — сказал Ривален, цитируя одну из Тринадцати Истин Шар, и направил тёмную, нечистую энергию в безвольное тело Сэйида. — Только во мраке зрение проясняется.

Тело Сэйида содрогнулось, зарядившись зловредной энергией. Ривален отпустил его, и Сэйид осел на землю, как кающийся грешник — спиной к небу, глазами к земле, навеки подвешенный между жизнью и смертью, не способный ни на одно, ни на другое.

Горечь и отчаяние Сэйида, неотъемлемое ядро его существования, были теми реагентами, что превратят слова Шар во что-то, что способен будет понять ночной провидец.

Жадно ожидая откровения, Ривален разодрал плащ и рубаху Сэйида, содрал с него доспехи, отбросил их в сторону, обнажая голую кожу спины. Мелкие чёрные полосы дрожали под кожей Сэйида, заставляя её пузыриться и искажаться — чернила злобы Шар. Полосы скручивались и завивались, превращаясь в крошечные буквы, складываясь в слова, а слова складывались в обещания.

Ривален жадно читал их, священные слова своей богини, записанные во мраке на коже мужчины, пойманного в бесконечном отчаянии. Он колебался между воодушевлением и опасением. Преобразившиеся слова «Листьев одноч ночи» должны предвещать момент величайшего триумфа Шар и момент её величайшей слабости.

Он подался вперёд, провёл дрожащим пальцем по спине Сэйида, читая написанное там. Тени текли с кожи Ривалена, знание — с кожи Сэйида.

Начав чтение, Ривален стал понимать. И начав понимать, он стал смеяться.

Падал дождь. Гремел гром. Клубились тени.

Он посмотрел в око Шар и заплакал.

— Всё бессмысленно, — сказал он, цитируя четырнадцатую, тайную Истину. — И ничто не длится вечно.

Он встал, ветер трепал его плащ и волосы, и посмотрел на запад через плечо.

Они придут, и их горечь будет сладким нектаром для госпожи.

— Беги к отцу, маленький Кейл, — сказал Ривален. — А потом приведи их всех ко мне.

* * *

Ответом на слова Ривена стала удивлённая тишина. Её нарушил Герак.

— Это безумие. Ты не можешь, Васен. Эта битва богов, а не людей.

— Он должен, — сказал Ривен, и взгляд его единственного глаза впился в Васена. — Ты должен.

— Я сделаю это, — без тени сомнения сказал Васен. — Когда?

— Сейчас, — ответил Ривен.

— Разумеется, я тоже иду, — произнёс Орсин.

— Ну конечно, — сказал Ривен. — Прошло сто лет, а вы, теневые ходоки, остались всё такими же. Стальные яйца и ни капли здравого смысла.

Орсин ухмыльнулся.

— Комплимент от бога?

— Понимай как хочешь, — ответил Ривен, но его тон указывал, что это действительно задумывалось как комплимент.

— Герак, ты останешься здесь, — сказал Васен, потом посмотрел на Ривена. — Он ведь может остаться?

Ривен пожал плечами.

— Конечно, но я не смогу за ним приглядывать. Нам нужно выступать. Пошли.

Он прошёл через дверь и направился вниз по коридору, и трое мужчин последовали за ним.

— За мной не нужно приглядывать, — фыркнул Герак.

— Если останешься здесь, то может, и нужно, — отозвался Ривен.

Через десять шагов Герак сказал:

— Я пойду тоже.

— Герак... — начал Васен.

Герак оборвал его.

— Куда ещё мне идти?

— Значит, мы все здесь безумцы. Превосходно.

Они спешили по сумрачным каменным коридорам и лестницам цитадели теней, и две толстых собаки устроились за Ривеном, тяжело дыша. Как и Ривена, их опутывали тени.

— Мои девочки, — с отцовской гордостью пояснил Ривен. Собакам понравился Герак, и несмотря на мрачный настрой следопыта, он попробовал погладить их, пока они шли.

— Хорошие собаки, — сказал Герак.

Ривен спустился по лестнице, ускоряя шаг. Снаружи продолжали греметь барабаны и трубить рога адского воинства.

— Скоро они пойдут в атаку, — сказал Ривен. — Вам нужно успеть уйти прежде.

— Ты собираешься сдерживать их в одиночку? — спросил Герак. — Где твои войска?

— Вокруг, — ответил Ривен.

— Ты посылаешь нас в Ад? — спросил Ривена Васен.

Ривен кивнул.

— Я бы освободил Кейла сам, но как только я покажусь там, Мефистофель меня почувствует. Всё развалится на части.

— Что именно «всё»? — спросил Орсин.

— Хотел бы я знать, — вздохнул Ривен.

— Как нам вернуться? — поинтересовался Орсин.

— Кейл, — ответил Ривен.

— Кейл? — переспросил Васен. — Что, если он не сможет?

— Он сможет. Должен. Васен, ты можешь высвободить божественную искру во мне, в Ривалене и в Мефистофеле. Когда ты сделаешь это, Маск возвратится. А когда он возвратится, Цикл Ночи будет остановлен.

— Что такое Цикл Ночи? — спросил Герак.

— У меня нет на всё это времени! — отрезал Ривен. Он глубоко вздохнул, успокаивая себя, и посмотрел на Васена. — Ты говоришь, что не знаешь, как это сделать. Я тебе верю. Поэтому должен знать Кейл. Он должен, Васен. Маск хранил его живым в стазисе не просто так. Он должен суметь вытащить вас оттуда.

— А что, если не сумеет? — спросил Васен.

— Тогда мы все умрём. И в конце концов Шар получит своё, начнёт Цикл Ночи заново,

и весь Торил погибнет. Всё обстоит таким образом. Понятно?

Васен кивнул, пытаясь не показывать, какое потрясение он чувствует.

— Понятно.

Ривен протянул руку. На его ладони лежала полупрозрачная чёрная сфера размером с воробьиное яйцо.

— Это магическое послание. Используй его, когда вытащишь отца. Разбей его, заговори, и я услышу. Всё ясно?

Васен спрятал маленькую сферу в одном из своих кошель.

— Ясно.

Они стояли перед большой двустворчатой дверью, которая, как решил Васен, должна была выходить на равнину. Дверь дрожала от шума армии снаружи. В воздухе висела пыль.

— Вопрос, — обратился к Ривену Орсин.

Ривен ожидающе поднял брови.

— Это личное.

Ривен нетерпеливо топнул ногой.

— Хочешь поцеловаться?

Орсин засмеялся.

— Давай уже, — сказал Ривен. — Спрашивай.

— Ты хочешь, чтобы твою божественность высвободили? — спросил Орсин. — Так ты сказал. Но зачем тебе снова становиться человеком после того, как ты был богом? Как ты сможешь стать человеком?

Ривен долго смотрел на Орсина.

— Никогда вы, ходоки, мне особо не нравились.

Орсин посмотрел на него, но промолчал.

Ривен по очереди посмотрел на каждого из них.

— Когда я открою эти двери, ждите здесь, что бы там снаружи ни произошло. Когда настанет время, я отправлю вас в Канию. Торопитесь, освободите отца, и выбирайтесь. Он лежит под могильником из льда и тени.

Трое мужчин кивнули. Тени стремительно кружились вокруг Васена. Сердце молотом стучало по рёбрам.

— Когда освободите его, — продолжал Ривален, — скажите ему взять вас на площадь в Ордулине, где мы с ним сражались с Кессоном Релом. Он поймёт, о чём речь.

— Ордулин лежит в руинах, там полно призраков, — сказал Герак.

— Чего вам бояться? — спросил Ривен. — Вы сейчас в Царстве Тени. Скоро окажетесь в восьмом Аду. Как тебе поездочка, следопыт?

Он хлопнул Герака по плечу и лучник вопреки себе улыбнулся.

— Всё закончится в Ордулине, — сказал Ривен. — Так или иначе.

Тени потекли с кожи Васена. Он вспомнил Оракула, Деррега, своего отца, мать.

— Что произойдёт в Ордулине?

— Произойдёт конец, — ответил Ривен. Потом сказал Васену:

— Используй Клинок Пряжи, чтобы рассечь печати Мефистофеля вокруг могилы твоего отца. Скажешь Кейлу... всё зависит от него.

— Хорошо, — ответил Васен.

— Я отправлю вас в Канию, когда наступит подходящее время. Будьте готовы.

— А когда время будет подходящим? — спросил Орсин.

— Когда я заставлю показаться Мефистофеля, — ответил Ривен. Он подмигнул. — Много времени это занять не должно.

Он прикоснулся к двери, створки распахнулись, и поток звука от дьявольской армии едва не сбил их с ног. За шумом последовала вонь серы, заполнила воздух.

В руках Ривена возникли его сабли.

— Удачи, — сказал он троим товарищам, затем выскочил наружу облаком тени. На бегу он закричал — голосом, который мог сравниться с барабанами легионов Кании.

— Ко мне, мертвецы Элгрин Фау! Ещё раз — ко мне!

Поднялся оглушающий стон. Казалось, он исходит отовсюду — у Васена из-под ног, от стен цитадели теней, из самого воздуха. Трое мужчин потрясённо наблюдали, как многие тысячи живых теней, с человеческим телом, но тёмных и холодных, поднимаются из земли, из стен цитадели, возникают из сумрачного воздуха. Их красные глаза светились в темноте созвездием углей и ненависти. Их свора устремилась за Ривеном.

— Это же стражи перевала, — выдохнул Васен, по коже которого прошли мурашки. — Оракул знал всё это время. Должно быть, он послал их.

Справа и слева, сверху, раздался новый вой и стоны.

Из горы, в которой была вырезана цитадель, хлынула чёрная волна новой нежити — огромные ночные ходоки, облака теней, воюющие баньши, призраки, духи и привидения. Казалось, будто Царство Тени десятками тысяч изрыгает всех своих обитателей, чтобы встретить легионы Мефистофеля. Воздух почернел от нежити, и вёл эту нежить купающийся в тенях Дразек Ривен, Бог Теней.

— Боги, — выдохнул Герак, широко распахнув глаза. Лук опустился в его руках. Орсин держал в руке свой священный символ и тихо молился над ним, наблюдая своего бога во плоти.

Васен отвёл взгляд от битвы, взял свой потемневший серебрянный символ, розу, подаренную ему Оракулом, и прочёл собственную молитву.

— Свет, мудрость, и сила, Отец Рассвета, — сказал он. — Свет, мудрость и великая сила.

* * *

Ривен бежал навстречу легионам дьяволов, мертвецы Элгрин Фау летели за ним, как чёрный туман, тысячами поднимаясь из земли. Ривен открыл ментальную связь, оставленную в его сознании Магадоном.

Встретимся в Ордулине, Магз, передал он. На площади в центре вихря. Не знаю, как всё это кончится. Там будет Кейл. Просто будь наготове.

* * *

Мысленный голос Ривена гонгом прогремел в голове Магадона. В кровь хлынул адреналин. Он встал.

— Кейл, — произнёс Магадон и ухмыльнулся.

Ты мне нужен, сообщил Магадон Источнику. Ты поможешь мне?

Из остывших углей, где ещё сияли последние искры сознания Источника, он получил утвердительный ответ.

Я иду к тебе, сказал Магадон.

Он представил большой зал в центре перевёрнутой горы, где висел Источник. Он уже бывал там прежде — и потерял себя. Теперь он отправляется туда снова — теперь, когда он себя нашёл. Он нарисовал это место в сознании, так ясно, как будто видел его перед глазами. Магадон зачерпнул ментальной силы, оранжевый свет охватил его голову, и он переместил себя туда.

Источник, большой, идеально симметричный красный кристалл, висел в воздухе, перпендикулярно гладкому каменному полу. Его грани гудели от энергии, энергии, державшей в воздухе целый город.

В полусферическом помещении, где тысячи лет жил, и грезил, и чувствовал, и надеялся Источник, не было дверей. Домом Источнику служила полость в сердце горы, на которой стоял Саккорс, карман, в котором отсутствовали немагические способы входа и выхода. Источник светился красным, омывая всё помещение цветом крови. Слабеющие, но по-прежнему постоянные волны его ментальных эманаций ударили Магадона с частотой бьющегося сердца.

Полусферический потолок зала был выложен отполированными прямоугольными плитами, в которых снова и снова отражался Источник, снова и снова отражался Магадон — напоминанием о тысячах жизней, что они прожили вместе в грёзах Источника.

Магадон не стал брать силу Источника, пока не стал, но воздух был так ею насыщен, что какая-то часть всё равно просочилась в него. Его сознание расширилось. Его мысли обострились. Его сила удвоилась, утроилась. Он улыбнулся в ответ на этот прилив, но держался за себя, за свою цель.

Пожалуйста, отправь Саккорс к Ордулину. Как можно быстрее.

Источник не ответил. Его сознание глубоко погрузилось в предсмертные сны.

Магадон впитал немного пропитывающей воздух энергии и воспользовался ею, чтобы отправить послание глубоко в мысленные просторы Источника.

Ты слышишь меня, моя прелесть? Бояться нечего. Можешь отправить Саккорс к Ордулину? Как можно быстрее? Можешь?

Он облегчённо улыбнулся, когда Источник ответил ему.

Целый город содрогнулся, внезапно затормозив, остановившись, изменив направление и направившись на полной скорости к ордулинскому вихрю.

Он надеялся, что жители Саккорса поймут, что что-то не так, и начнут покидать город. Если придётся, он сможет использовать силу Источника для усиления собственных способностей, чтобы отправить каждому обитателю Саккорса ментальное принуждение к уходу. Смогут ли они покинуть летающий город в небесах, конечно, уже совсем другое дело.

* * *

Бреннус раздражённо выругался. Даже со священным символом розы его магия не могла обнаружить Васена Кейла.

Он собирался начать новое заклинание, когда Саккорс резко остановился. Прорицательный куб сдвинулся с места, оцарапал каменный пол с похожим на вопль

скрежетом. Из окон раздались звуки трескающегося камня, грохот рушащихся зданий, крики горожан. Его гомункулы, которых швырнуло на каменный пол, исторгли серию ругательств.

— Что сейчас произошло? — спросил он, но в комнате не было никого, чтобы ответить.

Без предупреждения город снова начал двигаться, на юго-восток, и быстро, быстрее, чем летал когда-либо прежде.

Новый грохот и треск снаружи, новые крики. Городские здания не были рассчитаны на подобную скорость.

Бреннус бросился к окну, гомункулы следом. Он не увидел ничего, что указывало бы на нападение, ничего, что...

И тогда он понял, что произошло. Что-то было не так с мифалларом, питавшим город энергией. Бреннус знал, что саккорский мифаллар разумен в отличие от тултантарского. Он сошёл с ума? Кто-то управляет им?

А потом Бреннус понял ещё кое-что.

Саккорс двигался прямо к Ордулину, прямо к Ривалену. Он выругался, быстро составил магическое послание отцу.

Что-то не так с мифалларом Саккорса. Город стремительно движется к Ордулину. Ривален мог захватить контроль. Приходи, если можешь.

— Оставайтесь здесь, — сказал Бреннус своим гомункулам. Он обновил магические печати, которые защищали его, стянул к себе тени, нарисовал в голове зал, где находился Источник, и переместился туда.

Как только он возник в этом зале, боль ножом ударила в голову, швырнула его на колени. Он застонал, тени закружились вокруг.

— Ривален! — процедил он сквозь сжатые зубы. Его брат каким-то образом...

Он почувствовал, как чужое сознание изучает его разум, рассматривает мысли. Не Ривален, зачит.

— Принц Бреннус, — произнёс чей-то голос. — Интересно, помнишь ли ты меня.

Голос показался Бреннусу знакомым, но вспомнить его обладателя не получилось.

— Ты и твой брат схватили и мучили меня. Давным-давно. Заставили меня пробудить Источник.

— Источник? — сначала Бреннус не понял, о чём речь. — Мифаллар, ты имеешь в виду?

Он сообразил.

— Ты маг разума. Магадон Кест.

Укол боли заставил его моргнуть. Казалось, что череп пронзила раскалённая кочерга. Он не мог собраться с мыслями достаточно, чтобы восстановить защиту. Его охранные печати были бесполезны против магии разума.

— Маг разума, — сказал Магадон. — Да.

Тени гневно забурлили вокруг Бреннуса. Он попытался отсечь часть своего рассудка, чтобы выиграть время и поставить ментальный экран или переместиться сквозь тень из зала, а потом...

— Я не могу этого допустить, — сказал Магадон.

— Убирайся... из... моей... головы... — выговорил Бреннус.

— И этого не могу допустить тоже.

— Зачем ты.. здесь? — спросил Бреннус. Кровь текла у него из носа, капала на пол. Он поднял голову. — Что ты делаешь?

Маг разума сидел, скрестив ноги, в центре зала, прямо под мифалларом. Длинные рога росли у него на голове. Он изучал Бреннуса своими необычными глазами, точки его чёрных зрачков плавали в бесцветных глазных яблоках. Его лицо казалось совершенно спокойным. Над ним пульсировал силой огромный мецающий кристалл, неровные линии энергии двигались через равные промежутки вдоль его граней.

— Я здесь, чтобы остановить тебя и твоего брата.

Слова казались искренними, но смысла в них было мало. Бреннус, продолжая терпеть боль в голове, медленно поднялся на ноги.

— Мой... брат? Ривален?

— Ну конечно, Ривален, — ответил Магадон, и очередной укол боли снова швырнул Бреннуса на колени. Он почувствовал тепло в ушах. Кровь.

— Остановить... нас... в... чем? Я хочу... смерти... Ривалена! — сказал Бреннус.

— Лжец.

— Посмотри сам! Посмотри, говорю ли я правду! Посмотри!

Брови Магадона вопросительно изогнулись.

Бреннус почувствовал, как ментальные руки движутся в его сознании, изучая, нащупывая. Он не сопротивлялся. Он позволил Магадону увидеть всё, почувствовать глубину своей ненависти.

— Он убил вашу мать, — тихо сказал Магадон.

— Я видел, как он это сделал, — ответил Бреннус.

— Я знаю, — неожиданно сочувственным голосом сказал Магадон.

Отполированные зеркальные плиты зала показали луг, где Ривален убил Алашар. Она лежала среди цветов, вытянув руку.

— Возьми меня за руку, — прошептала она.

Бреннус отвёл взгляд.

— Пожалуйста, я не хочу это видеть!

Образы пропали.

— Он показал это тебе, твой брат. А ты показал мне.

Боль в голове Бреннуса отступила. Он мог только кивнуть.

— Мне жаль, — сказал Магадон. — Тебе придётся уйти, принц Бреннус...

В груди Бреннуса зажглась надежда.

— Нет, позволь мне помочь...

Тени справа от Бреннуса углубились и из них вышел его всевышество. Его платиновые глаза пылали, тьма кипела вокруг него. Его всевышество укрывали магические защиты, столь сильные, что искажали пространство вокруг. Он сразу же оценил происходящее, нацелил посох на Магадона и выпустил разряд чёрной энергии, который был способен расправиться с архангелом.

Энергия ударила Магадону в грудь и швырнула его через весь зал. Он ударился в противоположную стену с достаточной силой, чтобы воздух с шумом вылетел из его лёгких. Но удар его не убил. Взгляд Магадона упал на его всевышество, и голову мага разума охватил фиолетовый свет.

Его всевышество застонал, покачнулся, прижал пальцы к вискам. Тени вокруг него бешено завертелись. Струйки крови потекли из носа. Он снова поднял посох на Магадона.

— Прекратите! — сказал Бреннус, шагнув между ними и подняв руки. Он стоял прямо под Источником. В зеркальных панелях снова и снова, бесконечно повторялись их

отражения.

Магадон неуверенно поднялся на ноги. Его всевышество держал посох наготове.

— Что такое, Бреннус? — спросил Теламонт.

— Покажи ему, — сказал Магадону Бреннус. — Покажи ему, что увидел в моей голове. Покажи ему.

И маг разума показал. Стены палаты мифаллара воспроизвели воспоминания Бреннуса о том, что Ривален показал ему: как Ривален убивает мать на цветочном лугу, её вытянутую руку, его отказ взять её за руку, пока мать умирала, последнее желание Алашар стать инструментом его падения.

Теламонт молча смотрел на это, клубящиеся вокруг тени были единственным, что выдавало его внутреннюю борьбу. Когда все закончилось, Теламонт посмотрел на Бреннуса, и свет его платиновых глаз поблек.

— Вот с чем вы мирились все эти годы. Вот на какой компромисс пошли. Ваша жена, ваше всевышество. Моя мать. Это сделал Ривален. Ривален. Он должен заплатить, чего бы нам и империи это не стоило.

— Как? — спросил Теламонт.

Бреннусу его вопрос показался очень странным, менее повелительным, больше похожим на отца, какого он помнил до гибели Алашар.

— Всё уже началось, — сказал Магадон.

Бреннус почти забыл о нём.

— Ривален безумен, ваше всевышество. Вы об этом знаете. Он хочет умереть и забрать с собой весь мир. Его нужно остановить и заставить заплатить за всё.

— Я не могу убить собственного сына, — сказал Теламонт.

— Отец...

— Просто уходите, — сказал Магадон. — Забирайте людей из Саккорса и уходите. Вам не придётся никого убивать. Мы его остановим.

Теламонт выпрямился в полный рост, и в его голос вернулась привычная властность.

— Ты просишь меня покинуть имперский город.

— Саккорс уже мёртв, — ответил Магадон. — Источник — мифаллар — умирает. Когда он погибнет, вся сила пропадёт. Город рухнет с небес. Остались считанные часы.

Мгновение Теламонт молчал, потом сказал:

— Ты лжёшь.

— Нет, — просто отозвался Магадон, и его голос был полон печали. — Хотел бы я, чтобы это была ложь. Но он гибнет. Проверьте сами.

Теламонт сощурился. Его пальцы начертили в воздухе потаённые знаки, когда он сотворил заклинание. Почувствовав результат, он ахнул.

— Видите? — спросил Бреннус.

— Его не спасти, — сказал Магадон. — Ничего уже не сделать. Саккорс упадёт.

Но Теламонт молчал, и Бреннус представил, как кипят сейчас мысли отца.

— Отец? — окликнул он.

Глядя на Магадона, его всевышество произнёс:

— Мы уберём всех из Саккорса. Но я не стану помогать тебе в убийстве своего сына.

— Даже после того, что вы видели? — недоверчиво спросил Бреннус.

Его всевышество опустил голову.

— Даже после этого.

Тени забурлили вокруг Бреннуса, отражая его гнев.
— Уходите, — сказал Магадон. — У вас мало времени.

* * *

Когда они ушли, Магадон вернулся на своё место под Источником и продолжил бдение над умирающим. Он потянулся к Ривену через ментальную связь.

Если ты это слышишь, то я иду, и Саккорс — со мной.

С силой Источника в его распоряжении он и сам будет почти полубогом.

Если, конечно, Источник проживёт ещё достаточно долго, чтобы Магадон успел этим воспользоваться.

Время от времени он простирали свой разум вовне, чтобы проверить прогресс Бреннуса и Теламонта. Его сознание, усиленное Источником, ощущало, как пустеет Саккорс. Солдаты шадовар покидали город на везерабах. Кто мог, использовал заклинания перемещения или магический транспорт. Тех, у кого такой возможности не было, телепортировали на землю Бреннус или Теламонт — заклинаниями или с помощью теней. Они двигались быстро, эффективно, и за час всё население Саккорса исчезло. Всё, кроме одного шадовар.

Остался Бреннус Тантул, одинокая фигура на краю плато, на котором стоял покинутый город, статуя на носу города-корабля. Магадон представил, как Бреннус глядит на восток, в сторону Ордулина, в сторону вихря теней, омрачавшего небо, и продолжает острить свой гнев на точиле ненависти.

Магадон потянулся к его разуму.

Значит, ты остался?

Я не могу уйти, ответил Бреннус. Я должен увидеть, как он заплатит.

Магадон ощутил глубину ненависти Бреннуса к его брату. Он решил, что не может отказать шадовар.

Не вмешивайся, что бы ни случилось, сказал Магадон.

Бреннус не ответил.

* * *

Духи и призраки утраченного Элгрин Фау заволокли поле боя облаком темноты. К ним присоединилась нежить Царства Теней, хлынула тёмной волной вокруг башен и стен цитадели теней.

Войска Кании стояли строгими порядками, отрядами чешуйчатых, массивных рогатых дьяволов, длинных, согнутых бородатых дьяволов, сжимающих трезубцы, жужжащих осиных дьяволов, ордами шипастых дьяволов, туши которых покрывали густые ряды длинных игл, и крупных, вооружённых дьяволов в тяжёлых доспехах, которые ими командовали. Флажки и знаки отмечали отряды и их происхождение, и десятки тысяч мечей, рогов, чешуек и когтей стояли лесом острых углов и шипов, на который бросал себя Ривен и облако бестелесной нежити.

Когда воинства столкнулись, стоны нежити слились с рёвом дьяволов, грохотом их барабанов и воем сотен рогов. Колонны адского пламени полетели во всех направлениях,

лучи пагубной энергии, ядовитые облака. Снаряды из кости, стали и магии от дьявольских лучников взлетели в воздух мерцающими облаками и тёмным дождём осыпались на армию нежити.

С каждым шагом Ривен перемещался сквозь тени, покрывая дистанцию броска копья, появляясь и исчезая со скоростью и ритмом бьющегося сердца. Он возник среди взвода рогатых дьяволов в вихре тьмы и стали, обезглавил шестерых, и снова шагнул сквозь мрак. Он материализовался позади высоченного насекомоподобного гелугона, вонзил сабли в щель на его панцире между шеей и головой. Хлынул тёмный ихор, дьявол содрогнулся, упал и умер. Ривен шагнул сквозь тени в центр отряда рогатых дьяволов. Усилием мысли он окутал их всех облаком бурлящей, глубокой темноты, в которой не могли видеть даже изверги. Но он мог. И он бросился сквозь их ряды — рубил, колот, резал, оставляя за собой дюжины мёртвецов.

Ривен взлетел на теневой колонне в небо и оттуда окинул взглядом поле битвы.

Насколько хватало глаз, нежить сражалась с дьяволами, их безжизненные прикосновения высасывали обычно бесконечную жизнь извергов. Но дьяволы, сильные, организованные, с цепью командования, держали ряды и отвечали залпами адского пламени, лучами магической энергии и организованным наступлением. Нежить падала десятками, со стонами рассыпалась тёмной, зловонной дымкой. Ночной ходок, безликая нежить с телом гуманоида, чёрный, как беззвёздная ночь, выше замковой башни, топтал отряд рогатых дьяволов, сокрушая их собственным весом по двое—по трое за раз. Осиные дьяволы налетели на него сверху одновременно с отрядом облачённых в доспехи пылающих дьяволов на огненных лошадях, который бросился на него снизу. Ходок упал с протяжным стоном, изверги разрубили его на куски, прежде чем он рассыпался в ничто. Но нежить продолжала прибывать, бесстрашная, безрассудная, им не было числа, и изверги падали на тёмную землю, их тела увядали, когда нежить высасывала жизненную силу. Поле боя усеяли тысячи дьявольских трупов.

К Ривену устремились ударные войска противника — крупные, массивные крылатые дьяволы, укрытые красной чешуей и тусклой железной бронёй, летели к нему. В мускулистых руках каждый нёс по огромному мечу и щиту. Ривен повис на своей колонне из тени и позволил им приблизиться.

Когда они оказались рядом, он вытянул руку, и влажная сеть липких теней ударила с его пальцев. Дьяволы, слишком крупные для проворных манёвров, не смогли уклониться от тёмных нитей. Сеть поймала всех, опутала их тела и крылья липкими нитями овеществлённого морока.

Со скованными крыльями дьяволы посыпались с неба. Ривен шагнул сквозь мрак и на спину одного из них, пока тот летел к земле. Он вонзил свои сабли в основание его черепа, оборвав его вопль, затем шагнул на другого, сделал то же самое, ступил на третьего, убил его. Он убил шестерых и переместился прочь, прежде чем они ударились о землю, крупные тела при столкновении раздавили собой мелких дьяволов и подбросили в воздух комья земли и травы.

Вокруг него кипела битва. Дьяволы и тёмные орды Царства Теней стонали, кричали и гибли. Тени кружились вокруг Ривена. Зелёный луч энергии и колонна адского пламени выстрелили в него слева, ударили в окружавшие его тени и рассеялись в их мраке. Он указал рукой, выпустил линию высасывающей жизнь энергии и испепелил целый ряд пылающих дьяволов и их коней. Они скорчились, завопили и медленно рассыпались прахом, когда его

сила лишила их существования.

Он убил несколько дюжин дьяволов и не делал ничего, чтобы скрыть свою силу, и всё же Мефистофель не появлялся.

— Тогда попробуем так, — сказал Ривен.

Кружась, как вихрь, он проложил путь через дюжину гелугонов, его сабли оставляли за собой отрубленные конечности и головы насекомых. Он оглядел поле боя в поисках своей цели и заметил её спустя несколько мгновений — изверга по имени Белагон, одного из самых могущественных генералов Мефистофеля. Дьявола в тяжёлых доспехах укрывали дым и пламя, точно так же, как Ривена окружали тени. Дьявол был в несколько раз выше человека, его огненный меч и пылающий кнут каждым ударом забирали нежить по двое и по трое.

Ривен шагнул сквозь тени и оказался перед ним.

— Полубог, — сказал изверг. Он ударил своими огромными крыльями, нагнав достаточно дыма и пламени, чтобы сжечь деревню. Ривен стоял в середине этой бури, не пострадав.

— Мёртвец, — ответил Ривен и бросился на врага.

Он нырнул, сделал выпад, рубанул, развернулся. Его сабли двигались так быстро, что гудел воздух. Несмотря на свои размеры, изверг отреагировал так же быстро, его массивный клинок разбрасывал пламя — отбил, уколол, рубанул. Они сражались в облаке дыма, теней, пламени и силы, и пойманные в это облако нежить и дьяволы сразу же с воплями погибали.

Кнут Белагона щёлкнул, когда изверг попытался захлестнуть им ноги Ривена, но тот подпрыгнул и рубанул сверху обеими саблями, перерубив хлыст. Он увернулся от меча Белагона, нацелил обе сабли в грудь извергу и выпустил спираль божественной энергии. Спираль ударила изверга, отбросила его на несколько шагов, пробила его нагрудник и оставила кровавый след на обнажившейся груди.

Дьявол зарычал от ярости, окружавшее его пламя запыхало ещё сильнее. Он бросился на Ривена, высоко подняв огненный меч. Ривен уклонился от удара сверху — меч прочертил борозду в земле — зашёл извергу сбоку и вонзил оба клинка сквозь его доспехи прямо в живот.

Дьявол завизжал и рухнул, корчась от боли, разбрызгивая ихор из кишок. Ривен шагнул сквозь тени к нему и вонзил обе сабли ему в горло. Изверг забулькал и его пламя умерло вместе с ним. Ривен забрался на грудь мертвого дьявола, сжимая в каждой руке измазанную ихором саблю. Вокруг кипело облако дыма и теней.

— Выходи, где бы ты не прятался, — позвал он Мефистофеля.

* * *

Васен, Герак и Орсин наблюдали за битвой в потрясённом молчании. Магические энергии и пламя озаряли обычно тёмный воздух Царства Теней, исчертив поле боя горящими линиями, полосами, колоннами и лучами убийственной силы. Нежить облепила дьявольские войска, её было так много, что казалось, будто чёрный туман опустился на легионы Ада. Звуки воплей, криков, стонов, барабанного боя казались нереальными. Васен попытался проследить за Ривеном, но тот двигался от тени к тени так быстро, покрывая одним шагом целый выстрелиз лука, что уследить за ним было невозможно. Но где бы он ни появлялся,

одноглазый человек—бог оставлял за собой мёртвых дьяволов.

Они смотрели, как Ривен сражается с извергом в облаке теней, дыма и огня, смотрели, как он убивает дьявола, приложив не больше усилий, чем потребовалось бы умелому воину, чтобы обезоружить дитя.

Орсин держал в руках свой священный символ и беззвучно шептал молитвы.

Герак и Васен раскрыли рты, ожидая, пока туда залетят слова, чтобы они могли что-нибудь сказать.

Раздался грохот, такой громкий, что содрогнулись двери цитадели теней, и битва на мгновение замерла. В небе над полем боя возникла огненная черта, разрыв в ткани реальности. Дым, жар и сила потекли из неё наружу, крики проклятых. Черта расширилась горизонтально, затем вертикально, пока не превратилась в пылающую дверь, подвешенную в воздухе над резнёй внизу.

В дверях показалась тень, огромная тёмная фигура из мускулов, крыльев, рогов и силы.

— Мефистофель, — выдохнул Васен.

Он увидел, как в другом конце поля Ривен повернулся не к архидьяволу, а к цитадели, к ним. Ривен сделал жест, и тьма вокруг троих товарищей сгустилась, толстые верёвки тени закружились вокруг них. Васен, истекая собственными тенями, закрыл глаза, прошептал торопливую молитву Амонатору, затем открыл их.

— Приготовьтесь, — сказал он. — Мы отправляемся.

Тени окутали их целиком. Даже зрение шейда, каким обладал Васен, не могло пробиться сквозь них. Он почувствовал, как засосало под ложечкой, а потом ощутил рывок стремительного перемещения.

Глава четырнадцатая

Ривен смотрел, как из портала тёмной хищной птиц вырывается Мефистофель. Тело архидьявола было охвачено тёмной энергией, которая трещала с каждым взмахом его крыльев. У гологрудого, мускулистого архидьявола не было никакого оружия или доспехов.

Дьяволы на земле радостно взревели при его появлении. Дюжина дьяволов из ударных войск, крупнее тех, что Ривен прикончил ранее, бросились к своему повелителю. Мефистофель повис в воздухе и оглядел поле битвы. Его взгляд упал на Ривена.

— Потанцуем, — сказал Ривен, покачиваясь на носочках.

Архидьявол и окружившие его дьяволы взмахнули крыльями и полетели к Ривену, как выпущенные из лука стрелы. Ривен окружил себя защитным облаком теней, шагнул сквозь мрак и появился в воздухе сбоку от архидьявола, моментально принявшись рубить и колоть.

Мефистофель предвидел его внезапное появление и затормозил, парируя клинки Ривена голыми руками, которые не уступали по прочности адамантину. Сабли Ривена отскакивали от кожи изверга, едва оставляя следы. Кулаки и когти архидьявола светились зелёной энергией — он бил, царапал и пытался взять Ривена в захват. Из глаз Мефистофеля выстрелили два зелёных луча и вонзились в защитные тени Ривена.

Ривен влил больше энергии в своё оружие, шагая из тени в тень вокруг Мефистофеля — появился справа, рубанул, исчез, появился слева, уколол, постоянно уклоняясь от ударов архидьявола и его телохранителей, которые летали вокруг и при каждом удобном случае пытались его задеть.

Ривен оставил дюжину мелких порезов на шкуре Мефистофеля. Наконец тот пробил его защитный покров теней и схватил Ривена за руку. Ривен не прекратил атаку, ударив саблей по железной коже архиизверга. Лучи зеленоватой энергии снова ударили из глаз владыки Кании, но столкнувшись с тeneвым покровом Ривена, рассеялись безвредными огоньками.

Взревев от ярости, Мефистофель взмахнул крыльями, описал в воздухе круг и швырнул Ривена к земле. Но едва Ривен освободился, он вытянул руку в полёте, и из воздуха Царства Теней соткалась длинная бечёвка из тени — один конец в руке Ривена, второй — обёрнут вокруг шеи Мефистофеля. Резкое падение Ривена дёрнуло за собой задыхающегося Мефистофеля и швырнуло Ривена обратно к архиизвергу. Когда дьявол схватил импровизированную гарроту, обернувшуюся вокруг его горла, Ривен врезался в него сзади, сразу же сделав два вертикальных удара, рассёкших дьявольскую плоть. Из ран потёк чёрный иxor, и архидьявол зарычал.

Мефистофель взмахнул крыльями, развернулся и обрушил пылающей магической силой кулак на лицо Ривена. Сила удара в сочетании с магией пробила защитный покров Ривена, разбила ему нос и швырнула его к земле, завертев в воздухе. Один из телохранителей Мефистофеля налетел на него, ударил его мечом в бок. Тени защитили Ривена, но от удара он стал вращаться ещё быстрее.

Неважно. Каждая тень в Царстве Теней принадлежала ему; каждая тень была частью его.

В падении он переместился в тени над Мефистофелем. Он перехватил сабли, нацелив их вниз, и его падение вонзило их Мефистофеля в спину, прямо над крыльями. Клинки на половину вонзились в дьявольскую тушу, и из ран брызнул иxor.

Архидьявол заорал, выгнулся, бешено забил крыльями, отбросив Ривена прочь, снова

швырнув его к земле. Три дьявола сложили крылья и полетели вниз вместе с ним, нанося удары мечами. Ривен, спиной к земле, в падении парировал их выпады своими саблями. Он чувствовал, как приближается земля, и знал, что внизу его ждут ещё сотни могущественных извергов.

Он направил божественную силу в облако теней вокруг себя, сделал его кислотным для не обладавших божественностью существ. Самому Ривену едкие тени вреда не причинили, зато расплавили кожу наседавших на него дьяволов. Те завопили и бешено замахали крыльями, но их крылья уже разъела кислота. За несколько мгновений дьяволы растворились до костей, и на ожидавших внизу чудовищ пролился кровавый дождь.

Ривен заставил тени переместить его обратно в цитадель, прямо к распахнутым двойным дверям. Эссенция тени вправила его нос, исцелила другие незначительные раны, которые он получил во время битвы.

Мефистофель пронёсся над полем боя, его собственные раны уже заросли, из кулаков била чёрная энергия, дюжинами развоплощая нежить. Он искал Ривена.

— Покажи себя, человекобог! — кричал архиизверг. — Я вырву божественность из твоей глотки!

Ривен считал, что вполне способен сравниться с Мефистофелем в бою, по крайней мере в Царстве Тени, но легионы архидьявола уничтожали его войска нежити. Младшие дьяволы не представляли угрозы для Ривена поодиночке, но тысячи вместе с Мефистофелем могли быть опасны. А Мефистофель был бессмертным и прожил много веков. Ему были известны такие способы использования божественной силы, о которых Ривен даже не подозревал.

Конечно, Ривену не требовалось побеждать Мефистофеля. Нужно было просто задержать его и его воинство достаточно долго, чтобы Васен спас своего отца.

— Торопись, Кейл-младший, — сказал Ривен и бросился обратно в бой.

* * *

Кания обрушилась на них, не успели рассеяться тени. У Васена застучали зубы от ветра, порывы которого были похожи на удары ножа. Воздух пронизывали крики, вонь горелой плоти, запах серы. Гремел далёкий треск, так громко, что казалось — это ломаются кости титанов. Ледяные порывы ветра доносили звериный рёв и рычание.

Когда тени вокруг ник рассеялись, все трое в ужасе огляделись кругом. Они стояли на ледяном, открытом всем ветрам выступе. Над головой сияло небо цвета крови. Солнце в нём горело не ярче далёкого факела. Во всех направлениях тянулся лёд, огромные неровные глыбы которого торчали из потрескавшейся земли.

Лёд разрезали густые реки магмы, мерцающие вены пламени, в которых корчились души мучеников. Вдоль берегов расхаживали дьяволы, тыкали их трезубцами и поднимали грешников из лавы, нанизав их на древко. Вдалеке в небесах кишели стаи крупных, уродливых дьяволов. На таком расстоянии Васен не мог различить их фигур, но от их неловкого, роящегося полёта ему стало немного дурно.

Васен уже видел всё это во снах, но его всё равно затошнило.

— Не смотрите, — сказал он, но Герак и Орсин застыли без движения, ошеломлённые увиденным. Васен схватил каждого за руку и грубо встряхнул.

— Смотрите на меня. На меня.

Они посмотрели, и по глазам он понял, что увиденное навсегда оставило след в их душах. Они никогда не смогут это забыть. Если они выживут, остаток жизни Кания будет преследовать их во снах.

Ему придётся привести товарищей в чувство. Его сны и его вера дали ему защиту от ужасов Кании. Даже Восьмой Ад не мог погасить огонь в его душе. Он поднял свой щит и прошептал молитву отцу рассвета.

— Укрепи наш дух, отец рассвета. И помоги исполнить задуманное.

Васен направил веру через щит, и тот засиял розовым светом. Свет коснулся каждого из них, согрел, утешил. Васен сразу же почувствовал, как стало легче на душе, как отступили тьма и холод. Герак и Орсин тоже пришли в себя.

— Крепитесь, — сказал он им, доставая Клинок Пряжи. Оба кивнули. — Это ужасное место, но это всего лишь место.

— Всего лишь место, — повторил Герак голосом выше обычного, вцепившись в свой лук.

Линия тени потекла из Клинка Пряжи с ледяного выступа к равнине внизу. Васен проследил за ней глазами и увидел, куда она ведёт.

Холм из снега и льда поднимался на стылой равнине. Тёмные полосы кружились вокруг холма, нити тени, которые не мог рассеять ветер Кании.

— Туда, — сказал он, указывая Клинком Пряжи.

Он попытался почувствовать связь между тенями там, где стояли три друга, и тенями возле холма, но не смог ухватить её. Возможно, ему требовалось отточить свой навык, а может быть, лежащие на холме магические печати предотвращали связь. Так или иначе, им придётся отправиться туда на своих двоих.

— Пойдём, — сказал он.

Сзади и сверху раздался рёв, такой громкий, что едва не сбил их с ног. В ответ затрещал лёд. Огромная тень накрыла землю.

Васен обернулся, поднял взгляд и охнул.

Позади них небо затмевала огромная фигура, плоский, колышущийся ковёр рыхлой, пронизанной чёрными венами плоти. С переднего края этой массы тупо глядели крошечные глаза. Похожая на пещеру пасть безвольно обвисла, демонстрируя болезненный, кривой язык и гниющие, острые зубы высотой со взрослого мужчину. Васен понятия не имел, как существо держится в воздухе, но каждый взмах мясистых складок, которые служили ему крыльями, посылал на землю поток пахнущего трупами воздуха.

Трое мужчин задохнулись, прижали к лицам плащи.

На теле чудовища двигались фигуры, дьяволы с красной чешуей, десятка два или больше. Если они заметят товарищей...

— Вниз! — воскликнул Васен. — Вниз!

Но было слишком поздно. Огромное чудовище снова взревело, поток звука поднял с земли вихрь из льда и снега, и накренилось вниз. С его спины дюжинами посыпались вниз мускулистые краснокожие дьяволы, падая с неба красным дождём. У каждого был острый на вид трезубец. С лиц и подбородка у них росли копошащиеся гроздьё коротких щупалец, похожие на гротескные бороды. Приземлившись на лёд, дьяволы завопили и бросились к друзьям.

— Они нас заметили! — крикнул Васен. — Бегите! Сейчас же!

Его спутники подскочили к краю уступа и соскользнули вниз, а Васен нацелил щит на

наступающую волну дьяволов и прочитал молитву отцу рассвета. Щит вспыхнул белым, и из него по широкой дуге ударила волна священной энергии. Она врезалась в передних дьяволов, сбивая их с ног. Дьяволы в задних рядах перескочили через рухнувших собратьев, но некоторые споткнулись о них и упали в переплетении когтей и конечностей.

Васен развернулся и прыгнул с уступа вслед за товарищами. Он недооценил крутизну уступа и на ужасающую секунду повис в воздухе, прежде чем удариться о склон и заскользить вниз. Он попытался замедлиться с помощью щита и меча, но не смог найти опору на льду. Ноги пронзила боль, когда он ударился о землю внизу. Орсин рывком поставил его на ноги. Герак наложил две стрелы на тетиву и навёл их на край утёса.

— Шевелитесь! — крикнул Васен. — Быстрее, Герак!

Сверху раздались вопли и возгласы преследующих дьяволов. Один из них высоко подпрыгнул над краем утёса, его трезубец сверкнул в красном свете Кании. Герак выпустил обе стрелы, и крик дьявола превратился в болезненный визг.

Васен схватил Герака с Орсином и побежал к могильнику отца. Тело подстреленного Гераком дьявола рухнуло на лёд позади них.

Улюлюканье, рычание и вой раздавались вокруг. Васен бросил взгляд через плечо, чтобы увидеть, как с края утёса прыгают дьяволы, скользят по склону, достигают равнины и бегут следом за тремя друзьями.

— Не оглядывайтесь! — крикнул он. — Просто бегите! Бегите!

Они заскользили по льду, дыхание вырывалось облачками пара. Герак один раз упал, Васен тоже, и оба раза Орсин, даже на льду сохранявший равновесие, помогал им подняться и продолжить бег.

Рёв позади стал громче, раздались звуки задевающих лёд когтей. Трое друзей приближались к холму, тени из Клинка Пряжи сливались с тенями, которые источал могильник.

На равнину опустилась тень — огромный летающий дьявол навис над ними. Он заревел, промчавшись у них над головами, и звук этот был похож на тысячу боевых барабанов. Три товарища задохнулись от вони чудовища. Оно пронеслось низко над землёй, и все трое упали на живот, заскользив по льду, чтобы избежать удара.

Гигантское чудовище могло раздавить их, просто приземлившись сверху, но по какой-то причине на землю оно не опускалось. Возможно, не позволяла физиология. Васен на это надеялся.

Они снова вскочили на ноги и бросились вперёд.

Дьяволы приближались. Васен почти чувствовал их дыхание на своём затылке.

— Не останавливайтесь! — воскликнул он. — Не останавливайтесь!

Когда они приблизились к могильнику, Васен увидел охватывающий его купол, искажавший воздух вокруг.

Магическая печать.

Либо Клинок Пряжи сможет рассечь её, либо все трое погибнут на равнинах Кании, разорванные на части дьяволами.

Васен не остановился, подбегая к магической печати. Вместо этого он высоко поднял меч, испустил в небо крик, и рубанул полупрозрачную стену клинком своего отца.

Печать архидьявола треснула. Вокруг купола вспыхнули мерцающие нити силы. Клинок Пряжи открыл прореху в куполе размером с дверь, не тронув остальную часть печати. Трое бросились внутрь.

Орсин мгновенно развернулся и провёл посохом по льду, начертив линию у входа.

— Герак и я сдержим их! — крикнул он Васену. — Иди за отцом!

Васен кивнул, бросился к холму, тени с его меча и кожи сливались с тенями могильника.

За спиной пропел лук Герака. Дьяволы рычали и изрыгали проклятия. Он оглянулся, увидев стоящего в проходе Орсина. Посох дэвы бешено вертелся, оставляя за собой теневой след. Дьяволы могли проникнуть в проход лишь по одному за раз, и на каждого сыпался град ударов посоха, коленей, кулаков и локтей Орсина. Герак пускал стрелу всякий раз, когда Орсин открывал ему пространство для выстрела.

Васен повернулся к холму. Тени кружились вокруг него, осязаемые, родные. Во многих местах холм бороздили трещины. Васен ударил своим щитом по льду, но удар и следа не оставил.

Он выругался, оглянулся на товарищей и увидел, как удар когтя ранит Орсина, отбрасывает на шаг, оставляет кровавый след. Прежде чем дьявол успел шагнуть следом, Герак выпустил стрелу, которая ударила противника в горло. Орсин метнулся обратно и вонзил основание посоха в морду изверга, выбив клыки и отшвырнув его назад.

— Быстрее, Васен! — крикнул Герак, не оглядываясь. — Их слишком много!

Огромное летающее чудовище нависло над ними, и слева, заполняя небо, приближались другие такие же, услышав, наверное, рёв собрата. Верхом на них летело ещё несколько десятков дьяволов.

Тени потекли с кожи Васена. Он посмотрел на холм, под которым покоился отец. Он освободит его отцовским оружием.

Он поднял Клинок Пряжи, лезвие чадило тенями, как смоляной факел. Васен надеялся, что сила меча сможет пробиться сквозь лёд, сковавший его отца, раз уж она пробила печати архидьявола. Он прошептал молитву Амонатору и ударил сверху вниз, вонзив клинок в лёд по самую рукоять.

С места удара поползла трещина. Холм содрогнулся. От первой трещины побежала вторая, потом третья, каждая трещина рождала другие трещины, пока вся поверхность холма не оказалась покрыта плотной сетью расколов. Из них хлынули тени, как чёрный пар из нагретого котла. Холм продолжал дрожать, и дрожь становилась всё сильнее. Тени вокруг стусились, закипели и закружились. Воздух наполнился гулом скапливающейся силы.

— Берегись! — крикнул Васен.

Он схватил Клинок Пряжи и скользнул в сторону как раз в тот момент, когда холм взорвался облаком теней, льда и снега. Сила взрыва отбросила его спиной вперёд, и мгновение вихрь теней, снега и льда был таким плотным, что он ничего не видел.

Он обернулся и увидел, что взрыв швырнул на лёд Орсина, Герака и дьяволов. Они уже поднимались на ноги с оглушённым видом.

— Сдержите их! — закричал он, в гудящих от взрыва ушах голос казался глухим и далёким.

Холм исчез. На его месте чернел кратер. Из него текли тени. Васен подобрался к краю кратера и на дне увидел своего отца.

Эревис Кейл лежал, распростёршись, на льду, закрыв глаза, сложив на груди руки, как будто кто-то подготовил его тело к похоронам. Он был лысым, чисто выбритым, выше Васена, с крупным носом и крепким подбородком. На нём были кожаные доспехи и тёмный плащ. Тени кружились вокруг его смуглого тела. Он выглядел примерно так, как и

представлял себе Васен.

— Эревис! Отец!

Его отец не двигался.

Васен выругался, съехал по склону кратера, подхватил тело отца и выбрался обратно.

— Он у меня! — крикнул он Орсину и Гераку.

Орсин обрушил яростный вихрь ударов своим посохом, вынуждая отступить пару дьяволов, которые пытались пробиться сквозь брешь в печатях. Он отскочил назад, провёл своим посохом по земле и переломил его через колено. Из проведённой черты мгновенно выросла теневая стена, закрывая брешь.

Орсин бросился к Васену. Герак бежал следом, выпуская на ходу стрелу за стрелой.

Васен уложил Эревиса на землю, тени вокруг отца и сына сливались воедино.

Васен ударил его по щекам.

— Эревис! Отец!

Никакой реакции.

К ним подбежали Герак с Орсином. Герак продолжал стрелять. Орсин истекал кровью из глубоких царапин на лице и руках.

— Быстрее, Васен, — сказал дэва, не отрывая взгляд от возведённой им стены теней.

Васен кивнул, положил ладонь на лоб отца, прошептал молитву и направил в Эревиса целительную силу. Рука Васена засветилась тёплым розовым светом, энергия солнечного бога исцеляла Первого Избранного Маска в Фаэруне.

Все трое облегчённо вздохнули, когда глаза Кейла открылись, замерцав жёлтым в сумеречном мороке. Он сощурился и схватил Васена за запястье с поразительной силой.

— Ты мне снился, — сказал Кейл. — Ты... мой сын.

Тени кружились вокруг сына и отца. Васен сглотнул.

— Да, и ты мне тоже снился, — смог выдавить Васен. Годами он только во снах слышал голос отца.

Позади них ругались и рычали дьяволы, пиная стену Орсина.

— Преграда долго не протянет, — сказал Орсин.

— Нужно уходить, — сказал Кейл, принимая сидячее положение.

— Ривен сказал, что нам нужно отправиться в Ордулин, — сказал Орсин.

На мгновение глаза Кейла заволкло дымкой, пока он обдумывал содержание снов, увиденных во время своего заточения. Когда его взгляд снова сфокусировался, Кейл кивнул.

— В Ордулине «Листья одной ночи». Там началась Буря Теней, и значит, там находится книжонка Шар. Хорошо. Значит, туда.

— А когда мы окажемся там? — спросил Орсин.

Кейл посмотрел на Орсина, заметил его священный символ, отсутствие оружия.

— Ты теневой ходок? Один из людей Наяна?

— Наян... уже очень давно мёртв. Но я один из его людей, да. Я не могу ходить по теням, как они, но тени отвечают мне иначе. Меня зовут Орсин.

— Герак, — представился Кейлу Герак. Он натянул тетиву, спустил, раздался визг.

— Когда мы будем там, — ответил Кейл, — мы прочитаем «Листья». Говорят, что они содержат момент величайшего триумфа Шар, но вместе с тем и мгновение её величайшей слабости. Моментом её величайшей слабости должно быть возвращение Маска, её вестника. Должно быть. Если оно произойдёт, Цикл Ночи остановится навсегда.

Васен покачал головой.

— Но Ривен сказал, что я должен извлечь божественную искру из него, Ривалена и Мефистофеля. Я не знаю, как это сделать.

— Нет, знаешь, — ответил Кейл. — Маск запланировал это давным-давно, и ты видел это во снах, как и я.

Кейл и Васен долгое мгновение смотрели друг на друга, потом произнесли одновременно:

— Напиши историю.

С этими словами Васен достал мелкую жемчужину из кармана и разбил её. Перед ним возник узел теней. Васен заговорил.

— Он у нас, Ривен. Эревис у нас и он жив.

Тени, с которыми он говорил, рассеялись, предположительно доставив его сообщение Ривену в Царство Тени.

Кейл встал и стянул к ним сумрак.

— Отправляемся, — сказал он.

* * *

Из теней вокруг Ривена раздался голос Васена.

Он у нас.

Только этого Ривен и ждал. Он бросился через всё поле боя, шагая сквозь тени, убивая дьяволов на каждом шагу. Мефистофель гнался за ним в небе, изрыгая проклятия. Разряды энергии били с ладоней архиизверга, едва промахиваясь по Ривену и оставляя в земле дымящиеся рывины. Ривен пригибался, откатывался, кружился и бежал, уклоняясь от атак правителя Кании, выигрывая время. Он снова прокрутил в голове всё, что знал. Он ничего не упустил, но знал слишком мало. Он десятки лет строил планы, чтобы все, кто был нужен, попали в Ордулин. Но после этого...

Он не знал, что случится после. Маск разделил свой план среди множества своих слуг, как и свою божественность разделил среди нескольких избранных. Ривен, вероятно, был самым могущественным среди них, но он видел лишь отдельные фрагменты. Он поставил всё на кон в надежде на некое внезапное откровение.

Задумавшись над этим, он отвлёкся. Перед ним возник Мефистофель, окутанный нимбом тёмной силы. Архиизверг ударил Ривена заряжённой энергией кулаком, отшвырнув его вверх тормашками. Дюжины дьяволов набросились на него, мечи, трезубцы, клыки и когти попытались прорваться сквозь защитные тени и разорвать ему плоть.

* * *

Я не уйду, сказал Магадон Источнику. Мне просто нужно увидеть.

Ответ Источника был неразборчивым, но благодарным. Он угасал. Магадон, полный силы, почерпнутой из связи с Источником, потянулся к Бреннусу, не покидавшему свой пост на западном краю Саккорса.

Мне нужно на мгновение посмотреть твоими глазами, сказал он.

Когда Бреннус не стал возражать, Магадон установил между ними сенсорную связь,

позволив себе видеть глазами шадовар.

Саккорс с ужасающей скоростью летел в сумрачном небе Сембии. Далеко впереди нависала чёрная стена ордулинского вихря. Полосы молний бесконечными вспышками озаряли густые тучи. Тёмные облака кипели и бурлили, как будто в раздражении, как будто что-то внутри них было разгневано и ждало.

* * *

Ривален стоял над Сэйидом, отчаяние которого было почти физически ощутимым. Кожа Сэйида была покрыта священными словами Шар, его рот набит страницами «Листьев одной ночи». Скоро объявится Ривен вместе с сыном Эревиса Кейла, чтобы прочесть эти слова, но речь в «Листьях» шла не о том, на что они надеялись. Он положил руку Сэйиду на спину и мужчина задрожал от его прикосновения.

— Смерть, которую я пообещал тебе, скоро придёт. Сначала мир, затем ты, а потом и я. И затем освобождение.

Сэйид снова задрожал.

Ривален взял в руку свой священный символ, поглядел в око Шар, почувствовал на себе прикосновение её силы. Она научила Ривалена тому, что ему требовалось знать. Его жизнь была поэтапным путём к откровению и правде.

— Ничто не длится вечно, — сказал он, цитируя тайную истину Шар. — Ничто.

Длинные, разветвлённые линии зелёных молний озаряли чёрные тучи. Гремел гром. Око Шар в предвкушении пульсировало силой. Она желала воплощения, желала кормиться. Скоро её желание исполнится.

Он шагнул сквозь мрак на верхушку крупного обломка разрушенной башни, которую когда-то занимал Кессон Рел. Там он стал ждать. Его враги были на подходе. Когда они появятся, он уничтожит их, освободит свою богиню и будет смотреть, как госпожа потерь пожирает мир.

* * *

Кейл, Васен, Орсин и Герак появились на краю площади в Ордулине. Площадь практически не изменилась с тех пор, как Кейл сражался здесь с Кессоном Релом. Потрескавшийся камень и разрушенные строения застилали местность, как надгробья титанов. Зелёные молнии призрачным светом пронзали сумрачную дымку. Выл ветер. Тёмный туман кружился в воздухе.

В центре площади висело медленно вращающееся ничто, холодная пустота, вечно тянущаяся сквозь время и пространство. В око обитала Шар; Кейл чувствовал её там, вес её злобы, тяжесть её взгляда. Её существование не заполняло пустоту; оно определяло её. Ему стало дурно.

— Распроклятая тьма, — выругался он.

Прямо перед оком сгорбился обнажённый по пояс мужчина. Его спина была покрыта словами, один вид которых каким-то образом вселял беспокойство. Его глаза были открыты, но казалось, ничего не видели. Его рот тоже был распахнут, и оттуда торчал пергамент. Его

щёки сильно раздулись, набитые бумагой.

— Боги, — прошептал Орсин. — Это Сэйид.

— Оно выросло, — сказал Кейл, кивая на око. Он видел эту пустоту давным-давно, когда Кессон Рел впервые её создал.

Возникло присутствие, тяжёлое, волнами излучающее силу.

— Скоро вырастет ещё больше, — сказал прямо позади них глубокий голос, голос Ривалена Тантула.

Все они одновременно развернулись, чтобы увидеть стоявшего позади ночного провидца. Из мрака под капюшоном сияли его золотые глаза. Они закричали, выхватили оружие, но было слишком поздно. Ривален произнёс единственное слово, и содержащаяся в нём сила бросила на колени всех, кроме Кейла.

Клинок Пряжи поглотил и отразил силу заклинания Ривалена, но нагрелся от отдачи. Кейла отбросило. Удержавшись на ногах, он заскользил вперёд спиной, к око Шар. Он чувствовал на себе взгляд госпожи потерь.

Васен, Герак и Орсин валялись на земле и стонали.

Ривален посмотрел на Кейла, сощурил свои золотые глаза и вопросительно наклонил голову.

— Кейл? — спросил Ривален.

Кейл уже встречался с Риваленом прежде, когда его бог был жив, а Ривален был всего лишь шейдом. Теперь Кейл, человек без бога, встретил бывшего шейда, который сам стал богом.

Он бросился в атаку. Ривален даже не пошевелился. Кейл наискось ударил Клинком Пряжи, но меч со звоном отскочил от теней, круживших вокруг Ривалена, как будто они были сотканы из стали. Ривален схватил Кейла за лицо одной рукой, произнёс слово силы и выпустил из ладони разряд нечистой энергии. Обычно эссенция тени Кейла позволяла ему сопротивляться действию магии, но сейчас магия исходила из рук бога.

От боли у него вырвался приглушённый крик. Кожа пошла волдырями, стала лопаться. Затрещали кости. Ривален легко отшвырнул его в сторону. Кейл ударился о мостовую, перевернулся, застонал, когда тень в его теле стала заживлять нанесённый Риваленом урон.

— Я сомневался, что увижу тебя снова, Кейл, — сказал Ривален. — Я не знал, справится ли твой сын. Но хорошо, что он справился. Ты прибыл сюда живым лишь для того, чтобы умереть.

Ривален схватил Орсина и Герака за плащи и поднял их одной рукой, затем взял второй Васена. Он понёс их к око Шар, и Кейл испугался, что Ривален бросит их туда.

Кейл перекатился, сжал зубы от боли, и встал на четвереньки. Теневая эссенция в нём срастила кости, заживила ожоги. Он увидел, как Ривален швырнул всех троих на мостовую рядом с коленопреклонённым мужчиной.

Кейл встал, шагнул сквозь тени и появился позади Ривалена, заноса Клинок Пряжи, чтобы обезглавить шадовар. Ривален обернулся, на его лице застыло презрительное выражение. Он перехватил удар голыми руками. Меч даже не порезал его плоть. Ривален вырвал оружие из хватки Кейла и отбросил меч в сторону.

Кейл зарычал, нырнул вперёд, ударил лбом в переносицу Ривалена.

С таким же успехом он мог ударить каменную стену. Ривален оскалился, схватил Кейла за горло и оторвал его от земли.

— Ты всего лишь человек, Кейл. Происходящее за гранью твоих возможностей.

Кейл кашлял, задыхался, бил ногами Ривалена в грудь, но удары проходили бесследно. Ривален тоже был за гранью его возможностей.

— Послушай своего сына, — сказал Ривален.

Ривален опустился на колени, продолжая держать в вытянутой руке борющегося Кейла, и прикоснулся к Васену.

Глаза Васена резко распахнулись, расширились, когда он увидел Ривалена и Кейла. Он потянулся к мечу, но ножны были пусты. Ривален схватил его за руку, рывком поднял на ноги и бросил на колени у сгорбившейся перед оком Шар фигуры.

— Читай, — приказал Ривален. — Ты же явился сюда, чтобы прочесть это?

Васен оглянулся на него, на Кейла, в тенях его глаза светились жёлтым.

— Думаешь, я не знаю, зачем вы пришли? Думаешь, я не знаю о планах Маска? Я знал всё это время. Знал всё. Вы рискнули всем, чтобы явиться сюда и прочесть «Листья». Так давайте послушаем.

Ривален тряс Кейла, пока говорил. В глазах задыхающегося Кейла появились искры. Его зрение сузилось, превратилось в тоннель, и в конце тоннеля был его сын.

— Читай! — крикнул Ривален. — Читай вслух.

Магия пропитывала его слова, превращая приказ в принуждение.

Васен повернулся и медленным, монотонным голосом принялся читать слова, записанные на спине сгорбленной фигуры, слова «Листьев одной ночи».

Ривален снова встряхнул Кейла.

— Слушай. Слушай, что произносит твой сын, Кейл.

Подчиняясь заклинанию Ривалена, Васен бормотал кощунственные слова, надиктованные самой Шар. От их звука Кейл моргнул, его ушам было больно. Пока Васен читал чёрные слога, око Шар стало вращаться быстрее. Оно излучало неприятный, диссонансный гул.

Кейл отчаянно пинал и бил Ривалена. Обычный человек от таких ударов потерял бы сознание или умер, но на Ривалена они не оказывали никакого эффекта. Кейл едва мог дышать. Он терял сознание.

Ему нужно было сбежать. Прежде чем потерять сознание, он позволил себе почувствовать тени вокруг, на всей площади. Он ухватился за них, стянул их к себе, и переместился сквозь них в другой конец площади, во тьму позади рухнувшей статуи. Там он рухнул на землю, задыхаясь, моргая. Тьма текла с его кожи. Эссенция тени начала исправлять ущерб, нанесённый Риваленом его горлу.

Он выглянул из-за статуи, чтобы увидеть, как Ривален раскинул руки и закричал в тёмное небо.

— Смотри, Кейл! Смотри, как твой сын приближает конец! В «Листьях» не записано никакого момента слабости! Я прочёл их! Слышишь меня? Там лишь мгновение триумфа! Ты слышишь, Кейл! Слышишь!

Око Шар расширилось, завертелось быстрее, и гул превратился в рёв, похожий на оглушительный рёв прибоя. Площадь задрожала. Насколько знал Кейл, дрожать вполне мог весь Торил. Исходящая из ока сила пропитала воздух. Повсюду взрывались маленькие шаровые молнии. Едкий дым смешивался с тенями, и всё это звучало эхом однажды посещённого Кейлом мира, мира, уничтоженного Шар.

Он пережил собственную смерть лишь для того, чтобы увидеть, как гибнет мир.

Ривену потребовалось несколько мгновений, чтобы прийти в себя. Он позволил божественной силе ударить из него во всех направлениях. Дьявол отбросило от него на расстояние броска копья, как сухие листья на сильном ветру. Он встал, тени змеились вокруг, и встретил Мефистофеля лицом к лицу.

Архиизверг приземлился на поле битвы в двадцати шагах от Ривена. Его глаза пылали красным от ненависти, его руки мерцали от опутавшей их энергии, медленные взмахи его крыльев обещали Ривену смерть.

— Больше не мог ждать, да? — насмешливо спросил Ривен. Он сунул сабли в ножны. — Перестарался, да? Асмодей разозлился на свою карманную собачку?

Мефистофель гневно нахмурил лоб.

— Ты ничего не знаешь, смертный, и не заслуживаешь украденной тобой силы. Ты даже не знаешь, как ею пользоваться. Будет даже справедливо вырвать её из твоего тела, пока ты будешь кричать.

Ривен ухмыльнулся, тени злым облаком кипели вокруг него.

— Ну и визгливо же ты лаешь, собачонка. Гав—гав.

Мефистофель взревел, взмахнул крыльями и бросился на Ривена. Вокруг архидьявола трещала сила, под его весом прогибалась земля.

Ривен ждал, ждал, готовился, и в последний момент швырнул себя на Мефистофеля. Вместо того, чтоб уклоняться от хватки архиизверга, он схватил руки Мефистофеля собственными. Они закружились, вцепившись друг в друга, пытаясь заполучить преимущество. Тёмная сила потекла в Ривена, обожгла его кожу. Он скорчился от боли. Тени, бурлившие вокруг человека и дьявола, потемнели, углубились.

— Эй, — сказал Ривен сквозь боль.

Мефистофель вопросительно посмотрел на него.

Ривен оскалился.

— Давай покатаемся.

Тени стали чёрными, как чернила, и перенесли их обоих в Ордулин.

Глава пятнадцатая

Звук, исходящий из ока Шар, резко сменил тональность, превратившись в высокий визг. Васен продолжал читать слова «Листьев одной ночи». Он читал медленно — сопротивлялся принуждению Ривалена — но заклинание заставляло его произносить непроезжимое, громко и отчётливо.

Ривален наклонил голову к плечу, будто прислушиваясь к чему-то далёкому.

— Ну вот наконец и они, — сказал он и отошёл в тень. На площади возникло чернеющее облако глубокой тени, искрящееся энергией, и из этого облака вырвались Ривен и Мефистофель. Тени и нечистая энергия окутывали человека и дьявола. Они хватали друг друга за руки, и пока они боролись, между их ладоней шипели тени и губительная сила.

Мефистофель зарычал, ударил крыльями и отбросил Ривена назад, на чёрной коже его рук и груди от усилия вздулись жилы и сухожилия. Ривен отшатнулся. Мефистофель вытянул руки и выстрелил колонной бурлящего адского пламени. Она прожгла тени, которые защищали Ривена, ударила его в грудь и отшвырнула назад. Его кожа и плащ задымилась.

Ривен откатился в сторону от пламени, скорчив гримасу от боли, и прижал ладонь к виску.

— Ривен! — крикнул Кейл и начал стягивать к себе тени.

Ривен бросил на него острый взгляд и Кейл почувствовал тяжесть этого взгляда, силу его внимания.

— Оставайся на месте! — рявкнул Ривен.

Мефистофель тоже увидел Кейла и повернулся к нему.

— Кейл! Как ты сбежал из моих владений?

Из темноты рядом с Васеном, возле ока Шар, появился Ривален. С его рук сочилась сила.

— И вот мы все собрались здесь. Конец уже близко.

— Это ты так говоришь, — сказал Ривен. — Но...

Из ока Шар, как гадюки, ударили ленты, длинные полосы мрака метнулись вперёд и схватили Ривена и Мефистофеля, обернулись вокруг них, оборвав Ривена на полуслове.

— Нет! — зарычал Мефистофель, прежде чем одна из лент прыгнула в его открытый рот и скользнула вниз по горлу, заставив его задохнуться.

Новые и новые ленты выползали из вопящего ока, опутывали двух божеств, плели вокруг них кокон из мрака Шар. Мефистофель боролся и корчился, тёмная энергия пылала на его обнажённой коже. Ривен не сопротивлялся, и вскоре оба были полностью скрыты лентами.

Густой узел, тянувшийся обратно в око, начал пульсировать, как глотающее горло. И с каждым глотком око Шар становилось в несколько раз крупнее. С каждым глотком сила пустой сущности, обитавшей по ту сторону ока, росла.

— И вот гибнет вестник, — сказал Ривален.

Кейл мгновенно понял, что происходит. Явление Шар. Она поглощала их божественность, и когда Шар впитаёт её всю, она воплотится и сожрёт мир. И началось всё с Васена, читающего «Листья одной ночи». Нужно было остановить это, и он видел лишь один способ. Он должен был убить человека, на котором были записаны слова «Листьев». Он приготовился шагнуть сквозь тени, но почувствовал знакомый зуд за глазами. Напряжённый

мысленный голос Магадона прозвучал в его голове.

Эревис?

Кейл поверить в это не мог. Он прижался спиной к пьедесталу статуи, сполз вниз, в тени.

Магз? Магз?

Эревис, как я рад тебя...

Позже, Магз. Где ты?

Почти в Ордулине. Я с Источником Саккорса.

Источник!

Эревис, я должен связать вас с Ривеном, с нами. Я хочу, чтобы ты приготовился.

К чему?

К этому.

Кейл почувствовал, как открывается связь между ним и богом. Его охватила жгучая боль. Казалось, тело охвачено пламенем. Он чувствовал то, что чувствовал Ривен — как челюсть Шар пережёвывает его кусочек за кусочком.

Может быть, Кейл закричал. А может, он просто почувствовал крики Ривена.

Кроме боли, он чувствовал сознание Ривена, протянувшееся сквозь миры и время, понимание столь обширное и глубокое, что Кейл испугался. А кроме этого, он услышал полные надежды голоса верующих, умоляющих Ривена дать им знак — ноша, которую нёс каждый бог.

Книга... сказал ему Ривен. Её слабость... в... книге...

В проклятой книге нет никакой слабости!

Должна... быть. Найди её... или мы всё... погибнем.

Связь с Ривеном закрылась.

— Дерьмо, дерьмо, дерьмо, — выругался Кейл.

Зазвенел глубокий голос Ривалена.

— Всё кончено, Кейл. Тебе горько? Видишь, как Шар обвела вокруг пальца тебя и твоего жалкого бога?

— Заткнись, — прошептал Кейл. Он мысленно передал Магадону:

Магз, нужно, чтобы ты связал меня с сыном.

Позволь мне увидеть твоими глазами.

Кейл посмотрел на Васена и почувствовал, как сознание Магадона подключилось к его зрению. Глубокий зуд позади глаз, короткая, острая боль в левом виске. Возникла связь.

Васен? позвал Кейл.

Ответа не было. Кейл чувствовал волны сопротивления, презрения к себе, ярости, но Васен продолжал читать слова, а Шар продолжала кормиться.

Послушай меня, Васен. Ты должен найти в книге момент слабости. Он там есть.

Ответа по-прежнему не было.

Подумай обо всём, что ты видел, обо всём, что слышал и делал. Он там, Васен. У Маска есть план. Он всё это подстроил. Он лучший интриган, чем Шар может надеяться когда-либо стать. Он где-то там. Ты просто должен его увидеть.

По-прежнему ничего.

Он там, Васен. Ты найдёшь его. Я в тебя верю.

Из тени перед Кейлом возник Ривален, могущественный, тёмный.

Кейл вскочил на ноги, ударил Клинком Пряжи, но Ривален увернулся, схватил Кейла за

плащ и ударил его о пьедестал. Треснули рёбра, Кейл вскрикнул от боли.

— Тебе от меня не спрятаться, Кейл. Тьма здесь принадлежит мне.

Он снова ударил Кейла о пьедестал, заставив рёбра заскрежетать друг о друга, расколов череп. Кейл увидел искры, зрение помутилось. Эссенция тени в его венах исправляла урон, но он всё равно едва мог удержаться в сознании.

Кейл? позвал Магадон. Кейл, я почти на месте. Но Источник умирает...

Кейл не стал отвечать Магадону. Вместо этого он заговорил с сыном.

Вера, Васен. У меня есть вера. Напиши историю. Напиши её.

Ривален снова ударил его о пьедестал. Вспышка боли, и всё угасло.

* * *

Напиши историю. Вера.

Губы Васена складывались в слова, написанные на согнувшемся перед ним несчастном пойманном мужчине. Полные ненависти слова. Внушающие ужас слова. Слова смерти. Слова, которые никогда нельзя произносить. Слова, обещавшие конец всему. И всё же он не смог заставить свои губы прекратить складываться в них, заставить голос прекратить их произносить.

Вера.

В книге не было никакого момента слабости. Были только слова, которые описывали неизбежную победу Шар, её воплощение, поглощение мира и всего в нём.

Он стал искать между слов, пытаясь различить код, скрытый текст. Ничего не увидев, он впал в отчаяние. И он знал, что отчаяние было предательством, что Шар питалась его отчаянием, как и всем остальным.

Он уцепился за слова отца, притянул их ближе.

Подумай обо всём, что ты видел, обо всём, что слышал и делал. Он там, Васен. У Маска есть план. Он всё это подстроил. Он где-то там. Ты просто должен его увидеть.

Голос Васена, подчинённый заклятию ночного провидца, как будто по собственной воле продолжал произносить кощунства, но разум по-прежнему принадлежал ему. Он обратился к своему прошлому, к словам, которые говорил Деррег, словам, которые говорили мёртвые на перевале, словам, которые говорил Оракул.

Оракул. Вера. Напиши историю.

Для таких людей, как мы, Васен, вера — это перо. Ею мы пишем историю наших жизней.

Историю наших жизней.

Он подумал об Орсине, скрючившемся неподалёку, возможно, мёртвом, подумал о спиралях, и вихрях, и полосах, что расчертили кожу дэвы.

История жизни Орсина, записанная на его теле.

Человек пишет свою историю в книге мира.

И в этот момент Васен понял. Мгновение слабости Шар не было записано в «Листьях одной ночи», потому что Васен не должен был прочесть о нём. Он должен был написать его, и его вера, вера в свет, надежду и храбрость, была пером.

Свет в тебе, и он пылает ярче, чем в остальных, потому что сражается с тьмой в твоей в крови.

Он улыбнулся и запнулся на одном из слов, написанных на теле человека перед ним. Заклятье Ривалена вытащило из него ещё одно слово, потом второе, и на этом всё.

С болезненной медлительностью Васен провёл пальцем по земле перед собой, прочертив линию в грязи и пыли. Новое начало.

Он потянулся внутрь себя, в ядро своего существования, к свету своей души, к вере, которая поддерживала его всю жизнь, вере, которая позволила ему жить под небом, никогда не видевшим солнца.

— Свет... во... мраке, — сказал он.

* * *

Кейл! Кейл!

Ментальный голос Магадона вернул его в сознание.

Я почти тут. Источник умирает, Кейл. Когда он умрёт, Саккорс рухнет. Ривален держал Кейла в воздухе за плащ, у самого ока Шар, рядом с пульсирующими чёрными щупальцами, растущими из ока.

Но что-то изменилось.

Васен уже не произносил слова «Листьев одной ночи». И жадный, довольный рёв, исходивший из ока Шар, сменился жалобным визгом.

— Что это? — сказал Ривален, тени вихрем кружились вокруг. Он закричал на Васена полным силы голосом. — Читай! Читай её!

— Свет... во... мраке, — сказал Васен.

Ривален шагнул к Васену, потащив за собой Кейла. Вой Шар наполнял воздух.

— Конец рождает начало, тьма рождает свет, трагедия рождает триумф, — сказал Васен. — Ночь сменяется... рассветом. В очищающем свете Амонатора стоит тот, кто был Латандером.

Пока он говорил, его кожа начала сиять, все ярче и ярче.

— Стоит... в... нём.

Звук из ока Шар перерос в настоящий вопль. Свет Васена опалил тени вокруг Кейла и Ривалена. Ривален бросил Кейла и отшатнулся, закрывая глаза ладонью. Кейл моргнул, в глазах проступили слёзы.

Васен сиял всё ярче и ярче, солнце в ночи ордулинского вихря. У Ривалена вырвался крик боли. Ленты Шар корчились в лучах света, начали дымиться и распадаться, отпуская Ривена и Мефистофеля.

Свет Васена стал ослепляющим.

Скосив глаза, Кейл увидел, что кожа человека, сгорбившегося перед оком, очистилась от слов Шар. Его сын стёр «Листья одной ночи».

Сгорбленная фигура внезапно вскочила, открыла рот и исторгла из себя страницы «Листьев». Каждая страница рассыпалась в пепел, когда её коснулся исходящий из Васена свет. Изрыгнув из себя книгу, мужчина вздохнул и замертво упал лицом вниз.

Рядом с Васеном застонал и пошевелился Герак.

Кейл шагнул, чтобы помочь ему, закрывая глаза от света.

— В порядке? — спросил его Кейл.

Герак кивнул, моргая от яркого света.

Позади Кейла в унисон закричали Ривален, Ривен и Мефистофель. Кейл обернулся и увидел, что свет Васена вырывает из них божественность, упавшую длинной тенью на землю позади них. Все трое стояли на цыпочках, выгнув спины, распахнув рот в безмолвном крике.

В голове Кейла раздался голос Магадона.

Что происходит? Что это за свет, Кейл? Он прекрасен.

Кейл посмотрел на Васена.

Это мой сын, Магз. Это мой сын.

— Отрежь их, — сказал Васен. — Клинком Пряжи. Отрежь их, Эревис.

Кейл бросился через площадь и подхватил своё оружие. С меча текли тени, но свет Васена поглощал их так же быстро, как порождал клинок. Сначала Кейл направился к Ривену.

Тень божественной силы протянулась за убийцей, соединяясь с ним у пяток. Кейл высоко поднял Клинок Пряжи и рубанул, разрывая звено между человеком и богом. Клинок задымился и пошёл пятнами, но сделал своё дело. Ривен вздохнул и осел на колени.

Божественная искра, освободившись от связи с Ривеном, скользнула по площади, изогнувшись дугой, тёмной чертой на земле, освещённой пылающим светом сына Кейла.

— Ты в порядке? — спросил его Кейл.

Бледный Ривен смог только кивнуть.

— Быстрее! — поторопил Васен.

Кейл подошёл к Мефистофелю, затем к Ривалену, отделив обоих от их божественных сил.

После того, как Кейл отсёк божественность Ривалена, Клинок Пряжи был готов вот-вот сломаться.

— Нет! — крикнул Ривален.

— Да, — сказал Кейл и сильным ударом сбил его с ног. Шадовар рухнул лицом на площадь, и Кейл услышал, как его зубы заскрежетали по камню.

Тени божественной силы, которые Кейл отрезал от Ривалена и архидьявола, скользнули по площади, как и тень Ривена, вытянулись дугами, соединяясь друг с другом, складываясь в тёмный круг на камнях — символ Маска.

Око Шар вертелось вихрем, стонало о силе, которой жаждало, о силе, что позволит ей воплотиться и начать пожирать мир. Между этой силой и оком стоял только свет Васена Кейла.

— Что теперь? — окрикнул Кейл сына.

— Кто-то должен принять её! — отозвался Васен. — Вестник должен воплотиться! Я не смогу сдерживать это, и если свет угаснет, она поглотит всё, и тогда...

Ему не нужно было ничего больше объяснять. Кейл понял. Для этого его вернули обратно, для этого Маск сделал так, чтобы он выжил, когда должен был умереть.

Мефистофель, должно быть, тоже понял, потому что он встал на четвереньки и пополз к божественной силе.

Кейл бросился к архидьяволу, но прежде чем он достиг его, в бок раненого, ослабевшего изверга внезапно вонзилась стрела. Стрела вошла по самое оперение, и дьявол застонал.

— Это за Фэйрелм, — крикнул Герак.

Лучник стоял рядом с Васеном, наложив новую стрелу и натянув тетиву.

Прежде чем Мефистофель смг сделать ещё один шаг, Герак снова в него выстрелил. Дьявол снова застонал.

— За Элли, — сказал Герак.

Но Мефистофель не падал. Сплёвывая кровь сквозь сжатые клыки, он полз к божественной силе.

— А это за меня, — сказал Герак, выпустив третью стрелу, которая попала дьяволу в горло.

Мефистофель задохнулся, поднялся на колени, выгнул спину, забрызгивая площадь своим чёрным ихором.

Кейл воспользовался этой возможностью. Он шагнул сквозь тени во тьму позади изверга.

— Я тоже тебе кое-что задолжал, — сказал он и вонзил Клинок Пряжи в спину Мефистофеля так, что лезвие вышло из груди. Хлынула кровь.

— Я просрочил выплату на сто лет, — сказал Кейл и повернул меч в ране. Оружие треснуло в его руках, оставив осколок в теле дьявола.

Мефистофель, пытаясь засунуть свои внутренности обратно через дырки в своём теле, захлёбываясь собственными телесными жидкостями, попытался заговорить, исторг только влажное бульканье, а затем исчез вместе с застрявшим в нём осколком Клинка Пряжи.

Кейл выругался, когда архидьявол сбежал. Он посмотрел через площадь и обменялся кивками с Гераком.

Стоя в свете веры своего сына, лишившись собственной веры, Кейл смотрел на три тени, нарисовавшие круг на камнях площади. Его собственная, обычная тень, протянулась перед ним, почти касаясь их.

— Я больше не могу, отец, — сказал Васен, и свет начал угасать.

Око Шар продолжало издавать свой голодный гул, продолжало быстро вращаться и жадно бурлить.

Кейлу нужно было всего лишь шагнуть вперёд, позволить своей тени коснуться теней божественной силы, и...

Рука на плече развернула его: Ривен.

Он посмотрел в рябое лицо друга, теперь — обычного человека, в пустую глазницу, на всклокоченную бороду.

— Я сделаю это, — сказал Ривен.

— Ривен...

— Оставайся человеком, Кейл.

Ривен посмотрел вниз, помотал головой.

— Ты был в моей голове. Ты... видел. Божественность любого превращает в ублюдка. Для меня в этом отношении ничего не изменится.

Кейл покачал головой.

— Нет, я должен.

— Кейл, у тебя есть сын и есть жизнь. Иди и проживи её.

Кейл долго смотрел в глаз Ривена, и наконец кивнул.

Они обнялись, как два давно разлучённых брата, какими на самом деле и были.

— Это был долгий путь, — сказал Кейл.

— Точно, — согласился Ривен. — И странный, да?

— Станный, — подтвердил Кейл.

Ривен хлопнул Кейла по плечу и шагнул мимо него. На мгновение его тень легла рядом с тенью Кейла. Затем он сделал ещё шаг в начерченный мраком круг на камнях. Тень Ривена

пересекла круг.

Круг начал вращаться, уменьшаться, смыкаться вокруг Ривена. Он задохнулся, запрокинул голову и закричал — громко, как гром. Несмотря на свет Васена, тени текли с кожи Ривена, кружились вокруг него, обнимали его. Вращающийся круг силы сомкнулся, и Ривен, казалось, стал выше, более материальным, тени вокруг него стали плотнее.

И когда божественная сила затопила Ривена, увеличила его, око Шар уменьшилось пропорционально. Вращение ока замедлялось по мере того, как оно сжималось; крики стали жалобными и стихли окончательно.

А потом всё кончилось.

Свет Васена угас и Ривен, истинное божество, стоял на площади в облаке тени. Он оглянулся на Кейла, бездна его глаза как будто тянулась назад сквозь пространство и время.

— Ты по-прежнему ужасно строишь планы, — сказал Кейл с полуулыбкой на губах. — И будь я трижды проклят, если когда-нибудь стану тебе молиться.

Ривен, или Маск, повернулся и посмотрел на него.

— Я был бы разочарован, скажи ты что-нибудь другое.

Тьма плотно окутала Ривена. Он слился с ней и исчез, ушёл туда, куда уходят боги. Кейл тяжело вздохнул, повернулся и поспешил к Васену. Они с Гераком помогли Васену встать.

— Ты сделал это, — сказал Кейл, притянув его к себе.

Васен кивнул, его лицо было бледным. Он опёрся на Кейла.

— Мы все это сделали.

— А что именно мы сделали? — спросил Герак, оглядываясь кругом.

Васен покачал головой, опустил рядом Орсином, положил на него руки и прочитал молитву Амонатора.

Кейл ожидал увидеть, как руки Васена загораются целительной энергией, но ничего не произошло. Васен опустил голову.

— Что случилось? — спросил Кейл. Вокруг него кружились тени.

— Такова цена, — сказал Васен надломленным голосом. — Оно выгорело.

— Что выгорело?

— Призвание, связь, — Васен сделал беспомощный жест. — Я не знаю, но его нет.

— Это так не работает, — сказал Кейл. — Оно по-прежнему там.

— Я не чувствую, — ответил Васен.

— Почувствуешь.

Васен покачал головой, посмотрел на Орсина. Он похлопал теневого ходока по щекам, легонько его встряхнул.

— Орсин. Орсин.

Ходок открыл глаза.

— Ты в порядке? — спросил Васен.

— Кажется... да, — отозвался Орсин. — Всё кончилось?

— Кончилось, — подтвердил Кейл, и они с Васеном поставили Орсина на ноги.

— Где Ривен? — спросил Орсин.

Кейл легко улыбнулся, тени забурлили вокруг.

— Ривен... ушёл. Теперь он Маск. Или Маск это Ривен. Не знаю.

Орсин вцепился в свой священный символ и зашептал молитву владыке теней.

Кейл, сказал Магадон. Я не доберусь. Источник почти мёртв. Саккорс падает.

Всё в порядке, Магз. Ты сделал достаточно. Убирайся оттуда. Всё кончено.

Но ничего не кончилось.

Стон позади заставил их всех обернуться. Ривален стоял на подкашивающихся ногах. Ночной провидец уже не был богом, а стал простым человеком. Его золотые глаза смотрели на крошечное, сдувшееся искажение, оставшееся от ока Шар.

— Не может этого быть, — сказал он.

И тогда Кейл увидел. Вокруг Ривалена не было теней. Свет Васена лишил его их, по крайней мере на время.

Герак достал стрелу и натянул тетиву. Орсин принял боевую стойку и тени охватили его кулаки. Васен и Кейл шагнули к Ривалену, Кейл сжимал зазубренный обломок Клинка Пряжи.

Бреннус идёт за Риваленом, Эревис, передал Магадон. Не вмешивайтесь.

Что?

Магадон не ответил, но Кейл поверил ему на слово. Он поднял руку, чтобы остановить Герака от выстрела.

— Я по-прежнему ночной провидец, — сказал Ривален, сверкая на них своими золотыми глазами.

Тени вокруг него потемнели, из них возник второй шадовар и схватил Ривалена. Он был ниже, более стройного сложения, с глазами цвета стали.

— Нет. Ты убийца. И теперь ты мой.

— Бреннус! — воскликнул Ривален.

Тени взметнулись, и они оба исчезли.

* * *

Источник едва осознавал присутствие Магадона. Его свет почти угас. Они находились где-то в вихре над Ордулином. Когда Источник окончательно погибнет, город рухнет с небес.

Мне нужно уходить, сказал Магадон. Спасибо за всё. Отдыхай, моя прелесть.

Источник его не слышал.

Магадон послал источнику чувство уюта, приязни, в последний раз зачерпнул его силу и переместил себя на площадь, которую он видел глазами Кейла.

* * *

— Магз!

Тифлинг отрастил свои волосы и рога. Его змеиные глаза, полностью белые, кроме зрачков, сверкнули в улыбке.

— Эревис!

Они обнялись.

— Ты отрастил волосы, — сказал ему Кейл.

Магз глянул на лысину Кейла.

— А ты нет. И нам нужно уходить. Прямо сейчас.

— Да, — согласился Кейл.

За спиной Магза, в сумрачном небе Кейл увидел, как гора Саккорса несётся к земле. Ордулин будет стёрт в порошок.

Орсин провёл своим посохом по земле^[1], начертив линию на камнях площади.

— Новое начало, — сказал он.

Кейл кивнул.

— Посмотрим, что оно принесёт.

Он призвал к ним тени вихря и забрал их из Ордулина.

* * *

Бреннус стоял позади Ривалена, удерживая брата за руки. В руке он держал ожерелье матери, крепко прижав его к телу Ривалена. Они оба смотрели на падающий на них Саккорс. Ривален боролся, но его слишком сильно ослабили. Он не мог вырваться из хватки Бреннуса.

Бреннус прошептал на ухо брату:

— Мы подняли Саккорс из моря, ты и я. И теперь мы стоим под ним, пока он падает. Подумай о матери, пока будешь умирать, Ривален. Она стала инструментом твоего падения.

— Не надо, Бреннус. Не надо.

Бреннус улыбнулся, пока Саккорс падал. Тени кипели вокруг них.

— Это сделано, — сказал он. — Твоя горечь — сладкий нектар... для меня.

Ривален протестующе закричал, когда гора обрушилась на них. Бреннус только ухмылялся.

Герак шагал по мощёным улицам Дэрлуна, опустив под дождём голову. Повсюду были солдаты — расхаживали по улицам, набивались в гостиницы. Может, Саккорс и рухнул, но войска Шадовар и Сембии продолжали маршировать, и Дэрлун готовился отразить нападение.

Герак уже давно не бывал в Дэрлуне, и на тесных улицах ему было неуютно. Он пообещал Васену и Орсину встретиться с ними здесь, но прошла уже большая часть десятидневки, а весточки от них по-прежнему не было. Может быть, это было и к лучшему. Он не знал, хочет ли продолжения всего этого. То, что он видел...

Слухи пожаром расходились среди населения Дэрлуна, подпитываемые шарлатанами, прорицателями и теми, кто продавал информацию за звонкую монету.

— Что-то ужасное случилось в Ордулине, — говорили одни. — Грядёт вторая Буря Теней, на этот раз в Кормире.

— Саккорс упал.

— Шар ходит по Торилу, — заявляли другие.

— Нет, — возражали третьи. — Маск переродился.

— Нет, вы ошибаетесь, — вмешивались четвёртые. — Маск никогда не умирал.

Герак никогда никого не поправлял. Девять адских кругов, он был там и до сих пор не знал, чему стал свидетелем. Он только знал, что это было слишком. С тех пор он проводил своё время в различных общих комнатах в окрестностях Дэрлуна, выпивая и пытаясь не думать об увиденном, о том, где он бывал. У него было предчувствие, что увиденное в Ордулине — это только начало, и что Торилу ещё предстоят неприятные деньки.

Ему и самому предстояли неприятные деньки. Фэйрелма больше не было, Элли больше не было, их ребёнок больше не было. И он... он не знал, что делать. У него не было семьи, не было дома, не было ничего, кроме следующей кружки эля и пьяного сна без сновидений. Он считал Васена и Орсина товарищами, даже друзьями, но эти двое обладали уникальной связью, и он знал, что никогда не сможет её разделить.

Дождь превратился в мелкую морось. Он хлюпал по грязи, прокладывая путь между фургонами и пешеходами в капюшонах. Впереди он увидел раскрашенную деревянную вывеску, качавшуюся на ветру. «Дно кружки», гласила она. Его тип пивной. Ему нужно было побриться и принять ванну, но сначала нужно было выпить.

Он полез в карман штанов, пересчитал оставшиеся там медные и серебряные монеты. В кармане звенело достаточно металла, чтобы продержаться ещё несколько дней. Он ускорил шаг, направляясь к таверне.

От раздавшегося из переулка сбоку голоса он застыл, как вкопанный.

— Герак.

Герак обернулся, моргнул, по коже пробежали мурашки. У входа в переулок стоял Ривен. На нём был его плащ, его сабли, его ухмылка, его козлиная бородка, и его присутствие затмевало собой всю остальную улицу. Переулок позади него погрузился в глубокую тень, такую тёмную, что Герак ничего в ней не видел.

Ривен окинул его понимающим взглядом единственного глаза и пустой глазницы.

— Куда направляешься?

Герак оглянулся вокруг. Никто, казалось, не замечал присутствия бога. Он подошёл к

Ривену, осторожно, как мог подойти к опасному животному.

— Чего тебе нужно? — спросил он.

— Ты паршиво выглядишь.

— Я в порядке. Просто собирался опрокинуть стаканчик, вот и всё.

Ривен ухмыльнулся.

— Судя по твоему виду, не первый.

— Может и так, — отозвался Герак. — Тебе-то что? Бог явился читать мне лекции о моих привычках?

Задним числом он осознал, что огрызается на перерождённого бога: перед ним стоял Маск.

— Мне знакомы эти привычки, — ответил Ривен. — Ты только что сделал большое дело, видел разные чудеса, так? Но теперь всё кончилось. И у тебя нет ни семьи, ни дома, куда можно было бы вернуться. Ты чувствуешь себя одиноким, пустым. Нет даже тех, кого ты мог бы назвать друзьями, по крайней мере, хорошими друзьями.

Герак запротестовал, но Ривен поднял руку и кивнул, обрывая его.

— Я знаю. Ты хочешь сказать, что Васен и Орсин — твои друзья, и ты прав. Но ты знаешь, как обстоят дела. Эти двое, они как братья. А ты — как появляющийся время от времени дальний родственник. Они рады тебе, но ты им не нужен. Ведь так?

— Думаю, примерно так, да. Знакомо?

Ривен кивнул.

— Да, я знаю, каково это. И когда дела обстоят таким образом, когда у тебя нет никого, днище пустой кружки для эля кажется хорошим другом. Это путь, на который ты встал. Ты же видишь сам.

Герак не ответил, но он видел это. Прекрасно видел.

— Знаешь, что спасло от этого меня?

Герак слышал какое-то движение в тенях позади Ривена, тихое ворчание. Он сразу же узнал его. Девочки Ривена вышли из тени, встав по бокам от хозяина. Они заморгали от естественного света первичного плана, задрали носы к непривычным запахам, которых, должно быть, не чувствовали уже несколько десятков лет. Настроение Герака сразу же улучшилось. Он опустился на колени и протянул руку. Собаки посмотрели на Ривена, как будто спрашивая разрешения.

— Давайте, — сказал Ривен, и они подошли к Гераку, принялись облизывать его руки. Он погладил их по бокам, потрепал по мордам.

— Хорошие девочки, — сказал Герак. — Хорошие девочки.

— Они не могут пойти со мной, — сказал Ривен, и Герак сделал вид, что не слышит надрыва в его голосе. — И даже если бы могли...

Герак посмотрел на Ривена.

— Ты хочешь, чтобы я?

Ривен не отрывал взгляда от своих девочек. Тени кружились вокруг них. Он кивнул один раз.

— Не знаю, сколько им осталось, но хочу, чтобы они провели как можно больше времени на солнце, у себя дома, не у меня.

Герак опустил взгляд, услышав это. Его глаза увлажнились.

— Их дом — рядом с тобой.

— Больше нет, — отозвался Ривен. — Теперь он с тобой. Позаботься о них, стань для

них домом, и они станут домом для тебя. Никаких больше кружек с элем. Не разочаруй меня, Герак. Я буду следить.

— Не разочарую, — с улыбкой ответил следопыт, почёсывая собак.

— Прощайте, девочки. Вы спасли меня, и вас люблю.

Долгий миг Герак молчал. Наконец, он поднял взгляд и спросил:

— Как их зовут?

Но Ривен уже исчез.

* * *

Орсин оставил Васена и Эревиса, чтобы в одиночестве поговорить со своим богом. Он выбрал путь через долину Розы, следуя по тому же пути, по какому когда-то провёл их Васен, пока не оказался перед тёмными водами теневого озера. Над Сембией по-прежнему висел саван мрака, которым заволокли небо Шадовар, но в нём появились прорехи, красные линии лучей заходящего солнца. Долина и воды озера были опутаны тенью. Высокие сосны позади него шептались под лёгким ветерком. Жужжали насекомые.

Орсин чувствовал, как прожитые им жизни сливаются с нынешней, как будто все они были прелюдией к этой, к его финалу. Его народ верил, что душа перерождается снова и снова в разное время и в разных мирах в попытке улучшить себя или достичь своей цели. Возможно, дух Орсина наконец достиг своей цели, когда помог Васену в его битве. Он с трудом мог представить свои следующие жизни, и уж точно не мог представить себе жизнь более насыщенную.

В прежние дни он поклонялся мёртвому богу. Но бог переродился у него на глазах. Орсин был паствой из одного человека, но теперь долго это продлится.

Он вытащил священный символ из-под рубахи и поднял его в одной руке. Диск казался тёплым, живым. Он шагнул в тень сосны, на краю тенистого озера, и своим посохом начертил молитвенный круг. Он опустился на колени и стал молиться.

— Владыка теней, — произнёс он. — Услышь мои слова.

Потрясение сменилось улыбкой, когда он слышал в голове голос Ривена.

Ладно, теневой ходок, только встань сперва с растрепанных колен.

* * *

Сложив руки за спиной, Теламонт Тантул смотрел на Тултантар из стеклостального окна. Анклав одиноко парил в небе империи. Надежды Ривалена подняли Саккорс из глубин Внутреннего моря, а его амбиции и нигилизм обрушили город на землю.

Империя потеряла город, но Теламонт потерял двух сыновей. За последние две тысячи лет он плакал лишь дважды. Первый раз — когда узнал о смерти Алашар, а второй — когда узнал, что её убийцей был его собственный сын.

Снаружи поднимались из мрака башни, купола и крыши Тултантара.

— Я не знаю, что ждёт нас в будущем, Хадрун, — сказал он через плечо.

Его самый доверенный советник прочистил горло.

— Ваше всевышество?

— Мир изменился и продолжает меняться. Наше влияние становится всё меньше. И я потерял двух своих сыновей.

— Да, ваше всевышество. Продолжать ли нам... программу с Избранными?

Теламонт вздохнул, кивнул.

— Да. Берите в плен любых Избранных. Допрашивайте всех. Кто-то должен что-то знать. В любом случае, думаю, их сила пригодится нам, когда мы лучше разберёмся в происходящем.

— Кажется, в текущих событиях замешаны сами боги.

— В самом деле, Хадрун.

Шадовар ещё не возвратились на Торил, когда случилось так называемое Смутное время, когда боги ходили по земле, а весь божественный порядок был нарушен и изменён. Теламонт боялся, что скоро произойдут похожие изменения. Он боролся, чтобы сохранить империю во время подобных смут.

— Ваше всевышество, — произнёс неестественным и неловким тоном Хадрун. — Есть ещё кое-что. Это... немного странно.

Теламонт повернулся к советнику.

Хадрун стоял у дверей, глубоко в тени, его мерцающие глаза казались стальными звёздами на тёмном созвездии его лица.

— Что такое, Хадрун?

Две мелких, лысых серых головы высунулись из плаща Хадруна, настороженно подняв крохотные ушки. Они с ужасом поглядели на Теламонта, но за пеленой страха их глаза казались удивительно грустными.

Теламонт застыл. Тени закипели вокруг него.

— Это...?

Хадрун кивнул.

— Да, ваше всевышество. Конструкты принца Бреннуса. Они должны были погибнуть, когда... погиб он. Я не могу этого объяснить.

— Мы потерялись, — сказали гомункулы своими высокими голосками.

— И я тоже, — сказал Теламонт.

— Простите, ваше всевышество, — сказал Хадрун, запихивая гомункулов обратно в плащ. Те протестующе взвизгнули. — Я не должен был вас этим беспокоить.

— Нет, ты правильно сделал, — сказал Теламонт. — Оставь их.

— Ваше всевышество?

— Оставь их у меня, Хадрун. Что-то неясно?

— Нет, ваше всевышество. Разумеется. Кыш! — сказал он гомункулам и вытряхнул их из своего плаща.

Они упали на пол и съёжились, каждый уцепился одной ручонкой за плащ Хадруна, со страхом глядя на Теламонта.

— На этом всё, Хадрун.

— Конечно, ваше всевышество.

Когда Хадрун ушёл, гомункулы прижались друг к другу, обнялись и задрожали.

— Ваше всевышество будет делать нам больно?

— Нет, — мягко сказал Теламонт. Он опустил руку и протянул руку, точно так же, как Алашар протягивала руку Ривалену. — Пойдём. Возьмите меня за руку. Всё хорошо.

Они пересекли гладкий пол осторожными перебежками и шажками, раздувая ноздри,

настороженно посматривая на Теламонта. Когда они подошли, Теламонт осторожно провёл пальцем по голове каждого. Они расслабились и заурчали.

— Вашим хозяином был мой сын, — произнёс Теламонт. — Он сотворил вас. Любил вас, наверное.

— Хозяин любил нас, — повторили они, кивнули. — Он скоро вернётся?

Глаза Теламонта увлажнились в третий раз за всё время, что он помнил.

— Нет. Он уже не вернётся.

* * *

Кейл опустился на траву перед простым надгробьем Варры. Её имя было вырезано на плите из известняка под изображением рассвета. Перед камнем лежала увядшая орхидея.

Тени потекли с кожи Кейла, когда он вспомнил последние проведённые с ней мгновения. Он вспомнил запах её волос, чувство её гладкой кожи под своими руками, её вес на своём теле. Той ночью они зачали Васена.

Он провёл кончиками пальцев по холодной известняковой плите.

— Мне жаль, — прошептал он.

Он почувствовал на себе взгляд Васена. Его сына. Их сына.

— Я не должен был её покидать, — сказал через плечо Кейл. — Я вернулся позже, но было слишком поздно. Она пропала.

— Ты сделал то, что должен был, то, что считал правильным. Здесь нет места сожалениям.

— Везде есть место сожалениям, — отозвался Кейл. — Как она умерла?

Васен откашлялся.

— Она принесла себя в жертву ради меня. Но она умерла любимой. И не в одиночестве.

— Я рад.

— Я совсем не знал её, — сказал Васен. — Никто ничего о ней не знал, и она погибла, прежде чем успела что-то рассказать. Но она говорила о тебе.

— Откуда ты знаешь?

— Мой о... Деррег рассказал мне.

Кейл кивнул. В его глазах выступили слёзы, потекли по лицу. Он вспомнил первый раз, когда встретил Варру, в тёмной таверне в Порту Черепа.

— Когда-нибудь я расскажу тебе о ней, — сказал Кейл. — Только... не сейчас.

— Конечно, — сказал Васен, переступив с ноги на ногу.

Кейл посмотрел на надгробье рядом с могилой Варры, где лежала вторая увядшая орхидея. Высеченная на камне надпись гласила «Деррег, сын Регга».

— Тебя вырастил Деррег? — спросил Кейл.

— Да, он, — ответил Васен, и Кейл услышал гордость в голосе сына.

— Я знал Регга, — сказал Кейл.

— Знаю.

— Я поблагодарил бы Деррега, если бы мог.

Кейл услышал улыбку в голосе Васена.

— Он был не таким человеком, чтобы требовать благодарности за правильные поступки.

Кейл тоже улыбнулся.

— Значит, он в самом деле был сыном Регга.

Кейл в последний раз провёл пальцами по надгробью Варры и встал.

— Нужно идти.

— Куда? Что дальше? Кейл посмотрел сыну в глаза и улыбнулся.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Примечания

В прошлой главе Орсин свой посох сломал. Ошибка автора.